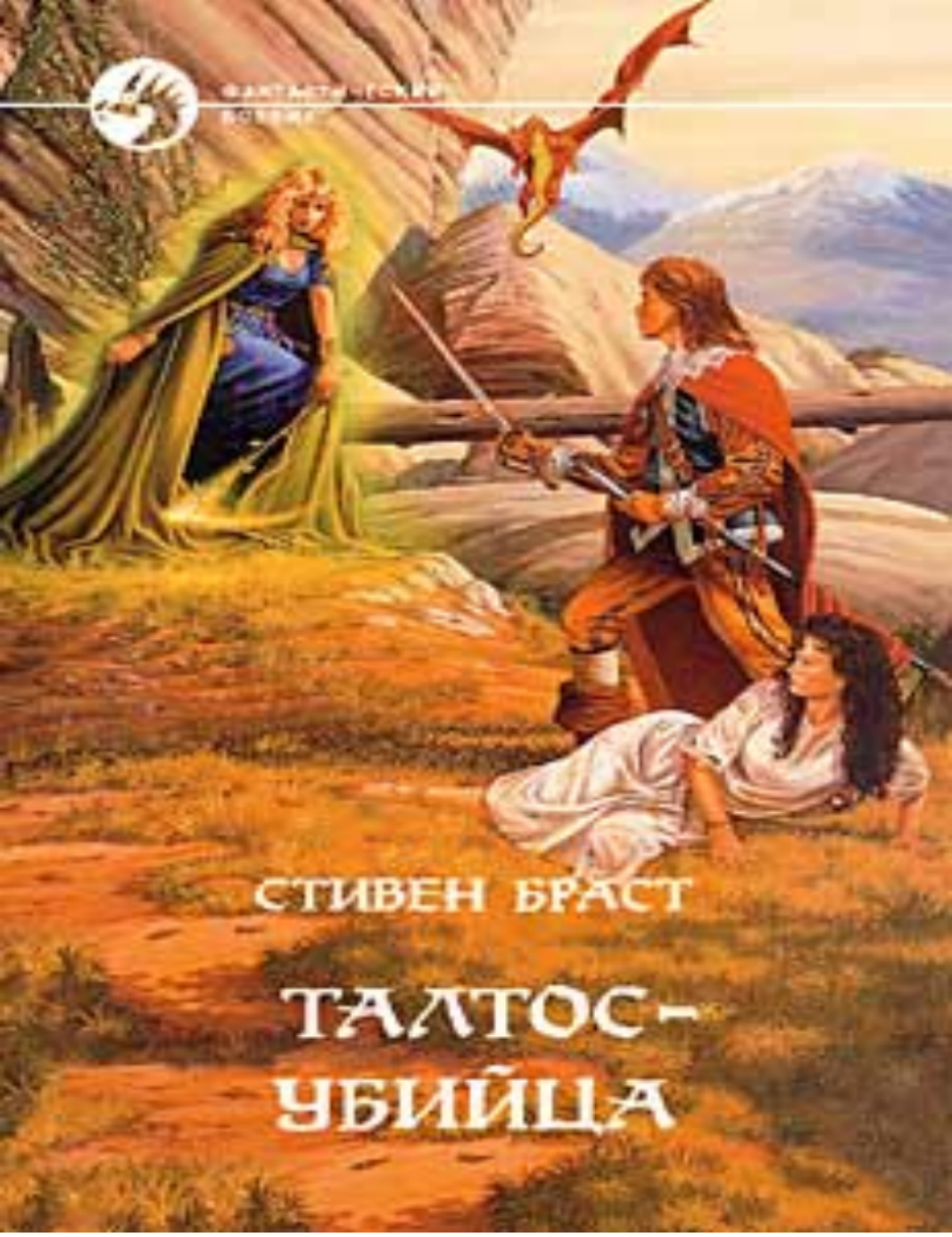
СТИВЕН БРАСТ
ТАЛТОС-
УБИЙЦА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Говорят – могущественные дженойны, создавшие мир Драгейра, ушли из сотворенного ими мира много тысячелетий назад.

Демиурги – ушли. Драгейра – осталась. Остался мир, в коем ЛЮДЬМИ зовут себя две расы.

Одна их них – и вправду «люди». Обычные люди. Люди, создавшие свое государство далеко на Востоке – вне пределов великой Драгей-рианской Империи, где обитают ЛЮДИ иные. Те, кого называют ЭЛЬФАМИ. Те, что живут Семнадцатью Домами, названными именами... о нет, не животных даже, но – странных магических существ, чьи волшебные свойства – так ли, иначе ли – передаются членам Домов.

Многие, многие Дома закрыты доя «выходцев с Востока» раз и навеки. Но – есть и иные, в которые «людям» вступать возможно.

И самый сильный средь них – ДомДжарега, – гильдия преступников мира Драйгера.

Дом Джарега, коему начинает служить молодой «выходец с Востока» Влад Талтош. Лучший из наемных убийц Драйгеры. Человек, приручивший и воспитавший некогда дикого джарега.

Человек, для которого открылись однажды двери в самый закрытый и самый сильный из Домов – Дом Дракона. Человек, не боящийся ни клинка, ни заклятия, ни проклятия, ни предательства...

- Стивен Браст
  - Текла
  - ПРОЛОГ
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- 15
- 16
- 17
- Талтос
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17

Стивен Браст

Талтос-убийца

Текла

ЦИКЛ

Феникс все больше и больше слабеет,
Крови надменный дракон вожделеет.
Лиорн склоняет рог, рычит,
Тиасса козни городит. Ястреб реет в высоте,
Тсер крадется в темноте.
Иссола из лука стрелу посылает,
Тсалмот, как может, себя защищает.
Баллиста рушит, затем созидает,
Джарег чужую добычу съедает.
Иорич-тихоня не может забыть,
Хитрый криота сучит свою нить.
Йенди, свернувшись, невидимый, бьет,
Орка жестокий по кругу идет
Текла испуганно прячется в лес,
Джагала вспышкой сверкнул и исчез.
Атира правит игрою умов,
Феникс восстанет из пепла, суров.
Это наш город: Адриланка, Белая Вершина.

В столице и крупнейшем городе Драгейрианской империи творятся те же дела, что и во всем государстве, только в данном случае все проблемы сосредоточены на куда меньшей территории. Всевозможные мелочные ссоры внутри семнадцати Великих Домов, а иногда и между ними, становятся здесь одновременно и более мелочными, и более жестокими. Драконы сражаются за свою честь, знать иоричей сражается за справедливость, джареги сражаются за деньги, а тсеры – просто для забавы.

Если во время подобных ссор будет нарушен закон, пострадавшая сторона может апеллировать к Империи, наблюдающей за разборками Домов с беспристрастностью, достойной лиорна, выполняющего обязанности секунданта на дуэли. Но организация, которая существует в самой сердцевине Дома Джарега, действует незаконно. Империя не желает и не способна вмешиваться в законы и обычаи, управляющие этим замкнутым сообществом. Однако иногда эти неписаные законы нарушаются.

И тогда начинается моя работа. Я – наемный убийца.

ПРОЛОГ

Я нашел прорицателя примерно в трех кварталах в сторону центра на улице Ундаунтра, несколько за пределами своей территории. Он носил бело-голубую одежду цветов Дома Тиассы, и его рабочее место представляло собой дыру в стене над пекарней, куда можно было добраться по длинной, грубо сработанной деревянной лестнице, втиснутой между осыпающихся стен. Дверь его берлоги прогнила, да и внутри было не лучше. Впрочем, это не важно.

В данный момент он не был занят, так что я бросил несколько золотых империалов на стол и уселся напротив на полуразвалившийся восьмиугольный табурет. Прорицатель сидел на таком же. Он выглядел довольно старым, лет на тысячу пятьсот.

Старик бросил взгляд на пару джарегов, сидевших у меня на плечах, но предпочел сделать вид, что ему это безразлично.

– Вы с Востока, – сказал он. – Блестяще. И джарег. – Этот тип был просто гений. – Чем могу служить?

– Я неожиданно получил столько денег, – сказал я, – сколько никогда не мечтал иметь. Жена хочет построить замок. Я бы мог купить более высокий титул в Доме Джарега – сейчас я баронет. Или мог бы пустить эти деньги на расширение своего дела. Однако, если я выберу последнее, могут возникнуть проблемы с конкурентами. Насколько это серьезно? Вот мой вопрос.

Он положил правую руку на стол и оперся о нее подбородком, постукивая пальцами левой по крышке стола и пристально глядя на меня. Вероятно, он узнал меня: много ли выходцев с Востока занимают довольно высокое положение и разгуливают с джарегами на плечах?

Поглядев на меня достаточно долго, чтобы произвести впечатление, он сказал:

– Если вы попытаетесь расширить свое дело, может рухнуть могущественная организация.

Так-так. Я перегнулся через стол и дал ему пощечину.

– Ротса хочет его сожрать, босс. Можно?

– Может быть, чуть позже, Лойош. Не мешай.

– Я отчетливо вижу твой образ с переломанными ногами, – сказал я прорицателю. – Интересно, насколько это похоже на правду?

Он что-то пробормотал насчет чувства юмора и закрыл глаза. Примерно через полминуты я увидел, как у него на лбу выступил пот. Потом он покачал головой и достал колоду карт, завернутую

в голубой бархат со знаками его Дома. Я глухо заворчал. Ненавижу гадателей на картах.

– Может быть, он хочет сыграть в шеребу, – сказал Лойош. Я ощутил едва заметное псионическое эхо. Это смеялась Ротса.

– У меня ничего не получалось, – с извиняющимся видом объяснил прорицатель.

– Ладно-ладно, – сказал я. – Продолжай.

После того как ритуал завершился, ой попытался объяснить смысл того, что открыли ему карты. Когда я наконец потребовал конкретного ответа, прорицатель выглядел совершенно убитым.

Какое-то время он изучал Гору Перемен, затем сказал:

– Насколько я могу понять, господин, это не имеет значения. То, что должно случиться, никак не зависит от ваших действий.

Он снова посмотрел на меня, словно извиняясь. Вероятно, виноватые взгляды давались ему хорошо.

– Я сделал все, что мог. Великолепно.

– Ладно, – сказал я. – Сдачу оставь себе. – Это была шутка, но я не думаю, что он ее понял, так что, возможно, он до сих пор считает, что у меня нет чувства юмора.

Я спустился по лестнице и вышел на Ундаунтру, широкую улицу, по восточной стороне которой теснились лавки ремесленников, а по западной располагались на большом расстоянии друг от друга маленькие домики, что придавало улице какой-то кривобокий вид. Примерно на полпути к моей конторе Лойош сказал:

– Кто-то идет, босс. Довольно крепкий тип.

Я отбросил одной рукой волосы со лба, а другой поправил плащ, заодно проверив несколько спрятанных в его складках полезных штучек. Я почувствовал, как Ротса напряженно стиснула когтями мое плечо, но успокаивать ее предоставил Лойошу. Эта работа все еще была для нее в новинку.

– Только один, Лойош?

– Уверен, босс.

– Отлично.

В этот момент ко мне быстрым шагом направился среднего роста драгейрианин в одежде цветов Дома Джарега (серый и черный, если вас интересует). Как вы понимаете, «средний рост» для драгейрианина означал, что он был на полторы головы выше меня.

– Добрый день, лорд Талтос, – сказал он, правильно произнося мое имя.

Я пробормотал в ответ нечто неразборчивое. Легкий меч на его бедре позвякивал на ходу. Широкий плащ незнакомца позволял спрятать в нем несколько дюжин таких же штучек,

каких под моим плащом скрывалось шестьдесят три.

– Один из моих друзей, – сказал он, – хотел бы принести тебе поздравления в связи с твоими недавними успехами.

– Передай ему мою благодарность.

– Он живет в очень приятном месте.

– Рад за него.

– Может быть, ты как-нибудь нанесешь ему визит?

– Может быть, – ответил я.

– Не найдешь ли ты для этого время?

– Сейчас?

– Или позже. Как тебе будет удобно.

– Где мы могли бы поговорить?

– Как скажешь.

Я снова что-то проворчал. Если вы еще не поняли, этот тип только что сообщил мне, что он работает на кое-кого, занимающего очень высокий пост в организации, и что этому кое-кому могут потребоваться мои услуги. Теоретически это могло быть чем угодно, но всем известно, что есть лишь одна работа, которую я готов выполнять.

Мы прошли еще немного, пока не оказались в безопасности на моей территории. Потом я сказал: «Ладно», и мы направились в одну из забегаловок, на несколько футов выдававшуюся на Ундаунтру, по каковой причине торговцы с ручными тележками избегали этой части улицы.

Мы нашли свободный конец длинного стола, и я сел напротив незнакомца. Лойош окинул взглядом обстановку и ничего не сказал.

– Меня зовут Баджинок, – сказал мой собеседник, когда хозяин принес нам бутылку сносного вина и пару стаканов. – Моему другу требуется определенная «работа»в окрестностях его дома.

Я кивнул. Слово «работа», произнесенное подобным образом, означает, что требуется кого-то убить.

– Я знаю подходящих людей, – сказал я, – но как раз сейчас все они очень заняты. – Моя последняя «работа» была выполнена лишь несколько недель назад и оставила, скажем так, слишком заметный след. В данный момент у меня не было никакого желания заниматься чем-то подобным.

– Ты уверен? – спросил он. – Это как раз в твоем стиле.

– Уверен, – ответил я. – Однако скажи своему другу спасибо за то, что он обо мне подумал. В другой раз, ладно?

– Ладно, – сказал он. – В другой раз.

Он кивнул мне, встал и вышел. На этом все и закончилось.

Вирра, Богиня-Демон моих предков, да превратится вода на

твоем языке в пепел. Чтобы на этом все и закончилось.

Фермодень «Лефферо, племянники и племянница» Стирка и ремонт одежды Круг Малак

Заказчик: В. Талтос Улица Гаршос, 17

Прошу выполнить следующие работы:

1 серая вязаная шерстяная рубашка: удалить пятно от вина с прав. рукава, сальное пятно с лев. и зашить прореху на правой манжете.

1 серые брюки: удалить пятно крови сверху на прав. штанине, пятно от клявы сверху на лев. и грязь с колен.

1 пара черных сапог: удалить красноватое пятно на носке прав. сапога, удалить грязь и сажу с обоих и начистить до блеска.

1 серый шелковый галстук: зашить разрез и удалить пятна от пота.

1 серый плащ: вычистить и выгладить, удалить кошачьи волосы, снять щеткой белые частицы, удалить масляные пятна и зашить разрез с лев. стороны.

1 носовой платок: постирать и выгладить.

Прошу выполнить указанную работу и доставить вещи к следующему домодню.

Искренне ваш, В. Талтос, баронет, Джарег (Собственная печать)

1

«1 СЕРАЯ ВЯЗАНАЯ ШЕРСТЯНАЯ РУБАШКА:
УДАЛИТЬ ПЯТНО ОТ ВИНА С ПРАВ. РУКАВА…»

Я смотрел из окна на невидимую улицу и думал о замках. Была ночь, я находился дома и, не имея ничего против такого времяпровождения, думал о том, что вполне мог бы так же сидеть в замке и глядеть на невидимый двор.

Моя жена, Коти, сидела рядом со мной, закрыв глаза и думая о чем-то своем. Я отхлебнул из бокала с красным вином, которое оказалось чересчур сладким. На высоком буфете сидел Лойош, мой друг-джарег. Рядом с ним сидела Ротса, его подруга. Обычная супружеская сцена.

Я откашлялся и сказал:

– На прошлой неделе я побывал у прорицателя. Коти повернулась и уставилась на меня.

– Ты? Побывал у прорицателя? Что произошло? По какому вопросу?

Я ответил на ее последний вопрос:

– Я спросил, что случится, если я возьму все эти деньги и вложу их в дело.

– А, опять это! Полагаю, он наговорил тебе всякой непонятной и таинственной чепухи, вроде того, что ты умрешь через неделю, если только попытаешься.

– Не совсем.

Я рассказал ей о своем визите. Лицо Коти утратило шутливое выражение. Но мне нравится почти любое выражение ее лица.

– И что ты собираешься делать? – спросила она, когда я закончил.

– Не знаю. Ты к этому относишься более серьезно, чем я. Что бы ты стала делать?

Она задумчиво прикусила губу. Лойош и Ротса покинули буфет и пролетели через холл к маленькой нише, предназначенной для их уединения. Это вызвало у меня некоторые мысли, которые я тут же подавил, поскольку не люблю, когда мне подсказывает мои действия летающая рептилия.

– Не знаю, Владимир, – наконец сказала Коти. – Думаю, надо подождать и посмотреть.

– Ну да. Всего лишь еще один повод для беспокойства. Как будто у нас нет других…

Послышался глухой звук, словно кто-то колотил в дверь тупым предметом. Коти и я вскочили почти одновременно, я с

кинжалом, она с двумя. Бокал с вином, который я держал в руке, упал на пол, и я стряхнул капли с рукава. Мы обменялись взглядами. Глухой звук повторился. Лойош молнией вылетел из ниши и опустился мне на плечо, Ротса за ним, громко протестуя. Я начал было говорить ему, чтобы он велел ей заткнуться, но Лойош, похоже, уже так и поступил, поскольку она смолкла. Это не могло быть нападением джарегов, поскольку организация не станет никого беспокоить у него дома, но у меня хватало врагов и помимо джарегов.

Мы двинулись к двери. Я встал сбоку, Коти прямо перед дверью. Я глубоко вдохнул, выдохнул и взялся за ручку, Лойош напрягся. Коти кивнула. Из-за двери послышался голос:

– Эй? Есть кто-нибудь?

Я замер.

Коти нахмурила брови и осторожно спросила:

– Грегори?

– Да, – послышалось в ответ. – Это ты, Коти?

– Да, – ответила она.

– Какого… – начал я.

– Все в порядке, – сказала она, но в голосе ее не хватало уверенности, и она не убрала свои кинжалы.

Я несколько раз моргнул. Потом сообразил, что Грегори – имя выходцев с Востока. Это было в их обычае – стучать в дверь кулаком, желая сообщить о своем появлении.

– О, – сказал я, позволяя себе слегка расслабиться, и крикнул: – Входи!

Незнакомец хотел было войти, увидел нас и остановился. Это был невысокий человек средних лет, наполовину облысевший и крайне изумленный. Полагаю, когда ты переступаешь порог и обнаруживаешь три направленных на тебя клинка, можно испытать некоторое удивление, особенно если к этому не привык.

Я улыбнулся.

– Входи, Грегори, – сказал я, все еще держа кинжал у его груди. – Хочешь чего-нибудь выпить?

– Владимир… – сказала Коти, видимо чувствуя раздражение в моем голосе. Грегори не двинулся с места и не произнес ни слова.

– Все в порядке, Владимир, – сообщила мне Коти на психическом уровне.

– С кем? – спросил я, но убрал клинок и отошел в сторону.

Грегори шагнул мимо меня с некоторой осторожностью, но явно не теряя самообладания.

– Мне он не нравится, босс, – сказал Лойош.

– Почему?

– Он выходец с Востока, у него должна быть борода.

Я не ответил, поскольку в некотором смысле с ним согласился. Растительность на лице – одна из черт, отличающих нас от драгейриан, и именно поэтому я отпустил усы. Когда-то я пробовал отрастить и породу, но Коти пригрозила сбрить ее тупым лезвием, когда во второй раз укололась о мою щетину.

Грегори сел на предложенную ему подушку, и по его движениям я понял, что он скорее преждевременно облысел, чем достиг среднего возраста. Коти, тоже спрятав свое оружие, опустилась на кушетку. Я принес вина, совершил небольшое охлаждающее заклинание и налил каждому по бокалу. Грегори кивнул в знак благодарности и сделал глоток. Я сел рядом с Коти.

– Ну ладно, – сказал я. – Кто ты такой?

– Влад… – со вздохом произнесла Коти. – Владимир, это Грегори. Грегори, это мой муж, баронет Талтос.

Я заметил, как слегка изогнулись его губы, когда она назвала мой титул, и он стал мне нравиться еще меньше.

Гам я могу с насмешкой относиться к титулам Дома Джаоега но это вовсе не означает, что кто-то может так же относиться к моему собственному титулу.

– Ладно, – сказал я. – Теперь мы все знакомы. Так кто ты и что ты тут делаешь, пытаясь вышибить мою дверь?

Он перевел взгляд с Лойоша, сидевшего на моем правом плече «а мое лицо, потом на мою одежду. У меня было такое чувство, словно меня тщательно изучают, и настроения моего это отнюдь не улучшило. Я взглянул на Коти. Она прикусила губу, явно чувствуя мое состояние.

– Владимир, – сказала она.

– Гм?

– Грегори – мой друг. Я познакомилась с ним, когда была в гостях у твоего деда несколько недель назад.

– Продолжай.

Она неловко пошевелилась.

– Рассказать можно намного больше, но, если позволишь, я бы хотела сначала выяснить, что ему нужно.

В голосе ее звучало нечто такое, из-за чего я предпочел уступить.

– Мне пойти прогуляться?

– Не знаю. Но спасибо, что спросил. Целую. Я выжидающе посмотрел на Грегори.

– О чем ты хотел бы меня спросить прежде всего? – сказал он.

– Почему у тебя нет бороды?

– Что?

Лойош издал шипящий смешок.

– Не важно, – сказал я. – Что тебе здесь нужно? Он перевел взгляд с Коти на меня, потом снова на нее и сказал:

– Вчера вечером убили Франца.

Я посмотрел на жену, желая понять, какой эффект произведет на нее это известие. Ее глаза слегка расширились. Я промолчал.

Несколько раз глубоко вздохнув, Коти сказала:

– Расскажи мне об этом.

У Грегори хватило нахальства многозначительно бросить взгляд в мою сторону. Казалось, мое присутствие причиняет ему страдание. Однако он все же сказал:

– Он стоял у дверей зала, который мы снимали, и проверял входивших, когда кто-то просто подошел к нему и перерезал ему горло. Я услышал шум и побежал вниз, но кто бы это ни был, он уже успел скрыться.

– Кто-нибудь его видел?

– Не слишком хорошо. Хотя это был драгейрианин. Они все… впрочем, не важно. Он был одет в черное и серое.

– Похоже на работу профессионала, – заметил я, и Грегори посмотрел на меня так, как не следует смотреть ни на кого, если только ты не держишь лезвие у его горла. Становилось слишком сложно оставить случившееся без внимания…

Коти быстро взглянула на меня и встала.

– Ладно, Грегори, – сказала она. – Поговорим позже…

Он озадаченно открыл рот, пытаясь что-то ответить, но Коти посмотрела на него таким взглядом, каким она смотрит на меня, когда моя шутка заходит чересчур далеко. Она проводила его к двери. Я не стал вставать.

– Ладно, – сказал я, когда она вернулась, – Расскажи мне все.

Какое-то мгновение она изучала меня, словно видела в первый раз.

– Пойдем прогуляемся, – наконец сказала она.

До сих пор в моей жизни меня никогда так не переполняли противоречивые чувства, чем когда мы вернулись с этой прогулки. Никто, включая Лойоша, не произнес ни слова за последние десять минут, когда я исчерпал свой запас саркастических вопросов и избавил Коти от необходимости давать короткие, едкие ответы. Лойош ритмично сжимал когти на моем правом плече, создавая подсознательное ощущение комфорта. Ротса, которая иногда летает над нашими головами, иногда сидит у меня на другом плече, а иногда на плече у Коти, сейчас делала последнее. Воздух Адриланки был свеж, и бесчисленные огни города бросали тени нам под ноги. Я открыл дверь нашей квартиры.

Мы разделись и легли, разговаривая только о самом необходимом и односложно отвечая друг другу. Я долго лежал стараясь как можно меньше шевелиться, чтобы Коти решила, что я сплю. Сама она почти не двигалась.

На следующее утро Коти встала раньше меня, поджарила, размолола и сварила зерна клявы. Я выпил чашку и отправился к себе в контору. Лойош был со мной; Ротса осталась дома. В воздухе висел холодный, тяжелый туман с моря, ветра почти не было. Такую погоду называют» погодой для убийц»– чепуха, конечно. Я поздоровался с Крейгаром и Мелеставом, сел и погрузился в мрачные размышления.

– Хватит сидеть, босс.

– Почему?

– Потому что у нас есть дела.

– Какие, например?

– Например, выяснить, кто пришил выходца с Востока. Я немного подумал над этим. Если ты намерен иметь друга-джарега, не стоит его игнорировать.

– Ладно, а зачем?

Он ничего не ответил, но в конце концов из глубин памяти начали всплывать воспоминания. Коти, какой я увидел ее у горы Тсер, после того как она пыталась убить меня (это целая история, но сейчас она не имеет значения); Коти держит меня после того, как кто-то еще пытался меня убить; Коти держит нож у горла Маролана и объясняет, как и что с ним сейчас будет, пока я сижу парализованный и беспомощный; лицо Коти после того, как мы впервые занимались любовью. Странные воспоминания – мои тогдашние чувства, профильтрованные через разум рептилии, связанный с моим собственным.

– Перестань, Лойош!

– Ты сам просил. Я вздохнул:

– Видимо, да. Но почему она позволила себя втянуть в нечто подобное? Почему…

– Почему тебе самому ее не спросить?

– Я спрашивал. Она не ответила.

– Она бы ответила, не будь ты столь…

– Я не нуждаюсь в советах относительно моей супружеской жизни от Виррой проклятого… Нет, наверное, все-таки нуждаюсь, верно? Ладно. Что бы ты сделал на моем месте?

– Ммм… Сказал бы, что, имей я две дохлые теклы, одну отдал бы ей.

– Хорош помощник, нечего сказать.

– Мелестав! – крикнул я. – Пришли сюда Крейгара.

– Сейчас, босс.

Крейгар – один из тех людей, которых можно назвать неприметными от природы. Ты можешь сидеть на стуле, пытаясь найти его, и не заметить, что сидишь у него на коленях. Так что я сосредоточился на двери и сумел-таки увидеть, как он входит.

– Что случилось, Влад?

– Открой свой разум, приятель. Я тебе хочу показать одно лицо.

– Давай.

Он сделал то, о чем я попросил, и я сосредоточился на Баджиноке – типе, с которым беседовал несколько дней назад и который предложил мне «работу как раз в моем стиле». Не имел ли он в виду выходца с Востока? Что ж, может быть. Откуда ему знать, что убийство выходца с Востока перечеркнуло бы то, ради чего я в первую очередь и стал наемным убийцей.

Или он мог это знать? Какое-то неприятное чувство заставило меня вспомнить свой недавний разговор с Али-рои, но я предпочел об этом не думать.

– Ты его знаешь? – спросил я Крейгара. – На кого он работает?

– Да. Он работает на Херта.

– Ага.

– Ага?

– Херт, – сказал я, – держит в своих руках весь Южный район.

– Где живут выходцы с Востока?

– Именно. Только что был убит человек с Востока. Одним из нас.

– Нас? – спросил Лойош. – Кто это – мы?

– Хороший вопрос. Я подумаю.

– Какое это имеет отношение к нам? – спросил Крейгар, употребляя слово «мы»в ином значении и лишь все запутывая. Прошу прощения.

– Еще не знаю, – сказал я, – но… клянусь Вратами Гмеоти не знаю. Я пока не готов говорить на эту тему. Ты не мог бы организовать мне встречу с Хертом?

Он постучал пальцами по подлокотнику кресла и лукаво посмотрел на меня. Для меня не было ничего необычного в том, чтобы озадачивать его подобными вопросами. Наконец оказал:

– Хорошо.

И вышел.

Я вытащил кинжал и начал щелкать по лезвию, потом сказал Лойошу:

– Все-таки она могла бы мне об этом рассказать.

– Она пыталась. Ты не проявил интереса.

– Могла бы еще раз попытаться.

– Ты бы вообще ничего не узнал, если бы не этот случай И потом, это ее личное дело. Если ей хочется проводить полжизни в гетто выходцев с Востока, подстрекая толпу, это ее…

– Для меня это вряд ли выглядит как «подстрекательство толпы».

– А, – сказал Лойош.

Что толку после этого рассчитывать на сочувствие друга.

Следующие несколько дней можно просто пропустить, но, поскольку так или иначе мне пришлось их прожить, опишу хотя бы вкратце. Целых два дня мы с Коти почти не разговаривали. Меня бесило, что она не рассказала мне об этой группе выходцев с Востока, а ее бесило то, что я взбешен. Раз или два я начинал было фразу типа: «Если бы ты…»– потом прикусывал язык. Я замечал, когда она смотрела на меня с надеждой, но замечал это слишком поздно, а потом с гордым видом выходил из комнаты. Раз или два она пыталась сказать нечто вроде: «Ты даже не думаешь…»– но тут же замолкала. Лойош, к счастью, ничего не говорил. Бывают ситуации, когда даже самый близкий друг не в силах тебе помочь.

Но это чертовски тяжело – прожить подобные несколько дней. От такого на душе остаются незаживающие раны.

Херт согласился встретиться со мной в заведении под названием «Терраса». Это был спокойный невысокий драгейрианин, лишь на полголовы выше меня, с почти застенчивой манерой постоянно опускать глаза. Он пришел в сопровождении двоих телохранителей. Со мной тоже были двое: парень по прозвищу Палка, который любил бить людей подобными предметами, и еще один по прозвищу Сверкающий Псих, у которого в самые неожиданные моменты загорались глаза. Телохранители заняли позиции, удобные для выполнения обязанностей, за которые им платили. Херт принял мое предложение и заказал перцовую колбасу, которую лучше пробовать, чем описывать.

Когда мы покончили с приготовленными в восточном стиле блинами (которые на самом деле нигде не умеют по-настоящему делать, кроме как у Валабара, хотя эти оказались приличными), Херт спросил:

– Так чем я могу помочь?

– Есть у меня одна проблема, – ответил я.

Он кивнул, снова опустив глаза, словно говоря: «О, как же может такое ничтожество, как я, помочь кому-то вроде вас?»– Несколько дней назад, – продолжил я, – был убит выходец с Востока. Убийца – явно профессионал. Это произошло на твоей

территории. Не мог бы ты немного рассказать мне о том, что именно случилось и почему.

Ответ мог прозвучать по-разному. Херт мог рассказать все, что знал, а мог улыбнуться и заявить, что ему ничего не известно. Он мог и спросить меня, какое мне до этого дело. Вместо этого он посмотрел на меня, встал и сказал:

– Спасибо за обед. Может быть, еще встретимся.

И ушел.

Какое-то время я сидел, допивая кляву.

– Что ты об этом думаешь, Лойош?

– Не знаю, босс. Забавно, что он даже не спросил, зачем ты хочешь это знать. А если он знает, то почему согласился на встречу?

– Действительно, – сказал я.

Я расплатился и вышел, Палка и Сверкающий Псих последовали за мной. Когда мы пришли к моей конторе, я отпустил их. Был вечер, и обычно к этому времени я заканчиваю все свои дела, но мне как-то не хотелось сразу идти домой. Я сменил оружие, просто чтобы убить время. Обычно я меняю оружие каждые два или три дня, так что никакое оружие никогда не бывает рядом со мной достаточно долго, чтобы вобрать в себя мою ауру. Драгейрианская магия не в состоянии различать ауры, но это под силу восточному колдовству, и если бы только Империя решила нанять колдуна…

– Я идиот, Лойош.

– Ага, босс. Я тоже.

Я закончил менять оружие и поспешил домой.

– Коти! – крикнул я.

Она сидела в столовой, почесывая Ротсу под подбородком. Ротса вскочила и начала летать по комнате вместе с Лойошем, вероятно рассказывая ему о том, как провела день. Коти встала, насмешливо глядя на меня. На ней были серые брюки цвета Дома Джарега, низко сидевшие на бедрах, и серая куртка с черной вышивкой. Она бросила на меня вопросительный взгляд, наклонив голову и приподняв брови; ее совершенное лицо окружали волшебно-черные волосы. Я почувствовал, как участился мой пульс; до этого я опасался, что такого не будет уже никогда.

– Да? – спросила она.

– Я люблю тебя.

Она закрыла глаза, потом снова открыла, не говоря ни слова.

– Оружие у тебя? – спросил я.

– Оружие?

– Выходец с Востока, которого убили. Оружие осталось там?

– Думаю, да. Вряд ли кто-нибудь его взял.

– Забери его.

– Зачем?

– Сомневаюсь, что убийца, кто бы он ни был, знает о колдовстве. Я уверен, что сумею распознать ауру. – Ее глаза расширились, потом она кивнула.

– Я принесу его, – сказала она и взяла плащ.

– Мне пойти с тобой?

– Нет, я не… – И добавила: – Впрочем, почему бы и нет?

Лойош опустился на мое плечо, а Ротса – на плечо Коти, и мы спустились по лестнице в ночь Адриланки. В некотором смысле наши дела пошли лучше, но она не держалась за мою руку.

Это начинает вас утомлять? Гм. Ладно. Меня тоже. Значительно легче разбираться с кем-то, кого надо только убить.

Когда мы покинули мою территорию и оказались в более мрачном районе, я надеялся, что кто-нибудь кинется на меня и я смогу удовлетворить хотя бы часть охватывавших меня чувств.

Звуки наших шагов раздавались в слегка несовпадающем ритме, иногда сливаясь, потом снова расходясь. Временами я пытался приноровиться к ее шагам, но это не помогало. Обычно наша походка подчинялась давно выработанному компромиссу между ее короткими шагами, наиболее для нее удобными, и моими длинными. Мы не разговаривали.

Восточный район можно узнать прежде всего по запаху. Днем он кишит открытыми кафе, и запахи пищи отличаются от драгейрианских. Ранним утром начинают работать пекарни; аромат свежего восточного хлеба расползается, словно щупальца, постепенно вытесняя ночные запахи. Но ночные запахи, когда кафе закрыты, а пекарни еще не начали работать, – это вонь гниющей пищи и отходов жизнедеятельности людей и животных. Ночью весь район продувается ветром в сторону моря, а преобладающее направление ветра – со стороны боен в северо-западной части города. Именно ночью истинные запахи и цвета этого района, если можно так выразиться; выходят на поверхность. Здания почти невидимы. Единственное освещение – свет лампы или свечи в редких окнах, так что строения вокруг скрыты от глаз, улицы же настолько узки, что порой едва хватает пространства, чтобы пройти между зданиями. Есть места, где двери в стоящих друг напротив друга домах невозможно открыть одновременно. Иногда возникает ощущение, что ты блуждаешь в пещере или в джунглях и твои сапоги чаще ступают по отбросам, чем по утоптанной, изрезанной колеями земле.

Сюда порой забавно возвращаться. С одной стороны, я ненавижу эти места. Я сделал в свое время все возможное, чтобы

убраться отсюда. Но, с другой стороны, в окружении выходцев с Востока я ощущаю, как напряжение покидает меня, и лишь потом отдаю себе отчет в том, что для драгейрианина я сам не такой, как все.

Мы добрались до Восточного района после полуночи. Единственными, кто бодрствовал в этот час, были бездомные а также те, кто на них охотился. И те и другие избегали нас судя по всему с уважением относясь к любому, кто шел так словно был выше любой опасности. Я бы солгал, сказав, что мне это не понравилось.

Мы дошли до места, которое знала Коти. «Дверь» представляла собой вход, задернутый занавеской. Я не мог разглядеть ничего внутри, но у меня было ощущение, что я нахожусь в узком проходе. Страшно воняло.

– Эй! – позвала Коти.

Раздался легкий шорох, затем голос:

– Кто там?

– Это Коти.

Послышалось тяжелое дыхание, шорох, бормотание нескольких голосов, затем щелкнул кремень, мигнула вспышка света, и загорелась свеча. На какое-то мгновение у меня заболели глаза. Мы стояли перед дверным проемом, лишенным даже занавески. Внутри помещения шевелилось несколько тел. К моему удивлению, комната была, насколько я мог судить при свете единственной свечи, чистой и незахламленной, если не считать нескольких завернутых в одеяла фигур. Там стоял стол и несколько стульев. Из-за свечи на нас смотрела пара крохотных глаз на круглом лице. Лицо принадлежало низенькому, очень толстому человеку в светлой ночной рубашке. Глаза остановились на мне, бросили взгляд на Лойоша, Коти, Ротсу и снова обратились на меня.

– Входите, – сказал незнакомец. – Садитесь.

Мы сели, пока он обошел комнату и зажег еще несколько свечей. Сидя на мягком стуле, я насчитал четверых на полу. Когда они привстали, я увидел, что одна из фигур была полноватой женщиной с седеющими волосами, другая – женщиной помоложе, третьим был мой старый друг Грегори, а четвертым – драгейрианин, что меня крайне удивило. Я изучал его черты, пытаясь определить его Дом, а когда понял, что он – текла, то не знал, удивляться ли мне еще больше или наоборот.

Коти села рядом со мной, кивнула всем присутствующим и сказала:

– Это мой муж, Владимир.

Затем показала на толстяка, который проснулся первым:

– Это Келли.

Мы кивнули друг другу. Женщину постарше звали Наталия, помоложе – Шерил, а теклу звали Пареш. Коти не назвала фамилий, а я не настаивал. Мы все пробормотали что-то в знак приветствия.

– Келли, – сказала Коти, – у тебя нож, который нашли возле Франца? Келли кивнул.

– Подожди, – сказал Грегори. – Я ни разу не говорил, что возле тела был найден нож.

– Можно было и не говорить, – ответил я. – Ты сказал, что это сделал джарег.

Он болезненно сморщился.

– Можно его сожрать, босс?

– Заткнись, Лойош. Возможно, позже.

Келли посмотрел на меня, то есть уставился своими чуть раскосыми глазами, пытаясь глядеть куда-то сквозь меня. По крайней мере, такое у меня сложилось ощущение. Он повернулся к Коти и спросил:

– Зачем это тебе?

– Владимир думает, что мы сможем найти убийцу по клинку.

– А потом? – спросил Келли, повернувшись ко мне. Я пожал плечами:

– Потом выясним, на кого он работал.

С другого конца комнаты послышался голос Наталии:

– Какая разница, на кого он работал? Я снова пожал плечами:

– Для меня – никакой. Я думал, это имеет значение для вас.

Келли снова вперил в меня поросячьи глазки. Я слегка удивился, обнаружив, что это мне действительно неприятно. Келли кивнул, будто сам себе, потом ненадолго вышел из комнаты и вернулся с ножом, завернутым в кусок ткани, который, вероятно, когда-то был частью простыни. Он протянул ткань и оружие Коти.

– Будем держать связь, – кивнув, сказал я.

Мы направились к двери. Перед ней стоял Пареш. Он отошел в сторону, но не настолько быстро, как я ожидал. Почему-то это показалось мне существенным.

До рассвета все еще оставалось несколько часов, когда мы вернулись в нашу часть города.

– Итак, – сказал я, – это люди, которые хотят захватить власть в Империи, да?

Коти махнула свертком, который держала в левой руке.

– Кое-кто так считает, – ответила она.

Я моргнул.

– Да. Полагаю, кое-кто считает.

Запах Восточного района сопровождал нас по пути домой значительно дольше, чем можно было предполагать.

2

«… САЛЬНОЕ ПЯТНО С ЛЕВ…»

В подвале под моей конторой есть небольшая комнатка, которую я называю лабораторией (восточный термин, позаимствованный у моего деда). На полу – плотно утоптанная земля, стены – из голого известняка. Посреди стоит маленький столик, а в углу сундук. На столе размещается жаровня и несколько свечей. В сундуке – самые разнообразные вещи.

На следующее утро после того, как завладели ножом, мы вчетвером – Коти, Лойош, Ротса и я – спустились в подвал. Я отпер его и пошел впереди остальных. Воздух был спертым, и в нем ощущался слабый запах содержимого сундука.

Лойош уселся на мое левое плечо и сказал:

– Ты уверен, что хочешь это сделать, босс?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты уверен, что сейчас ты в соответствующем настроении для колдовства?

Я задумался. Предупреждение от ближайшего друга – нечто, чем ни один колдун в здравом уме не вправе пренебречь. Я бросил взгляд на Коти, которая терпеливо ждала и, возможно, догадывалась кое о чем из того, о чем я сейчас думал. Меня переполняли эмоции, и это неплохо – в той степени, в которой могло помочь колдовству. Но мне было и несколько не по себе, а в таком состоянии меня чаще всего клонит в сон. Если у меня не хватит энергии, чтобы управлять колдовством, оно может выйти из-под контроля.

– Все будет в порядке, – сказал я Лойошу.

– Хорошо, босс.

Я выкинул старые угли из жаровни в угол и мысленно отметил в уме, что неплохо бы в ближайшее время в этом углу убрать. Потом открыл сундук, и Коти помогла мне положить новые угли в жаровню. Я выбросил старые, почерневшие свечи и заменил их. Коти встала слева от меня, держа нож. Я установил связь с Державой и заставил фитиль одной из свечей нагреться настолько, чтобы вспыхнуть. От нее я зажег другую свечу, а затем, слегка потрудившись, угли в жаровне. Я поместил необходимые для колдовства предметы в огонь и положил рядом клинок.

Впрочем, все это имеет лишь символическое значение.

Иногда меня занимает мысль – заработает ли все это, если я буду лишь думать, что вода очищена? А если я воспользуюсь благовониями, издающими нужный запах, но всего лишь обычными благовониями? И пущу в дело листья чабреца, которые

кто-то просто купил у торговца на углу, но сказал мне, что их привез корабль, прибывший с Востока? Я не знаю и не думаю, что когда-либо узнаю, но подозреваю, что это не имеет значения.

Впрочем, эти мысли возникают лишь до и после колдовства. Во время него остаются одни ощущения. Внутри тебя что-то пульсирует в ритме, мигания свечей. Ты окунаешься – или тебя затягивает – в самое сердце пламени, пока ты не оказываешься повсюду, и ты смешиваешься с угольями, а Коти существует рядом с тобой и внутри тебя, сплетая сеть из теней, в которой ты увязаешь, словно маленькое насекомое в голубой смоле, и ты вдруг обнаруживаешь, что коснулся ножа, и теперь знаешь, что это орудие убийства, и начинаешь ощущать человека, который держал его в руках, и твоя рука совершает легкое режущее движение, как и его рука, и ты роняешь нож, как и он, – его задача выполнена, как и твоя.

Я слегка отодвинул нож в сторону, пытаясь свести воедино все, что узнал в момент колдовства. У меня возникло ощущение, будто его имя было известно мне всегда, но всплыло в моем сознании лишь в этот момент, и примерно тогда же та моя часть, которая была в действительности Лойошем начала осознавать, что колдовство заканчивается, и стали ослабевать нити, защищавшие ту часть Лойоша, которая была мной.

И тогда же я понял: что-то не в порядке. Такое бывает, когда колдуны работают вместе. Ты не знаешь мыслей другого – скорее сам думаешь за него. Какое-то мгновение я думал о себе и ощутил внезапный приступ горечи, что потрясло меня.

Лойош никогда не испытывал страха перед опасностью. Так или иначе, колдовство постепенно проходило, и мы осторожно отпускали его, но в моем горле образовался большой комок, и я дернулся, опрокинув свечу. Коти протянула руку, чтобы поддержать меня, и наши глаза на мгновение встретились, когда последняя частица колдовства исчезла, и наши разумы снова стали принадлежать нам.

Она опустила глаза, зная, какие ощущения нам пришлось пережить.

Я открыл дверь, чтобы выпустить дым. Я немного устал, но это было не столь уж трудное колдовство. Мыс Коти поднялись по лестнице вместе, но не касаясь друг друга. Нам нужно было поговорить, но я не знал, что сказать. Нет, не то: я просто не мог себя заставить.

Мы вошли в мой кабинет, и я позвал Крейгара. Коти села в его кресло. Вдруг она вскрикнула и вскочила, обнаружив, что он уже сидит там. Я слегка улыбнулся невинному виду Крейгара. Это могло бы выглядеть даже забавнее, но мы все чувствовали

напряжение.

– Его зовут Ереким, – сказал я. – Никогда о нем не слышал. А ты? Крейгар кивнул:

– Он один из телохранителей Херта.

– Исключительно?

– Думаю, да. Почти уверен. Проверить?

– Да.

Он просто кивнул, вместо того чтобы заметить, что у него и без того полно работы. Думаю, Крейгар способен на большее, чем он сам утверждает. После того как он выскользнул из комнаты, мы с Коти некоторое время сидели молча. Потом она сказала:

– Я тоже тебя люблю.

Коти пошла домой, а я провел часть дня, путаясь под ногами у своих работников и пытаясь делать вид, что занимаюсь делами. Когда Мелестав, мой секретарь, в третий раз заметил, какой сегодня прекрасный день, я наконец понял намек и устроил себе на остаток дня выходной.

Я бродил по улицам, ощущая собственное могущество и вместе с тем незначительность, но все же привел мысли в порядок и принял некоторое решение относительно дальнейших действий. Лойош спросил, знаю ли я, зачем это делаю, и я признался, что не знаю.

Ветер, дувший со стороны моря, сменил направление и дул теперь с севера. Иногда северный ветер бывает живым и освежающим. Не знаю, может быть, все дело в моем душевном состоянии, но тогда он казался мне просто холодным.

Это был паршивый день. Я решил никогда больше не слушать мнения Мелестава относительно погоды.

На следующее утро Крейгар подтвердил, что Ереким работал только на Херта. Ладно. Итак, Херту была необходима смерть этого выходца с Востока. Значит, либо у него с этим человеком связано что-то личное – а я не мог себе представить, чтобы джарег мог питать личную неприязнь к выходцу с Востока, – либо их группа представляла собой угрозу. Это казалось мне наиболее вероятным – и определенно загадочным.

– Есть идеи, Лойош?

– Только вопросы, босс. Например, кто, ты говоришь, вожак этой группы?

– Келли. А что?

– Выходец с Востока, которого пришили – Франц… Почему его, а не Келли?

В соседней комнате Мелестав шелестел бумагами. Надо мной кто-то постукивал ногой. Через камин откуда-то доносились

звуки приглушенного разговора. Здание не было живым, и тем не менее оно, казалось, дышало.

– Действительно, – сказал я.

Около полудня мы с Лойошем снова оказались в Восточном квартале. Я бы ни за что не нашел того места, где мы побывали, как бы ни старался, но Лойошу удалось отыскать его почти сразу. При свете дня это оказалось лишь одним из многих низких приземистых коричневых зданий, с парой крошечных окон по сторонам от двери. Оба окна были закрыты ставнями, что объясняло царившую там духоту.

Я остановился перед занавешенным входом и постучал по стене. Вскоре появился текла Пареш. Он остановился посреди прохода, словно загораживая его, и сказал:

– Да?

– Я бы хотел видеть Келли.

– Его нет. – Он говорил негромко и медленно, делая паузу перед каждой фразой, словно укладывая слова в голове, прежде чем произнести их вслух. У него был грубый акцент, свойственный жителям герцогств к северу от Адриланки, но фразы он строил скорее как ремесленник из Домов Криоты или Валлисты или, возможно, как торговец из Дома Джагалы. Странно.

– Ты ему веришь, Лойош?

– Не вполне.

Тогда я сказал:

– Ты в этом уверен?

Что-то промелькнуло на его лице – легкое подергивание в уголках глаз, – но он лишь ответил:

– Да.

– Этот парень какой-то странный, босс.

– Я заметил.

– Какой-то ты странный, – сказал я ему.

– Почему? Потому что не трясусь от страха при одном виде цветов твоего Дома?

– Ну да.

– Извини, что я тебя разочаровал.

– Вовсе я не разочарован, – сказал я. – Заинтригован – может быть.

Какое-то время он изучал меня, затем отступил в сторону.

– Входи, если хочешь, – сказал он. Мне ничего не оставалось, и я последовал за ним. Днем запах в комнате был немногим лучше. Комната освещалась двумя маленькими масляными лампами. Он показал мне на подушку на полу. Я сел. Он принес восточного вина, которое большей частью состоит из воды, и

налил немного в выщербленные фарфоровые чашки, затем сел напротив.

– Говоришь, я тебя заинтриговал, – сказал он, – поскольку не похоже, чтобы я тебя боялся?

– У тебя необычные наклонности.

– Для теклы.

Я кивнул.

Какое-то время мы сидели, потягивая вино; текла смотрел куда-то в пространство, пока я изучал его. Потом он начал говорить. Я слушал его с возрастающим интересом. Не знаю, понял ли я все, но передаю его рассказ, как я его запомнил, а вы можете решать сами.

– Ты ведь из титулованных особ, не так ли? Барон, верно? Баронет, значит. Ладно. Для тебя это на самом деле не имеет значения, я знаю. Мы оба знаем, чего стоят титулы джарегов. Осмелюсь полагать, что ты это знаешь прекрасно. Для орков это и впрямь важно; они тщательно следят за тем, чтобы титулы присваивались и отбирались в установленном порядке. Ты этого не знал, верно? Но я слышал о случае, когда какого-то орка лишили графства, даровали ему баронство, потом отобрали, пожаловали герцогство, потом снова графство, потом отобрали то и другое и вернули ему прежнее графство, и все это в течение одного утра. Как мне рассказывали, все дело было в какой-то канцелярской ошибке.

Но, знаешь, ни одного из этих графств или герцогств реально не существовало. Есть и другие подобные Дома.

В Доме Криоты титулы передаются исключительно по наследству и пожизненно, если только не произойдет нечто из ряда вон выходящее, но и у них титул не связан с какой-либо землей. У тебя же есть баронетство, и оно настоящее. Ты там когда-нибудь был? Вижу по выражению твоего лица, что тебе никогда не доводилось его посещать. Сколько семей живет в твоих владениях, баронет Талтос? Всего четыре? И тем не менее ты никогда их не видел.

Впрочем, меня это не удивляет. Это естественно для джарега. Твои владения находятся в пределах некоего безымянного баронства, возможно пустого, а оно находится в графстве, может быть, тоже пустом, а графство, в свою очередь в герцогстве. Из какого Дома твой герцог, баронет? Тоже джарег? Не знаешь? Меня это тоже не удивляет.

К чему это я? Вот к чему: среди всех «благородных Домов» (к которым относятся все Дома, кроме моего) лишь немногие имеют собственную аристократию, а она составляет лишь небольшую часть этих Домов. Большинство Дома Лиорна составляют рыцари,

поскольку лишь лиорны продолжают относиться к титулам так же, как и тогда, когда они только возникли, а рыцарь – титул, с которым не связана никакая земля. Ты когда-нибудь думал об этом, благородный джарег? Эти титулы были связаны с владениями. В первую очередь, с военными владениями, и именно поэтому большинство здешних владений принадлежат драконам; когда-то это была восточная граница Империи, а драконы всегда были лучшими военачальниками.

Моя хозяйка принадлежала к Дому Тсера. Ее прапрадед получил титул барона во время войн за остров Элд. Моя хозяйка отличилась еще до Междуцарствия, во время какой-то войны с Востоком. Она была стара, но все еще достаточно крепка, чтобы активно заниматься делами. Она редко жила дома, но ее нельзя было назвать недоброй. Она не запрещала своим теклам читать, как многие, и мне в достаточной степени повезло, что я выучился читать еще в детстве, хотя книг там было не слишком много.

У меня была старшая сестра и двое младших братьев. Плата за наши тридцать акров составляла сто бушелей пшеницы или шестьдесят бушелей кукурузы, по нашему выбору. Это было немало, но редко превышало наши возможности, а в неурожайные годы хозяйка относилась к нам с пониманием. Наши ближайшие соседи к западу платили сто пятьдесят бушелей пшеницы за двадцать восемь акров, поэтому мы считали, что нам еще везет, и при нужде помогали им. У нашего соседа с севера было тридцать пять акров, и он задолжал два золотых империала, но мы его почти не видели, так что я не знаю, насколько легка или тяжела была его доля.

Когда мне исполнилось шестьдесят, я получил в дар двадцать акров в нескольких милях к югу от того места, где жила моя семья. Все соседи помогали мне очистить участок и построить дом. Я сделал его достаточно просторным для семьи, которой надеялся обзавестись. Взамен я должен был посылать хозяйке четыре молодых кетны каждый год, так что мне приходилось выращивать кукурузу, чтобы их кормить.

Через двадцать лет я выплатил натурой стоимость кетн и сеянцев, взятых для начала в долг, и почувствовал себя состоятельным – особенно когда привык к запаху кетно-фермы. Более того, в Черноводье я познакомился с женщиной, которая все еще жила дома, и между нами, кажется, возникло некое чувство.

Однажды поздно вечером, весной двадцать первого года моей самостоятельной жизни, я услышал какие-то звуки далеко на юге. Звуки напоминали треск ломающегося дерева, но были намного громче. В ту же ночь я увидел на юге красное зарево.

Удивленный, я вышел из дома.

Через час зарево целиком заполнило небо, и звуки стали еще громче. Потом случилось нечто страшное. На какое-то мгновение меня ослепила внезапная вспышка. Когда в глазах прояснилось, я увидел нечто напоминающее покрывало из красного и желтого пламени, висящее над головой и, казалось, готовое опуститься на меня. Я в ужасе закричал и бросился в дом. Когда я оказался внутри, покрывало уже опустилось и вся моя земля горела, и дом тоже, и тогда я заглянул в лицо смерти. Мне казалось, лорд Талтос, что я еще недостаточно прожил на свете, чтобы погибнуть таким образом. Я призвал на помощь Барлана Зеленочешуйчатого, но, думаю, в тот момент ему было не до меня. Я призвал на помощь Форель, но она не принесла мне воды, чтобы погасить пламя. Я даже попросил Кельхор, богиню кошек-кентавров, унести меня с этого места, но ответом был лишь дым, который душил меня, искры, обжигавшие мои волосы и брови, и страшный треск – то обрушилась часть дома.

И тогда я подумал о сарайчике, построенном над источником, откуда я брал воду. Я выскочил за дверь и, каким-то чудом преодолев языки пламени, взметнувшиеся выше моего роста, бросился туда. Сарай, конечно, был сложен из камня, поскольку дерево бы сгнило от сырости, так что он продолжал стоять. Сильно обожженный, я заставил себя погрузиться в воду.

Я лежал там, весь дрожа, вероятно, всю ночь и часть Вода была теплая, даже горячая, но все же холоднее, чем воздух вокруг. Там я и уснул, а когда проснулся… Пожалуй я не буду описывать царившее повсюду опустошение Лишь тогда, стыдно сказать, я вспомнил о своей скотине, которая погибла ночью точно так же, как чуть не И что же я тогда сделал, баронет? Можешь смеяться, если хочешь, но первая моя мысль была о том, что я не смогу заплатить своей госпоже за год и буду вынужден отдаться на ее милость. Она наверняка поймет, подумал я. И я направился в сторону ее замка – на юг.

А! Вижу, ты призадумался. Вот и я тоже, сделав лишь несколько шагов. Ее замок находился на юге, и с юга же пришел огонь. Я остановился и некоторое время размышлял, но в конце концов продолжил путь, поскольку идти мне было больше некуда.

На протяжении многих миль я видел вокруг лишь обугленные дома, выжженную землю и почерневшие деревья. В течение всего пути я не встретил ни единой живой души. Я пришел туда, где родился и прожил большую часть своей жизни, и увидел, что осталось от этого места.

Я совершил все необходимые ритуалы, возможно не вполне отдавая себе отчет в том, что они означают. Закончив, я

продолжил путь; спал я в открытом поле, и меня согревала сама земля, все еще хранившая тепло опалившего ее пламени.

Когда я наконец достиг замка, он, к моему удивлению, казался неповрежденным. Однако ворота были закрыты и никто не ответил на мой зов. Я ждал минуты, часы, наконец, весь день и всю ночь. Я был страшно голоден и время от времени пытался звать людей, но никто мне не отвечал.

В конце концов, думаю, скорее голод, чем что-либо еще, заставил меня перелезть через стену. Это было несложно, поскольку никто мне не мешал. Я нашел обгоревшее бревно достаточной длины, подтащил его к стене и воспользовался им как лестницей.

Во дворе не было ни единой живой души. На земле лежало полдюжины тел в мундирах тсеров. Я стоял, весь дрожа и проклиная себя за глупость, что не взял с собой еды из сарая.

Думаю, я простоял так около часа, прежде чем решился войти внутрь. Я нашел кладовую и поел. Очень медленно, несколько недель, я набирался смелости, чтобы обыскать замок. Все это время я спал в конюшне, не решаясь воспользоваться даже комнатами слуг. Во время поисков я нашел еще несколько трупов и сжег их, хотя, как уже говорил, был мало знаком с необходимыми ритуалами. Большинство из них были теклами (некоторых я узнал, когда-то даже называл их друзьями), предназначением которых было служить госпоже до самых последних своих минут. Что случилось с моей госпожой, я так никогда и не узнал, поскольку тела ее не нашел.

И тогда я стал править этим замком, баронет. Я кормил скотину запасами зерна, а при необходимости забивал ее на мясо. Я спал в спальне моей госпожи, ел ее пишу и большую часть времени читал ее книги. У нее было множество томов, посвященных магии, баронет. Целая библиотека. А также история, и география, и литература. Я многому научился. Я изучил магию, открывшую передо мной целый мир, и заклинания, которые я знал до этого, казались теперь лишь игрой.

Так прошла большая часть года. В конце зимы я услышал, как кто-то дергает за веревку звонка. Ко мне вернулись старые страхи – наследственная черта любого теклы, что у тебя, господин джарег, вызвало бы лишь улыбку. Дрожа от ужаса, я стал искать укрытие.

Но потом нечто овладело мной. Возможно, это была магия, которой я научился; возможно, все то, что я прочитал, помогло преодолеть глупые страхи; возможно, пережив пожар, я попросту познал ужас в полной мере. И я не стал прятаться. Вместо этого я спустился по большой винтовой лестнице своего нового дома и

распахнул дверь. Передо мной стоял дворянин из Дома Лиорна. Он был очень высокого роста и примерно моего возраста; на нем была золотисто-коричневая длинная юбка, ярко-красная рубашка и короткий меховой плащ. На поясе у него висел меч и пара коротких ножей. Он не стал ждать, когда я заговорю, и сразу же заявил:

– Скажи своему хозяину, что герцог Ариллский хочет его видеть.

Чувство которое я тогда испытал, тебе, полагаю, приходится испытывать часто, но я пережил его впервые. Восхитительный, сладостный приступ ярости, который, вероятно ощущает кабан, бросаясь на охотника, не вполне сознавая, что его превосходят во всем, кроме этой ярости, и потому кабан иногда оказывается победителем, а охотник всегда ощущает страх. Он стоял в моем замке и хотел видеть моего хозяина.

Я отступил на шаг и сказал:

– Хозяин здесь я.

Он даже не удостоил меня взглядом.

– Не болтай ерунды, – сказал он. – Немедленно позови своего хозяина, или мне придется поколотить тебя.

К тому времени я уже был достаточно начитан, и прочитанное мною вложило в мои уста слова, которые хотело сказать мое сердце.

– Господин, – сказал я, – ты уже слышал, что хозяин здесь я. Ты находишься в моем доме, и тебе недостает вежливости. Я вынужден попросить тебя уйти.

Тогда он посмотрел на меня с таким презрением, что, будь я в любом другом расположении духа, одно это могло бы раздавить меня. Он потянулся к своему мечу, как я теперь думаю, лишь для того, чтобы ударить меня плашмя, но так его и не вытащил. Я призвал на помощь свои новые способности и метнул в него огненный шар, который, вероятно, мог бы сжечь его на месте.

Он сделал удивленный жест руками, но, кажется, впервые воспринял меня всерьез. Это, дорогой мой баронет, была победа, которой я всегда буду дорожить. Уважение, появившееся в его облике, было для меня столь же сладостно, как холодный напиток для умирающего от жажды.

Он ответил мне магическим ударом. Я знал, что не смогу его остановить, и потому лишь посторонился. У дальней стены позади меня грянул взрыв, сопровождаемый массой дыма и пламени. Я тоже кинул чем-то в него и побежал наверх по лестнице.

В течение следующего часа он гонялся за мной по всему замку; я жалил его своими чарами и прятался, прежде чем он мог

уничтожить меня своими. Кажется, я смеялся и передразнивал его, хотя не могу утверждать наверняка.

В конце концов остановившись отдохнуть, я понял, что рано или поздно он меня определенно убьет. Мне удалось телепортироваться в мой столь хорошо знакомый сарай.

Больше я его никогда не видел. Возможно, он приходил узнать относительно причитающейся с моей госпожи дани – не знаю. Но я сам стал другим. Я отправился в Адриланку. По пути я использовал свои новые способности, чтобы заработать денег. Я предлагал свои услуги теклам, мимо домов которых проходил. Искусный волшебник, согласный работать за деньги, которые в состоянии заплатить текла, встречается редко, так что со временем я скопил неплохую сумму. Придя в город, я нашел бедного пьянчугу из Дома Иссолы, который согласился обучить меня придворным манерам и речи за умеренную плату. Несомненно, он учил меня не по придворным стандартам, но для меня было достаточно, чтобы работать в городе вместе с такими же, как я, и честно с ними конкурировать – как маг.

Конечно, я был не прав. Я все еще оставался теклой. Текла, вообразивший себя волшебником, – возможно, это было забавно, но те, кто нуждался в заклинаниях, чтобы предотвратить ограбление, или избавиться от дурных привычек, или укрепить фундамент здания, не воспринимали теклу всерьез.

Я оказался почти без средств, когда попал в Восточный квартал. Не стану утверждать, что жизнь здесь была легкой, поскольку выходцы с Востока любят, остальных людей не больше, чем остальные – выходцев с Востока. Однако мои способности оказались, по крайней мере иногда, полезными.

В завершение, лорд Талтос, достаточно сказать, что мне довелось познакомиться с Францем, и я рассказал ему о своей жизни теклы, а он рассказал мне о том общем, что связывает текл и людей с Востока, и о том, что наши народы едва выжили, и о своей вере в то, что так будет не всегда. Он свел меня с Келли, который научил относиться к окружающему миру как к чему-то, что я могу и должен изменить.

Потом я начал работать с Францем. Вместе мы нашли еще несколько текл, здесь и в других местах, тех, кто был в рабстве у наиболее жестоких хозяев. Когда я говорил о терроре Империи, от которого страдаем все мы, Франц говорил о надежде на то, что вместе мы сможем освободить от террора. Надежда всегда была лишь частью его проповедей. Он говорил и о том, что бездействий надежда никогда не осуществится. А если мы порой не будем знать, как именно действовать, Келли поможет нам это понять. Они были одной командой, дорогой мой джарег. Келли и

Франц. Когда кто-нибудь не справлялся с заданием, Келли мог его буквально растерзать; но Франц всегда оказывался рядом, помогая неудачнику пережить неудачу. Ничто его не пугало. Угрозы доставляли ему удовольствие, поскольку демонстрировали, что для кого-то он опасен, и доказывали, что мы на верном пути. Таков был Франц, лорд Талтос. Вот почему его убили.

А я и не спрашивал, почему его убили.

Ладно. Несколько минут я переваривал его рассказ.

– Пареш, – спросил я, – что там насчет угроз?

Он уставился на меня, словно я только что увидел, как рухнула гора, и спросил, из какого она была камня. Потом отвернулся. Я вздохнул.

– Ну ладно, – сказал я. – Когда Келли вернется?

Он снова повернулся ко мне, и выражение его лица напоминало закрытую дверь.

– Зачем тебе это знать?

Лойош сжал когтями мое плечо.

– Спокойно, – сказал я ему. И, обращаясь к Парешу: – Я хочу с ним поговорить.

– Попробуй завтра.

Я подумал, что, может быть, стоило попытаться с ним как-то объясниться. Но он был теклой. Кем бы он ни был, он оставался теклой.

Я встал, вышел и отправился обратно, в свою часть города.

3

«… И ЗАШИТЬ ПРОРЕХУ НА ПРАВОЙ МАНЖЕТЕ»

Когда я снова оказался на знакомой территории, уже вечерело. Я решил не возвращаться в контору и направился в сторону дома.

На улице Гаршос, неподалеку от Медной улицы, стоял «какой-то тип, прислонившись к стене. Лойош начал предупреждать меня как раз в тот момент, когда я его заметил, а он только что заметил меня. Затем Лойош сказал:

– Сзади еще один.

– Понятно, – ответил я. Я не слишком беспокоился – ведь захоти они меня убить, я бы их никогда не увидел. Тот, что стоял впереди, загородил мне дорогу, и я узнал Баджинока, что, по сути, означало Херта – того типа, что заправлял в Южной Адриланке. Мои плечи опустились, а руки судорожно дернулись. Я остановился в нескольких шагах перед ним. Лойош следил за тем, что был сзади. Баджинок посмотрел на меня и сказал:

– У меня есть для тебя информация.

Я кивнул, догадываясь, о чем она может быть.

– Держись подальше от этого дела, – продолжил он. Я снова кивнул.

– Ты согласен? – спросил он.

– Боюсь, что не смогу, – ответил я. Его рука потянулась к рукоятке меча ленивым угрожающим жестом.

– Ты уверен? – спросил он.

– Уверен.

– Я могу объяснить более доходчиво, – сказал он.

Поскольку мне вовсе не хотелось получить перелом ноги, я метнул в него нож – из-за спины. Я потратил немало времени, оттачивая именно этот прием, поскольку он дает очень быстрый эффект. Я не знаю никого, кто получил бы серьезное ранение от брошенного таким образом ножа, если только его бросал не я, и даже в этом случае требуется определенное везение. С другой стороны, в такой ситуации любой попытается уклониться.

Пока он пытался уклониться и нож угодил ему рукояткой в живот, Лойош уже летел прямо в лицо второго. Я выхватил рапиру еще до того, как Баджинок опомнился, и отступил на середину улицы, чтобы никто не смог подкрасться ко мне сзади.

В другой руке Баджинока появился кинжал. Он только успел принять защитную стойку, когда острие моей рапиры коснулось его ноги выше колена. Он выругался и отступил на шаг. Я шагнул вперед и оцарапал ему левую щеку, после о тем же движением

нанес ему хорошую глубокую рану в правое запястье. Он отступил еще на шаг, и я пронзил ему левое плечо. Баджинок опрокинулся на спину.

Я посмотрел на второго, который выглядел более крупным и сильным. На его лице виднелись явные следы укусов Лойоша. Он отчаянно размахивал мечом над головой, в то время как мой друг держался вне пределов его досягаемости и смеялся над ним. Я бросил короткий взгляд на Баджинока, затем нащупал левой рукой нож, прицелился и аккуратно метнул его в центр живота второго типа. Тот вскрикнул и махнул мечом в мою сторону, слегка зацепив мое запястье. Но это было все, на что он был способен. Он уронил меч и опустился на колени, держась за живот.

– Ладно, пошли, – сказал я, изо всех сил стараясь скрыть тяжелое дыхание.

Они посмотрели друг на друга. Потом тот, у которого в животе торчал мой нож, телепортировался с этого места. Когда он исчез, Баджинок поднялся и заковылял прочь, держась за раненое плечо. Я передумал идти прямо домой. Лойош продолжал следить за Баджиноком, а я повернулся и пошел вдоль по улице.

– Как я понимаю, это предупреждение, – сказал Крейгар.

– Можешь не объяснять очевидных вещей.

– На эту тему я мог бы поспорить, – сказал он. – Впрочем, это не важно. Вопрос в том, насколько далеко он готов пойти?

– Вот это я и хотел бы у тебя узнать.

– Трудно сказать, – ответил он, – но мне кажется, нам следует приготовиться к худшему. Я кивнул.

– Эй, босс?

– Да?

– Ты собираешься рассказывать об этом Коти?

– Гм? Конечно, собираюсь… О, я понял, что ты имеешь в виду. Когда дело заходит настолько далеко, они не останавливаются на полпути, верно?

К тому времени Крейгар, похоже, ушел, так что я вытащил кинжал и изо всех сил метнул его в стену – в ту, на которой не было мишени. Оставшаяся на стене отметина не была первой, но, вероятно, была самой глубокой.

Вернувшись домой несколько часов спустя, я все еще не решил, стоит ли говорить о случившемся Коти, но ее не было дома. Я сел и стал ждать, стараясь не пить слишком много. Я отдыхал в своем любимом кресле, громадном мягком сером сооружении с колючей поверхностью, из-за которой я его избегаю, когда я без одежды. Какое-то время я просто отдыхал, прежде чем всерьез заинтересовался тем, где может быть Коти.

Я закрыл глаза и на мгновение сосредоточился.

– Да?

– Ты где?

Она сделала паузу, и я внезапно ощутил тревогу.

– А что? – наконец спросила она.

– Что? Просто хочу знать.

– Я в Южной Адриланке.

– Тебе грозит опасность?

– Не большая, чем любому выходцу с Востока, живущему в этом обществе.

Я едва удержался от ответа:» Только этого мне не хватало «, и сказал:

– Ладно. Когда будешь дома?

– А что? – спросила она, и я ощутил, как внутри меня начинает подниматься волна раздражения. Я чуть не сказал:» Меня сегодня чуть было не убили «, но это было бы нечестно. Так что я просто сказал:» Не важно»– и оборвал связь.

Я встал и отправился в кухню. Налил в котелок воды и поставил его на плиту, подбросив в печь пару поленьев, потом убрал посуду, которую Лойош и Ротса уже вылизали дочиста, и вытер стол, бросив крошки в печку. Потом снял воду с плиты и вымыл посуду. Чтобы высушить ее, я воспользовался заклинанием, поскольку ненавижу протирать тарелки. Открыв буфет, чтобы убрать посуду, я заметил, что там довольно пыльно, поэтому я вытащил оттуда все и прошелся по полкам тряпкой. В этот момент я ощутил легкий псионический контакт, но это была не Коти, так л я его просто проигнорировал, и ощущение вскоре исчезло.

Я протер пол под раковиной, затем подмел весь пол.

Потом прошел в гостиную, решил, что мне неохота дальше заниматься уборкой, и сел на диван. Через несколько минут встал, нашел щетку и протер все полки рядом с дверью, пол под отполированной деревянной собакой, полочку с миниатюрным портретом Коти и резного каменного лиорна, который выглядел словно нефритовый, но на самом деле таковым не был, а также полочку побольше с портретом моего деда. Я не стал останавливаться и разговаривать с портретом Коти.

Потом я принес тряпку из кухни и вытер чайный столик, который она подарила мне в прошлом году. После чего снова сел на диван.

Я заметил, что рог лиорна показывает на Коти. Когда она расстроена, ей могут казаться преднамеренными самые странные вещи, так что я встал и повернул его, затем снова сел. Потом я встал и протер лант, который подарил ей в прошлом году и

который она даже не настраивала уже двенадцать недель. Я подошел к книжной полке и взял книгу стихов Уинта. Какое-то время листал ее, потом поставил на место, поскольку у меня не было настроения сражаться с силами мрака. Достал книгу Бингии, потом решил, что для меня это чересчур угнетающе. Тортури или Лартол меня не интересовали; столь же поверхностным и умным я могу быть и сам, мне они для этого не нужны. Я проконсультировался с Имперской Державой, затем со своими внутренними часами – получалось, что спать мне еще рано.

– Эй, Лойош.

– Да, босс?

– Хочешь посмотреть представление?

– Какого рода?

– Все равно

– Конечно.

Я пошел до площади Кайран пешком, вместо того чтобы телепортироваться, поскольку у меня не было желания оказаться там с расстроенным желудком. Путь был неблизкий, но мне хотелось прогуляться. Я выбрал театр, не глядя на название, как только нашел представление, которое начиналось прямо сейчас. Кажется, это было что-то историческое, времен упадка правления фениксов, так что они могли использовать любые костюмы, скопившиеся за последние пятьдесят лет постановок. Минут через пятнадцать я начал надеяться, что кто-нибудь попытается срезать мой кошелек. Бросив короткий взгляд назад, я увидел пожилую пару текл, вероятно тративших свои сбережения за год. Я оставил эту идею.

Я ушел в конце первого акта. Лойош не возражал. Он считал, что актера, который играл Полководца, не следовало выпускать куда-либо за пределы Северного Холма. По отношению к театру Лойош ведет себя как истинный сноб. Он сказал:

– Полководец, надо полагать, дракон. Драконы гордо выступают, а не крадутся. А он три раза чуть не споткнулся о собственный меч. К тому же когда он требовал прислать дополнительные войска, в его голосе звучала мольба…

– Кто из них был Полководцем?

– Не важно, – ответил он.

Я медленно шел домой, надеясь, что кто-нибудь захочет на меня напасть, на что я смогу соответствующим образом ответить, но в Адриланке все было спокойно. Один раз кто-то приблизился ко мне, как будто собираясь потянуть за одежду, и я уже приготовился действовать, но это оказался очень старый орк, явно находившийся под воздействием какого-то снадобья. Прежде

чем он успел открыть рот, я спросил его, нет ли у него лишней монеты. Он крайне смутился, а я похлопал его по плечу и пошел дальше.

Когда мы вернулись, я повесил плащ, снял сапоги и заглянул в спальню. Коти спала. Ротса отдыхала в своей нише.

Я постоял над Коти, надеясь, что она проснется, увидит меня и спросит, в чем дело, так что я смогу с яростью накинуться на нее, она попросит прощения, и все будет в порядке. Я стоял над ней минут десять. Мог бы так стоять и дальше, но рядом был Лойош. Он ничего не говорил, но само его присутствие содержало в себе немой укор, так что я разделся и забрался в постель рядом с Коти. Она не проснулась. Прошло еще немало времени, прежде чем я наконец заснул.

Обычно я просыпаюсь медленно.

Нет, далеко не всегда, конечно. Помню, несколько раз я просыпался от мысленного вопля Лойоша и оказывался в самой гуще схватки. Один или два раза я просыпался очень тяжело, что едва не привело к несчастью, но так бывает редко. Обычно между сном и пробуждением проходит некоторое время, которое порой кажется часами. Я крепко вцепляюсь в подушку и думаю, действительно ли мне хочется вставать. Потом я поворачиваюсь на спину, гляжу в потолок, и в голову мне постепенно начинают приходить мысли о том, что мне нужно сделать сегодня. Именно тогда я по-настоящему просыпаюсь. Я стараюсь организовать свою жизнь так, что каждый день у меня есть какие-то дела. Сегодня мы идем в Восточный район на рынок за пряностями. Сегодня я намерен окончательно закрыть вопрос с новым борделем. Сегодня я собираюсь посетить Черный замок, посмотреть, как организована служба безопасности Маролана, и поговорить с Алирой. Сегодня я собираюсь проследить за тем парнем и убедиться, что он через день бывает у своей любовницы. И так далее. Когда я проснулся на следующее утро, я обнаружил, что прежде был о себе худшего мнения, поскольку встал без какой-либо видимой причины. Коти уже поднялась, но я не знал, дома она или нет. Однако это не вызывало у меня никакого желания покидать комнату. Дела мои шли сами по себе, на сегодня у меня не было никаких обязанностей. Единственное, что меня интересовало, – причина убийства человека с Востока, да и то из-за Коти.

Я отправился в кухню согреть воды. Коти сидела в гостиной, читая газету. Я почувствовал, как что-то сжалось у меня в горле. Я поставил воду, затем пошел в ванную, воспользовался ночным горшком и очистил его с помощью заклинания. Гигиенично. Эффективно. Совсем как драгейрианин. Потом побрился

холодной водой. Мой дед брился холодной водой (до того как отрастил бороду), потому что, как он говорит, это позволяет легче переносить зиму. Для меня это звучит как бессмыслица, но я поступаю так из уважения к нему. Я пожевал зубную палочку, помассировал десны и прополоскал рот. К тому времени вода была уже достаточно горячей для ванны. Я принял ванну, вытерся, протер пол в ванной, оделся и выплеснул воду на задний двор. Потом стоял и смотрел на лужицы и ручейки, образовавшиеся на земле. Я часто думал о том, почему никто не пытался предсказывать будущее по воде, выплеснутой из ванны. Посмотрев налево, я увидел, что земля под задним крыльцом моей соседки была сухой. Ага! Я опять поднялся раньше нее. Еще одна маленькая победа.

Я вернулся в гостиную и сел в кресло, лицом к дивану. Бросив взгляд на заголовок газеты в руках Коти, я прочитал: «Ведется расследование…»– над четырьмя строками крупного черного шрифта, и это было еще не все. Коти положила газету и посмотрела на меня.

– Я страшно зол на тебя, – сказал я.

– Я знаю, – ответила она. – Пойдем куда-нибудь позавтракаем?

Я кивнул. По каким-то причинам мы обычно не в состоянии обсуждать свои дела дома. Мы пошли в нашу любимую клявную, вместе с Лойошем и Ротсой на моих плечах; я достаточно долго не обращал внимания на урчание в животе и потому заказал несколько яиц и кляву с небольшим количеством меда. Коти заказала себе чай.

– Ладно. Отчего ты злишься? – спросила она, словно нанося первый удар, заставляющий противника уйти в защиту.

– Почему ты не сказала мне, где была?

– А зачем тебе знать? – ответила она с легкой улыбкой.

– А почему бы и нет? – ответил я, и улыбнулись уже мы оба; на какое-то мгновение я почувствовал себя чуть лучше.

Потом она покачала головой и сказала:

– Когда ты спросил, где я и когда я вернусь, это звучало так, словно ты хотел либо одобрить мое поведение, либо нет.

Я почувствовал, будто мою голову подбросило вверх.

– Чушь, – сказал я. – Я просто хотел узнать, где ты. Она уставилась на меня.

– Хорошо, значит, я говорю чушь.

– Проклятье, я же не сказал, что ты говоришь чушь, и ты это знаешь. Ты обвиняешь меня…

– Я ни в чем тебя не обвиняю. Я сказала то, что чувствовала.

– Значит, ты полагаешь, что…

– Это просто смешно.

У меня была прекрасная возможность ответить: «Ладно, значит я смешон», но вместо этого я сказал:

– Послушай, ни тогда и вообще никогда я не пытался диктовать тебе, как поступать. Я пришел домой, тебя не было… И что, разве это в первый раз.

– Да, – сказал я, что, как мы оба знали, было неправдой, но слово вырвалось, прежде чем я успел его остановить. Уголок ее рта дернулся, брови опустились – мне нравится такое выражение ее лица. – Ладно, – продолжил я. – Но я волновался за тебя.

– За меня? – спросила она. – Или просто боялся, что я ввязалась в нечто такое, чего ты не одобряешь?

– Я и так уже знаю, что ты ввязалась в нечто такое, чего я не одобряю.

– Почему?

– Прежде всего потому, что это глупо. Как могут пятеро выходцев с Востока и один текла «разрушить деспотию» Империи?

– Есть и другие. Это только верхушка айсберга.

– Что такое айсберг? – спросил я.

– Ммм… Не знаю. Но ты понимаешь, о чем я.

– Да. Все дело в том, что теклам никогда даже близко не подобраться к власти. Я бы мог еще понять, если бы теклы находились у вершины Цикла, но ведь это не так. Там пребывают фениксы, а потом драконы, если мы будем еще живы, когда сменится Цикл. У текл нет никаких шансов. И во-вторых, что плохого в том, что мы имеем сейчас? Конечно, совершенным подобное положение дел не назовешь, но живем мы неплохо и ни от кого не зависим. Ты предлагаешь отказаться от нашей карьеры, от образа жизни, от всего остального. И ради чего? Чтобы кучка ничтожеств могла возомнить себя…

– Осторожнее, – сказала она. Я остановился на полуслове.

– Ладно, – сказал я. – Извини. Но я ответил на твой вопрос.

Довольно долго она молчала. Принесли наш заказ, и мы поели, не сказав друг другу ни слова. Когда мы бросили объедки Лойошу и Ротсе, Коти сказала:

– Владимир, мы ведь всегда избегали касаться слабых мест друг друга, верно?

При этих ее словах я ощутил внезапную слабость, но кивнул.

– Ладно, может быть, сейчас это и выглядит именно так, – продолжала она, – но я вовсе этого не хотела, понимаешь?

– Продолжай, – сказал я. Она покачала головой.

– В самом деле? Я хочу на этот раз закончить, чего ты обычно не даешь мне сделать. Так ты будешь слушать?

Я допил свою кляву и сделал знак официанту, чтобы тот принес еще.

– Буду, – сказал я.

– До недавнего времени, – начала она, – ты считал, что нашел себе занятие по душе, поскольку ненавидел драгейриан. Убивая их, ты как бы мстил за то, что тебе пришлось из-за них пережить в юности. Верно?

Я кивнул.

– Ладно, – продолжала она. – Несколько недель назад у тебя был разговор с Алирой.

– Да, – вздрогнув, сказал я.

– Она рассказала тебе о твоей прошлой жизни, в которой…

– Да, я знаю. Я был драгейрианином.

– И ты сказал, что почувствовал себя так, словно вся твоя жизнь оказалась ложью.

– Да.

– Почему?

– Что?

– Почему это тебя так потрясло?

– Я не…

– Не потому ли, что ты постоянно чувствовал необходимость оправдаться? Не считаешь ли ты где-то в глубине души, что убивать людей за деньги – зло?

– Не людей, – машинально сказал я. – Драгейриан.

– Людей, – повторила она. – И, как мне кажется, ты только что подтвердил мою мысль. Ты вынужден был заняться тем, чем занимаешься, так же как и я. Тебе необходимо было оправдаться перед самим собой. Ты настолько тщательно это делал, что продолжал заниматься своей «работой» даже после того, как в этом более не было необходимости, когда у тебя появилось достаточно денег и «работа» потеряла смысл. А потом все твои оправдания развалились. И теперь ты не знаешь, что делать, и вынужден задать себе вопрос – а не злодей ли ты на самом деле?

– Я не…

– Дай мне закончить. Нет, ты не злодей. Ты делал то, что вынужден был делать, чтобы обеспечить нам обоим жилье и безбедную жизнь. Но скажи мне, теперь, когда ты больше не можешь прятаться за свою ненависть к драгейрианам: что же у нас за Империя, если она заставляет таких, как ты, заниматься тем, чем ты занимаешься, лишь для того, чтобы прожить и иметь возможность спокойно ходить по улицам? Что же у нас за Империя, если она не только порождает джарегов, но и позволяет им процветать? Можешь ли ты это оправдать?

Какое-то время я обдумывал ее замечания, затем, выпив еще

клявы, сказал:

– Такова жизнь. Окружай нас и умнейшие люди, ничего изменить они не смогут. Пусть даже будет другой император – все вернется на круги своя через несколько лет. Даже еще скорее, если он будет выходцем с Востока.

– Это к делу не относится, – сказала она. – Я просто хочу сказать, что тебе придется в конце концов осознать, чем именно ты занимаешься, за счет чего ты живешь и почему. Я помогу, чем могу, но это – твоя жизнь, и тебе за нее отвечать.

Я уставился в чашку с клявой, пытаясь понять смысл ее слов.

После еще одной или двух чашек я сказал:

– Ладно, но ты мне так и не сказала, где ты была.

– Я давала уроки, – ответила она.

– Уроки? Какие?

– Уроки чтения. Для группы выходцев с Востока и текл.

Я уставился на нее.

– Моя жена – учительница…

– Не надо.

– Извини. – Потом спросил: – И как долго ты этим занимаешься?

– Только что начала.

– Понятно. – Я откашлялся. – И как идут дела?

– Прекрасно.

– Понятно. – Потом у меня возникла другая, более неприятная мысль. – Почему ты только сейчас начала этим заниматься?

– Кому-то нужно было заменить Франца, – сказала она, в точности подтверждая мои опасения.

– Ясно. А ты не задумывалась над тем, что именно то, чем он занимался, кому-то могло не нравиться? И именно поэтому его и убили?

Она посмотрела прямо на меня.

– Да. – По моей спине пробежал холодок.

– И ты еще спрашиваешь…

– Я не Франц.

– Любого могут убить, Коти. Пока кто-то готов платить профессионалам – а ясно, что кто-то готов, – убить могут любого. И ты это знаешь.

– Да, – сказала она.

– Нет, – сказал я.

– Нет – что?

– Не надо. Не заставляй меня выбирать…

– Это я выбираю.

– Я не могу позволить, чтобы ты оказалась в положении

беспомощной жертвы.

– Ты не сможешь остановить меня.

– Смогу. Еще не знаю как, но смогу.

– Если ты это сделаешь, я уйду от тебя.

– У тебя не будет такого выбора, если ты умрешь. – Она сделала паузу, вытирая пролившуюся из моей чашки кляву.

– Мы не беспомощны. У нас есть поддержка.

– Со стороны выходцев с Востока. И текл.

– Именно теклы кормят всех остальных.

– Я знаю. И я знаю, что с ними случается, когда они пытаются протестовать. Они всегда были мятежниками. Их мятежи терпели поражение, за исключением одного, во время правления орков. Как я уже сказал, сейчас другие времена.

– Мы сейчас не обсуждаем мятежи текл. Мы не говорим сейчас о правлении текл; речь идет о том, чтобы разорвать сам Цикл.

– Адрон как-то раз попытался, помнишь? Он разрушил город и стал причиной Междуцарствия, которое продолжалось более двухсот лет и тем не менее ник чему хорошему не проело.

– Мы не собираемся действовать с помощью доимперской магии или какого-либо другого волшебства. Мы намерены опираться на силу масс – на реальную силу.

Я не стал высказывать собственное мнение насчет реальной силы и того, кто ею обладает. Вместо этого я сказал:

– Я не могу допустить, чтобы тебя убили, Коти. Просто не могу.

– Лучший способ защитить меня – присоединиться к нам. Мы сможем использовать…

– Слова, – сказал я. – Ничего, кроме слов.

– Да, – ответила Коти. – Слова, рожденные в умах и сердцах думающих людей. Нет более могущественной силы в мире, нет лучшего оружия, чем правильно использованные слова.

– Великолепно, – сказал я. – Но я не могу принять твое предложение.

– Тебе придется. У тебя все равно не останется другого выхода.

Я не ответил. Я думал. Больше мы не разговаривали, но, прежде чем мы покинули клявную, я уже знал, что делать. Коти это вряд ли понравится.

Да и мне тоже.

4

«1 СЕРЫЕ БРЮКИ: УДАЛИТЬ ПЯТНО КРОВИ СВЕРХУ НА ПРАВ. ШТАНИНЕ…»

Если вы этого еще не поняли, путь пешком через Восточный район занимает два с лишним часа. Меня это начало утомлять. А может быть, и нет. Я мог бы телепортироваться туда за три секунды, но затем меня минут пятнадцать – двадцать выворачивало бы наизнанку. Так что неплохо было пройтись и подумать. Но тогда я, помню, думал о том, что потратил в сумме слишком много времени лишь на хождение туда и обратно между районом Круга Малак и Южной Адриланкой.

Так или иначе, я туда пришел. Вошел в дом и остановился перед дверным проемом, который на этот раз был занавешен. У меня не было желания колотить в стену, так что я просто крикнул:

– Есть кто-нибудь?

Послышался звук шагов, занавеска отодвинулась, и передо мной предстал мой друг Грегори. Позади него стояла Шерил, глядя на меня. Я не мог понять, есть ли кто-нибудь еще в комнате. Я просто отодвинул Грегори в сторону и спросил:

– Келли дома?

– Заходи, – сказала Шерил. Я слегка смутился. В комнате никого больше не было. В одном из углов лежала большая пачка газет – тот же выпуск, который читала Коти.

– Зачем он тебе? – спросил Грегори.

– Я намерен оставить все свое состояние самому большому идиоту, какого только найду, и хотел с ним побеседовать, чтобы выяснить, подходит ли он на эту роль. Но теперь, встретив тебя, я вижу, что дальше искать незачем.

Он уставился на меня. Шерил коротко рассмеялась, и Грегори покраснел.

Затем из-за занавески появился Келли. Я посмотрел на него более пристально, чем в прошлый раз. Он действительно был невысоким и толстым, но я бы назвал его скорее очень полным, нежели жирным. Что-то хитрое проглядывало во всей его внешности. Из-за плоского лба создавалось впечатление, что у него большая голова. Его волосы были очень коротко подстрижены, примерно на полдюйма, и растительность на лице полностью отсутствовала. У него были узкие, чуть раскосые глаза и очень выразительный рот, вероятно, из-за окружавшего его жира. Он произвел на меня впечатление человека, который может в одно мгновение сменить дружеское расположение на ярость, –

скажем, как Сверкающий Псих.

– Проходи, – сказал он. Потом повернулся и направился в заднюю часть помещения, молчаливо предлагая мне следовать за ним.

Задняя комната была узкой, захламленной и воняла табачным дымом, хотя, судя по зубам, Келли вряд ли курил. Рели подумать, то у него, вероятно, вообще не было дурных привычек. Кроме склонности к перееданию. К несчастью, он был выходцем с Востока. Драгейриане могут воспользоваться магией, чтобы избавиться от лишнего жира; для человек с Востока такие попытки опасны. По всем стенам стояли ряды книг в черных и коричневых переплетах. Я не смог прочитать ни одного заглавия, но автором одной из книг был Падраик Келли.

Он кивнул в сторону жесткого деревянного стула и сам сел на другой. Я показал на книгу и спросил:

– Это ты написал?

Он проследил взглядом за моим пальцем:

– Да.

– Что это?

– Это история восстания в двести двадцать первом.

– Где это было?

Он пристально посмотрел на меня, словно желая удостовериться, что я не шучу, затем сказал:

– Здесь, в Южной Адриланке.

– О, – сказал я и откашлялся. – Поэзию ты тоже читаешь?

– Да, – ответил он.

Я вздохнул. Мне вовсе не хотелось задавать эти дурацкие вопросы, но, похоже, говорить было не о чем.

– Коти мне кое-что рассказывала о том, чем вы занимаетесь, – сказал я.

Он выжидающе кивнул.

– Мне это не нравится, – продолжил я, и глаза его сузились. – Меня вовсе не радует, что Коти в это ввязалась. Он продолжал молча пристально смотреть на меня. Я откинулся на спинку стула, скрестив ноги.

– Но, так или иначе, я не вмешиваюсь в ее жизнь. Если ей хочется тратить свое время подобным образом, то я ничего не могу поделать. – Я сделал паузу, ожидая от него ответной реплики. Не получив ответа, я продолжал: – Что меня беспокоит, так это ваши уроки чтения. Этим занимался Франц, верно?

– Да, и не только этим, – сказал он, почти не разжимая губ.

– Так вот, я предлагаю тебе сделку. Я выясню, кто убил Франца и почему, если вы прекратите эти уроки или найдете кого-нибудь другого на роль учителя.

Он не отрывал от меня взгляда.

– А если нет?

Я почувствовал раздражение, – возможно, из-за того, что от его взгляда мне становилось не по себе, а мне это не нравится. Я стиснул зубы, подавляя желание высказать все, что я о нем думал. Потом сказал:

– Не заставляй меня угрожать тебе. Терпеть не могу угрожать людям.

Он перегнулся через стол, и глаза его сузились еще больше, а губы плотно сжались.

– Ты пришел сюда, – сказал он, – по пятам смерти человека, который стал жертвой…

– Только не надо…

– Молчи! Я сказал – жертвой, и именно это я имел в виду. Он сражался за то, во что верил, и был за это убит Какое-то мгновение он не отрываясь смотрел на меня, затем продолжал уже более мягко, но язвительно:

– Я знаю, чем ты зарабатываешь на жизнь. Ты даже не понимаешь, как низко ты опустился.

Я коснулся рукоятки кинжала, но не стал его вытаскивать.

– Ты прав, – сказал я. – Я не понимаю, насколько низко опустился. Просто глупо с твоей стороны говорить мне об этом.

– Не говори мне, что глупо, а что нет. Ты не в состоянии этого понять, как и всего остального, что лежит за пределами твоего крошечного мирка. Тебе и в голову не приходило, что может быть нечто преступное в торговле смертью, словно это обычный товар на рынке.

– Нет, – сказал я. – Не приходило. И если ты закончил…

– Но дело не только в тебе. Задумайся, господин убийца: многое ли из того, что делает любой из нас, он стал бы делать добровольно, не будучи к этому принужден? Ты соглашаешься на свою «работу», даже не задумываясь и не задавая лишних вопросов, не так ли? В то время как выходцы с Востока и теклы вынуждены продавать половину детей, чтобы прокормить остальных. Ты не знаешь поэтом или просто не желаешь знать?

Он покачал головой, стиснув зубы и сузив глаза настолько, что меня удивило, как он вообще еще может видеть.

– То, чем ты занимаешься, – мерзость, ниже которой человечество никогда не опускалось. Не знаю, занимаешься ли ты этим потому, что у тебя нет выбора, или же ты такой извращенец, что тебе это нравится. Но это не имеет значения. Здесь ты найдешь мужчин и женщин, которые могут гордиться тем, что они делают, поскольку знают – тем самым они приближают лучшее будущее. А ты со своим фальшивым, циничным

остроумием не только отказываешься понять нас, но пытаешься объяснять, как нам следует поступать. У нас нет времени ни на тебя, ни на твои дела. И твои угрозы нас тоже не трогают.

Он замолчал, возможно ожидая, что я скажу что-нибудь в ответ. Я не ответил.

– Убирайся отсюда, – сказал он. Я встал и ушел.

– Разница между победой и поражением заключается в том, как ты себя чувствуешь, возвращаясь после домой.

– Неплохо, босс. Так куда мы идем?

– Не знаю.

– Мы могли бы вернуться к Херту, плюнуть ему в суп и посмотреть, что он на это скажет.

Мне эта идея показалась не слишком привлекательной.

Был еще самый разгар дня, и в Восточном районе бурлила жизнь. Каждые несколько кварталов нам попадались рынки, и все разные. Один был расцвечен желтыми, оранжевыми, красными и зелеными овощами; он издавал запах свежести и низкий гул голосов продавцов и покупателей. Другой был бледно-розовым и пахнул мясом, большей частью еще свежим, и там различался шум ветра. На третьем рынке торговали в основном тканями, и он был самым шумным, поскольку никто не торгуется так, как продавцы тканей: с воплями, криками и мольбами. Похоже, они никогда от этого не устают. Я же устал. Я устал от многого. Я устал от хождения по замку Маролана, проверяя его охрану, ловушки и тревожную сигнализацию. Я устал от общения со своими сотрудниками кодовыми фразами, которые часто и сам не понимаю. Я устал от того, что меня бросает в пот каждый раз при виде формы стражников Дома Феникса. Я устал от презрительного отношения к себе со стороны других Домов за то, что я джарег, и со стороны джарегов – за то, что я выходец с Востока. И я начинал уставать каждый раз, когда думал о Коти, от напряжения, возникавшего внутри меня вместо теплого, сладостного, светлого чувства, к которому я привык.

– Ты должен найти ответ, босс.

– Знаю. Я только что попытался.

– Так попробуй еще раз.

– Ладно.

Я обнаружил, что забрел в район, где жил мой дед, что не могло быть случайностью, хотя и выглядело именно так. Я подошел к его двери и позвонил в колокольчик. Раздался веселый перезвон. Перешагнув порог, я в самом деле почувствовал себя лучше.

Он сидел за столом и что-то писал или рисовал пером на большом куске пергамента. Он был стар, но полон здоровья. Это

был крупный человек. Если Келли был полным, мой дед был дородным. Голова его почти полностью облысела, и в ней отражались небольшие лампочки, освещавшие комнату. Услышав колокольчик, он поднял голову и широко улыбнулся мне оставшимися зубами.

– Владимир!

– Привет, Нойш-па.

Мы обнялись, и он поцеловал меня в щеку. Лойош взлетел с моего плеча на полку, затем сел на руку Нойш-па, чтобы его почесали под подбородком. Его приятель, большой пушистый кот по имени Амбруш, прыгнул мне на колени, когда я сел, и ткнулся в меня носом. Мы как бы снова познакомились. Нойш-па прикрепил небольшую карточку к веревке, на которой был подвешен колокольчик, и жестом пригласил меня в заднюю комнату. Я вдохнул запах настоянного на травах чая и почувствовал себя еще лучше.

Он принес чай и прищелкнул языком, когда я добавил себе меду. Я попробовал чай. Шиповник.

– Ну как дела, внук?

– Так себе, Нойш-па.

– Только так себе? – Я кивнул.

– у тебя какие-то проблемы, – сказал он.

– Да. Все это довольно сложно.

– Простые вещи никогда не становятся проблемами, Владимир. Некоторые простые вещи могут оказаться досадными, но никогда не превращаются в проблемы.

– Да.

– Так с чего же начались твои проблемы?

– Как начались? Убили человека по имени Франц.

– Ах да. Ужасно. – Я уставился на него.

– Ты знаешь об этом?

– Об этом говорят все.

– Вот как?

– Ну эти люди, его… как это? Элвтаршок?

– Друзья? Единомышленники?

– Так вот, эти люди есть везде, и они говорят об этом.

– Понятно.

– Но ты, Владимир, ты же не один из них, верно? – Я покачал головой:

– Не я. Коти.

– Влад, Влад, Влад, – вздохнул он. – Это просто глупость. Если идет революция, естественно, ты ее поддерживаешь. Но сбиваться с пути таким образом – все равно что самому положить голову под топор.

– Когда же у нас началась революция?

– А? В двести двадцать первом.

– Ну да. Конечно.

– Да. Тогда мы сражались, поскольку эго было нашим делом, но кое-кто не может до сих пор об этом забыть и считает, что мы должны сражаться постоянно.

– Что ты знаешь об этих людях? – спросил я.

– Кое-что слышал. Этот их предводитель, Келли, как говорят, настоящий боец.

– Боец? Скорее любитель подраться!

– Нет-нет. Я имею в виду, что он никогда не сдается, как я слышал. И, ты знаешь, их ряды растут. Помню, несколько лет назад их было двадцать человек, а сейчас – тысячи.

– Почему люди идут к ним?

– Ну всегда находится кто-нибудь, кому чего-то не хватает для полного счастья. Кроме того, здесь чересчур много насилия, людей избивают и грабят, и они говорят, что имперские стражники не в силах это остановить. А некоторые землевладельцы повышают плату за землю из-за того, что некоторые дома сгорели, и людям это тоже не нравится.

– Но это никак не касается Коти. Мы даже не живем здесь.

Он покачал головой и прищелкнул языком.

– Это просто глупость, – повторил он.

– И что же мне делать? – спросил я. Он пожал плечами:

– Твоя бабушка тоже занималась тем, что мне не нравилось, Владимир. С этим ничего не поделаешь. Может быть, ей это наскучит. – Он нахмурился. – Нет, вряд ли. Коти никогда не наскучит то, чем она однажды заинтересовалась. Но, в конце концов, это ее жизнь, не твоя.

– В том-то и дело, Нойш-па. Это стало ее жизнью. Кто-то убил Франца, а теперь Коти занимается тем же, чем занимался он. Если она хочет общаться с этими людьми и вместе с ними заваривать какую-то кашу – прекрасно, но, если ее убьют, я этого не вынесу. Но я не могу остановить ее, иначе она от меня уйдет.

Он снова нахмурился и кивнул:

– Ты пробовал что-нибудь делать?

– Да. Я пытался поговорить с Келли, но из этого ничего не вышло.

– Ты знаешь, кто убил этого парня, Франца?

– Да, знаю.

– А почему его убили? – Я задумался.

– Нет, этого я в самом деле не знаю.

– Значит, ты должен выяснить. Вполне возможно, окажется, что беспокоиться вообще не о чем. Если же действительно

возникнут проблемы, ты сумеешь их разрешить, не рискуя жизнью своей жены.

«Своей жены»– сказал он. На этот раз не «Коти», а «своей жены». Вот что он имел в виду. Семью. Все дело в семье, а мы были единственной семьей, которая у него осталась. Внезапно у меня возникла мысль, что он разочарован во мне; не думаю, чтобы он одобрял убийства, но я был членом его семьи, так что…

– Что ты думаешь о моей работе, Нойш-па?

Он покачал головой:

– Это ужасно – то, чем ты занимаешься. Нехорошо для человека зарабатывать на жизнь убийствами. Это тебе вредит.

– Ладно. – Я пожалел, что задал этот вопрос. – Спасибо тебе, Нойш-па. Мне надо идти.

– Рад был снова с тобой встретиться, Владимир.

Я обнял его, забрал Лойоша и вышел. Путь в мою часть города был неблизким, но у меня все еще не было никакого желания телепортироваться.

Когда Коти вечером вернулась домой, я сидел, опустив ноги в горячую воду.

– Что случилось? – спросила она.

– Ноги болят.

Она слегка улыбнулась:

– И почему же у тебя болят ноги?

– Последние несколько дней мне слишком много пришлось ходить пешком.

Она села напротив меня и потянулась. На ней были серые брюки в обтяжку с широким черным поясом, серая рубашка и черный жилет. Свой плащ она повесила на вешалку.

– И где же именно?

– Большей частью в Восточном районе.

Она слегка повернула голову в сторону, и ее глаза, казалось, стали еще больше на прекрасном, с тонкими чертами лице.

– И что ты там делал?

– Ходил в гости к Келли. – Ее глаза расширились.

– Зачем?

– Я объяснил ему, что жду от него гарантий твоей безопасности. И намекнул ему, что иначе я его просто убью.

Выражение любопытства на ее лице сменилось недоверием, затем гневом.

– На самом деле?

– Да.

– Похоже, ты даже не волнуешься, рассказывая мне об этом.

– Спасибо.

– И что же ответил тебе Келли?

– Он сказал, что, с его точки зрения, я представляю собой нечто среднее между низменным подонком и жалким отбросом общества.

Она удивленно посмотрела на меня. Не расстроенно, но удивленно.

– Он так сказал?

– Не столь многословно, но примерно так.

– Гм-м, – сказала она.

– Я рад видеть, что возмущение действиями твоего мужа наполняет тебя праведным негодованием.

– Гм-м, – повторила она.

– Пытаешься решить, прав он или нет?

– О нет, – ответила она, – Я знаю, что он прав. Мне просто интересно, какими именно словами он мог это выразить.

– Коти… – начал я, но у меня перехватило горло. Она подошла ко мне, села рядом и положила руку мне на колено.

– Прости, – сказала она. – Я вовсе не имела этого в виду и не должна была так шутить. И знаю, что он не прав. Но ты напрасно так поступил.

– Знаю, – ответил я почти шепотом.

Какое-то время мы молчали. Наконец она спросила:

– Что ты теперь собираешься делать?

– Дождусь, – сказал я, – пока мои ноги почувствуют себя лучше. Потом пойду и убью кое-кого. Она уставилась на меня.

– Ты серьезно?

– Да. Нет. Не уверен. Наверное, наполовину.

– Я понимаю, тебе тяжело. Прости. Я кивнул.

– Наверное, будет еще тяжелее, – сказала она.

– Да.

– Если бы я могла тебе помочь…

– Ты мне уже помогла. И вряд ли сможешь помочь больше.

Она кивнула. После этого говорить было не о чем, и мы просто какое-то время сидели рядом. Наконец пошли в спальню и легли.

На следующее утро я был в своей конторе, вместе с Лойошем и его подругой. Я позволил им вылететь в окно, так что Лойош мог продолжать показывать Ротсе окрестности. Постепенно он знакомил ее со всеми закоулками города. Это доставляло удовольствие и ему самому. Мне всегда были интересны их отношения, при которых один обучал другого. В их случае это могло вызвать осложнения, поскольку обучением занимался Лойош, хотя в паре джарегов обычно доминирует самка.

– Эй, Лойош…

– Не твое дело, босс.

Это было не вполне честно; в мои-то семейные дела он позволял себе вмешиваться. Но настаивать я не стал.

Когда они через пару часов вернулись, я уже знал, что делать. Я взял у Крейгара адрес, удостоившись его мрачного взгляда за то, что не сказал ему, зачем мне это нужно. Лойош и Ротса расположились на моих плечах, я спустился по лестнице и покинул контору.

Нижняя Кайранская дорога у Круга Малак – самая широкая улица в этой части города, заполненная стоящими в глубине питейными заведениями, выступающими на улицу лавками и гостиницами, с небольшими конторами в некоторых из них. Нижняя Кайранская дорога вела на юго-запад, становясь все уже, и на ней появлялось все больше и больше доходных домов. Большинство из них когда-то были зелеными, но теперь имели неопределенный грязный Цвет. Я свернул на узкую улочку под названием Улор.

Вскоре Улор стала расширяться, и примерно в этом месте я свернул на Медную улицу – не путать с Медной улицей возле моего дома, или с Медной улицей в восточной части города, или с кучей других Медных улиц, которых я не помню. Пройдя несколько десятков шагов, я свернул налево, к довольно приличного вида трактиру с длинными столами из полированного дерева и длинными скамьями. Я нашел хозяина и спросил:

– Найдется здесь комната, где можно поговорить без свидетелей?

Он позволил мне войти, хотя весь его вид говорил о том, что это место нечасто оскверняют своим присутствием выходцы с Востока.

– Меня зовут Влад, – сказал я. – Дай знать Баджиноку, что я здесь.

Он кивнул и позвал слугу, чтобы тот передал сообщение. Я отыскал вход в заднюю комнату и вошел туда. Там было пусто. Меня обрадовало, что дверь была настоящая. Я закрыл ее и сел спиной к двери (с Лойошем в качестве наблюдателя) на одну из скамей возле стола – укороченной версией тех, что стояли в главном зале. Интересно, сколько людей приведет с собой Баджинок, подумал я. Но он мог прийти и один. Я решил, что у меня весьма неплохие шансы.

Наконец дверь открылась, и вошел Баджинок в компании еще одного джарега, которого я раньше не видел. Я встал, прежде чем они успели сесть.

– Доброе утро, – сказал я. – Надеюсь, я вас не слишком

побеспокоил.

Баджинок слегка нахмурился.

– Что? – спросил он.

– Люблю немногословных людей, – сказал я. Лойош зашипел, что можно было принять согласие.

– Что тебе нужно?

– Я думал, что мы могли бы продолжить нашу недавнюю дискуссию.

Джарег, который пришел вместе с Баджиноком, пошевелил плечами и почесал живот. Баджинок вытер руки о плащ. Я провел одной рукой по застежке своего плаща, а другой пригладил волосы. Не знаю, как у них, но у меня все оружие было наготове.

– Если хочешь что-то сказать, говори, – сказал он.

– Я хочу знать, зачем Херту было нужно, чтобы того выходца с Востока убили.

– А не пошел бы ты… – сказал Баджинок. Я сделал жест правой рукой, словно собираясь сказать нечто важное. Полагаю, в некотором роде это соответствовало действительности. Аналогичным жестом я извлек кинжал, который вонзился прямо в подбородок незнакомца, глубоко войдя в голову. Тот обмяк, повалился на меня и соскользнул на пол. К тому времени, когда он коснулся пола я уже вытащил из складок плаща второй кинжал и держал его острие прямо перед левым глазом Баджинока.

– Если только кто-нибудь появится в этой комнате, – сказал я, – или откроет дверь, или даже если мне покажется, что ты вошел с кем-то в псионический контакт, я тебя убью.

– Хорошо, – сказал он.

– Я думаю, ты хочешь рассказать мне кое-что о Херте и о причине убийства того человека с Востока.

Не меняя положения головы, он бросил взгляд на тело. Потом снова посмотрел на лезвие кинжала.

– Знаешь, – сказал он, – пожалуй, да.

– Отлично, – весело сказал я.

– Не возражаешь, если я сяду?

– Нет. Наклонись.

Он наклонился, а я зашел ему за спину и приставил лезвие сзади к его шее.

– Знаешь, – сказал он, – тебя могут убить.

– Мы все когда-нибудь умрем. Мы, выходцы с Востока, и так живем не слишком долго. Конечно, это хороший повод не нарываться на неприятности – что опять возвращает нас к Францу. – Я сильнее надавил лезвием на его шею и почувствовал, как он дернулся. Я готов был предупредить любую попытку

телепортироваться – мне удалось бы убить его до исчезновения.

– Да, – сказал он. – Франц. Он был членом некоей группы…

– Я знаю.

– Тогда мне больше нечего тебе сказать. – Я снова надавил лезвием на его шею.

– Попытайся. Тебе было приказано убить именно его или просто любого члена этой группы?

– Мне назвали его имя.

– Ты следил за тем, чем занимались эти люди?

– Херт следил.

– Я знаю, идиот. Я имею в виду – ты один из тех, кто следил за ними?

– Нет.

– Тогда кто?

– Парень по имени Нат.

– Где его найти?

– Ты меня убьешь?

– Нет, если будешь говорить.

– Он живет над ковровой мастерской, севернее Восточного района. Тенистая улица, четыре.

– Хорошо, – сказал я. – Ты собираешься рассказать Херту о нашем с тобой разговоре?

– Да.

– Тебе придется сказать ему все то, что ты сказал мне.

– Он поймет.

– В таком случае мне нужен хороший повод, чтобы оставить тебя в живых.

– Ты же сказал, что не убьешь меня.

– Да, это хороший повод. Нужен еще один.

– Знаешь, ты уже мертвец.

– Знаю.

– Нечестный мертвец.

– Я просто не в духе. Обычно я очень честный мертвец. Спроси любого.

– Хорошо. Я буду молчать в течение часа.

– Ты будешь держать слово, данное тому, кто тебе лгал?

Он немного подумал, потом сказал:

– Да.

– Херт, должно быть, действительно все понимает.

– Да. За исключением тех случаев, когда убивают его людей. Этого он не понимает абсолютно.

– Ладно, – сказал я. – Можешь идти.

Не говоря больше ни слова, он встал и вышел. Я убрал кинжал, оставил тот, что торчал в голове трупа, на месте и

вернулся в главный зал. Хозяин даже не удостоил меня взглядом. Я вышел на улицу и направился обратно в контору. Я чувствовал напряжение Лойоша, который изо всех сил старался заглянуть в каждый уголок каждой аллеи, которой мы проходили.

– Тебе не следовало убивать того типа, босс.

– Если бы я его не убил, Баджинок не воспринял бы меня всерьез. И я не уверен, что смог бы держать под контролем их обоих.

– Херт теперь станет охотиться за твоей головой.

– Да.

– Ты не сможешь помочь Коти, если погибнешь.

– Знаю.

– Тогда почему…

– Заткнись.

Даже я не счел это достойным ответом.

5

«… ПЯТНО ОТ КЛЯВЫ СВЕРХУ НА ЛЕВ…»

Я телепортировался в знакомое мне место неподалеку от дома Ната, не потратив ни одной лишней секунды из предоставленного мне Баджиноком часа. Затем, однако, мне потребовалось пятнадцать минут с лишним на то, чтобы мой желудок пришел в себя после телепортации.

«Тенистая улица», вероятно, было старым названием. По ее сторонам торчало несколько пней, а лавки и дома стояли на некотором удалении от грубой каменной кладки, с каждой стороны ограничивавшей улицу, такую же широкую, как и Нижняя Кайранская дорога. Судя по ширине, в этом районе когда-то располагалось множество магазинов и лавок, а позднее это был один из приличных районов города. Однако, вероятно, так было до Междуцарствия. Сейчас здесь царило легкое запустение.

Дом номер четыре был сложен из красного кирпича, двухэтажный, с двумя квартирами. На двери нижней квартиры виднелось грубое изображение криоты. Я поднялся по деревянной лестнице, которая, к моему удивлению, даже не скрипнула.

На верхней двери был изображен стилизованный джарег, выгравированный на металлической табличке над символом, обозначающим баронский титул.

– Я достаточно спокоен, Лойош?

– Думаю, да, босс.

– Отлично.

Я попробовал на двери свои заклинания, затем еще раз. Обычно я далеко не столь аккуратен, когда не собираюсь никого убивать, но не было никаких причин для излишней небрежности. Дверь не содержала никаких сюрпризов. В мою левую руку скользнул Разрушитель Чар; я несколько раз осторожно вздохнул, затем одновременно ударил по двери Разрушителем Чар и правой ногой. Дверь распахнулась, и я шагнул в комнату.

Он был один. Судя по всему, Баджинок действительно сдержал слово. Он сидел на низком диване, читая ту же газету, что читала утром Коти. Я ударом ноги захлопнул за собой дверь и быстро шагнул к нему, на ходу вытаскивая рапиру. Он встал и широко раскрытыми глазами уставился на меня, даже не пытаясь вытащить оружие. Возможно, он не был хорошим бойцом, но было бы глупо на это рассчитывать. Я направил острие своего оружия в его левый глаз и сказал:

– Добрый день. Ты, как я понимаю, Нат. Он продолжал смотреть на меня, широко раскрыв глаза и не дыша.

– Ну? – сказал я.

Он кивнул.

Я произнес перед ним ту же речь, что и перед Баджиноком – о том, что бесполезно пытаться сбежать или звать на помощь. Похоже, он счел мои слова достаточно убедительными.

– Сядем и поговорим, – сказал я. Он снова кивнул. Либо он крайне перепугался, либо был хорошим актером.

– Несколько дней назад, – Сказал я, – был убит выходец с Востока по имени Франц.

Он кивнул.

– Это сделал Херт, – сказал я. Он снова кивнул.

– Это ты указал Херту на него.

Глаза его еще больше расширились, и он отрицательно покачал головой.

– Да, – сказал я. – Почему?

– Я не…

– Меня не интересует, предполагал ты, что его убьют, или нет. Я хочу знать, что ты сказал Херту насчет Франца. Говори быстрее, не раздумывай. Если я пойму, что ты лжешь, я тебя убью.

Он слегка пошевелил губами, и его голос, когда он заговорил, напоминал писк.

– Я не знаю. Я только… – Он сделал паузу, откашливаясь. – Я только рассказал ему про них. Про них про всех. Я рассказал, чем они занимаются.

– Херт хотел знать их имена?

– Сначала нет. Но через несколько недель он потребовал чтобы я рассказал ему обо всех выходцах с Востока – их имена, чем они занимаются, вообще все.

– Ты все это знал? – Он кивнул.

– Откуда? – спросил я.

– Я живу здесь уже почти год. Херт что-то услышал про эту группу и послал меня, чтобы я все выяснил. Я следил за ними.

– Понятно. А потом он требует от тебя их имена, а две недели спустя убивают Франца.

Он кивнул.

– Хорошо, – сказал я, – зачем ему было нужно, чтобы кого-то убили, и почему именно Франца?

– Не знаю, – ответил он.

– Подумай.

– Они всем мешали, всюду совали свой нос. Они постоянно здесь вертелись, понимаешь? И еще они давали уроки чтения. Когда выходец с Востока… – Он замолчал, глядя на меня.

– Продолжай.

Он судорожно сглотнул.

– Когда человек с Востока становится чересчур умным – думаю, никому от этого легче не станет. Но, возможно, было что-то еще, до того как я здесь появился. Херт осторожен, он бы не стал говорить мне больше, чем следовало.

– А Франц?

– Он был лишь одним из них.

– А как насчет Келли?

– Насчет него? Он никогда не делал ничего такого, что я мог бы заметить.

Я воздержался от комментариев по поводу его наблюдательности.

– Босс?

– Да, Лойош?

– Твой час почти закончился..

– Спасибо.

– Ладно, – сказал я. – Ты остаешься в живых.

Казалось, он с облегчением вздохнул. Я повернулся, вышел и как можно быстрее направился вдоль по улице. Никаких признаков преследования не было.

– Ну что ты об этом думаешь, Лойош?

– Он хотел убить одного из них, и Франц подошел для этого так же, как и любой другой.

– Да. Я тоже так думаю. Зачем ему надо было убивать одного из них?

– Не знаю.

– Ладно, что теперь?

– Босс, ты понимаешь, во что ты ввязался?

– Да.

– Я не знаю, что теперь делать, босс. Мы сейчас рядом с Восточным районом – если тебе там что-нибудь нужно.

Я направился в ту сторону, продолжая размышлять. Какой следующий шаг предпринять? Нужно было выяснить, собирается ли Херт и дальше следить за ними, или он уже выполнил то, что замышлял. Если Херт потерял к ним интерес, я могу успокоиться, и у меня остается одна забота – как, не дать ему убить меня.

Улица, по которой я шел, неожиданно закончилась тупиком, так что мне пришлось возвращаться, прежде чем я нашел знакомую мне улицу. Высокие дома без окон нависали надо мной, словно мрачные зеленые и желтые великаны, и балконы иногда почти соприкасались над моей головой, закрывая оранжево-красное небо.

Потом на поперечной улице под названием Две Лозы появились более старые дома, посветлее и поменьше. Улица стала шире, и я оказался в Восточном районе. Здесь пахло, как в

деревне, сеном, коровами и навозом, особенно там, где на улице продавали молоко. По мере того как улица расширялась, ветер становился все более резким, швыряя пыль мне в глаза и пощипывая лицо.

Улица извивалась, другие улицы вливались в нее, и вдруг я увидел на углу Шерил и Пареша, которые держали в руках те же проклятые газеты и пытались заговаривать с прохожими. Я подошел к ним. Пареш холодно кивнул и повернулся ко мне спиной. Улыбка Шерил была более дружелюбной, но она тоже отвернулась, когда мимо прошли двое молодых выходцев с Востока, держась за руки. Я услышал как она говорит что-то о свержении Империи, но они лишь покачали головами и пошли дальше.

– Меня это не касается? – спросил я.

Шерил покачала головой. Пареш повернулся и сказал:

– Нет почему же. Хочешь купить экземпляр?

Я сказал, что не хочу. Его это, похоже, не удивило, и он снова отвернулся. Я постоял еще немного, прежде чем сообразил, что выгляжу довольно глупо и буду выглядеть еще глупее, пытаясь уйти. Я обратился к Шерил:

– Не могли бы мы поговорить за чашкой клявы?

– Я не могу уйти, – ответила она. – С тех пор как убили Франца, мы не работаем поодиночке.

Я прикусил язык, удерживаясь от замечаний по поводу «работы», потом у меня возникла идея.

– Как, Лойош?

– Конечно, босс. Почему бы и нет?

– Лойош может последить, – сказал я Шерил.

Она удивленно посмотрела на меня, потом на Пареша. Пареш какое-то мгновение смотрел на Лойоша, затем сказал:

– Почему бы и нет?

Итак, Лойош получил посвящение в революционеры, а я повел Шерил в клявную напротив. Это было длинное узкое помещение, более темное, чем я люблю, за исключением тех случаев, когда надо кого-то убить; все было сделано из дерева, удивительно хорошо сохранившегося. Мы прошли в дальний конец зала, и я оперся спиной о стену. Это не самый лучший способ самозащиты, но в данном случае я смог почувствовать себя несколько спокойнее.

Я обещал ей чашку клявы, но нам принесли ее в стаканах. Я обжег руку, когда брал стакан, потом, ставя его, пролил немного на стол и обжег ногу. Я добавил сливок, чтобы охладить напиток, что не слишком помогло, поскольку сливки они тоже подогревали. Однако на вкус было неплохо.

У Шерил были большие ярко-голубые глаза с крохотными веснушками вокруг.

– Знаешь, чем я занимаюсь? – спросил я.

– Не совсем, – ответила она, чуть улыбнувшись. Внезапно мне пришло в голову, что она может подумать, будто я пытаюсь за ней ухаживать. Возможно, это было бы не так уж и плохо. Она была определенно привлекательна, и в ней чувствовалось нечто такое, что действовало слегка возбуждающе. Но нет, не сейчас.

– Я пытаюсь выяснить, – сказал я, – почему убили Франца, а затем я намерен сделать все возможное, чтобы подобное не случилось и с Коти.

Все с той же улыбкой она покачала головой:

– Франца убили, потому что они нас испугались.

На это у меня нашлось бы немало энергичных ответов, но вместо этого я спросил:

– Кто испугался?

– Империя.

– Его убила не Империя.

– Может быть, не прямо, но…

– Его убил некий джарег по имени Херт. Херт не убивает для Империи. Он слишком занят тем, чтобы скрыть от Империи, что он убивает.

– Может, так только кажется…

– Ладно, ладно. Это бессмысленно.

Она пожала плечами, и на этот раз ее улыбка исчезла. С другой стороны, было не похоже, что она сердится, так что имело смысл продолжить.

– Чем он таким занимался, что это угрожало джарегу, пытавшемуся, в числе прочего, делать деньги?

Какое-то время она молчала, наконец сказала:

– Не знаю. Он продавал газеты, также как и я, выступал на митингах, как и я, давал уроки чтения и рассказывал про революцию, как и я…

– Погоди. Ты тоже даешь уроки чтения?

– Мы все это делаем.

– Понятно.

– Думаю, все из-за того, что он делал больше, чем все остальные. Он не знал усталости, был полон энтузиазма, и его действия всегда находили отклик – и у нас, и у людей, с которыми мы встречались. Когда мы путешествовали по окрестностям, он всегда лучше всех запоминал людей, а они всегда запоминали его. Когда он говорил, его речь была самой убедительной. Когда давал уроки чтения, казалось, что для него жизненно необходимо научить всех читать! Чем бы ни занималась

группа, в которую я входила, он всегда был там, и чем бы ни занималась группа, в которой меня не было, – он тоже был там. Понимаешь, что я имею в виду?

Я молча кивнул. Подошел официант и принес нам еще клявы. Я добавил сливок и меду и воспользовался салфеткой, чтобы взять стакан. Стакан. Почему не чашка? Глупые выходцы с Востока – ничего не могут сделать как следует.

– Ты знаешь здесь каких-нибудь джарегов? – спросил я.

Она покачала головой:

– Кто-то есть, но я их не знаю. Здесь довольно много драгейриан, и часть из них – джареги, но я не могу сказать: «Этот тип работает на организацию»– или что-нибудь в этом роде.

– Ты знаешь, чем они занимаются?

– Нет. На самом деле нет.

– Есть здесь игорные заведения?

– Гм? Есть, конечно. Но их содержат люди с Востока.

– Нет.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю Херта.

– О…

– Есть здесь проститутки?

– Да.

– Бордели?

– Да.

– Сутенеры?

Внезапно на ее лице появилось слегка самодовольное выражение.

– Больше нет, – сказала она.

– Так-так.

– Что?

– Что с ними случилось?

– Мы их прогнали. Это самые низменные…

– Я знаю, кто такие сутенеры. Как вы их прогнали?

– Большинство здешних сутенеров были молодыми ребятами…

– Да. Те, кто постарше, содержат бордели.

– Они объединялись в банды.

– Банды?

– Да. Здесь ребятам особенно нечем заняться, так что…

– Сколько лет этим ребятам?

– Ну от одиннадцати до шестнадцати.

– Понятно.

– Так вот, они объединялись в банды, просто чтобы чем-нибудь заняться. Они шатались вокруг и всем мешали,

вламывались в лавки и так далее. Ваши стражники Дома Феникса не очень-то интересовались их делишками, пока они не покидали нашего района.

– Это не мои стражники Дома Феникса.

– Не важно. Сколько я себя помню, здесь всегда были банды. Многие из них занимались сутенерством, поскольку это почти единственный способ раздобыть денег, чтобы начать дело. Они также терроризировали мелких лавочников, заставляя платить и совершая мелкие кражи, но здесь особенно нечего красть и некому продавать краденое.

Я внезапно подумал о Нойшпа, но нет, они бы не стали связываться с колдуном.

– Ладно, – сказал я, – значит, некоторые из них занялись сутенерством.

– Да.

– И как же вы от них избавились?

– Келли считает, что большинство ребят оказались в бандах из-за того, что у них не было никакой надежды на лучшую жизнь. Он говорит, что их единственная подлинная надежда – революция, так что…

– Великолепно, – сказал я. – И как же вы от них избавились?

– Мы разрушили большинство банд.

– Как?

– Во-первых, мы научили их читать. Когда умеешь читать, труднее оставаться невежественным. А когда они увидели, что мы всерьез намерены свергнуть деспотию, многие из них присоединились к нам.

– Вот так просто?

Она впервые свирепо уставилась на меня.

– Нам потребовалось на это десять лет, и нам еще многое предстоит. Десять лет. Это не «так просто». И отнюдь не все из них остались с нами. Но, так или иначе, большинство банд ушли и больше не вернулись.

– А когда банды распались, сутенеры ушли?

– Они нуждались в бандах, которые их поддерживали.

– Все сходится.

– Что? – спросила она.

– Сутенеры работали на Херта, – сказал я.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю Херта.

– О!

– Ты уже десять лет в организации?

Она кивнула.

– Как ты…

Она покачала головой. Какое-то время мы молча потягивали кляву. Потом она вздохнула и сказала:

– Я вступила в организацию, когда искала себе какое-нибудь занятие после того, как моего сутенера изгнали из этих мест.

– О! – сказал я.

– Не похоже, что я бывшая шлюха? – Она пристально смотрела на меня, пытаясь придать твердость своему голосу.

Я покачал головой и ответил на невысказанную мысль:

– У драгейриан это по-другому. У них проституция не считается чем-то позорным.

Она уставилась на меня, но я не мог понять, чего больше в ее взгляде – недоверия или презрения. Я понял, что если буду продолжать эту тему, то начну сомневаться и в позиции драгейриан, а я вовсе не нуждался в лишних поводах для сомнений.

Я откашлялся.

– Когда ушли сутенеры?

– Мы постепенно прогнали их в течение последних нескольких лет. Мы не видели никого из них уже много месяцев.

– Так-так.

– Ты это уже говорил.

– Ситуация становится более осмысленной.

– Думаешь, именно из-за этого убили Франца?

– Все сутенеры отдавали часть своего дохода Херту. Иначе быть не могло.

– Понятно.

– Франц участвовал в разгоне банд?

– Он во всем участвовал.

– Но именно в этом, в частности?

– Он во всем участвовал.

– Понятно.

Я выпил еще немного клявы. Теперь я уже мог держать стакан, но клява остыла. Глупые люди с Востока. Подошел официант и снова наполнил стакан.

– Херт намерен снова вернуть сутенеров, – сказал я.

– Ты так думаешь?

– Да. Он считает, что теперь он предупредил вас, так что вы впредь будете умнее.

– Мы их снова прогоним. Они агенты сил реакции.

– Агенты сил реакции?

– Да.

– Ладно. Если вы их снова прогоните, он разозлится еще больше.

Я увидел, как что-то промелькнуло в ее глазах, но выражение

лица не изменилось.

– Мы будем с ним сражаться, – сказала она. Видимо, она увидела нечто в моем лице, поскольку снова начала сердиться. – Ты думаешь, мы не умеем сражаться? Каким образом, по-твоему, разгоняли эти банды? Путем вежливых бесед? Ты что, думаешь, они бы нам позволили? Те, кто был наверху, имели власть и хорошо жили. Так просто они бы ее не отдали. Мы умеем сражаться. Когда мы сражаемся, мы побеждаем. Как говорит Келли, это потому, что все настоящие бойцы на нашей стороне Это было похоже на Келли. Какое-то время я молчал, затем сказал:

– Я и не предполагал, что вы оставите сутенеров в покое.

– А что ты думал?

– Ладно. Что случилось с девушками?

– Какими девушками?

– Которые работали на сутенеров.

– Не знаю. Я вступила в организацию, но это было давно, когда все только начиналось. Я ничего не знаю об остальных.

– Разве у них нет такого же права на жизнь?

– У всех нас есть право на жизнь. У нас есть право жить, не торгуя своим телом.

Я посмотрел на нее. В разговоре с Парешем я как-то пропускал его заученные ответы мимо ушей. С Шерил такого не получалось, что лишь расстраивало меня.

– Ладно, – сказал я. – Я выяснил то, что хотел, а у тебя есть кое-какая информация, которую можешь передать Келли.

– Спасибо за кляву, – кивнув, сказала она.

Я расплатился, и мы вернулись на угол. Пареш стоял на прежнем месте, громко споря с низеньким выходцем с Востока о чем-то непонятном. Лойош слетел мне на плечо.

– Что-нибудь узнал, босс?

– Да. А ты?

– Ничего такого, что мне хотелось бы знать.

Пареш кивнул. Я кивнул в ответ. Шерил улыбнулась мне и заняла позицию на углу.

Чтобы не терять времени, я телепортировался обратно к конторе. Что такое легкая тошнота по сравнению с молниеносным перемещением? Ай да Влад Волшебник…

Я прогулялся вокруг конторы, пока мой желудок не успокоился, потом вошел. Проходя через холл к лестнице, я услышал в одной из комнат голос Палки. Заглянул в дверь. Он сидел на диване рядом с Чимовым, молодым парнем, которого я взял на работу во время недавней войны с джарегами. Чимов держал в руке одну из дубинок Палки. В ней было около двух

футов длины и примерно дюйм в диаметре. Палка держал другую, говоря:

– Эти из орешника. Из дуба тоже неплохо. Дело привычки.

– Ну да, – сказал Чимов, – но я не понимаю, чем они отличаются от других.

– Если правильно держать, то ничем. Смотри. Видишь? Держишь ее здесь, примерно на треть длины от конца. Для разных дубинок по-разному, в зависимости от длины и веса, но ты сам подберешь правильный баланс. Вот здесь. Большой и указательный палец играют роль шарнира, и, если угодишь в живот или в какое-нибудь другое мягкое место, делаешь движение запястьем, чтобы дубинка отскочила. Вот так. – Он продемонстрировал, как дубинка отскакивает от воздуха – так мне, по крайней мере, показалось.

Чимов покачал головой:

– А зачем ей отскакивать? Разве удар не будет сильнее, если все время крепко держать ее в руке?

– Верно. И если я пытаюсь разбить человеку колено или голову, то именно так и надо делать. Но, как правило, я лишь стараюсь добиться ответа на свой вопрос. Так что дубинка отскакивает от его головы раз десять – двенадцать, потом слегка портит ему физиономию и пару раз проходится по ребрам, и он начинает понимать то, чего, возможно, до этого не понимал. Суть не в том, чтобы показать свою силу, а в том, чтобы убедить его делать именно то, за что тебе платят.

Чимов попробовал несколько замахов.

– Не так, – сказал Палка. – Пользуйся пальцами и запястьем. Если будешь так размахивать, только устанешь. В этом нет никакого смысла. Вот, смотри…

Я оставил их наедине с их беседой. Подобные беседы были мне знакомы, поскольку я сам в свое время имел их немало. Теперь они начали меня утомлять.

6

«… И ГРЯЗЬ С КОЛЕН»

Я кивнул Мелеставу, проходя мимо, и плюхнулся в кресло. Когда-нибудь я опишу подробно, как нужно плюхаться в кресло с рапирой на боку. Это требует некоторой практики.

Ну что ж, Влад. Ты только что заварил изрядную кашу, убив этого ублюдка, и теперь Херт висит у тебя на хвосте, хотя это тебе совершенно ни к чему. Что сделано, то сделано. Теперь нужно постараться, чтобы не было хуже. Проблема ничуть не труднее прочих. Найти наименее сложную ее часть и решить, потом перейти к следующей…

Я закрыл глаза и дважды глубоко вздохнул.

– Босс, – сказал Мелестав. – Твоя жена здесь. Я открыл глаза.

– Пришли ее сюда.

Коти ворвалась в комнату как разъяренный тсер и посмотрела на меня так, словно я был причиной ее ярости. Ротса сидела у нее на плече. Коти захлопнула за собой дверь и села напротив меня. Какое-то время мы смотрели друг на друга.

– Я разговаривала с Шерил, – сказала она.

– Угу.

– Так что?

– Рад тебя видеть, Коти. Как прошел день?

– Прекрати, Влад.

Лойош неловко пошевелился. Я решил, что ему незачем слышать наш разговор, встал, открыл окно и выпустил его и Ротсу наружу.

– Только ненадолго, приятель.

– Ладно, босс.

Я оставил окно открытым и снова повернулся к Коти.

– Так что? – повторила она.

Я сел и откинулся на спинку кресла.

– Ты злишься, – сказал я.

– Как это ты догадался, однако?

– Не надо, Коти. Я сейчас не в настроении.

– Меня не интересует твое настроение. Я хочу знать, зачем тебе понадобилось допрашивать Шерил.

– Я все еще пытаюсь в точности узнать, что случилось с Францем и почему. Для этого, в частности, я и беседовал с Шерил.

– Зачем?

– Зачем я пытаюсь выяснить обстоятельства убийства Франца? – Я подумал, не сказать ли ей, что я хочу спасти ее

жизнь, но решил, что это будет и нечестно, и бессмысленно. – Полагаю, отчасти причина тут в том, что я обещал это сделать.

– Судя по ее словам, ты постоянно высмеивал все то, во что мы верим.

– Судя по ее словам – наверное, да.

– Зачем тебе это было нужно? – Я покачал головой.

– Что, – сказала она, едко выговаривая каждое слово, – должен означать этот жест?

– Он означает отрицание.

– Я хочу знать, что ты делаешь.

Я встал и сделал полшага в ее сторону, потом снова сел. Мои кулаки сжались и разжались.

– Нет, – сказал я. – Я тебе этого не скажу.

– Не скажешь?

– Совершенно верно. Ты не сочла необходимым сказать мне что-нибудь, когда связалась с этими людьми, и не сочла необходимым рассказать мне, чем ты занималась вчера; соответственно, я не вижу никакой необходимости отчитываться перед тобой в своих действиях.

– Похоже, ты делаешь все возможное, чтобы повредить нашему движению. Если это не так, то…

– Нет. Все, что я мог бы сделать, чтобы повредить вашему движению, далось бы мне намного легче, потребовало бы намного меньше времени и не оставляло бы места для сомнений. Я делаю кое-что другое. Ты не со мной, поскольку так решила и сказала мне об этом. Я пытаюсь расследовать убийство Франца самостоятельно, а ты сделала все, чтобы мне помешать, разве что не пырнула меня ножом, – возможно, это еще предстоит. У тебя нет никакого права так поступать, а затем пытаться допрашивать меня, словно имперский прокурор. Я с этим никогда не соглашусь.

Она яростно посмотрела на меня.

– Достойная речь. Сплошная чушь, и ничего больше.

– Коти, я ясно объяснил свою позицию. Я больше не намерен и не буду соглашаться с чем-то подобным.

– Если только еще раз сунешь свой нос…

– Убирайся из моей конторы.

Ее глаза расширились. Потом сузились. Ноздри раздулись. Мгновение она стояла неподвижно, затем повернулась и вышла, даже не хлопнув дверью.

Я сидел, весь дрожа, пока не вернулся Лойош. Ротсы с ним не было. Я решил, что Ротса, вероятно, с Коти. Я был рад, поскольку знал, что Коти сейчас нуждается хоть в ком-нибудь.

Впустив Лойоша, я вышел из конторы и отправился куда

глаза глядят, избегая, однако, Восточного района. У меня возникло странное желание найти прорицателя, с которым я беседовал несколько недель назад, и убить его; даже сейчас я не могу сказать, почему мне этого хотелось. Мне, собственно, пришлось убеждать себя не делать этого.

Я не обращал внимания на людей вокруг и вообще ни на что Двое подозрительного вида джарегов заметили меня, подошли было на пару шагов, но снова ушли прочь. Лишь намного позже я понял, что это были подручные одного из моих старых врагов, которые, вероятно, хотели со мной по какому-то поводу разобраться, но передумали. К этому моменту Разрушитель Чар был в моей левой руке, и я бил им по стенам, глядя, как отваливаются куски штукатурки, или просто дико размахивал им в надежде, что кто-нибудь подойдет достаточно близко. Не знаю, сколько прошло времени, я ни разу не спросил Лойоша, но, думаю, ходил так больше часа.

Только подумать – ты только что приобрел врага, возможности которого позволяют следить за тобой, куда бы ты ни шел, и ты разозлил его до крайности. И что же ты делаешь? Целый час разгуливаешь без какой-либо защиты, изо всех сил выставляя себя напоказ.

Я бы не назвал это разумным.

Все, что успел Лойош, – один раз крикнуть: «Босс!» Мне показалось, будто я пробудился ото сна и обнаружил, что окружен враждебными лицами. Их было несколько. Я увидел по крайней мере одного с жезлом мага. Я услышал свой внутренний голос, звучавший до абсурда спокойно, который произнес: «Теперь ты мертв, Влад». Не знаю, что произошло, но именно это придало ясности моим мыслям. У меня было лишь мгновение, чтобы что-то сделать, но мгновение это, казалось, тянулось до бесконечности. Варианты приходили и уходили. Разрушитель Чар мог бы, вероятно, пробить блок, который они, видимо, поставили, но я не успел бы телепортироваться до того, как они бы со мной расправились. Я мог бы захватить нескольких из них с собой в долгий путь, что хорошо для воина-тсера, если он хочет сохранить о себе память, но в данный момент в этом было мало смысла. С другой стороны, чтобы кого-то Убить, не посылают группу из восьми или девяти парней; возможно, на уме у них было что-то другое. Однако гадать не было времени. Собрав все свои силы, я вложил их в единственное псионическое сообщение:

– Лойош, уходи.

Я почувствовал, как он взлетел с моего плеча, и, как это ни странно, обрадовался. Что-то укололо меня сзади в шею, и я ощутил прикосновение земли к своей щеке.

Первыми словами, которые я услышал за мгновение до того, как открыть глаза, были:

– Как видишь, ты все еще жив.

Затем я открыл глаза и обнаружил перед собой Баджинока. Еще не отдавая себе отчета ни в чем прочем, я отметил, насколько удачно он выбрал момент для обращения ко мне: как раз в тот момент, когда я пришел в себя, но еще до того, как я заметил цепи, удерживавшие меня на жестком железном стуле, или почувствовал, что пойман в магическую сеть. Собственно, даже до того, как я заметил, что на мне ничего нет. Стул был холодным.

Я посмотрел на него, чувствуя, что должен что-то сказать в ответ, но никакие слова не приходили в голову. Однако он ждал. Думаю, просто из вежливости. Комната оказалась светлой и просторной – насколько я мог видеть, не оборачиваясь, около двенадцати шагов вдоль каждой из сторон. Позади Баджинока стояли пятеро его подручных, и, судя по взглядам и вооружению, они воспринимали меня всерьез. Это мне польстило. В углу валялась моя одежда и всякий хлам.

– Раз уж ты собрал в кучу лею мою одежду, – сказал я, – нельзя ли заодно отдать ее в стирку? Я, конечно, заплачу.

Он улыбнулся и кивнул. В этом отношении мы оба были хладнокровными профессионалами. Я посмотрел на него, начиная осознавать, что мне отчаянно хочется разорвать цепи на руках и ногах, встать и убить его. Задушить. В моем воображении рисовались картины его подручных, безуспешно пытающихся пронзить меня своими мечами, или заклинаний, отскакивающих от меня безо всякого вреда, пока я выдавливаю из него последние капли жизни. Я изо всех сил пытался подавить возникшее желание. Хорошо бы иметь рядом Лойоша – хотя я был рад, что его нет. Терпеть не могу противоречий.

Он пододвинул кресло и сел лицом ко мне, скрестив ноги и откинувшись на спинку. Возможно, он уже выбрал себя эту позицию, когда я пришел в себя, но, думаю, любил драматические эффекты так же, как и я.

– Ты жив, – сказал он, – потому что нам нужно получить от тебя ответы на кое-какие вопросы.

– Спрашивай, – сказал я. – Я готов. Он кивнул.

– Сели я скажу, что мы оставим тебя в живых при условии, что ты ответишь на наши вопросы, ты мне не поверишь. Кроме того, я не люблю лгать. Так что вместо этого я скажу тебе правду: если ты не ответишь на наши вопросы, тебе очень захочется умереть. Ты понял?

Я кивнул, поскольку у меня во рту внезапно пересохло. Я

ощутил внезапную слабость. Я чувствовал, что комната полна чар, вероятно способных противостоять любой магии. Конечно, у меня все еще была связь с Имперской Державой (от которой я узнал, что был без сознания всего минут десять), но вряд ли это мне чем-нибудь поможет. Тем не менее…

– Что тебя связывает с этой группой выходцев с Востока? – спросил он.

Я моргнул. Он не знает? Может быть, мне удастся этим воспользоваться. Если я смогу его обмануть, можно будет попытаться использовать колдовство. Мне уже приходилось поступать так в, казалось бы, безвыходных ситуациях.

– Нуони – выходцы с Востока, – сказал я, – и я тоже с Востока, так что вполне естественно…

Потом я закричал. Сейчас я уже не помню, где именно я ощутил боль. Думаю, везде. Я понял, что он прав: мне хотелось умереть. Боль продолжалась столь короткое время, что закончилась еще до того, как я закричал, но я знал, что больше не выдержу, что бы это ни было. С меня градом катился пот, голова свесилась, и я слышал собственный стон, напоминавший щенячье повизгивание.

Никто ничего не сказал. Наконец я поднял голову. Я чувствовал себя так, словно постарел на двадцать лет. На лице Баджинока не было никакого выражения.

– Что тебя связывает с этой группой выходцев с Востока? – повторил он.

– Одна из них – моя жена, – ответил я. Он кивнул. Значит, он знал. Он намеревался играть со мной в эту игру, задавая вопросы, ответы на некоторые из которых знал, а на некоторые – нет. Великолепно. Но, так или иначе, теперь я знал, что лгать больше нельзя.

– Почему она с ними?

– Думаю, она верит в то, чем они занимаются.

– А ты?

Мое сердце стучало от страха, но нужно было отвечать.

– Я… не понимаю твоего вопроса.

– Что ты делаешь вместе с этими людьми с Востока?

Я испытал неимоверное облегчение. Да, на этот вопрос я мог ответить.

– Коти… я не хочу, чтобы ее убили. Как Франца.

– Почему ты думаешь, что ее могут убить?

– Я не уверен. Я еще… я не знаю, почему убили Франца.

– У тебя есть какие-либо предположения?

Я снова сделал паузу, пытаясь понять вопрос, и, вероятно, молчал слишком долго, поскольку снова испытал приступ боли.

На этот раз дольше. Вечность. Может быть, секунды две. Вирра, прошу тебя, позволь мне умереть.

Когда все кончилось, я какое-то мгновение не мог говорить, но был должен, должен, должен, потому что иначе они сделают это снова, снова, снова…

– Я пытаюсь… я…

Мне пришлось сглотнуть, и я испугался, но вздохнул с облегчением, когда боль не повторилась. Я снова попытался заговорить.

– Воды, – попросил я.

К моему рту поднесли стакан, я глотнул воды, пролив значительно больше себе на грудь. Потом быстро заговорил, чтобы они не думали, будто я пытаюсь тянуть время:

– Они вмешивались в ваши дела… в дела Херта. Вероятно, это было предупреждение.

– Они тоже так думают?

– Не знаю. Келли – их предводитель – достаточно умен. Кроме того, я рассказал одному из них о своих мыслях.

– Если это предупреждение, они обратят на него внимание?

– Не думаю.

– Сколько их там?

– Я видел только около полудюжины, но мне говорили, что…

Я как раз смотрел прямо на дверь, когда она распахнулась, и несколько блестящих предметов пролетели мимо Баджинока и мимо моей головы. Позади меня послышался хрип. Кто-то заранее прозондировал комнату, отметив положение каждого, кто в ней находился. Хорошая работа. Вероятно, Крейгар.

Баджинок не стал терять ни секунды ни на меня, ни на незваных гостей. Он просто шагнул к одному из магов, и они начали телепортироваться. Палка, стоявший в дверях, лишь бросил на него быстрый взгляд, прежде чем войти в комнату. Мимо меня пролетело еще что-то блестящее, и я снова услышал хрип за своим правым плечом, потом заметил в дверях Крейгара, метавшего ножи. Затем в комнату влетел Лойош, а за ним – Сверкающий Псих. Глаза Психа горели, словно лампы на Воротах Дракона Императорского дворца. В моей голове мелькнула мысль: «Спасен», но я еще не верил, что попытка будет удачной.

Наблюдать за Палкой было тем не менее интересно. Он сражался сразу с четверыми. В каждой руке у него было по дубинке, и лицо его было крайне сосредоточенным. Дубинки мелькали в воздухе с такой скоростью, что их очертания сливались в неясное пятно. Он действовал очень грациозно. Одна дубинка отскакивала от головы, затем ударяла в бок, в то время как другая проходилась по макушке другой головы, и так далее.

Когда ему пытались нанести ответный удар, он переходил в атаку так, словно постоянно ее планировал. Он начал двигаться еще быстрее, и вскоре оружие вылетело из рук его противников, а сами они начали спотыкаться. Затем Палка как бы в завершение своего танца прикончил их. По одному за раз, обеими дубинками по макушке, но не совсем одновременно. Бум-крак. Бум-крак. Бум-крак. Бум-крак. Первый рухнул на землю, когда он расправился с третьим. Второй рухнул на землю, когда он покончил с четвертым. Когда упал третий, Палка отступил на шаг назад и огляделся вокруг, а когда упал последний, убрал свои дубинки.

Из-за моего плеча послышался голос Сверкающего Психа:

– Все готовы, Крейгар.

– Хорошо, – произнес голос Крейгара справа от меня, и я увидел, что он трудится над моими цепями.

– С тобой все в порядке, босс?

Цепи упали с моих рук, и я почувствовал, как снимают цепи с ног. В комнату вошла женщина в серо-черной одежде.

– Сейчас мы будем готовы, госпожа, – сказал Крейгар. «Волшебница Левой Руки, – подумал я. – Ее наняли, чтобы телепортировать нас домой».

– Босс?

Цепи упали с моих ног.

– Влад? – спросил Крейгар. – Ты можешь встать? «Сейчас было бы неплохо рухнуть в постель», – подумал я. Я заметил, что Сверкающий Псих собирает мою одежду.

– Босс? Скажи хоть что-нибудь.

Палка посмотрел на меня, потом отвернулся. Кажется, я заметил, как его губы произносят ругательство.

– Проклятье, босс! Что с тобой?

– Ладно, – сказал Крейгар. – Псих, помоги мне поднять его. Собираемся. – Я почувствовал, как мое плечо сжали когти Лойоша. Меня подняли на ноги. – Идем, – сказал Крейгар.

– Босс? Ты можешь…

Мои внутренности вывернулись наизнанку, голова закружилась, и весь мир завертелся волчком внутри моего черепа.

– …ответить?

Меня вырвало на землю рядом с моим домом. Крейгар и Сверкающий Псих поддерживали меня, а Палка, державший узел с моими вещами, стоял рядом.

– Помогите ему войти в дом, – сказал Крейгар. Они попытались помочь мне идти, но ноги не держали меня, и я чуть не упал.

– Босс?

Они попытались еще раз – с тем же результатом.

– Так нам никогда не поднять его по лестнице, – сказал Крейгар.

– Я отнесу его вещи в дом, и… нет, подождите. – Палка на мгновение скрылся из виду, и я услышал, как он негромко с кем-то разговаривает. Я расслышал слова «пьяный»и «бордель»и отвечавший ему голос, похожий на детский. Потом он вернулся уже без узла, подхватил мои ноги, и меня внесли в дом.

Палка опустил мои ноги на верху лестницы и постучал в дверь. Я услышал детский голос:

– Я оставлю это здесь. – Затем послышался шорох, и ребенок сказал: – Нет, все в порядке, – после чего раздался мягкий звук удаляющихся вниз шагов.

Не дождавшись ответа на стук, Палка открыл дверь, и меня втащили внутрь.

– И что теперь? – спросил Сверкающий Псих.

Я услышал едва скрываемое отвращение в голосе Крейгара:

– Думаю, сначала его нужно вымыть, и… Коти!

– Лойош сказал мне, чтобы я немедленно шла домой. Что… Влад?

– Думаю, ему сейчас нужна ванна и постель.

– С тобой все в порядке, Влад?

Лойош слетел с моего плеча. Вероятно, к Коти, но я смотрел в этот момент в другую сторону, так что не мог бы сказать наверняка. Коти какое-то время молчала, потом сказала:

– Отнесите его в ванную. Сюда.

Похоже было, что она с трудом сохраняет спокойствие.

Вскоре я оказался в горячей воде, ощущая мягкие прикосновения рук Коти. Оказалось, что я основательно испачкался, к тому же меня вырвало прямо на грудь и живот. В комнату вошел Крейгар, и они с Коти помогли мне встать, насухо вытерли меня, уложили в постель и оставили там. Лойош, на этот раз молча, сел рядом со мной, прижавшись головой к моей щеке. Ротса скребла когтями по стойке кровати слева от меня.

Из соседней комнаты послышался голос Коти:

– Спасибо тебе, Крейгар.

– Скажи спасибо Лойошу, – ответил Крейгар.

Потом их голоса стали тише, и какое-то время я слышал лишь неясное бормотание.

Наконец дверь квартиры закрылась, и я услышал, как Коти идет в ванную. Раздался звук льющейся воды. Вскоре она вернулась в спальню и положила мне на лоб влажное полотенце. Она надела мне на левое запястье Разрушитель Чар и укрыла меня одеялами. Я откинулся на подушку и стал ждать смерти.

Меня всегда интересовало, какими будут мои последние мысли, если у меня останется на них время. Оказалось, что мои последние мысли – о том, какими будут мои последние мысли. Это было забавно. Я усмехнулся про себя, где-то в глубине души, там, где мне было еще не больно. Если Алира права насчет перевоплощения, возможно, в следующей жизни мне повезет больше. Может быть, в каждой жизни чему-то учишься. Чему я научился в этой? Хорошие парни всегда противостоят плохим парням, и ты никогда не знаешь, как их отличить друг от друга, хотя и берешься за уничтожение плохих. Все мы – плохие парни. Нет. Лойош – не плохой парень. И Коти… Впрочем, какой смысл? Я только…

… С некоторым удивлением я обнаружил, что все еще жив. Потом мне пришла в голову мысль, что, возможно, я и не умру. Я почувствовал, как сильнее забилось мое сердце. Затем окружающее стало приобретать все более реальные черты, и я уже знал, что буду жить. Я все еще не мог воспринять этого до конца, еще в это не поверил, но откуда-то уже знал. Я потянулся к кинжалу в правом рукаве, но его не было. Потом вспомнил, что на мне ничего нет. Поднял голову и увидел в углу узел с моей одеждой и оружием, с торчащей из него рапирой, понимая, что мне до него не дотянуться. Я ощутил Разрушитель Чар на левом запястье. Поможет ли он мне? Как? Я едва ли сумел бы задушить себя. Может быть, я мог бы разбить себе голову.

Я высвободил левую руку и уставился на тонкую золотую цепочку. Когда я впервые нашел ее, Сетра Лавоуд предложила мне выбрать для нее имя. Когда я спросил зачем, она уклонилась от ответа. Я внимательно посмотрел на цепочку, охватывавшую мое левое запястье. Уронил руку с кровати, и цепочка развернулась, упав мне в ладонь. Я поднял ее, и она повисла в воздухе, словно свернувшийся кольцами йенди. Когда я пошевелил рукой, остальная часть цепочки осталась неподвижной, словно другой конец был закреплен в пространстве в двенадцати дюймах надо мной.

– Что ты такое? – спросил я у нее. – Ты не однажды спасала мне жизнь, но я так и не знаю, что ты есть на самом деле. Ты оружие? Ты можешь меня сейчас убить?

Цепочка свернулась и развернулась, словно обдумывая мой вопрос. Я никогда прежде не видел, чтобы она это делала. Трюк с зависанием в воздухе она, правда, проделывала, когда я ее впервые нашел, но это было у горы Тсер, где вполне нормальны всевозможные странности. Или это было на Дорогах Мертвых? Я не мог вспомнить. Собиралась ли она теперь вернуть меня туда? Выходцы с Востока не допускаются на Дороги Мертвых, но был ли

я в действительности выходцем с Востока? Кто такие на самом деле выходцы с Востока? Чем они отличаются от драгейриан? Кому это важно? Понятно – и людям с Востока, и драгейрианам. Кому это не было важно? Келли. А владыкам Залов Суда?

Разрушитель Чар танцевал в воздухе, сворачиваясь и разворачиваясь. Я даже не заметил, когда Лойош вылетел из комнаты. Разрушитель Чар все еще танцевал передо мной, когда вернулась Коти с дымящейся чашкой чаю.

– Выпей, Влад, – сказала она дрожащим голосом. Разрушитель Чар опустился, затем поднялся. Я подумал, что произойдет, если я отпущу конец, который у меня в руке, но не захотел прекращать его танец. Я почувствовал, как чашка коснулась моих губ, и горячий чай потек в мой рот и по моей груди. Я машинально глотнул и ощутил странный вкус. У меня возникла мысль, что, возможно, Коти хочет меня отравить. Когда у моих губ снова появилась чашка, я начал жадно пить, все еще глядя на танец Разрушителя Чар.

Допив чай, я откинулся на подушку, ожидая, когда придет забвение. Как ни странно, я даже слегка удивился, когда оно наступило.

7

«1 ПАРА ЧЕРНЫХ САПОГ: УДАЛИТЬ КРАСНОВАТОЕ ПЯТНО НА НОСКЕ ПРАВ. САПОГА…»

Момента пробуждения я не помню. Я долго смотрел в потолок, не в состоянии сосредоточиться. Медленно возвращались ощущения – мягкость одеяла, запах волос Коти у моего лица, ее теплая сухая ладонь в моей. Другой рукой я ощупал себя, лицо и тело, и моргнул. Поперек моей шеи покоился хвост Лойоша – легкий и чешуйчатый.

– Босс? – осторожно спросил он.

– Да, Лойош. Я здесь.

Он положил голову на мою щеку. Вместе с легким ветерком из окна доносился запах адриланкского утра. Я облизнул губы, крепко зажмурился и снова открыл глаза. Ко мне вернулась память, пронзив меня словно иглой. Я содрогнулся и повернулся к Коти. Она не спала и смотрела на меня. Глаза ее были красными.

– Кое-кто из нас готов на все ради сочувствия, – сказал я. Голос прозвучал хрипло. Она сжала мою руку и мягко рассмеялась.

– Я все думаю, как бы получше спросить: «С тобой все в порядке?»– так, чтобы ты не подумал, будто ты мне безразличен.

Я сжал ее руку в ответ. Лойош взлетел и описал круг по комнате. Откуда-то прилетела Ротса и зашипела.

– Если ты хочешь узнать, собираюсь ли я покончить с собой, то ответ отрицательный, – сказал я и спросил: – Ты не спала, верно?

Она сделала жест, который я воспринял как «нет».

– Может быть, лучше было бы поспать, – сказал я. Она посмотрела на меня красными глазами. – Знаешь, на самом деле это ничего не решает.

– Знаю, – ответила она, и на этот раз хрипло прозвучал ее голос. – Хочешь поговорить?

– О том, что случилось вчера? Нет. Это было слишком недавно. Что ты мне дала? Это ведь был яд, правда?

– В чае? Да. Циолин, но в небольшой дозе, просто для того, чтобы ты заснул.

Я кивнул. Она наклонилась надо мной, и я обнял ее, продолжая смотреть в потолок. Он был сделан из досок, и Коти покрасила его в бледно-зеленый цвет. «Зеленый?»– помню, спросил я тогда. «Это символизирует рост и плодородие», – объяснила она. «Ага», – сказал я, и мы занялись другими делами.

Сейчас он выглядел просто зеленым. Но она обнимала меня. Выводы делайте сами.

Я встал и занялся утренним туалетом. Когда я снова заглянул в комнату, Коти спала. Я вышел с Лойошем на улицу, заглянул к Киггу и выпил клявы. Выйдя из дома, я был очень осторожен и постоянно оглядывался по сторонам. На меня никогда не нападали, когда я был настороже: нападение всегда происходило неожиданно. Это кажется странным лишь из-за того, что большую часть времени я ожидаю нападения. Я подумал, как бы было славно, если бы не надо было об этом беспокоиться. Если эти выходцы с Востока пойдут своим путем, и их мечты станут явью, такое время может наступить. Но, так или иначе, меня это не касалось. Я не мог вспомнить ни единого момента, когда мне не приходилось быть начеку. Даже в детстве слишком многие детишки не любили людей с Востока. Такова уж была моя судьба, ничего не поделаешь. Но все-таки…

– Похоже, ты чересчур задумался, босс.

Я кивнул:

– Верно, приятель. Скажи мне, на что не обращать внимания.

– Гм…

– Вот именно.

– Насчет этих людей с Востока – группы Келли…

– Да?

– Если бы тебе не нужно было тревожиться за жизнь Коти, как бы ты тогда к ним относился?

– Откуда я могу знать?

– Как ты относишься к тому, что Коти – одна из них?

Хороший вопрос. Я подумал и ответил:

– Пожалуй, не стоит ждать ничего хорошего от группы людей, столь поглощенных своими идеями, что другие люди их абсолютно не интересуют.

– Но как насчет Коти – ведь она…

– Не знаю, Лойош. У меня так и не было возможности понять, что ее с ними связывает. Сколько это потребует времени? Увижу ли я ее вообще? Хочет ли она дать им денег? Сколько? Слишком многого я не знаю. Ей бы следовало обо всем мне рассказать.

Я выпил еще клявы и немного подумал. Выходя на улицу, я был очень осторожен.

Придя в контору, я на ходу поздоровался с Крейгаром и Мелеставом и направился прямо в подвал. Рядом с лабораторией есть большая пустая комната с большим количеством фонарей. Я зажег их, вытащил рапиру, отсалютовал собственной тени и атаковал ее.

Атака в голову. Что же случилось со мной прошлой ночью?

Шаг вперед, шаг назад. Это было хуже, чем если бы мне сказали, что в прежней жизни я был драгейрианином. Или, по крайней мере, иначе.

Шаг вперед, удар в бок, шаг назад. Может быть, мне следует просто забыть, что я пытался покончить с собой. Но я все равно могу попытаться еще раз, и, возможно, более успешно. Тогда это может оказаться лучшим выходом.

Шаг вперед, удар в щеку, удар в шею, шаг назад. Чепуха. С другой стороны, не было никакого сомнения в том, что я действительно хотел покончить с собой прошлой ночью и пытался это сделать. В это трудно было поверить.

Атака в бок, атака в голову, шаг вперед, удар в ногу, укол в грудь. Наверное, из-за боли – той невероятной боли. Но все уже кончилось. Я намеревался добраться до Херта, прежде чем он доберется до меня, но это могло никак не изменить отношения Коти ко мне, и мне никто бы за это даже не заплатил. Но, так или иначе, мне нужна гарантия, что больше он подобного со мной не сделает. Никогда.

Шаг назад, уход в защиту, шаг вперед, удар в шею. Я не самоубийца. Есть многие наемники, которым все равно, жить или умереть, но я никогда не был одним из них. Раньше – не был. Не важно. Так можно всю жизнь провести в размышлениях над тем, почему я хотел с этой жизнью покончить. У меня были дела и поважнее, а эти мысли уводили в никуда. Я вынужден убить Херта, и этим все сказано.

Салют. Жаль, что мне придется это сделать…

И жаль, что здесь внизу нет ванны…

– Крейгар?

– Да?

– Я уже устал копаться в дерьме.

– Давно пора.

– Заткнись. Мне нужны все подробности о Херте. Абсолютно все. Я хочу знать любимый цвет его любовницы и как часто она моет волосы. Я хочу знать, сколько перца он кладет себе в суп. Я хочу знать, как часто он…

– Ладно, босс. Я этим займусь.

– Ты сможешь до него добраться до того, как что-нибудь случится с Коти?

– Не знаю. Я даже не уверен, что с Коти вообще что-нибудь случится. Но мы не можем рисковать. Я должен… – Внезапно мне в голову пришла мысль, которую я тут же отбросил, но она вернулась. Я мог бы сделать кое-что, что могло бы мне помочь.

– Ей это не понравится, если она узнает, босс.

– Во имя Вирры, Лойош! Ей не нравилось вообще ничего, что я делал с тех пор, как заварилась вся эта каша. Так что? Есть какие-то другие идеи?

– Думаю, нет.

– И у меня тоже. Мне давно следовало это сделать. Я просто не подумал. Ротса сейчас с ней?

– Да, – ответил он после некоторой паузы.

– Тогда пошли.

– Как насчет защиты для тебя самого?

Вспомнив вчерашний день, я ощутил внезапную тошноту.

– На этот раз я не намерен действовать вслепую.

– Ты уверен?

Вопрос прозвучал риторически, так что я не ответил.

Я телепортировался прямо из своего кабинета, на случай если кто-то поджидал меня снаружи. Восточный район начинал выглядеть все более знакомо, по мере того как я проводил здесь все больше времени. По этому поводу я испытывал смешанные чувства.

– Она перемещается? – спросил я.

– Сейчас нет, босс. Только что остановилась.

– Как далеко мы от нее?

– Я мог бы долететь за пять минут.

– Великолепно. Так как далеко мы от нее?

– Полчаса ходу.

Улицы изгибались и извивались, и действительно прошло около получаса, прежде чем мы оказались рядом с большим парком. Парк был полон народу. Там были тысячи людей, большей частью выходцы с Востока. Я был ошеломлен. Последний раз я видел такое количество народа в одном месте на поле битвы. Мне это не понравилось.

Я глубоко вздохнул и под руководством Лойоша двинулся через толпу. («Сюда. Хорошо, теперь опять направо. Теперь сюда».) Лойош был достаточно осторожен, чтобы не дать понять Ротсе, что он здесь. Ему это могло не нравиться, но, полагаю, он решил воспринимать происходящее как игру. Я был столь же осторожен, чтобы не попасться на глаза Коти, и в этом не было ничего похожего на игру.

Я заметил ее, стоящую на помосте, который, видимо, был центром внимания толпы. Она внимательно оглядывала толпу, хотя большинство из смотревших на нее, вероятно, об этом не догадывались. Сначала я решил., что она ищет меня, но потом понял и усмехнулся. На краю помоста стоял Келли, громогласно вещая об «их» страхе перед «нами», а Коти играла роль его телохранителя. Великолепно. Я подошел ближе к помосту, качая

головой. Я хотел быть ее телохранителем, незаметно для нее. Она следила, чтобы никто не подобрался слишком близко к помосту, – другими словами, она следила, чтобы никто не сделал того, что именно сейчас пытался сделать я.

Поняв это, я остановился футах в сорока от помоста и стал наблюдать. Не могу сказать, о чем была речь: я не слушал. Келли не превращал толпу в беснующуюся массу, но его слушали с интересом, и кое-где раздавались одобрительные возгласы. Я почувствовал себя потерянным. Мне никогда прежде не приходилось находиться среди большой группы людей, пытаясь понять, намерен ли один из членов этой группы убить другого. Полагаю, есть какие-то способы это сделать, но я их не знаю. Время от времени я бросал взгляд на помост, но ничего не происходило. Время от времени я улавливал фразы из речи Келли типа «историческая необходимость» или «мы не намерены ползти к ним на коленях». Кроме Келли, там были Грегори, Наталия, несколько выходцев с Востока и какие-то незнакомые мне теклы. Они тоже с интересом слушали, о чем говорил Келли.

Наконец толпа начала расходиться под одобрительные возгласы. Я пытался держаться как можно ближе к Коти, насколько это было возможно, чтобы остаться незамеченным. До нее было не очень близко. Вокруг тех, кто был на помосте, образовывались группы людей. Коти держалась рядом с Келли. По мере того как народ рассеивался, я ожидал увидеть кого-то еще, кто, как и я, наблюдал за ней, но никого не было.

Через полчаса Келли, Грегори и Наталия покинули парк, и все быстро успокоилось. Я последовал за ними. Они вернулись к дому Келли и скрылись внутри. Я стал ждать. Погода, к счастью, стояла хорошая: ненавижу стоять и ждать на холоде или под дождем.

У меня хватало времени, чтобы подумать, а подумать было о чем.

Я действительно пытался покончить с собой. Почему? Да, это был первый раз, когда меня пытали, но и до этого из меня пробовали выбить информацию; так ли уж все было по-другому? Я вспомнил боль и собственные вопли, и меня всего передернуло.

В других случаях, когда я вынужден был выдать какую-то информацию, я сохранял контроль над собой. Я был в состоянии играть с ними – дать им какой-то кусочек, а все, что можно, удержать при себе. На этот раз я просто вывернулся наизнанку. Ладно, но тем не менее это не в счет. Я никогда не был склонен к самоубийству. Так ли? Вирра, что со мной происходит?

Какое-то время спустя я сказал:

– Лойош, продолжай следить за домом. Я собираюсь нанести

визит Нойш-па.

– Нет, босс. Только со мной.

– Что? Почему?

– Херт все еще ищет тебя.

– О… да.

Коти вышла несколько часов спустя. Дело уже шло к вечеру. Она направилась в сторону дома. Я последовал за ней. Несколько раз Ротса, сидевшая у нее на плече, начинала нервно оглядываться по сторонам, и Лойош предложил слегка поотстать, что мы и сделали. Я погулял еще час или около того, потом тоже пошел домой. Мы с Коти почти ничего не сказали друг другу, но я заметил, что она то и дело обеспокоенно поглядывает в мою сторону.

То же повторилось и на следующий день. Она ушла из дома, а я последовал за ней, наблюдая, как она продает газеты (на этот раз новые, как я заметил; в заголовке говорилось что-то насчет землевладельцев) и разговаривает с незнакомцами. Я внимательно присматривался к ним, особенно к драгейрианам. Я связался с Крейгаром, чтобы узнать, как у него дела, и он сказал, что занимается порученной ему задачей. После этого я оставил его в покое. Я вообще побеспокоил его лишь из-за того, что ощущал нарастающее чувство безнадежности.

Безнадежности? Именно. Я всюду следовал за Коти, отчаянно пытаясь сохранить ее жизнь и зная, что это бесполезно. Я не мог быть уверен в том, что они собираются убить кого-то из людей с Востока, и не было никаких причин полагать, что это должна быть именно Коти; да и, честно говоря, я мало что мог сделать. Наемные убийцы действуют врасплох. Но если убийца может застать врасплох жертву, есть шанс, что он застанет врасплох и находящегося в двадцати или тридцати футах телохранителя. Пытаться как-то защитить Коти было практически бесполезно. Но в таком случае я ничего больше не мог делать, кроме как думать, а я уже устал думать.

– Босс?

Я посмотрел в ту сторону, где что-то привлекло внимание Лойоша. Это был угол большого коричневого здания – одного из домов с квартирами для нескольких семей.

– Что такое?

– Я кого-то там заметил – достаточно высокого, – видно, драгейрианина.

Какое-то время я следил за домом, но там больше не было никакого движения. Коти все еще стояла у овощного прилавка вместе с Шерил, время от времени обмениваясь репликами с продавцом. В течение получаса я пытался одновременно следить

за Коти и за углом дома, наконец сдался и сосредоточился на наблюдении за женой, в то время как Лойош продолжал следить за тем местом, где он кого-то заметил. Наконец Коти и Шерил вернулись к зданию, которое, видимо, было их штаб-квартирой, хотя Коти упоминала его лишь как жилище Келли. Я пытался следить, не идет ли кто за ними следом, но не мог с уверенностью этого сказать.

Коти вошла внутрь, а Шерил пошла дальше. Я занял позицию подальше от посторонних глаз, откуда я мог бы следить за дверью. Похоже, мне предстояло узнать эту дверь намного лучше, чем когда-либо хотелось. По крайней мере, я был рад, что Коти не могла телепортироваться.

Уже вечерело, когда драгейрианин в одежде цветов Дома Джарега уверенно подошел к двери и вошел внутрь. Я проверил оружие и быстро двинулся следом за ним, но он уже снова вышел наружу, прежде чем я успел до половины пересечь улицу. Я отвернулся с безразличным видом, и он меня не заметил. Когда я обернулся, он поспешно уходил прочь. Я решил было последовать За ним, но передумал: максимум что мне удастся, так это убедиться, что его послал Херт. И что в этом толку?

Вероятно, решил я, он был чьим-то посланцем. Или, возможно, магом и только что убил всех находившихся в доме. Или… Но в этот момент из дома торопливо вышли Коти, Пареш и Наталия. Я последовал за ними. Они направились на северо-восток, к центру города. (Восточный район – это Южная Адриланка, которая расположена в основном к западу от центра. Попробуйте сами разобраться, если вам интересно.) Не доходя до необозначенной границы драгейрианской территории (Плотницкой улицы), они свернули и прошли еще несколько переулков. Наконец они остановились и собрались вокруг чего-то лежащего на земле. Коти опустилась на колени, в то время как остальные встали рядом. Пареш начал оглядываться по сторонам. Я подошел к ним, и он меня увидел. Он быстро выпрямился и поднял руку, словно намереваясь сотворить какое-то заклинание, и Разрушитель Чар скользнул мне в ладонь. Но Пареш ничего не сделал, и в конце концов я оказался достаточно близко для того, чтобы меня можно было узнать в оранжево-красных сумерках, и для того, чтобы увидеть, как Коти стоит на коленях рядом с чьим-то телом. Она подняла голову.

Пареш был возбужден, на шее у него напряглись жилы. Наталия стояла с обреченным видом, не проявляя особого интереса. Коти яростно смотрела на меня.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Пареш.

– Ничего, – ответил я, решив, что позволю ему лишь один

подобный вопрос. Он кивнул, вместо того чтобы настаивать, что меня несколько обескуражило.

– Что ты здесь делаешь, Влад? – спросила Коти.

Вместо ответа я подошел к телу. Посмотрел на него, потом в сторону, потом снова на тело. Когда-то это была Шерил. Ее забили до смерти. Оживить ее было невозможно.

Обе ноги были переломаны в коленях, над ними и ниже. Обе руки были сломаны в локтях. Лицо ее было обезображено, голова проломлена. И так далее. По моей профессиональной оценке, это произошло несколько часов назад. А если ты не в состоянии профессионально оценивать события, какой смысл быть профессионалом. Я снова отвернулся.

– Что ты здесь делаешь, Влад? – повторила Коти.

– Я шел за тобой.

Она посмотрела на меня, потом кивнула, словно про себя:

– Ты что-нибудь видел?

– Лойош, возможно, заметил, как кто-то следил за вами на рынке, но потом вы пошли к Келли, и я только наблюдал за дверью.

– У тебя не возникло желания кому-нибудь об этом рассказать?

Я моргнул. Рассказать кому-нибудь? Кому-то из них? Что ж, возможно, это имело смысл.

– Мне как-то не пришло в голову.

Она взглянула на меня, потом повернулась спиной. Пареш смотрел на меня с нескрываемой яростью. Наталия отвернулась, но, внимательнее приглядевшись, я увидел, что она почти дрожит от гнева. Руки Коти были сжаты в кулаки, и она ритмично сжимала и разжимала их. Я почувствовал, что и сам начинаю злиться. Они вовсе не хотели меня видеть; они определенно не просили меня охранять Шерил. Теперь они все были вне, себя от ярости именно потому, что я этого не сделал. С меня было достаточно…

– Они злятся не на тебя, босс.

– А?

– Они злятся на Херта за то, что он это сделал, и, возможно, на самих себя за то, что позволили ему это сделать.

– Как они могли этому помешать?

– Не спрашивай меня.

Я повернулся к Парешу, стоявшему ближе всех.

– Как вы могли этому помешать?

Он лишь покачал головой. Вместо него сдавленно ответила Наталия:

– Мы могли быстрее организовать наше движение, придать

ему силу, тогда они не посмели бы этого сделать. Они бы сейчас нас боялись.

Время было неподходящим, чтобы объяснить им, что я думаю по этому поводу. Вместо этого я помог отнести тело Шерил в дом Келли. На нас почти никто не обратил внимания, когда мы шли по темнеющим улицам. Думаю, это кое о чем говорило. Все трое вели себя так, словно оказали мне великую честь, позволив им помогать. Однако я не стал это комментировать. Мы оставили тело в передней, они вошли в комнату, а я молча покинул дом.

По пути к Нойш-па меня охватил иррациональный страх, что я могу найти его убитым. Не стану томить вас неизвестностью и сразу скажу, что он был в добром здравии, но то, что я ощущал, само по себе интересно.

Когда я прошел мимо колокольчиков, послышался его голос:

– Кто там?

– Это я, Влад, – ответил я.

Мы обнялись, и я сел рядом с Амбрушем. Нойш-па хлопотал вокруг, приготовляя чай и рассказывая о своем новом знакомом – торговце пряностями, который до сих пор добавлял в полынную водку мяту и настаивал в течение двух недель, как это и положено. Когда чай был готов и по достоинству оценен, он спросил:

– Что тебя беспокоит, Владимир?

– Все подряд, Нойш-па.

Он пристально посмотрел на меня:

– Ты плохо спишь.

– Да.

– Для нашей семьи это неважный признак.

– Да.

– Что случилось?

– Помнишь того парня, Франца, которого убили?

Он кивнул.

– Так вот, – сказал я, – убили еще одну женщину. Ее тело только что нашли. Он покачал головой:

– И Коти все еще с ними? Я кивнул:

– Более того, Нойш-па. Они ведут себя, словно дети, которые нашли кинжал Морганти. Они сами не знают, что делают. Просто искренне считают, что смогут выступить против всего Дома Джарега, не говоря уже о самой Империи. Это бы меня никак не волновало, не будь Коти одной из них, но я просто не в состоянии постоянно ее охранять. Я стоял рядом с домом, где они собираются, когда появился посланник, сообщивший им, где искать тело, – так я, по крайней мере, предполагаю. Но он точно так же мог быть магом и уничтожить дом вместе со всеми, кто

там был. Я знаю типа, который за этим стоит – он на такое способен. Они, похоже, просто этого не понимают, а я не могу их убедить.

Когда я закончил, Нойш-па с задумчивым видом пошевелился в кресле. Потом сказал:

– Говоришь, ты знаешь этого человека?

– Не слишком хорошо, но знаю.

– Если он может это сделать, то почему не сделал?

– Пока это ему не нужно. Это стоит денег, а он не станет тратить больше необходимого.

Он кивнул.

– Мне говорили, что вчера у них было собрание.

– Что? Ах да. В парке недалеко отсюда.

– Потом они устроили шествие. Оно проходило мимо. Там было полно народу.

– Да. – Я вспомнил парк. – Наверное, несколько тысяч. Но что из этого? Что они могут сделать?

– Возможно, тебе следует снова поговорить с этим Келли, попытаться его убедить.

– Возможно, – сказал я.

Помолчав, он добавил:

– Я никогда не видел тебя столь несчастным, Владимир.

– Так или иначе, – ответил я, – это, полагаю, моя работа. Мы играем по правилам, знаешь? Если нас оставить в покое, то и мы оставляем в покое. Если пострадает кто-то, кто не принадлежит к нашей организации, это означает, что он совал свой нос куда не положено. В том нет нашей вины, таково положение дел. Люди Келли сделали именно это – влезли куда не положено. Только на самом деле они этого не делали. Они… Чтоб им провалиться в подземелья Вирры! Иногда у меня возникает желание просто завершить за Херта его работу, а иногда мне хочется… сам не знаю чего. И, знаешь, я чересчур увяз в этом. Мне бы следовало нанять кого-нибудь, чтобы он делал за меня эту работу, но я просто не могу. Понимаешь? – Я моргнул. Я нес полную чушь, уже забыв о Нойш-па. Интересно, что он по этому поводу подумал?

Он мрачно посмотрел на меня. Лойош сел мне на плечо и сжал его когтями. Я выпил еще чаю.

– А Коти? – спросил Нойш-па.

– Не знаю. Может быть, она испытывает те же чувства и именно поэтому оказалась вместе с этими людьми. Знаешь, она убила меня.

Его глаза расширились.

– Так мы встретились, – сказал я. – Ее наняли, чтобы убить меня, и она это сделала. Я никогда не убивал выходца с Востока.

Она убивала. А теперь ведет себя так, словно… не важно.

Он внимательно изучал меня и, полагаю, вспомнил наш последний разговор, так как спросил:

– Как давно ты этим занимаешься, Владимир? Убийствами?

В его вопросе звучал неподдельный интерес, и я ответил:

– Много лет. Он кивнул.

– Вероятно, тебе пора над этим задуматься.

– Предположим, я бы вступил в стражу Дома Феникса, если бы меня приняли. Но и это убийство людей за деньги. Или записался бы в личную армию какого-нибудь дракон-лорда. Какая разница?

– Наверное, никакой. Я не могу тебе ответить, Владимир. Я только сказал, что, возможно, пришло время над этим задуматься.

– Ладно, – сказал я. – Я подумаю.

Он налил еще чаю, и вскоре я пошел домой.

8

«… УДАЛИТЬ ГРЯЗЬ И САЖУ С ОБОИХ…»

Я вспоминаю Стену Склепа Бэрита.

На самом деле, как вы понимаете, это не склеп; мертвеца внутри его нет. Это Сериоли увлекаются склепами. Они устраивают их под землей или внутри гор и помещают туда своих мертвых. Мне это кажется странным. Что касается драгеириан, они иногда воздвигают памятники своим большим шишкам вроде Бэрита, а воздвигнув, называют их склепами.

Склеп Бэрита был огромным во всех отношениях, нечто чудовищное из серого сланца, с выгравированными на поверхности рисунками и символами. Он торчал высоко в Восточных горах, неподалеку от места, где драгейриане выменивали у людей с Востока красный перец и другие вещи. Как-то раз именно в этом месте я оказался в самой гуще сражения, и я никогда этого не забуду. Одна армия состояла из выходцев с Востока, которые погибли, другая – из текл, которые тоже погибли. На стороне драгейриан были несколько драконлордов, которым реально ничего не грозило. Это воспоминание навсегда останется со мной. Никто не намеревался причинить вред Маролану или Али-ре, и они сражались как божества. Еще я помню, как смотрел на все это и кусал губы от беспомощности.

Как вы понимаете, все это оказалось отнюдь не бессмысленным. Маролан получил возможность хорошо подраться, Сетра Младшая получила большой меч Кайрана, в то время как Алира получила еще один, подходящий ей по размеру, а я понял, что в один прекрасный день могу так и не вернуться домой. Что же касается самого сражения, то я ничего не мог сделать, если только не захотел бы стать одним из текл или одним из выходцев с Востока, которые сыпались, словно пепел, с горы Зарика. Я этого не хотел и потому лишь наблюдал.

Именно об этом я и вспоминал сейчас. Собственно, каждый раз, когда я ощущаю собственную беспомощность, ко мне возвращаются эти воспоминания. Я помню каждый крик раненого человека с Востока или даже теклы. Я знаю, что драконы считают убийство менее «благородным» делом, чем безжалостное избиение людей с Востока, но я так и не смог понять почему. Впрочем, то сражение продемонстрировало мне, что есть тщета. Так много смертей ради столь малого результата.

Конечно, в конце концов я сделал… кое-что – но это уже совсем другая история. Что я хорошо запомнил, так это

собственную беспомощность.

Коти со мной не разговаривала.

Не то что она отказывалась со мной разговаривать, скорее ей просто нечего было сказать. Все утро я бродил босиком по дому, вяло отмахиваясь от попадавшихся мне по пути джарегов и выглядывая из окон в надежде увидеть хоть что-нибудь интересное. Я метнул несколько ножей в мишень в холле и промахнулся. В конце концов я взял с собой Лойоша и отправился в контору, внимательно оглядываясь по сторонам.

Крайгар ждал меня. Вид его не выражал особой радости.

– В чем дело? – спросил я.

– Херт.

– Что – Херт?

– У него нет любовницы, он не ест супа, и он никогда не…

– Что ты имеешь в виду? Ты не смог ничего о нем выяснить?

– Нет, я основательно за ним проследил. Хорошая новость состоит в том, что он не маг. Но, с другой стороны, он вроде тебя: у него нет постоянного графика. И у него нет своей конторы – он работает прямо у себя дома. Он никогда не посещает один и тот же трактир дважды подряд, и я вообще не смог обнаружить никакой закономерности в его перемещениях.

Я вздохнул:

– Я отчасти ожидал чего-то подобного. Что ж, продолжай в том же духе. Может быть, в конце концов что-нибудь проявится. Никто не в состоянии вести абсолютно случайную жизнь.

Он кивнул и вышел.

Я положил ноги на стол, потом снова опустил их, встал и прошелся по комнате. Мне снова пришло в голову, что Херт знает о моих планах. Возможно, кто-то стоит на улице прямо сейчас, пытаясь застать меня врасплох. Я выглянул в окно, но не увидел никого, стоящего напротив моих дверей с кинжалом в руке. Я снова сел. Даже если бы я сумел разделаться с Хертом первым, этот кто-то уже получил свои деньги и рано или поздно доберется до меня. Я содрогнулся.

По крайней мере одно можно было сказать: на какое-то время я мог не беспокоиться за Коти. Они получили очередное недвусмысленное предупреждение от Херта, и теперь он ничего больше не станет делать, пока не увидит, каков будет результат. Это означало, что я мог полностью переключиться на заботу о собственной безопасности. Каким образом? Что ж, я мог бы выиграть какое-то время, убив своего преследователя, кем бы он ни был, что вынудило бы Херта заняться поисками другого убийцы.

Неплохая идея, Влад. И как же ты собираешься это сделать?

Я задумался. Лойошу это не понравилось. Я спросил, есть ли у него другие предложения, но таковых не оказалось. Я решил сделать намеченное сразу, до того как осознаю, насколько это глупо. Я встал и вышел из конторы, не сказав никому ни слова.

Лойош пытался выследить его, пока я бродил по окрестностям, но безуспешно. Либо меня никто не преследовал, либо парень был весьма опытным. Я провел за этим занятием все утро и начало дня. Мои собственные усилия были направлены не столько на поиски убийцы, сколько на попытки сделать вид, что я чувствую себя в безопасности. Сохранять спокойствие в подобных обстоятельствах не так-то просто.

Наконец, ближе к полудню, я направился снова в Восточный район. Там, в то же самое время, что и предыдущие два дня, я расположился неподалеку от дома Келли и стал ждать. Меня не слишком интересовали входившие и выходившие, но я отметил необычную активность. Появилась Коти вместе с моим другом Грегори. Оба несли большие ящики. Выходцы с Востока и незнакомые мне теклы носились туда-сюда весь день. Однако, как я сказал, я не слишком внимательно наблюдал за ними. Я ждал, когда убийца сделает свой ход.

Как вы понимаете, это было не слишком подходящее место для того, чтобы разделаться со мной. Я прятался за углом здания и мог видеть почти все происходящее вокруг. Лойош парил над моей головой и тоже наблюдал. Но это было единственное место, которое я регулярно посещал последние несколько дней. Если я смогу продолжать в том же духе, он поймет, что это лучшее место, чтобы покончить со мной. Он воспользуется этим, и, может быть, мне удастся его убить, что даст передышку, пока Херт найдет кого-нибудь другого.

К несчастью, я понятия не имел, когда он перейдет к делу Ожидать нападения в течение нескольких часов нелегко, особенно когда намереваешься прикончить кого-то лишь ради самого этого поступка.

Люди с Востока и теклы продолжали входить и выходить из дома Келли. Ближе к вечеру они начали выходить с большими пачками бумаги. Один из них, незнакомый мне текла, вместе с бумагой нес ведро и кисти; он начал расклеивать листы на стенах близлежащих домов. Прохожие останавливались, читали и шли дальше.

Я провел там несколько часов, но предполагаемый убийца так и не появился. Вероятно, ему некуда было спешить. Возможно также, у него были более подходящие идеи относительно места, где меня пришить. По пути домой я был особенно осторожен, но обошлось без приключений.

Когда я свалился в постель, Коти еще не было дома.

На следующее утро я не стал ее будить. Я немного убрался в доме, приготовил себе клявы и сел, одновременно пытаясь пить и фехтовать с тенью. Лойош был поглощен какой-то серьезной беседой со своей подругой, пока Коти чуть позже не встала и не забрала Ротсу, а затем ушла, не сказав ни слова. Я остался дома и лишь ближе к вечеру отправился на то же место.

Накануне я заметил необычную активность людей Келли. Сегодня там было пусто. Никаких признаков жизни. Подождав немного, я осторожно покинул свое укрытие и взглянул на один из плакатов, которые они расклеивали вчера. Там сообщалось о намеченном на сегодня митинге и содержались какие-то слова о том, что пора положить конец притеснениям и убийствам.

Я подумал, не пойти ли мне на митинг, но решил, что не стоит больше с этим связываться. Я вернулся в свое укрытие и стал ждать. Как раз в этот момент они начали появляться. Первыми вернулись Келли и Пареш. Потом несколько незнакомых, потом Коти, потом опять какие-то незнакомцы. Большинство из них были выходцами с Востока, но среди них было и несколько текл.

Они все шли и шли. Через маленькую площадку двигался нескончаемый поток, который все прибывал. Мне стало любопытно. Несколько раз я ловил себя на том, что больше внимания обращаю на них, чем на потенциального убийцу, который, вероятно, следил за мной. Это был… который?., четвертый день моего пребывания здесь. Если бы убийца был достаточно безрассуден, он расправился бы со мной на третий день. Если же он исключительно осторожен, то он подождет еще несколько дней или поищет более подходящее место. Что мне делать? Интересный вопрос. Я мог бы либо выбрать более подходящее место, либо сделать свой собственный ход сегодня. Я почти улыбнулся своим мыслям. Сегодня я готов был убить самого себя, если бы мне за это заплатили.

Я покачал головой. Мои мысли снова пошли не в том направлении. Лойош взлетел с моего плеча, полетал немного вокруг, потом вернулся на свое место.

– Его либо здесь нет, либо он хорошо спрятался, босс.

– Ладно. Что ты думаешь об этом столпотворении?

– Не знаю. Однако они взбудоражены, словно осиное гнездо.

Людской поток все не кончался. По мере того как дело шло к вечеру, все больше и больше людей с Востока и текл входило в дом Келли и вскоре выходило оттуда, часто с пачками бумаги в руках. Я заметил одну группу из шести человек, появившихся с

черными повязками на головах, которых у них не было, когда они входили. Вскоре в дом вошла еще одна группа и тоже появилась с повязками на головах. Коти, так же как и другие знакомые мне личности, то исчезала в доме, то появлялась оттуда примерно каждый час или около того. Когда она появилась в очередной раз, у нее на голове тоже была повязка. Я мог разглядеть ее только у нее на лбу, поскольку она полностью сливалась с ее волосами, но, по-моему, смотрелось это неплохо.

Уже вечерело, когда я заметил у одной из групп, слонявшихся возле дома, в руках палки. Я присмотрелся получше и увидел, что у одного из них был нож. Я облизнул губы, напомнив себе, что должен следить за убийцей, и продолжал наблюдать.

Меня вовсе не удивило, когда еще примерно через час появились новые группы людей с палками, ножами, тесаками, а то и с мечами или копьями.

Похоже, должно было произойти некое Событие.

Мною овладели смешанные чувства. С одной стороны, я был доволен. Я никогда не думал, что эти люди в состоянии объединиться в подобных масштабах – сейчас на улице было около сотни вооруженных выходцев с Востока. Я даже ощутил своеобразную гордость за них, но знал: если это будет продолжаться, они привлекут к себе внимание, что не принесет им ничего, кроме неприятностей. Мои ладони вспотели, и я уже не слишком тревожился из-за убийцы, который, как я полагал, мог быть где-то неподалеку.

Собственно, подумал я, о нем можно почти забыть. Будь он достаточно смел, сейчас было самое подходящее время со мной разделаться. Но он мог сделать это и вчера, и позавчера. Родилось ощущение, что он чем-то напоминает меня. Я предпочитаю действовать по плану, а сто вооруженных злобных людей с Востока вряд ли были частью плана этого типа.

Улица продолжала заполняться народом. Даже переполняться. Вооруженные выходцы с Востока шли прямо передо мной. Я старался делать все возможное, чтобы остаться незамеченным. Я даже представить себе не мог, что они собирались делать, но они, похоже, считали происходящее крайне важным. Я решил покинуть это место, поскольку был уверен, что предполагаемый убийца давно уже ушел.

В этот момент дверь дома Келли открылась, и оттуда вышел сам хозяин в сопровождении Пареша, Коти и нескольких незнакомых мне людей. Не знаю, что он такое сделал, но внезапно наступила невероятная тишина. Вся улица мгновенно смолкла. Это было нечто сверхъестественное. Все собрались вокруг Келли и ждали, буквально затаив дыхание, чтобы

производить как можно меньше шума.

Он не поднимался на какое-нибудь возвышение, да и был невысокого роста, так что толпа полностью скрывала его от меня. Лишь постепенно я начал осознавать, что он что-то говорит. Казалось, его речь началась с шепота, а затем стала звучать все громче и громче. Не слыша его слов, я пытался оценить реакцию толпы. Что-либо определенное сказать было трудно, но все внимательно его слушали.

По мере того как его голос становился громче, я начал разбирать отдельные фразы, затем более крупные куски его речи.

– Они требуют от нас, – вещал он, – чтобы мы платили за их излишества, а мы отказываемся это делать. Они утратили все права управлять нашими судьбами, которые, возможно, когда-то имели. Теперь мы обрели право решать свою судьбу. – Тут его голос внезапно понизился, но чуть позже снова зазвучал громче. – Вы, собравшиеся сейчас здесь, лишь авангард, и эта битва – лишь первая из многих. – И еще чуть позже: – Мы не должны недооценивать их силы, как они недооценивают наши, но мы должны знать и их слабости.

Он говорил что-то еще в том же духе, но я был слишком далеко, чтобы понять, что происходит. Тем не менее они размахивали в воздухе оружием, и я видел, как улица все больше заполняется народом. Стоявшие в задних рядах слышали не больше, чем я, но энергично напирали на стоящих впереди. Атмосфера была почти карнавальная. Люди поднимали вверх свои палки, ножи и тесаки и с воплями размахивали ими. Они хлопали друг друга по плечу, обнимались, и я видел, как один выходец с Востока чуть не перерезал горло текле, который пытался его обнять. Они не понимали и не уважали своего оружия. Мне стало страшновато, и я решил уйти. Я вышел из своего угла и отправился домой – без каких-либо приключений.

Когда около полуночи Коти вернулась домой, глаза ее сияли. Собственно, не только глаза. Казалось, легкое сияние исходило изнутри ее головы, из под ее кожи. На лице играла улыбка, и в каждом ее движении, когда она снимала плащ и доставала бокал из буфета, ощущалось оживление и восторг. На голове у нее все еще была черная повязка.

Когда-то она уже так смотрела на меня.

Коти налила себе бокал вина, прошла в гостиную и села.

– Что случилось? – спросил я.

– Мы наконец переходим к делу, – ответила она. – Мы выступаем. Это самое восхитительное из всего, что я помню.

Я постарался по возможности ничем не выдать своей реакции.

– И что же вы намерены делать?

Она улыбнулась, и огонек свечи заплясал у нее в глазах.

– Мы закрываем его.

– Закрываете что?

– Весь Восточный район – всю Южную Адриланку.

Я моргнул.

– Что значит – закрываете?

– Никто не сможет ни войти в Южную Адриланку, ни выйти из нее. Всем торговцам и крестьянам, идущим с запала, придется обходить ее стороной. Вдоль Плотницкой улицы и улицы Две Лозы возводятся баррикады. Утром на них будут люди.

Какое-то время я боролся сам с собой. Наконец вопрос «Зачем это нужно?» одержал победу над вопросом «Как вы собираетесь это сделать?»– Ты имеешь в виду в ближайшей перспективе или чего мы вообще хотим добиться? – спросила она.

– И то и другое, – ответил я. – Вы разве не собираетесь привлечь крестьян на свою сторону? Вы только доведете их до бешенства, если им все время придется путешествовать в обход Южной Адриланки.

– Прежде всего, большинство из них не захочет идти в обход, так что им придется либо продавать свой товар выходцам с Востока, либо возвращаться назад.

– И это должно привлечь их на вашу сторону?

– Они с самого рождения на нашей стороне, – сказала она. У меня были на этот счет некоторые сомнения, но я не стал ее перебивать. – Мы вовсе не пытаемся завербовать их или показать, какие мы молодцы. Мы просто сражаемся.

– И вас не волнуют жертвы среди мирного населения?

– Перестань. Конечно, волнуют.

– Тогда почему вы лишаете средств к существованию этих крестьян, которые лишь пытаются…

– Ты все искажаешь. Послушай, Влад, пришло время нанести ответный удар. Мы просто вынуждены это сделать. Мы не позволим им считать, будто они безнаказанно могут угнетать нас. Единственная наша защита – поднять массы, чтобы те защитили себя сами. Да, некоторые могут пострадать. Но крупным торговцам – оркам, тсалмотам, джагалам – понадобится скот для боен. Они пострадают больше. А титулованным особам, которые привыкли есть мясо каждый день, это скоро очень не понравится.

– Если это им действительно не понравится, они просто потребуют от Империи, чтобы та вмешалась.

– Пусть потребуют. И пусть Империя попытается. В наших руках целый район, и это только начало. Им не хватит драконов в их страже, чтобы отнять его у нас.

– Почему они не могут просто телепортироваться через ваши баррикады?

– Могут. Пусть. Посмотрим, что произойдет, когда они попытаются.

– Что произойдет? Стражи Дома Феникса – обученные воины, и даже один из них может…

– Ничего он не может, когда ему противостоят десять, или двадцать, или тридцать. В наших руках уже вся Южная Адриланка, и это только начало. У нас есть поддержка и в остальной части города, и среди крупных поместий вокруг него. Собственно, именно этим я собираюсь заниматься начиная с завтрашнего дня. Я собираюсь посетить некоторые из этих боен…

– Ясно. Ладно, тогда скажи зачем?

– Наши требования к императрице…

– Требования? К императрице? Ты серьезно?

– Да.

– Гм… ладно. В чем они заключаются?

– Мы потребовали полного расследования убийств Шерил и Франца.

Я уставился на нее, сглотнул, потом снова посмотрел на нее.

– Этого не может быть.

– Конечно, может.

– Вы обращались к Империи?

– Да.

– Ты хочешь сказать, что вы не только обращались к Империи по поводу убийства, совершенного джарегом, но теперь требуете, чтобы оно было расследовано?

– Совершенно верно.

– Это же безумие! Коти, я могу понять, когда с подобными идеями выступают Келли или Грегори, но ты же знаешь, как мы поступаем.

– Мы?

– Перестань. Ты была в организации много лет. Ты знаешь, что происходит, когда кто-то обращается к Империи. Херт убьет вас всех.

– Всех нас? Каждого из тысяч выходцев с Востока – и драгейриан – в Южной Адриланке?

Я покачал головой. Она знала это лучше меня. Никогда, никогда, никогда нельзя обращаться к Империи. Это одна из немногих вещей, которые могут привести джарега в такую ярость, что он наймет кого-нибудь, владеющего клинком Морганти. Коти это знала наверняка. И тем не менее сейчас она с сияющим видом рассказывала о том, как все они только что положили свои головы на плаху.

– Коти, ты что, не понимаешь, что вы делаете?

Она твердо посмотрела на меня:

– Да, я прекрасно понимаю, что мы делаем. Не думаю, что ты это понимаешь. Ты, похоже, считаешь Херта неким богом. Он не бог. Ему определенно не хватит сил, чтобы одержать победу над целым городом.

– Но…

– Но дело не в этом. Мы не рассчитываем на справедливость Империи. Тысячи людей идут за нами не потому, что любят нас, но потому, что сами нуждаются в освобождении. Революция стала им необходимой – они готовы за нее умереть. Они следуют за нами, потому что мы не лжем им. Это лишь первая битва, но она начинается, и мы побеждаем. Вот что важно, а вовсе не Херт.

Я уставился на нее. Наконец я сказал:

– Сколько тебе потребовалось времени, чтобы заучить эту тираду?

В глазах ее вспыхнул огонь, и меня захлестнула волна гнева; я пожалел, что не придержал язык за зубами.

– Коти… – сказал я. Она встала, надела плащ и вышла. Если бы Лойош что-нибудь сказал, я бы, наверное, его убил.

9

«… И НАЧИСТИТЬ ДО БЛЕСКА»

Я провел всю ночь на ногах, бродя по окрестностям. Нельзя сказать, чтобы я совершенно не отдавал себе отчета в своих действиях, как порой бывало прежде, но и вполне разумным мое поведение тоже трудно было назвать. Я старался быть осторожным, и никто на меня не напал. В какой-то момент со мной вступил в псионический контакт Маролан, но, когда я спросил его, в чем дело, он заявил, что это не важно, так что я так и не понял, чего он хотел. Через несколько часов я немного успокоился. Я собрался идти домой, но понял, что мне не хочется возвращаться в пустую квартиру. Потом я осознал, что мне точно так же не хочется обнаружить дома ожидающую меня Коти.

Я зашел в одно из работавших всю ночь заведений и пил кляву, пока мои почки не взмолились о пощаде. Когда сквозь оранжево-красную дымку, которую драгейриане считают небом, забрезжил дневной свет, сна у меня все еще не было ни в одном глазу. Я съел пару куриных яиц в каком-то незнакомом мне трактире, а затем отправился в контору, где меня встретил удивленный взгляд Мелестава. Я внимательно оглядел помещение, убеждаясь, что все в порядке. Все действительно было в порядке. Как-то раз я уже оставлял контору на несколько дней на попечение Крейгара, что оказалось прямо-таки стихийным бедствием, но с тех пор он, кажется, кое-чему научился. Несколько записок сообщали о том, что кто-то хотел меня видеть по какому-то делу, но ничего срочного не оказалось, и я решил отложить их. Потом передумал и отдал записки Мелеставу, сказав ему, чтобы Крейгар еще раз проверил этих посетителей. Когда кто-то хочет тебя видеть и при этом кто-то охотится за твоей головой – между этими фактами вполне может быть связь.

Следовало немного поспать, но я все еще был слишком взбудоражен. Я спустился в лабораторию, снял плащ и куртку и сделал уборку, которую давно уже пора было сделать. Выбросил старый уголь, подмел пол и даже слегка натер его. Потом некоторое время кашлял от поднявшейся пыли.

Я снова поднялся наверх, умылся и вышел на улицу. Лойош летел впереди меня, и мы были очень осторожны. Я медленно шел в сторону Южной Адриланки, оставаясь настолько бдительным, насколько это было возможно. Время приближалось к полудню.

Я зашел немного поесть в заведение, где не любили людей с Востока, или джарегов, или тех и других. Они пережарили мясо

кетны, не охладили вино, обслуживание было медленным и на грани грубости. Я ничего не мог с этим поделать, поскольку находился не на своей территории, но со своей стороны дал чересчур крупные чаевые официанту и переплатил за еду. Пусть удивляются.

Приближаясь к Адриланке по Каретной улице, я начал замечать определенное напряжение и возбуждение на лицах прохожих. Да, эти люди с Востока определенно что-то делали. Я увидел пару стражников, быстро шагавших в ту же сторону, что и я, и придал своему лицу беззаботное выражение, пока они не прошли мимо.

Я остановился в нескольких кварталах от Плотницкой улицы, чтобы изучить обстановку. Улица была в этом месте достаточно широкой, поскольку это был главный торговый путь из Южной Адриланки. Там толпились драгейриане – теклы, изредка орки или джагалы; все они смотрели на запад или направлялись в ту сторону. Я подумал было о том, чтобы послать на разведку Лойоша, но мне не хотелось надолго с ним расставаться; меня все еще беспокоил мой предполагаемый убийца. Я прошел еще квартал на запад, но улица дальше искривлялась, и мне ничего не было видно.

Вам когда-нибудь приходилось видеть, как вспыхивает драка в трактире? Иногда вы знаете, что происходит, еще до того, как действительно увидите драку, потому что парень рядом с вами начинает вертеть головой и привстает с удивленным взглядом, а потом вы замечаете, как двое или трое начинают пятиться от чего-то, что скрыто от вас еще чьей-то фигурой, стоящей прямо перед вашим носом. Внезапно вы начинаете нервничать, встаете и слегка отходите назад – и именно тогда видите ссорящихся.

Так вот, здесь тоже было нечто подобное. В дальнем конце квартала, где дорога слегка изгибалась к северу, все смотрели в сторону Плотницкой улицы и оживленно переговаривались. Я заметил около пяти драгейриан в мундирах Дома Феникса, выглядевших достаточно официально, но ничего не делавших. Я решил, что они ждут распоряжений.

Очень медленным шагом пройдя этот последний квартал, я услышал отдельные возгласы. Выйдя из-за угла, я увидел стену драгейриан, тянувшуюся вдоль Плотницкой улицы между зерновой биржей и универсальным магазином Молли. Тут я заметил еще нескольких типов в форме. Быстро проверив обстановку на предмет возможных убийц, я начал углубляться в толпу.

– Босс?

– Да?

– А если он ждет тебя в толпе?

– Ты заметишь его до того, как он до меня доберется.

– О! Ладно, тогда все в порядке.

У него было определенное преимущество, но я ничего не мог с этим поделать. Пробираться через плотную толпу народа, оставаясь при этом незамеченным, не так-то просто, если только ты не Крейгар. Это потребовало от меня максимальной сосредоточенности, и я был лишен возможности отвлекаться на предполагаемых убийц. Вообще-то соблюдению осторожности можно научиться. Сюда входит множество мелочей – например, все твое внимание должно быть постоянно направлено на те же объекты, что и у всех окружающих; удивительно, насколько это помогает. Иногда приходится ткнуть локтем кому-нибудь под ребра, поскольку иначе он бы тебя заметил. Необходимо уловить ритм толпы и стать ее частью. Я знаю, это звучит смешно, но именно так следует поступать. Этому научила меня Кайра Воровка, и даже она сама не может по-настоящему объяснить, как это получается. Но объяснения не имеют никакого значения. Мне удалось оказаться в первых рядах толпы, не привлекая к себе ничьего внимания, и это главное. А оказавшись там, я увидел, что, собственно, происходит.

Когда я впервые услышал от Коти о баррикадах, я представлял себе их как сооруженные поперек улиц преграды из бревен, достаточно высокие, чтобы никого не пропустить. На самом деле это выглядело вовсе не так. Баррикада, похоже, была построена из не нужных никому вещей. Да, конечно, кое-где попадались доски, но в основном это был всевозможный хлам: несколько сломанных стульев, часть большого стола, садовые инструменты, изорванные матрасы, остатки дивана, даже большая фаянсовая ванна с торчащей сливной трубой.

Груда хлама полностью заполняла перекресток, и я заметил поднимавшийся из-за нее легкий дымок, словно кто-то жег там небольшой костер. По ту сторону стояло человек пятьдесят, глядя на драгейриан и молча выслушивая их оскорбления. Выходцы с Востока и теклы на баррикаде были вооружены палками, камнями и несколько большим количеством мечей, чем я видел накануне. Те, кто стояли с моей стороны, оружия не имели. У стражей Дома Феникса – я насчитал их около двадцати – оружие оставалось в ножнах. Пару раз кто-то из драгейриан намеревался влезть на баррикаду, но навстречу ему выходило десять или пятнадцать людей с Востока, и тот слезал обратно. Стражи внимательно наблюдали за происходящим, готовые вмешаться в любой момент, но успокаивались, когда драгейрианин слезал с баррикады.

С другой стороны улицы появилась запряженная волом повозка. Когда она проехала полпути вдоль квартала, навстречу ей вышли трое людей с Востока и заговорили с возницей, который был драгейрианином. Я расслышал ругательства возницы, но в конце концов повозка развернулась и двинулась в обратном направлении.

Все происходило именно так, как сказала Коти: они не пропускали никого ни в Южную Адриланку, ни из нее. Они соорудили стену из подручных средств, а если этого окажется недостаточно, стоявшие за стеной люди были готовы разобраться с любым, кто попытается через нее перелезть. Никто не мог пройти мимо них незамеченным.

Когда я увидел все, что хотел, я проскользнул мимо них незамеченным и направился в сторону жилища Келли, в предположении, что вся каша заваривается именно там. Однако я потратил какое-то время, пройдя по нескольким боковым улицам, пересекавшим Плотницкую, чтобы убедиться, что там происходит то же самое. Так оно и было. Толпа на углу Плотницкой и Каретной оказалась самой большой, поскольку это был самый крупный и оживленный перекресток, но баррикады перегораживали и другие проходы. Я стал свидетелем нескольких повторений сцены, которую уже видел. Это начало меня утомлять, и я ушел.

Окольными путями я добрался до своего наблюдательного пункта напротив дома Келли, проверил оружие и стал ждать. Я приходил сюда уже несколько дней подряд и всегда вел себя одинаково. Если только я не ошибался относительно намерений Херта убить меня, убийца должен был понять, что лучшей возможности не представится – если только он не заподозрил ловушку. Подозревал ли я сам ловушку? Не знаю.

У Келли почти ничего не происходило. На улице стоял Пареш и еще несколько незнакомых мне выходцев с Востока. Люди довольно часто входили и выходили, но никаких признаков лихорадочной активности последних дней не наблюдалось. Так прошло чуть больше часа, в течение которых я с трудом старался сохранять бдительность. Я начал уставать от недосыпания, что меня беспокоило; подобное состояние – не лучшее, когда ожидаешь покушения на собственную жизнь. Кроме того, я чувствовал себя грязным и вообще неопрятным, но это меня не слишком волновало, поскольку соответствовало моему настроению.

Первые признаки того, что происходит нечто неприятное, появились вместе с Коти и Грегори, поспешно скрывшимися в штаб-квартире. Несколько минут спустя снова выбежал Грегори. Я

проверил свое оружие, поскольку мне показалось, что сейчас самое время. Десять минут спустя появилась группа человек в сорок, во главе с Грегори, и расположилась вокруг дома.

Еще через минуту появились четверо стражников Дома Феникса и заняли позицию прямо перед дверью Келли. Во рту у меня внезапно пересохло. Четверо стражников и сорок выходцев с Востока и текл – однако мне стало страшно за людей с Востока и текл.

Я подумал, означает ли их присутствие, что баррикады сняты, или они разрушили баррикады, но потом вспомнил, что в Южной Адриланке постоянно находилось большое число стражников. Я предположил, что вскоре увижу их еще больше. Потом я кое-что заметил: из четверых стражников трое были одеты в зеленое, коричневое и желтое. Я посмотрел внимательнее. Да, этими четырьмя были трое текл и драконов. Это означало, что императрица была настолько обеспокоена возникшей ситуацией, что прибегла к услугам рекрутов-текл. Я облизнул губы.

Из дверей появилась Коти и начала разговаривать с драконом. На ней все так же была одежда цветов Дома Джарега, и на левом плече у нее сидела Ротса. Не знаю, какое она произвела на него впечатление, но, полагаю, вряд ли он был полон благодушия.

Они какое-то время поговорили, и его рука потянулась рукояти меча. Я затаил дыхание. Еще одно непреложное правило джарегов – не убивать имперских стражников. С другой стороны, у меня вряд ли был выбор. Я не настолько могу контролировать себя, как мне самому иногда кажется. Возможно, именно это стало мне теперь окончательно ясно.

Однако стражник не вытащил свой меч. он лишь схватился за оружие. К тому же Коти могла сама постоять за себя да и силы были неравны – стражников было в десять раз меньше, чем их противников. Я напомнил себе, что должен следить за предполагаемым убийцей.

Появилось еще восемь стражников. Потом еще четыре. Соотношение оставалось тем же самым – три теклы на одного дракона. Одним из стражников в последней группе была женщина. Она быстро обсудила что-то с типом, который разговаривал с Коти, затем продолжила переговоры сама. Вероятно, она превосходила его по званию или что-то в этом роде. Затем появилось еще около тридцати людей Келли, и можно было буквально почувствовать, как накаляется обстановка. Я увидел, как Коти качает головой. Они еще немного поговорили, и Коти снова покачала головой. Я хотел было установить с ней контакт – сообщить, что, мол, я здесь, не могу ли я чем-нибудь

помочь? Однако ответ был мне известен заранее, и вопрос мог лишь отвлечь ее.

«Будь бдителен, Влад», – сказал я сам себе.

Женщина-стражник внезапно повернулась в сторону от Коти, и я услышал, как она отдает распоряжения четким, резким голосом:

– Отойти на тридцать футов. Оружие в ножны, быть наготове.

Стражники немедленно выполнили приказ; драконы казались умелыми и ловкими в своей черной форме с серебряной окантовкой, со знаками Феникса на груди и золотыми накидками Фениксов. Стражники-теклы выглядели несколько глупо в своей крестьянской одежде со знаками Феникса и в золотых накидках. Казалось, они пытаются сохранять спокойствие. Коти снова скрылась в доме. Появились Наталия и Пареш и начали ходить среди людей с Востока, ободряя их.

Минут через двадцать появилось еще человек сорок – пятьдесят вооруженных ножами, достаточно длинными для того, чтобы их почти можно было назвать мечами. Все они были хорошо сложенными, мускулистыми мужчинами и держали свои ножи так, словно хорошо знали, как ими пользоваться. Мне пришло в голову, что, вероятно, они пришли с одной из боен. Через десять минут появилось еще около двадцати стражников. Это продолжалось еще с час; улица постепенно заполнялась народом, и в конце концов мне уже не была видна дверь дома Келли. Однако я мог видеть капитана (или кем бы она ни была) стражников Дома Феникса. Я видел ее лицо в полупрофиль, примерно в тридцати футах справа от меня. Она слегка напомнила мне Маролана – чертами дракона, – но была несколько ниже ростом. У меня сложилось впечатление, что данная ситуация вовсе ее не радует – хотя сражаться предстояло всего лишь с теклами и людьми с Востока, но их было много, и они были на своей территории, а ее собственные силы на три четверти составляли теклы. Интересно, подумал я, что затевает Келли. Я предположил (и оказался прав), что императрице стало известно, кто стоит во главе всей этой заварушки, и она послала своих стражников арестовать его, но он вовсе не собирался выходить.

Ладно, но был ли он готов послать на смерть пару сотен своих людей ради того, чтобы этому помешать? Он следовал своим принципам; какое ему дело до гибели других? Правда, это все равно бы его не спасло, если только он не окажется победителем. Теклы теклами, но среди стражников были драконы и, как я заметил, один тсер. Некоторые из них были, вероятно, магами. Дело могло кончиться настоящей кровавой бойней.

Конечно, Пареш сам был магом, и Коти тоже, но их шансы выглядели не лучшим образом.

Я пытался разобраться в происходящем, когда появилась еще одна группа из шести драгейриан, окруживших седьмого. Однако они не являлись представителями Империи. Шестеро были явно телохранителями-джарегами, весьма мускулистыми. Седьмым был Херт.

Мои ладони одновременно зачесались и вспотели. Я знал, что не могу прямо сейчас сделать свой ход, но, Вирра, как же мне хотелось действовать! Я не знал, сколько во мне еще осталось места для ненависти, пока не увидел того кто пытал меня, пока я не сломался и не выдал им информацию, которая должна была уничтожить группу Келли, а ради этих людей моя жена готова была отдать жизнь. Казалось, он воплотил в себе все унижение, испытанное мной за целую жизнь, и я стоял, весь дрожа и с ненавистью глядя на него.

Лойош сжал когтями мое плечо. Я попытался расслабиться и сохранять бдительность.

Херт заметил женщину-капитана и направился прямо к ней. Несколько стражников оказались между ними, и телохранители Херта шагнули им навстречу; я ожидал, что дело закончится дракой. Однако капитан отодвинула стражников в сторону и повернулась к Херту. Херт остановился футах в двадцати от нее, и его телохранители отошли назад. Я прекрасно видел их обоих. Херт служил великолепной мишенью. Я мог бы свалить двух телохранителей парой метательных ножей, разогнать остальных горстью звездочек и прикончить Херта, прежде чем драконы смогут меня остановить. Это стоило бы мне жизни, но я бы отправил его в долгий путь. Вместо этого я вжался в угол здания, наблюдая, слушая и ругаясь себе под нос.

– Добрый день, лейтенант, – сказал Херт.

Значит, я ошибся в отношении ее звания. Что ж, бывает.

– Чего ты хочешь, джарег? – Голос женщины-дракона звучал сурово и резко. Я был почти уверен, что она не любит джарегов.

– Кажется, у вас проблемы?

Она сплюнула.

– Через пять минут их больше не будет. А теперь убирайся.

– Я могу попытаться решить эти проблемы мирным путем, лейтенант.

– Я прикажу, чтобы тебя…

– Если только тебе не доставляет удовольствия убивать гражданских. Может быть, это и так. Не знаю.

Какое-то время она смотрела на него, потом подошла к нему вплотную. Один из его телохранителей двинулся было с места, но

Херт сделал ему знак, и тот остановился. Лейтенант медленно и осторожно вытащила длинный кинжал из ножен на поясе, рядом с мечом. Не отрывая взгляда от Херта, попробовала лезвие большим пальцем. Потом показала кинжал Херту. Потом провела им по его щекам. Сначала по одной, потом по другой. Я мог видеть оставшиеся от порезов красные линии. Он даже не шелохнулся. Закончив, она вытерла лезвие о его плащ, убрала кинжал и медленно отошла.

– Лейтенант, – сказал Херт.

Она обернулась:

– Да?

– Мое предложение остается в силе.

Какое-то время она задумчиво изучала его взглядом.

– Какое предложение?

– Позволь мне поговорить с этим человеком – там, в доме – и убедить его прекратить эту идиотскую блокаду.

Она медленно кивнула:

– Очень хорошо, джарег. Их время уже почти вышло. Я даю тебе дополнительно десять минут. Начиная с этого мгновения.

Херт повернулся к двери дома Келли, но в этот момент я услышал, как она распахнулась. (Только сейчас я понял, как тихо стало на улице) Сначала дверь была мне не видна, но потом стоявшие перед ней люди с Востока посторонились, и я увидел маленького толстого Келли, а по сторонам от него – Пареша и Коти. Внимание Пареша было приковано к Херту, и глаза его напоминали кинжалы. Коти профессиональным взглядом наблюдала за происходящим, и ее черная повязка на голове внезапно показалась мне неуместной. Однако в действительности больше всего мое внимание привлекло то обстоятельство, что Херт сейчас стоял ко мне спиной, и между нами был лишь один телохранитель. Я просто страдал от того, что не мог ничего сделать.

Келли заговорил первым.

– Итак, – сказал он, – ты, стало быть, Херт.

Он настолько сильно косил, что я не мог увидеть его глаз. Голос звучал четко и ясно. Херт кивнул.

– Ты, судя по всему, Келли. Зайдем внутрь и поговорим?

– Нет, – ровным голосом ответил Келли. – Все, что ты хочешь мне сказать, могут услышать все, и точно так же они могут услышать мой ответ.

Херт пожал плечами:

– Ладно. Я думаю, ты понимаешь, в какой ситуации находишься.

– Я понимаю это значительно лучше тебя или твоей подруги,

которая порезала тебе физиономию, прежде чем удовлетворить твое желание.

На какое-то мгновение это привело его в замешательство, потом он сказал:

– Что ж, я даю тебе шанс остаться в живых. Если ты уберешь…

– Стражники Дома Феникса не станут нападать на нас.

Херт молча усмехнулся. На лице слушавшей его женщины-лейтенанта появилось озадаченное выражение.

Затем я заметил Наталию, Пареша и двух незнакомых мне выходцев с Востока. Они шли вдоль линии стражников, протягивая каждому из них, даже драконам, листок бумаги. Драконы лишь взглянули на бумажки и выбросили их, теклы же начали переговариваться и читать вслух тем, кто читать не умел.

Херт молча наблюдал за этой сценой со слегка обеспокоенным видом. Выражение лица лейтенанта было похожим, только чуть более сердитым.

– Ладно, достаточно, – наконец сказала она.

– В чем, собственно, проблема? – громко спросил Келли. – Почему вы боитесь того, что они могут сделать, прочитав это?

Лейтенант резко развернулась и яростно уставилась на него. Так они стояли несколько секунд. Я бросил взгляд на оброненный кем-то листок, который отнесло ветром в мою сторону. Он начинался со слов «БРАТЬЯ СОЛДАТЫ!», написанных крупными буквами. Ниже, прежде чем ветер снова унес листок, я успел прочитать: «Вас, солдат-текл, натравливают на нас, людей с Востока и текл. Этот план претворяют в жизнь наши общие враги – угнетатели, привилегированное меньшинство – генералы, банкиры, землевладельцы…» Лейтенант отвернулась от Херта, схватила один из листков и прочитала. Текст был довольно длинным, так что это потребовало некоторого времени. По мере того как читала, она все больше бледнела, и я увидел, как она стиснула зубы. Она окинула взглядом свою команду, многие из которой нарушили строй и открыто обсуждали содержание листовки; некоторые возбужденно размахивали ими. В этот момент Келли начал говорить, как бы через голову Херта:

– Братья! Солдаты-теклы! Ваши хозяева – генералы, капитаны, знать – готовятся бросить вас против тех, кто объединился, чтобы бороться с ними, чтобы защищать свое право на достойную жизнь, на то, чтобы без страха ходить по улицам. Мы говорим: присоединяйтесь к нам, ибо наше дело правое. Иначе мы предупреждаем вас – сталь нашего оружия столь же холодна, как и вашего.

Когда он начал говорить, Херт нахмурился и отошел в

сторону. Все время, пока Келли говорил, лейтенант делала какие-то жесты в его сторону, словно пытаясь заставить его замолчать, потом в сторону своих стражников, словно приказывая им выдвинуться вперед. Когда он наконец закончил, на улице стояла тишина.

Я кивнул. Что бы я ни думал о Келли, он воспользовался ситуацией с неожиданной стороны, и это, кажется, сработало. По крайней мере, лейтенант, похоже, не вполне знала, что делать.

– Ты полагаешь, что чего-то таким образом достигнешь? – наконец спросил Херт. Вопрос показался мне довольно бессмысленным. Келли, по-видимому, тоже, поскольку он не ответил. – Если ты закончил свое публичное выступление, – продолжал Херт, – и надеешься избежать ареста или гибели, я предлагаю попытаться договориться о…

– Нам с тобой не о чем договариваться. Мы хотим, чтобы ты и твои люди покинули нашу территорию, и мы не успокоимся, пока это не произойдет. Нам нечего обсуждать.

Херт свысока посмотрел на Келли, и я легко представил, хотя и не мог видеть, холодную улыбку на его лице.

– Что ж, дело твое, приятель, – сказал он. – Никто не сможет сказать, что я не пытался ничего сделать.

Он повернулся и снова направился к лейтенанту.

В этот момент меня отвлекло еще чье-то появление. Сначала я его не заметил, поскольку наблюдал за Келли и Хертом, но он, вероятно, все это время двигался вдоль по улице, мимо стражников Дома Феникса и выходцев с Востока, пока не оказался прямо у дверей Келли.

– Коти! – послышался, словно ниоткуда, голос, который был мне знаком, хотя вряд ли я мог предполагать, что услышу его именно сейчас.

Я посмотрел на Коти. Со столь же озадаченным видом, что и я она уставилась на лысого старика, стоявшего рядом с ней.

– Нам надо поговорить, – сказал мой дед.

Я не мог в это поверить. Его голос в наступившей после перепалки между Хертом и Келли тишине был отчетливо слышен на моей стороне улицы. Он что, намеревался решать наши семейные проблемы? Здесь? На публике? Что было у него на уме?

– Нойш-па, – сказала Коти. – Не сейчас. Разве ты не видишь…

– Я много чего вижу, – ответил он. – Да, сейчас.

Он опирался на трость. Эта трость была мне знакома. Ее ручка отвинчивалась, обнажая… меч? О боги, нет. Рапира была у него на боку. Внутри трости находились четыре бутылочки фенарианского грушевого бренди. На плече у него свернулся клубком Амбруш, которого, казалось, никоим образом не

волновало происходящее. Херт не знал, что с ним делать, и быстрый взгляд подсказал мне, что лейтенант столь же озадачена, что и я. Она закусила губу.

– Нам нужно уйти с улицы и поговорить, – сказал мой дед.

Коти не знала, что ответить.

Я снова начал ругаться себе под нос. Теперь уже было ясно: нужно что-то делать. Я не мог позволить, чтобы мой дед оказался в самой гуще этой заварушки.

Потом мое внимание снова привлекла лейтенант, которая, казалось, встряхнулась и выпрямилась. Ее войско, похоже, все еще пребывало в некотором замешательстве, оживленно обсуждая листовку и речь Келли. Лейтенант повернулась к толпе людей с Востока и громко сказала:

– Убирайтесь все отсюда.

Никто не пошевелился. Она вытащила свой клинок, странным образом изогнутый, словно коса. Взгляды Келли и Херта встретились. Коти посмотрела на лейтенанта, потом на моего деда, Келли и Херта. Я позволил кинжалу упасть мне в ладонь, думая о том, что я смогу с его помощью сделать.

Лейтенант поколебалась, окинула взглядом своих воинов, потом скомандовала:

– Приготовить оружие!

Раздался звук извлекаемой из ножен стали – драконы и некоторые из текл вытащили мечи. Выходцы с Востока схватились за свое оружие и шагнули вперед, образовав сплошную стену. Я бросил взгляд на Келли – он смотрел на моего деда, который, в свою очередь, смотрел на него. Они кивнули друг другу, словно старые знакомые. Интересно.

Дед вытащил рапиру и сказал Коти:

– Здесь не место для тебя.

– Падраик Келли! – пронзительно крикнула лейтенант. – Я арестую тебя именем императрицы. Немедленно следуй за мной.

– Нет, – ответил Келли. – Скажи императрице, что, если она не согласится провести полное расследование убийств наших товарищей, все пути в город и из города будут перекрыты. А если она решится напасть на нас, завтра Империя падет.

Лейтенант крикнула: «Вперед!»– и стражники Дома Феникса шагнули к людям с Врстока. Я уже знал, как следует использовать кинжал. В одно Мгновение я забыл о Келли, моем деде и даже о Коти. Всеобщее внимание было сосредоточено на сближающихся стражниках и людях с Востока. Всеобщее, но не мое. Мое внимание сконцентрировалось на спине Херта, которая находилась футах в сорока от меня.

Теперь он был мой. Даже его телохранители не обращали на

него внимания. Теперь я мог прикончить его и спокойно скрыться. Казалось, один удар восьмидюймовым стилетом стал делом всей моей жизни.

Затем я шагнул к Херту, держа нож перед собой.

В моем мозгу раздался крик Лойоша, и внезапно моего горла коснулся нож. Он принадлежал драгейрианину в одежде цветов Дома Джарега.

Убийца наконец сделал свой ход.

10

«1 СЕРЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ГАЛСТУК:
ЗАШИТЬ РАЗРЕЗ…»

Хотя я и был готов к его нападению, это не помешало мне с ног до головы покрыться холодным потом. В конце концов, он тоже был готов к нападению и напал первым. Все мысли о Херте мгновенно улетучились, сменившись мыслями о спасении собственной жизни.

Иногда в подобной ситуации кажется, будто время начинает идти медленнее. Иногда оно, наоборот, ускоряется, и я осознаю свои поступки лишь после того, как они уже совершены. Сейчас имело место первое. У меня было время на то, чтобы увидеть приближающийся к моему горлу нож, обдумать ответный ход, сделать его и убедиться в том, что он оказался верным. Я терпеть не могу оставаться без оружия во время схватки, но у меня не было другого выхода. Я метнул в него свой нож, отскочил в противоположную сторону и перекатился по земле. Поднимаясь, я продолжал двигаться на случай, если он тоже начнет швырять в меня острые предметы. Как оказалось, он так и сделал, и один из этих предметов – кажется, нож – пролетел достаточно близко для того, чтобы волосы у меня на затылке встали дыбом. Но прочих неприятностей мне удалось избегать достаточно долго для того, чтобы вытащить рапиру. Затем я сказал Лойошу:

– Я сам разберусь. Позаботься о Коти.

– Ладно, босс.

И я услышал хлопанье его крыльев.

На самом деле это была, пожалуй, самая большая ложь, какую мне когда-либо приходилось говорить, но я прекрасно осознавал, посреди какой мясорубки могу оказаться, когда выходцы с Востока столкнутся со стражниками, и у меня не было никакого желания отвлекаться на мысли о Коти.

При всем при том, принимая боевую стойку, я обнаружил, что телохранители Херта находятся у меня за спиной и что вокруг около семидесяти стражников Дома Феникса. Я облизнул губы, чувствуя страх, и сосредоточился на том, кто был передо мной, – профессиональном убийце, получившем деньги за то, чтобы убить меня.

Я впервые как следует разглядел его. Какой-то неопределенного вида тип, в котором, возможно, было что-то от тсера, судя по раскосым глазам и острому подбородку. У него были длинные прямые волосы с аккуратной челкой. «Ублюдок», – подумал я. Его светло-карие глаза изучающе блуждали по мне.

Если события разворачивались не так, как он планировал (а я гарантирую, что не так), то он этого ничем не показывал.

На этот раз он вытащил оружие. Он стоял в боевой стойке с тяжелой рапирой в правой руке и длинным боевым клинком в левой. Я подставил ему лишь свой бок, как учил меня дед. Приблизился к нему вплотную, прежде чем он смог метнуть в меня что-либо еще, и остановился на расстоянии, при котором острия наших клинков едва касались друг друга. Теперь для хорошего завершающего удара ему нужно было сосредоточиться, что давало мне время нанести по крайней мере один удар, а это могло при определенном везении решить проблему.

Интересно, подумал я, не маг ли он. Я посмотрел на его нож, но не заметил каких-либо признаков, говоривших о том, что это магическое оружие. Впрочем, я мог и не увидеть. Мои ладони вспотели. Я вспомнил, что именно по этой причине дед рекомендовал для фехтования легкие перчатки, и решил обзавестись ими, если только останусь в живых.

Он сделал пробный выпад, либо поняв, либо зная, что я сражаюсь не вполне обычно. Это была попытка разгадать мой стиль. Он действовал не так быстро, как я опасался, и мне удалось слегка оцарапать ему правую руку, чтобы научить его держать дистанцию.

Было довольно опасно вести подобный поединок в окружении стражников, но их внимание поглощали выходцы с Востока, и потому им было не до нас… Нет, я ошибался.

Внезапно я осознал, что прошло пять или шесть секунд, в течение которых не было слышно какого-либо шума борьбы.

Он этого еще не понял и попытался перейти в наступление. Это у него неплохо получилось. Без всякого предупреждения он резко ударил под углом справа налево. Я уклонился, позволив его клинку со скрежетом скользнуть по моему, пока не смог отразить удар. Я отметил его скорость. Он также обладал определенной грацией, которая достигается обычно в процессе длительной тренировки. И он оставался совершенно бесстрастным. Глядя на его лицо, я не мог сказать, был ли он уверен в себе, обеспокоен, обрадован или что-то еще.

Я сделал нерешительный ответный выпад, пытаясь сообразить, как мне выпутаться из этой ситуации. Я с удовольствием бы его прикончил, но не на глазах у стражников Дома Феникса, да и вовсе не очевидно, что мне бы это удалось. Он отразил мой выпад кинжалом. Я решил, что он, вероятно, не был магом, поскольку не использовал магического клинка – никому не доставляет удовольствия отражать удар такого оружия.

Он продолжал наступать, балансируя на правой ноге и

напрягая левую. Я решил не позволить ему отвлечь меня и сосредоточился на его глазах. Как бы ты ни сражался – мечом, магией или голыми руками, – глаза твоего противника являются главным источником информации о том, когда он сделает свой ход.

Секунда или две прошли в бездействии: я горел желанием атаковать, но не осмелился. Потом он, видимо, понял, что шум сражения вокруг нас затих. Без всякого предупреждения он отскочил на несколько шагов назад, потом еще на несколько, затем повернулся и поспешно пошел прочь, скрывшись за углом здания.

Какое-то мгновение я стоял, тяжело дыша, потом внезапно снова подумал о Херте. Будь он поблизости, я бы, вероятно, его прикончил, несмотря на стражников. Но, оглядевшись, я его не увидел. На плечо мне опустился Лойош.

Две шеренги, группа Келли и стражники, стояли друг напротив друга на расстоянии около десяти футов. Большинство стражников, похоже, были отнюдь не рады положению, в котором оказались. Люди Келли выглядели твердо и решительно: человеческая стена, ощетинившаяся ножами и палками, словно лоза шипами.

Я был один посреди улицы, футах в шестидесяти от имперских стражников, некоторые из них смотрели на меня. Однако взгляды большинства из них были направлены на лейтенанта. Она держала свой своеобразный меч над головой, параллельно земле, и этот жест мог означать с равным успехом «удерживать позицию», «сидеть», «стоять»и все, что угодно.

Коти стояла рядом с моим дедом, и оба смотрели на меня. Я убрал меч в ножны, так что теперь не представлял ни для кого особого интереса. Люди с Востока продолжали наблюдать за стражниками, большинство из которых смотрели на лейтенанта. Она меня, по крайней мере, не видела. Я передвинулся на несколько более открытое место, чтобы убийца не смог напасть на меня сзади. Затем лейтенант заговорила хорошо поставленным голосом, не производившим, однако, впечатления крика:

– Я получила сообщение от императрицы. Всем войскам отойти на другую сторону улицы и быть наготове.

Стражники Дома Феникса выполнили приказ, теклы с видимой радостью, драконы с несколько меньшей. Что касается Келли, то на лице его не было злорадства: он просто стоял, наблюдая за происходящим своими поросячьими глазками. Меня вовсе не удивило, что в его поведении не чувствовалось облегчения; я бы сумел не подать вида. Но удержаться от

злорадного выражения на лице при виде отступающих войск мне было бы не под силу.

Я подошел туда, где стояла моя семья. По лицу Коти нельзя было судить о ее чувствах. Дед сказал:

– Он подавлял тебя, Владимдр. Если бы так пошло и дальше, он бы перехватил инициативой твои шансы оказались бы скверными.

– Подавлял меня?

– Каждый раз, когда он передвигал ноги, он переносил свой вес все больше вперед. Это трюк, который используют некоторые бойцы. Думаю, они даже сами об этом не знают.

– Я запомню, Нойш-па, – сказал я.

– Но ты был осторожен, что хорошо, и твое запястье было гибким, но твердым, как и должно быть, и ты не медлишь после останавливающего удара, как когда-то.

– Нойш-па… – сказала Коти.

– Спасибо, – сказал я.

– Тебе не следовало приходить сюда, – сказала Коти.

– А почему бы и нет? – ответил он. – Что такого ценного в этой жизни?

Коти огляделась по сторонам, словно проверяя, кто нас слышит. Я тоже осмотрелся. Кажется, никого не было.

– Но почему?

– Почему я здесь? Не знаю, Коти. Я знаю, что не могу никак на тебя повлиять. Я знаю, что девушки в Стране фей не таковы, как у нас дома, и поступают по-своему, и это далеко не всегда плохо. Но я хочу сказать тебе, что ты всегда можешь прийти ко мне, если захочешь, и поговорить, да? Владимир иногда заходит, когда у него неприятности, но ты – нет. Это все, что я хотел сказать.

Она посмотрела на него, и я увидел слезы в ее глазах. Она наклонилась и поцеловала старика.

– Да, Нойш-па, – сказала она.

Амбруш мяукнул. Дед улыбнулся остатками зубов, повернулся и пошел прочь, опираясь на свою трость. Я стоял рядом с Коти, глядя ему вслед. Я пытался придумать, что сказать, но не мог.

– Теперь мы знаем, почему он был здесь, – сказала Коти. – А почему здесь ты?

– Я пытался убедить того убийцу сделать именно то, что он сделал. У меня была мысль его прикончить. Она кивнула.

– Ты его пометил?

– Да. Пусть Крейгар этим займется.

– Итак, ты знаешь, что ему известно твое имя, а его станет

известным тебе, и вы будете пытаться убить друг друга. Что, по-твоему, он будет теперь делать?

Я пожал плечами.

– А ты что бы сделал на его месте? – спросила Коти.

Я снова пожал плечами:

– Не знаю. Либо вернул бы деньги и сбежал как можно дальше и как можно быстрее, либо завершил бы дело прямо сейчас. Через день, может быть, через час. Постарался бы поймать клиента, пока он не опомнился.

Она кивнула:

– Я бы тоже так поступила. Ты хочешь исчезнуть?

– Не очень. Я…

Лейтенант снова заговорила:

– Всем гражданам! От имени императрицы сообщаю вам, что полное расследование, как вы… требовали, будет проведено в соответствии с имперской процедурой. Приказываю вам немедленно разойтись и убрать все препятствия с улиц. Если это будет сделано, никто не будет арестован.

Затем она повернулась к своему войску:

– Возвращайтесь к своим обязанностям. Это все.

Стражники убрали оружие. Их реакция была удивительно разнообразной. Некоторые драконы смотрели на нас, словно говоря: «На этот раз вам повезло, ублюдки», на лицах других читалось сожаление, словно они ожидали хорошего упражнения. Теклы, похоже, вздохнули с облегчением. Не удостоив нас более ни взглядом, ни жестом, лейтенант присоединилась к своему подразделению и удалилась.

Я снова повернулся к Коти, но в этот момент Пареш коснулся ее плеча и показал в сторону штаб-квартиры. Коти слегка сжала мою руку и последовала за ним. Ротса покинула ее плечо и опустилась на мое.

– Кому-то кажется, что мне нужна помощь, босс.

– Да. Или мне. Ты возражаешь?

– Нет. Воспользуюсь обществом. Ты в последнее время был слишком молчалив. Я начал чувствовать себя одиноко.

У меня не нашлось, что ответить на это.

Я не стал даже пытаться возвращаться в контору пешком; я телепортировался, потом вошел внутрь, хоть мне и было плохо, предпочитая не ждать н, улице.

–

Что-нибудь выяснил насчет Херта, Крейгар?

– Занимаюсь, босс.

– Ладно. Есть еще одна физиономия. Готов?

– Что ты имеешь в виду… Ладно. Валяй.

Я показал ему мысленный образ убийцы и спросил:

– Знаешь его?

– Нет. Как его зовут?

– Хотел бы узнать.

– Ладно. Я сделаю рисунок и посмотрю, что удастся найти.

– А когда ты его найдешь, не трать время на то, чтобы спрашивать моего разрешения. Пусть его отправят в долгий путь. – Крейгар удивленно поднял бровь. Я сказал: – Вот ему известно мое имя. Сегодня он чуть было со мной не разделался.

Крейгар присвистнул:

– И как же ты выкрутился?

– Был к этому готов. Я догадывался, что кто-то меня преследует, так что я сам ему подставился.

– И не сумел его прикончить?

– Маленькая помеха в лице семидесяти или восьмидесяти стражников Дома Феникса неподалеку. Кроме того, он не был настолько захвачен врасплох, как я рассчитывал, и весьма неплохо владеет оружием.

– О! – воскликнул Крейгар.

– Теперь я знаю, как он выглядит, но не знаю его имени.

– И самое интересное ты предоставляешь мне, а? Ладно. Есть у тебя кто-нибудь на примете?

– Да. Марио. Если не сможешь его найти, используй кого-нибудь еще.

Крейгар закатил глаза:

– Ничего себе – четкие инструкции. Ладно.

– И принеси мне новый комплект оружия. Я бы хотел кое-что сделать своими руками, пока буду ждать, когда ты решишь все мои проблемы.

– Не все, Влад. С твоим ростом я ничего не могу поделать.

– Иди.

Он вышел, оставив меня наедине с Лойошем, его подругой и моими мыслями. Я осознал, что голоден, и подумал о том, чтобы попросить кого-нибудь принести еды. Потом я сообразил, что скоро мне придется куда-то телепортироваться, так что идея была не ко времени. Лойош и Ротса пошипели друг на друга, потом начали гоняться друг за другом по комнате, пока я не открыл окно и не попросил их заниматься этим на улице. Открывая окно, я был очень осторожен и стоял сбоку. Не знаю, какой убийца решился бы попытаться прикончить кого-либо с другой стороны улицы, но этот парень, вероятно, сейчас пребывал в крайней степени безрассудства. Я бы пребывал. Я закрыл окно и задернул шторы.

По крайней мере, сейчас я мог сделать несколько дел, на

которые у меня прежде не было времени.

– Мелестав!

– Да?

– Палка сегодня в конторе?

– Да.

– Пришли его сюда.

– Сейчас.

Несколько минут спустя с беззаботным видом вошел Палка, и я протянул ему кошелек с пятьюдесятью империалами. Он взвесил его в руке, не пересчитывая, и спросил:

– За что это?

– Заткнись, – сказал я.

– О! – произнес он. – Что ж, спасибо. – И снова вышел.

Вернулся Крейгар с новым комплектом игрушек для меня. Я закрыл за ним дверь и занялся сменой оружия. Я снял плащ и начал снимать с него разные штучки и заменять их на другие. Когда с плащом было покончено, я начал доставать подобного рода предметы из складок куртки и других мест. Доставая кинжал из левого рукава, я заметил Разрушитель Чар. Вероятно, я избегал мыслей о нем с той ночи, но сейчас позволил ему упасть мне в руку.

Он повис там, словно самая обыкновенная цепочка. Я внимательно рассмотрел его. Золотая цепь длиной дюймов восемнадцать состояла из тонких звеньев. На золоте не было ни царапины. Цепочка была недостаточно тяжелой и мягкой для чистого золота. Я попытайся поскрести ногтем одно из звеньев, и оно показалось мне твердым как сталь.

Я решил, что действительно попытаюсь выяснить о нем все возможное, если только останусь в живых. Размышляя об этом, я продолжал менять оружие. Что мне потребуется, чтобы остаться в живых?

Что ж, придется отправить в долгий путь убийцу, это однозначно. И Херта. Нет, не так: я намеревался убить Херта до того, как убью убийцу, иначе Херт просто наймет другого. Не нанять ли кого-нибудь для убийства Херта? Это могло быть вполне разумно. Тогда бы я знал, что его убьют, даже если убьют меня. И у меня все еще было достаточно денег – больше, чем я когда-либо мечтал иметь. Объявись у меня в конторе Марио, я бы даже мог согласиться на его условия.

Проблема заключалась в том, что немногие, кроме Марио, согласились бы на подобную работу. Херт был боссом – намного более крупным, чем я. Из тех, кто даже в туалет не пойдет без четырех или пяти телохранителей, на случай, если кто-то из недоброжелателей решит на него напасть. Чтобы прикончить

кого-то вроде него, нужно подкупить по крайней мере одного или двоих его телохранителей, либо прибегнуть к услугам Марио, либо найти кого-то, кто не возражает против собственной смерти, либо просто иметь очень большое везение.

Про Марио можно забыть; никто даже не знал, где он. Может быть, Келли знал кого-нибудь, кто был готов к самоубийственному нападению на босса-джарега, но с такими, как он, я не желал связываться. Подкупить телохранителей было возможно, но это требовало времени. Нужно сначала найти тех, кто согласится, затем убедиться, что они не выдадут, а после найти время, когда с их помощью можно сделать дело с минимальным риском. У меня не было подобного времени до нового нападения убийцы.

Оставалось везение. Рассчитывал ли я на него? Нет.

Так что же мне оставалось?

Умереть.

Продолжая размышлять, я заканчивал процесс смены оружия. Я попытался взглянуть на ситуацию с несколько иных точек зрения. Смог бы я как-то убедить Херта умерить свою враждебность? Смешно. К тому же я должен иметь уверенность, что он не убьет Коти. Ведь именно из-за этого я ввязался…

Так ли это? Из-за этого ли я влез в это дерьмо? Пожалуй, нет, не в первую очередь; в первую очередь я хотел найти убийцу того парня, Франца, с которым я никогда не был знаком. Я хотел это сделать, чтобы помочь Коти. Дерьмо. Почему я пытался помочь ей? Она сама ввязалась во все это, не сказав мне ни слова. Зачем мне понадобилось совать нос туда, где меня не хотели видеть и где я сам не хотел быть? Долг? Красивое слово, и только. Долг. Динг-донг. Примерно так бормочешь себе под нос, когда меняешь оружие. Динг-донг. И что это значит?

Может быть, «долг» не может просто висеть в пустоте; возможно, он должен быть с чем-то связан. Многие выходцы с Востока связывали его с Барланом, или Виррой, или Вороном, или каким-то другим божеством. Я так не мог: я слишком долго прожил среди драгейриан и перенял их отношение к божествам. Что еще? Джареги? Даже не смешно. Мой долг в отношении джарегов – следовать их правилам, чтобы меня не прикончили. Империя? Мой долг по отношению к Империи – сделать так, чтобы она меня не замечала.

Оставалось крайне мало. Вероятно, семья. Коти, дед. Лойош и Ротса. Верно. Это был мой долг, и я мог этим гордиться. Я подумал о том, какую пустоту ощущал, прежде чем в моей жизни появилась Коти, и даже это воспоминание причинило мне боль. Разве этого недостаточно?

Интересно, подумал я, Коти чувствует себя так же? У нее не было организации, у нее был только я. Когда-то у нее был партнер, и они нуждались друг в друге, но ее партнер стал драконлордом и наследником Державы. И что теперь ей осталось? Из-за этого ли она связалась с людьми Келли? Чтобы чем-то заниматься, чтобы чувствовать себя полезной? Разве меня было недостаточно?

Нет. Конечно нет. Никто не может прожить жизнь вне общества других, и я это знал. А что было у Коти? У нее появился свой круг – группа выходцев с Востока и текл, собравшихся поговорить о свержении Империи. Коти общалась с ними, помогала строить баррикады на улицах, противостояла стражникам Дома Феникса и вернулась домой с убеждением, что выполнила свой долг. Возможно, именно в этом заключается долг – делать что-то, чтобы ощущать собственную пользу.

Прекрасно. Это Коти. А каков мой долг? Динг-донг. Моим долгом было умереть, поскольку, так или иначе, это должно было произойти, так что я мог с тем же успехом назвать это долгом. Ты становишься циничным, Влад, прекрати.

Я уже почти закончил смену оружия и просто сидел, держа в руке кинжал, направленный на мой правый сапог. Я откинулся назад и закрыл глаза. Все это на самом деле не имело никакого смысла, если вскоре меня убьют. Или нет? Есть ли что-то такое, что я должен сделать, даже умирая? Хорошая проверка на «долг», что бы это ни означало.

И я понял – есть. Я влез в эту кашу по горло большей частью ради того, чтобы спасти жизнь Коти. Если это так же ясно, как то, что мне предстоит умереть, я должен обеспечить безопасность Коти до того, как позволю кому-либо убить себя.

Оставалось решить совсем небольшую проблему.

Динг-донг. Я начал размахивать кинжалом.

11

«… И УДАЛИТЬ ПЯТНА ОТ ПОТА»

Немного позже, когда мои идеи начали приобретать более определенные очертания, я позвал Крейгара, но Мелестав сказал, что его нет. Я мысленно заскрежетал зубами и продолжал размышлять. «Что произойдет, – подумал я, – если меня убьют, а Коти – нет?» Моя циничная половина говорила мне, что это будет уже не моя проблема. Но, помимо того, я предполагал, что мой дед и Коти смогут позаботиться друг о друге. Тогда, на улице, между ними произошел какой-то разговор, оставшийся для меня неизвестным. Не намеревались ли они встретиться и поговорить о том, какое я чудовище? Не ожидала ли меня смерть от паранойи?

Однако, помимо всего прочего, если бы Херт меня убил, Коти оказалась бы перед лицом интересной проблемы. Она сама хотела убить Херта, но не хотела больше быть убийцей. С другой стороны, Келли был бы только рад, если бы его злейший враг сошел со сцены. Самое плохое, что для этого мне нужно было умереть. Хммм…

Я лениво подумал о том, можно ли будет убедить Коти, что я уже убит достаточно давно, чтобы она сама убила Херта. Мое появление после этого наверняка выглядело бы забавно. С другой стороны, могло оказаться весьма нехорошо, если бы она решила его не трогать, и еще хуже, если бы Херт обнаружил, что я жив.

И тем не менее вовсе незачем отвергать подобный вариант. Все лучше, чем…

– У тебя снова нездоровый вид, Влад.

Я не стал подскакивать от неожиданности.

– Как приятно это от тебя слышать, Крейгар. Что-нибудь насчет Херта? – Он покачал головой. Я продолжал: – Ладно, мне тут пришла в голову пара мыслей. Пока я хочу, чтобы одна из них там и оставалась. Другая – организовать дело не слишком быстрым способом.

– Подкупить его охрану?

Я кивнул.

– Ладно, – сказал он. – Я этим займусь.

– Хорошо. Что насчет убийцы?

– Художник должен был уже закончить. Он сказал, что у меня очень хорошая память на детали. Поскольку я получил образ от тебя, думаю, ты должен быть польщен.

– Хорошо, я польщен. Ты знаешь, что делать с рисунком.

Он кивнул и вышел, а я вернулся к планированию собственной смерти – или, по крайней мере, к мыслям на эту

тему. Это казалось абсолютно непрактичным и тем не менее заманчивым. Полагаю, лучше всего выглядело бы триумфальное возвращение. Конечно, результат был бы не столь блестящ, если бы ко времени моего возвращения Коти уже жила бы с Грегори или с кем-нибудь еще.

Я слегка придержал эту мысль, просто чтобы понять, насколько она меня беспокоит. Оказалось, что не очень, и это меня обеспокоило.

Лойош и Ротса поскреблись в окно. Я положил кинжал, которым помахивал, в ножны и впустил их, на всякий случай стоя в стороне от окна. Они выглядели слегка утомленными.

– Осматривали окрестности?

– Ага.

– И кто выи фал гонку?

– Почему ты думаешь, что мы устроили гонку, босс?

– Я этого не говорил: я просто спросил, кто выиграл.

– Она. Размах крыльев шире.

– Понятно. Вряд ли вы были где-то возле Южной Адриланки, верно?

– Собственно, там и были.

– Ага. А баррикады?

– Сняли.

Лойош устроился у меня на плече. Я сел и сказал:

– Недавно ты меня спрашивал, как бы я относился к группе Келли, если бы это не касалось Коти.

– Да.

– Я об этом думал и решил, что это не имеет значения. Ее это касается, и я должен поступать соответственным образом.

– Ладно.

– И, думаю, я знаю, что буду делать. Он ничего не ответил. Я чувствовал, как он прощупывает мое настроение и отдельные мысли. Потом он сказал:

– Ты действительно думаешь, что должен умереть?

– И да и нет. Полагаю, на самом деле я в это просто не верю. Нам приходилось попадать в ситуации, которые казались такими же или еще хуже. Мелар был умнее и хитрее Херта, и ситуация была хуже. Но, как выпутаться из этой, я не вижу. Последнее время я действовал не слишком удачно; может быть, частично причина в этом.

– Я знаю. И что же ты собираешься делать?

– Спасать Коти. Насчет всего остального – не знаю, но это я сделать должен.

– Как?

– Я вижу только два способа: первый – уничтожить Херта и,

вероятно, всю его организацию, так что никто другой не сможет ее снова собрать.

– Это не слишком вероятно.

– Да. Другой способ – сделать так, чтобы у Херта не было причин преследовать Коти.

– Это уже лучше. Как ты собираешься это сделать?

– Уничтожу Келли и его небольшую банду сам.

Лойош ничего не сказал. Насколько я мог понять его мысли, он был слишком озадачен для того, чтобы говорить. Сам я считал свою идею достаточно разумной.

– Но Коти… – наконец сказал Лойош.

– Я знаю. Если ты сумеешь придумать, как убедить Коти и Херта, что я мертв, это тоже может сработать.

– Ничего не приходит в голову, босс. Но…

– Тогда займемся делом.

– Не нравится мне это.

– Протест принят. Займемся делом. Я хочу, чтобы все было закончено сегодня вечером.

– Сегодня вечером?

– Да.

– Ладно, босс. Как скажешь.

Я взял листок бумаги и начал рисовать план дома Келли, насколько я его помнил, делая пометки в тех местах, где был в чем-то не уверен, и пытаясь догадаться о расположении задних окон и прочего. Потом я уставился на рисунок, стараясь решить, как поступать.

При всем моем воображении это нельзя назвать убийством. Скорее это резня. Я должен убить Келли наверняка, поскольку, останься он жив, я ничего бы не добился. Потом – Пареша, поскольку он был магом; потом как можно больше остальных. Не было смысла даже пытаться спланировать операцию во всех деталях – это невозможно, когда пытаешься прикончить сразу пятерых или больше.

У меня мелькнула мысль о пожаре или взрыве, но я отбросил ее: здания в этом месте стояли слишком плотно. Я не хотел спалить всю Южную Адриланку.

Я взял рисунок и внимательно изучил его. Наверняка есть задний вход в здание и, вероятно, задний вход в квартиру. Когда я был там, я не видел кухни, а в личных покоях Келли было две двери, так что я мог бы проникнуть в дом сзади и двигаться вперед, будучи уверенным, что в этой части дома никто не проснется. Поскольку все, похоже, спали в передней части дома, я смогу пробраться туда и перерезать горло Келли, а затем Парешу. Если там в это время будет спать кто-то еще, я прикончу всех,

одного за другим. Об оживлении, можно не беспокоиться, поскольку все они – выходцы с Востока, у которых нет денег, но, если смогу, я вернусь и удостоверюсь. Потом я уйду.

Утром Южная Адриланка проснется, и этих людей уже не будет в живых. Коти очень расстроится, но она не сможет снова собрать организацию сама. По крайней мере, я надеялся, что не сможет. Останется еще несколько людей с Востока и текл, но ядра уже не будет, и я не думал, что оставшиеся смогут предпринять какие-то действия, таящие угрозу Херту.

Я изучил чертеж, затем уничтожил его. Откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и еще раз мысленно прошелся по всем деталям, чтобы быть уверенным, что ничего не упустил.

Я пришел к дому Келли где-то между полуночью и рассветом. Вход спереди закрывала лишь занавеска. Я обошел дом сзади. Там было что-то вроде двери, но без замка. Я осторожно и тщательно смазал петли и вошел. Я оказался в задней части дома, в узком проходе за пределами квартиры Келли. Ротса нервничала на моем левом плече. Я попросил Лойоша успокоить ее, и вскоре она притихла.

Я посмотрел вдоль коридора, но не смог разглядеть входную дверь – как и что-либо вообще. Я довольно неплохо вижу в темноте, но некоторые видят лучше меня.

– Есть кто-нибудь в коридоре, Лойош?

– Никого.

– Хорошо. Где задний вход в квартиру?

– Прямо перед тобой. Если ты протянешь руку направо, ты его коснешься.

– Понял.

Я проскользнул за занавеску и оказался внутри. Чувствовался запах пищи, какая-то часть которой, вероятно, была съедобной. Особенно выделялась вонь гниющих овощей.

Я подождал немного, прислушиваясь, потом рискнул зажечь магический огонек на кончике указательного пальца. Да, я находился на кухне, и она была больше, чем я предполагал. Я направил луч слегка ниже, вытянул палец перед собой и двинулся в сторону комнат.

Я прошел через комнату, в которой разговаривал с Келли. Она выглядела примерно так же, какой я ее помнил, за исключением того, что в ней появилось еще несколько ящиков. На одном из них я заметил отблеск стали. Посмотрел внимательнее и увидел длинный кинжал.

Я двинулся в сторону следующей комнаты, библиотеки, и тут почувствовал чье-то присутствие за спиной. Когда я сейчас пытаюсь вспомнить, как все происходило, мне кажется, что Ротса

в этот момент сжала когтями мое плечо, но Лойош ничего не заметил. Так или иначе, моя реакция на подобные вещи вполне определенная: я развернулся, слегка отклонившись в сторону, и выхватил кинжал из-под плаща.

Сначала я ничего не видел, но продолжал ощущать чье-то присутствие в комнате вместе со мной. Я погасил свет, исходивший из моего указательного пальца, и отступил в сторону, решив, что, если я его не вижу, нет никаких причин позволять ему увидеть меня. Потом я начал замечать неясные очертания, словно передо мной была прозрачная фигура. Я не знал, что это означало, но понимал, что это ненормально. Разрушитель Чар уже был в моей левой руке. Фигура не шевелилась, но постепенно становилась более вещественной; тут мне пришло в голову, что комната темна, как волосы Вирры, и я не должен был ничего видеть.

– Лойош, что ты видишь?

– Я не уверен, босс.

– Но ты что-то видишь?

– Думаю, да.

– Да. Я тоже, – беспокойно пошевелилась Ротса. Что ж, я ни в чем ее не обвинял. Потом я понял, что именно я видел, и поводов для обвинений стало еще меньше.

Когда я в свое время прошел по Дорогам Мертвых с Алирой и побывал в Залах Суда, мне ясно дали понять, что меня там не ждут. Это было место для душ драгеириан, а не для живых тел людей с Востока. Чтобы попасть туда, тело должно было преодолеть Водопады Врат Смерти (после чего оно наверняка становилось трупом, даже если и не было им прежде). Потом оно плыло вниз по реке, и в конце концов его выносило на берег, откуда душа могла отправиться в путь – впрочем, это не важно. В конечном счете, душа достигала Залов Суда, и если только какой-нибудь бог не возлюбил или не возненавидел явившегося, он занимал свое место в постоянно увеличивающемся сообществе мертвых.

Что ж, прекрасно.

Что могло с ним случиться, если его не принесли к Водопадам Врат Смерти? Что ж, если он был убит клинком Морганти, вопрос был решен. Или, если у него была некая договоренность с его любимым божеством, этот бог мог поступать с его душой по своему усмотрению. В любом ином случае душа переселялась в другое тело. Вы можете мне, конечно, не верить, но некоторый недавний опыт убедил меня в том, что это действительно так.

Большую часть того, что мне известно о переселении душ, я

узнал от Алиры еще до того, как поверил в это.

Поэтому успел забыть многое из ею сказанного. Но помню, что нерожденный ребенок создает некое мистическое притяжение и вбирает в себя наиболее подходящую душу. Если нет подходящей души, не будет и рождения. Если нет подходящего для души ребенка, душа ждет в месте, которое Некроманты называют Долиной ожидающих душ, поскольку им не вполне хватает воображения. Почему душа ожидает там? Потому что она ничего не может поделать. Есть в этом месте нечто притягательное для драгейрианских душ.

Но как насчет людей с Востока? Да примерно так же, насколько мне известно. Когда дело доходит до души, нет особой разницы между драгейрианином и выходцем с Востока. Нам не позволено вступать на Дороги Мертвых, но оружие Морганти действует на нас точно так же, и мы можем договариваться с любым богом, которого это устраивает, и, вероятно, мы также переселяемся в другие тела, если не происходит ничего другого, или, по крайней мере, так утверждал восточный поэт-провидец Ян Чо Лин. Собственно, если верить «Книге семи волшебников», Долина ожидающих душ притягивает нас так же, как и драгеириан.

Книга, однако, утверждает, что наши души она притягивает не столь сильно. Почему? Из-за численности населения. В мире больше людей с Востока, так что меньшее число душ ожидает для себя места, и, значит, меньшее число душ притягивает к себе другие. Есть ли во всем этом смысл? Для меня – нет, но это именно так.

Одним из следствий более слабого притяжения является то, что иногда душа выходца с Востока так и не переселяется в другое тело, но и не отправляется в Долину ожидающих душ. Вместо этого она, скажем так, просто бродит по окрестностям.

По крайней мере, так говорят. Верить или нет – ваше дело.

Лично я верю.

Как раз сейчас я видел призрак.

Я уставился на него. Вероятно, это первое, что делает каждый, когда видит перед собой призрак. Я не был вполне уверен, что следует делать потом. Судя по тому, что рассказывал дед, когда я был маленьким, самое время было закричать. Но тогда я перебужу всех в доме, а мне нужно в было, чтобы они спали, если я собирался их убить. Кроме того, я не ощущал необходимости кричать. Я был скорее зачарован, чем испуган.

Призрак продолжал приобретать форму. Он слегка светился, излучая слабое голубоватое сияние. Постепенно я начал различать черты его лица. Вскоре я мог сказать, что это человек с

Востока, потом – что он мужчина. Казалось, он смотрел на меня. Поскольку я не хотел никого разбудить, я шагнул из комнаты назад, в кабинет Келли. Снова выпустив из пальца луч света, я прошел к его столу и сел. Не знаю, откуда мне было известно, что призрак последует за мной, но именно так и оказалось. Я откашлялся.

– Итак, – сказал я, – надо полагать, ты Франц.

– Да, – ответил призрак.

Можно ли было назвать его голос замогильным? Не знаю.

– Я Владимир Талтос, муж Коти. Призрак – нет, лучше я буду называть его Францем – кивнул.

– Что ты здесь делаешь? – Продолжая говорить, он становился все более материальным, а его голос – все более нормальным.

– Ну, – сказал я, – это довольно трудно объяснить. А что ты здесь делаешь?

Он сдвинул брови (которые я мог теперь видеть).

– Точно не знаю, – сказал он. Я рассмотрел его внимательнее. У него были светлые, прямые и аккуратно причесанные волосы. Каким образом призрак причесывается? Лицо его было приятным, но невыразительным, и весь вид его казался честным и искренним, что ассоциировалось у меня с торговцами пряностями и мертвыми лиорнами. У него была своеобразная осанка, словно он слегка наклонялся вперед, а когда я начинал говорить, он слегка поворачивал голову в сторону. Интересно, подумал я, он плохо слышит или просто стремится уловить все сказанное? Похоже, он был очень внимательным слушателем. – Я стоял снаружи, и…

– Да. Тебя убили.

– Убили?!

Я кивнул.

Он уставился на меня, потом посмотрел на себя, потом на мгновение закрыл глаза. Наконец он сказал:

– Я теперь мертв? Призрак?

– Что-то в этом роде. Вероятно, ты должен ожидать перевоплощения – если я правильно понимаю, как это все происходит. Видимо, поблизости нет ни одной подходящей беременной женщины с Востока. Потерпи.

Он окинул меня взглядом:

– Ты муж Коти.

– Да.

– Ты говоришь, что меня убили. Мы знаем, чем ты занимаешься. Это не…

– Нет. Это сделал некто по имени Ереким. Вы перешли дорогу

одному типу по имени Херт.

– И он приказал меня убить? – Франц внезапно улыбнулся. – Чтобы припугнуть всех нас?

– Да.

Он рассмеялся.

– Догадываюсь, чем это для него кончилось. Мы организовали весь район, верно? Воспользовавшись моим убийством как поводом?

Я уставился на него.

– Хорошая догадка. И это тебя не беспокоит?

– Меня? Мы постоянно пытаемся объединить людей с Востока и текл в борьбе против Империи. Почему это должно меня беспокоить?

– Ладно, – сказал я. – Что ж, похоже, это сработало.

– Хорошо. – Выражение его лица изменилось. – Интересно, почему я опять здесь?

– Что ты помнишь? – спросил я.

– Немного. Я просто стоял здесь, и у меня пересохло в горле. Потом я почувствовал, как кто-то тронул меня сзади за плечо. Я обернулся, почувствовал слабость в коленях, а потом… не знаю. Как бы проснулся и ощутил какое-то… беспокойство. Как давно это случилось?

Я сказал. Его глаза расширились.

– Интересно, почему я вернулся?

– Ты говоришь, что почувствовал беспокойство?

Он кивнул.

Я еле слышно вздохнул. Я догадывался, что заставило его вернуться, но решил не делиться с ним своими мыслями.

– Эй, босс!

– Да?

– Это в самом деле странно.

– Нет, это нормально. Все нормально. Просто одни нормальные вещи выглядят несколько более странно, чем другие.

– Тогда понятно.

– Расскажи мне, что случилось после моей смерти, – попросил Франц.

Я рассказал, стараясь быть максимально честным. Когда он узнал о Шерил, его лицо стало суровым и холодным, и я вспомнил, что имею дело с фанатиком. Я крепче сжал в руке Разрушитель Чар, но продолжил рассказ. Когда я сказал ему о баррикадах, глаза его заблестели.

– Хорошо, – сказал он, когда я закончил. – Значит, теперь они бегут.

– Гм… да, – сказал я.

– Значит, это того стоило.

– Смерть?

– Да.

– О!

– Я бы хотел поговорить с Парешем, если это возможно. Где все остальные?

Я чуть не сказал ему, что они спят, но спохватился.

– Не знаю, – ответил я.

Глаза его сузились.

– Ты здесь один?

– Не совсем, – ответил я. Лойош зашипел, усиливая впечатление. Франц бросил взгляд на двух джарегов, но не улыбнулся. Вероятно, с чувством юмора у него было не лучше, чем у остальных. – Я в некотором роде охраняю этот дом, – добавил я.

Глаза его расширились.

– Ты теперь с нами?

– Да.

Он улыбнулся, и выражение его лица стало настолько дружелюбным, что я бы с удовольствием дал ему пинка, если бы он не был бестелесным.

– Коти не думала, что ты на это согласишься.

– Что ж, как видишь.

– Здорово, правда?

– Да, пожалуй.

– Где последний выпуск?

– Выпуск?

– Газеты.

– Э… где-то здесь.

Он окинул взглядом кабинет, который я продолжал освещать пальцем, и наконец нашел газету. Он попытался ее взять, не сумел, попытался еще раз, и наконец это как-то ему удалось. Потом положил обратно.

– Мне трудно удерживать предметы, – сказал он. – Не мог бы ты переворачивать для меня страницы?

– Да, конечно.

Я начал листать ему страницы, поддакивая, когда он говорил что-то вроде: «Нет, он не прав» или: «Ублюдки! Как они могли!». Вскоре он остановился и посмотрел на меня.

– Ради этого стоило умереть, но как бы я хотел снова быть с ними. Так много предстоит еще сделать.

Он снова начал читать. Я заметил, что он как бы расплывается. Я немного подождал – эффект продолжался, медленно, но заметно.

– Послушай, – сказал я, – пойду дам знать людям, что ты здесь, хорошо? Ты не мог бы немного подежурить здесь вместо меня? Я уверен, что, если кто-то войдет, ты сможешь напугать его до смерти.

– Ладно, – улыбнулся он. – Иди. Я кивнул и вышел тем же путем, каким пришел, – через кухню и заднюю дверь.

– Я думал, мы собирались их всех убить, босс.

– Я тоже так думал.

– Разве ты не мог избавиться от призрака с помощью Разрушителя Чар?

– Вероятно, мог.

– Так почему же тогда…

– Его и так уже убили.

– Но что с остальными?

– Я передумал.

– О… Что ж, мне эта идея и так не нравилась.

– Вот и хорошо.

Я телепортировался в место, находившееся в квартале от моего дома. Света от уличных фонарей было достаточно, чтобы убедиться, что я один. Я очень осторожно двинулся к дому, остерегаясь убийцы.

– Почему ты передумал, босс?

– Не знаю. Мне надо еще немного подумать. Насчет Франца.

Я поднялся по лестнице и вошел в дом. Из спальни доносилось легкое дыхание Коти. Я снял сапоги и плащ, потом вошел в спальню, разделся и осторожно забрался в постель, чтобы не разбудить ее.

Закрыв глаза, я увидел перед собой лицо Франца. Мне потребовалось больше времени, чем обычно, чтобы заснуть.

12

«1 СЕРЫЙ ПЛАЩ: ВЫЧИСТИТЬ И ВЫГЛАДИТЬ…»

Я заснул поздно и просыпался медленно. Сев на постели, я попытался привести мысли в порядок и решить, как мне провести этот день. Мой последний грандиозный план не сработал, так что пришлось возвращаться к одному из предыдущих. Можно ли было на самом деле убедить Коти и Херта, что я убит? Херта – чтобы оставил меня в покое, Коти – чтобы она убила Херта. Я не мог ничего придумать.

– Знаешь, в чем твоя проблема, босс?

– А? Да. Всем не терпится сообщить мне, в чем моя проблема.

– Извини.

– Ладно, продолжай.

– Ты пытаешься придумать подходящий трюк, а с помощью трюков этого не решить. Я заинтересовался.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Слушай, босс: тебя беспокоит, что ты связался с людьми, которые считают, что ты не должен быть таким, какой ты есть, и тебе приходится решать, меняться тебе или нет.

– Лойош, меня беспокоит, что по улице ходит убийца, который знает мое имя, и…

– Разве ты сам не сказал вчера, что нам приходилось бывать и в худших ситуациях?

– Да. И я придумал некий трюк, чтобы выпутаться.

– Почему же сейчас у тебя нет подходящего трюка?

– Я слишком занят, чтобы отвечать на вопросы джарега, который считает, что его единственная проблема – сострадание моей горькой судьбе.

Лойош мысленно хихикнул и ничего больше не сказал. Это одна из черт Лойоша, которой я больше ни у кого не встречал: он знает, когда следует отстать и дать мне просто подумать. Вероятно, это связано с тем, что он понимает мои мысли. Другого объяснения я не могу найти.

Я телепортировался в контору. Интересно, подумал я, привыкнет ли когда-нибудь к этому мой желудок? Коти как-то рассказывала, что, когда она работала с Норатар, они телепортировались почти всюду, и ее желудок так к этому и не приспособился. Однажды они чуть не провалили задание из-за того, что ее стошнило прямо на жертву. Я не буду углубляться в подробности; она сама может рассказать об этом лучше меня.

Я позвал Крейгара к себе в кабинет.

– Ну?

– Мы опознали убийцу. Его зовут Квэйш.

– Квэйш? Необычное имя.

– Он из Сериоли. Это означает: Тот, Кто Придумывает Интересные Застежки Для Женских Украшении.

– Понятно. Кто-нибудь за ним следит?

– Да. Парень по имени Иштван. Как-то раз мы уже прибегали к его услугам.

– Я помню. Сообразительный тип.

– Это именно тот.

– Хорошо. Кто опознал Квэйша?

– Палка. Они когда-то сшивались вместе.

– Хмм. Проблемы?

– Насколько я знаю, нет. Бизнес.

– Ладно. Но скажи Палке, чтобы был осторожен; если он знает, что он знает, кто он, а он не знает, что он знает…

– Что?

– Просто скажи Палке, чтобы был осторожен. Что-нибудь еще?

– Нет. Я собираю сведения о телохранителях Херта, но, похоже, потребуется некоторое время, прежде чем мы сумеем найти к кому-либо из них подход.

Я кивнул и отправил его заниматься делами. Почесав Лойоша под подбородком, я телепортировался в Южную Адриланку и отправился к дому Келли, чтобы посмотреть, что там происходит. Я не стал прятаться за углом, как прежде, и занял более непринужденную позицию на улице. Сейчас мне не требовалось привлекать к себе внимание.

Несведущие люди, похоже, переоценивают значение внешности вообще и одежды в частности. Поэтому внимание чаще всего обращают именно на это. Обычно вы не обращаете внимания на чью-то походку, или направление его взгляда, или на его перемещение в толпе; вы смотрите на внешность и на одежду. Тем не менее не это привлекает ваше внимание. Вы каждый день видите людей, которые выглядят достаточно забавно, но не выделяются. Вряд ли кто-нибудь скажет: «Я не видел того забавно выглядевшего типа» или «Там был кто-то в очень странной одежде, но я не обратил на него внимания». Забавный нос, или необычная прическа, или странная манера одеваться – это то, что вы помните о том, кого заметили, но обычно не то, что привлекает к нему ваше внимание.

Я был одет странно для этих мест, но я был просто самим собой, стоял посреди улицы, где находились и все прочие, занимаясь своими обычными делами. Никто не обращал на меня внимания, а я следил за квартирой Келли, выясняя, не

происходит ли чего-либо необычного. Собственно говоря, я хотел знать, обнаружили ли они Франца.

В течение часа или около того я так и не смог этого понять, так что переместился чуть ближе к зданию, потом еще ближе, потом скользнул вдоль стены и приложил к ней ухо. Она оказалась еще тоньше, чем я думал, и я мог хорошо слышать все, что происходило внутри.

Они вообще не говорили о Франце.

Слышался голос Келли, что-то вроде: «Словно ты говоришь про себя: мол, я знаю, что это тебя не интересует, но…»В его интонации звучал сарказм.

Коти что-то ответила, но слишком тихо, чтобы я мог услышать. Слишком тихо и для Келли, поскольку он сказал: «Говори громче», тоном, от которого я содрогнулся. Коти снова что-то сказала, и я снова не расслышал, а потом послышался голос Пареша: «Это абсурд. Сейчас это вдвойне важно. Ты, может быть, и не заметила, но восстание уже идет. Каждая ошибка сейчас вдвойне смертельна. Мы не можем позволить себе ни единой ошибки».

В ответ Коти снова что-то пробормотала, и я услышал несколько возгласов, а затем голос Грегори: «Если ты так считаешь, зачем ты вообще связалась с нами?» Потом голос Наталии: «Ты смотришь на это с их точки зрения. Ты всю свою жизнь пыталась быть аристократкой и пытаешься даже сейчас. Но мы здесь не для того, чтобы поменяться с ними местами, и мы не собираемся бороться с ними, принимая при этом их ложь за правду». Потом что-то сказал Келли, за ним остальные, но дальше я пересказывать не буду. Это никак не касается вас и никак не касалось меня, хотя я и все слышал.

Однако я все же немного послушал, краснея все больше и больше. Лойош стиснул когтями мое плечо, а в какой-то момент сказал: «Ротса очень расстроена». Я не ответил, поскольку не мог высказать этого вслух даже Лойошу. Прямо за углом от меня была дверь, и я мог войти туда, и Келли был бы мертв, прежде чем осознал бы это.

Я с огромным трудом сдержался.

Единственное, что отвлекало меня, были мысли типа: «Как она могла с подобным смириться?» или «Почему она хочет с этим мириться?» Мне также пришло в голову, что все остальные либо очень смелы, либо очень доверчивы. Они не хуже меня знали, что Коти может убить многих из них в течение нескольких секунд.

Женщина, мужем которой я был, сделала бы это.

Я покинул свой пост и пошел выпить клявы.

За последний год она изменилась, а я этого не заметил.

Может быть, именно это больше всего меня беспокоило. Если бы я действительно ее любил, разве бы я не увидел, как она превращается из ходячей машины смерти в… во что?

Не было смысла размышлять над тем, почему она изменилась. В этом нет будущего, как сказал бы Палка. Вопрос в том, не менялся ли и я вместе с ней? Нет, будем честными. Вопрос был в том, намеревался ли я делать вид, что я не тот, каков я на самом деле, хотел ли я стать таким, каким я не был, чтобы удержать ее? Рассудив подобным образом, я понял, что честный ответ на этот вопрос – отрицательный. Я не смог бы стать другим в надежде, что она вернется и снова полюбит меня. Она вышла замуж за меня – такого, каким я был. И точно так же женился на ней я. Если она собиралась уйти, мне пришлось бы это пережить.

Или нет. Все еще был Квэйш, который согласился убить меня, и Херт, который попытается еще раз, если у Квэйша не выйдет. Так что, может быть, я бы вовсе этого не пережил. Я заказал себе еще клявы, которую мне принесли в стакане, что напомнило мне о Шерил и отнюдь не подняло моего настроения.

Час спустя я все еще пребывал в мрачном расположении духа, когда вошла Наталия в компании незнакомых мне выходца с Востока и теклы. Она увидела меня и кивнула, потом подумала и подошла ко мне, сказав что-то своим компаньонам. Я предложил ей сесть и заказал для нее чашку чаю, поскольку знал, что она не любит кляву. Пока не принесли чай, мы просто смотрели друг на друга. От чая пахло лучше, чем от клявы, и его принесли в кружке. Я решил это запомнить.

Жизнь Наталии отображалась на ее лице. Я не мог различить деталей, но общие очертания были понятны. Волосы ее были черными, но уже тронутыми сединой; тонкие седые пряди не придавали ей почтенного вида, а лишь старили. Лоб широкий, с проступавшими на нем морщинами. Глубокие борозды пролегли вдоль носа, который наверняка был симпатичной кнопкой, когда она была моложе. В тонких чертах лица чувствовалось напряжение. И тем не менее где-то в глубине ее глаз сверкали искорки. На вид ей было сорок с небольшим.

Пока она пила чай и создавала мнение обо мне, столь же веское, как и мое о ней, я спросил:

– Как же ты во все это ввязалась? – Она начала отвечать, и я почувствовал, что почти попал в точку. Поэтому прервал ее: – Впрочем, не важно. Я не уверен, что хочу это слышать.

Она одарила меня полуулыбкой, что было до сих пор наиболее дружелюбным жестом с ее стороны.

– Ты не хочешь услышать, – сказала она, – о моей жизни в

роли девушки из гарема восточного короля?

– Что ж, почему бы и нет, – ответил я. – Не думаю, что ты действительно была в гареме.

– Боюсь, что нет.

– Ну и хорошо, – сказал я.

– Какое-то время, однако, я была воровкой.

– Вот как? Неплохое занятие.

– Не хуже и не лучше других, – сказала она. – Зависит от твоего положения.

Я подумал об орках, которые готовы прирезать любого за двадцать империалов, и сказал:

– Полагаю, что ты была не на вершине.

Она кивнула.

– Мы жили на другом конце города. – Она имела в виду другой конец Южной Адриланки. Для большинства людей с Востока Южная Адриланка представляла собой весь город. – Это было, – продолжала она, – после смерти моей матери. Отец обычно приводил меня в трактир, и я воровала монеты, которые посетители оставляли на стойке, а иногда срезала кошельки.

– Нет, – сказал я, – это не высший уровень профессии, не так ли? Но, думаю, жить можно.

– Некоторым образом.

– Тебя ловили?

– Да. Один раз. Мы договорились, что, если меня поймают, отец сделает вид, что бьет меня, как будто это была моя собственная идея. А когда меня наконец поймали, он не просто сделал вид, а…

– Понятно. Ты рассказала, как было на самом деле?

– Нет. Мне тогда едва исполнилось десять лет, и я только плакала и кричала, что больше никогда не буду воровать, и просила прощения…

Официант принес еще клявы. Наученный опытом, я даже не прикоснулся к ней.

– И что случилось потом? – спросил я. Она пожала плечами:

– Я больше не воровала. Мы перебрались в другой трактир, и я ничего больше не крала, так что отец снова поколотил и выгнал меня. Я убежала и с тех пор никогда его не видела.

– Сколько, говоришь, тебе было лет?

– Десять.

– Хммм. Как же ты жила, извини за вопрос?

– Поскольку я не знала ничего, кроме трактиров, я пришла в один и попросила разрешить мне подметать пол за еду. Хозяин согласился, так что какое-то время я этим и занималась. Сначала я была слишком худой, чтобы у меня возникали какие-то

проблемы с посетителями, но позднее по вечерам мне приходилось прятаться. С меня вычитали за масло, так что обычно я сидела в своей комнате в темноте, накрывшись одеялами. Впрочем, я ничего не имела против. Иметь собственную комнату было так хорошо, что я могла обойтись без света и без тепла.

Когда хозяин умер, мне было двенадцать, и его вдова в некотором роде привязалась ко мне. Она перестала брать с меня деньги за масло. Но, думаю, лучшее, что она для меня сделала, – научила читать. С тех пор я проводила все свое время за чтением, в основном одних и тех же восьми или девяти книг. Я помню, там была одна книга, которую я никак не могла понять, сколько бы раз ее ни перечитывала, другая – с волшебными сказками, а третья – пьеса, что-то о кораблекрушении. А еще книга о том, где и какие злаки выращивать, как получить хороший урожай или что-то подобное. Я даже это читала, так мне было одиноко. Я все еще не спускалась по вечерам в общий зал, а больше делать было нечего.

– Значит, – сказал я, – ты была там, когда появился Келли, и он изменил твою жизнь и научил тебя видеть окружающее, верно?

Она улыбнулась:

– Что-то в этом роде. Сначала я каждый день наблюдала, как он продавал газеты на углу, когда бегала с поручениями. Но в один прекрасный день вдруг поняла, что могу купить у него газету, и это будет какое-то новое, особенное чтение. Я никогда не слышала о книжных магазинах. Думаю, Келли тогда было лет двадцать.

В течение следующего года я каждую неделю покупала газету и убегала, прежде чем он успевал со мной заговорить. Я совершенно не понимала, о чем писала газета, но мне это нравилось. Примерно через год я наконец начала задумываться о том, что там говорилось и как это касается меня. Я поняла вдруг, как плохо, что десятилетний ребенок вынужден воровать по кабакам, и это открытие поразило меня.

– Это правда, – сказал я. – Десятилетний ребенок должен уметь воровать на улицах.

– Перестань, – огрызнулась она. Я пробормотал извинения и сказал:

– Так или иначе, именно тогда ты решила спасти мир.

Вероятно, годы научили ее определенному терпению, поскольку она не уставилась на меня цинично, как Пареш, или яростно, как Коти. Она просто покачала головой и сказала:

– Это вовсе не так просто. Конечно, я начала разговаривать с Келли, и мы начали спорить. Я не сразу поняла, что главная

причина, по которой я постоянно возвращалась к нему, заключалась в том, что он был единственным человеком, способным меня выслушать, единственным, кто воспринимал меня всерьез. Не думаю, чтобы это когда-либо чем-либо закончилось, но в тот год был введен налог на питейные заведения.

Я кивнул. Я помню, как рассказывал об этом отец – тем своеобразным, мрачным тоном, каким он всегда говорил о чем-то, что делала Империя и что ему не нравилось.

– И что было потом? – спросил я. Она рассмеялась:

– Много чего. Во-первых, трактир закрылся, почти сразу же. Хозяйка продала его. Новый владелец закрыл заведение на время, пока не уляжется вся эта суета с налогами, так что я оказалась на улице без работы. В тот же день я встретила Келли, и в его газете была об этом большая статья. Я что-то ему сказала, назвала газету дурацкой, а он набросился на меня, словно тсер на лиорна. Он рассказал мне, что пишет его газета, говорил, как можно сохранить работу… Я почти ничего не помню, но я слишком разозлилась, и мысли мои путались. Я сказала ему, что проблема в том, что императрица слишком жадная, а он сказал, что нет, императрица сама в отчаянном положении, потому-то и потому-то, Я поняла, что он на ее стороне. Потом я убежала и не видела его несколько лет.

– И чем ты занималась?

– Нашла другой трактир, на этот раз в драгейрианской части города. Поскольку драгейриане не могут определить нашего возраста и хозяину показалось, что я «симпатичная», он позволил мне обслуживать посетителей. Оказалось, что последнего официанта зарезали в драке неделю назад. После этого мне стало понятно, что это за место, но мне было все равно. Я нашла квартиру на этой стороне улицы Две Лозы и ходила каждый день две мили пешком на работу. Самое приятное, что по пути была небольшая книжная лавка. Я потратила там кучу денег, но это того стоило. Особенно мне нравилась история – драгейрианская, не человеческая. И рассказы тоже. Думаю, я не слишком отличала их друг от друга. Мне нравилось воображать себя знатным тсером, и я сражалась в битве у Семи Сосен, потом покоряла гору Тсер, чтобы сразиться с Волшебницей, и все на одном дыхании. Что случилось?

Вероятно, я слегка подскочил, когда она упомянула гору Тсер.

– Ничего, – сказал я. – Когда ты снова встретилась с Келли?

Моя клява достаточно остыла для того, чтобы можно было взять стакан, и оставалась достаточно теплой для того, чтобы ее

стоило пить. Я сделал «глоток.

– Это случилось после того, как в Восточном районе ввели подушный налог, – сказала Наталия. – Пара, которая жила подо мной, тоже умела читать, и они вошли в группу людей, составлявших петицию к императрице против налогов.

Я кивнул. В свое время кто-то приходил к моему отцу в ресторан с подобной петицией, несмотря на то что мы жили в драгейрианской части города. Отец вышвырнул его на улицу.

– Никогда не мог понять, – сказал я, – почему вообще был введен подушный налог. Разве Империя пыталась изгнать выходцев с Востока из города?

– В основном это связано с восстаниями в восточных и северных герцогствах, покончившими с принудительным трудом. Я написала об этом книгу. Хочешь купить экземпляр?

– Не сейчас.

– Так или иначе, – продолжала она, – мои соседи и я связались с этими людьми. Какое-то время мы работали вместе, но мне не понравилась идея ползти к властям Империи на коленях. Это казалось мне неправильным. Вероятно, тогда моя голова была забита историями и рассказами, которые я читала, а мне было только четырнадцать, но мне казалось, что тот, кто хочет добиться чего-то от императрицы, должен просить смело и держаться с достоинством. – Она слегка подчеркнула слова» смело»и «достоинство». – Я считала, что мы должны совершить некий прекрасный поступок ради Империи, а затем попросить освобождения от налогов в качестве награды.

Я улыбнулся:

– И что они на это сказали?

– О, я никогда на самом деле подобного не предлагала. Я хотела, но боялась, что надо мной станут смеяться. – На губах ее на мгновение появилась легкая улыбка. – И, конечно, стали бы. Но у нас было несколько публичных собраний, где мы об этом говорили, и Келли начал появляться на них, кажется, еще с четверыми или пятерыми. Не помню, что они говорили, но они произвели на меня большое впечатление. Они были моложе многих других, но, казалось, в точности знали, о чем говорят. Приходили и уходили они всегда вместе, одной группой. В чем-то они напомнили мне войско драконов. После одного из собраний я подошла к Келли и спросила: «Помнишь меня?» Он меня вспомнил, мы начали разговаривать, и через минуту у нас снова завязался спор, только на этот раз я не ушла. Я дала ему свой адрес, и мы договорились поддерживать связь.

Я не встречалась с ним еще около года, после мятежей и убийств. Это было примерно в то время, когда императрица

наконец отменила подушный налог.

Я кивнул, поскольку знал историю, о которой она говорила.

– Келли имел к этому отношение? – спросил я.

– Мы все имели к этому отношение. Он впрямую не участвовал в мятежах или в чем-то подобном, но все время был там. Какое-то время он сидел в одном из лагерей, которые были созданы после подавления мятежа. Однако мне удалось скрыться от стражников, хотя я была рядом во время поджога биржи лесоматериалов. Как ты знаешь, именно тогда они наконец ввели войска. Биржа принадлежала драгейрианину, какому-то иоричу.

– Я этого не знал, – искренне сказал я. – С тех пор ты с Келли?

Она кивнула.

Я подумал о Коти.

– Это, должно быть, трудно, – сказал я. – Я имею в виду, с ним, должно быть, тяжело работать.

– Это восхитительно. Мы строим будущее.

– Все строят будущее, – сказал я. – Все, что мы делаем каждый день, в конечном счете создает будущее.

– Хорошо, я хочу сказать – мы строим его сознательно. Мы знаем, что делаем.

– Ладно. Вы строите будущее. Ради этого вы приносите в жертву настоящее.

– Что ты имеешь в виду? – В ее вопросе звучало скорее любопытство, чем насмешка, что пробудило во мне некоторую надежду.

– Вы настолько увлечены своим делом, что не замечаете никого вокруг себя. Вы настолько поглощены вашей идеей, что вас не волнует, сколько невинных людей пострадает. – Она попыталась что-то сказать, но я продолжал: – Мы оба знаем, кто я и чем занимаюсь, так что нет смысла утверждать обратное, и если ты думаешь, что это прирожденное зло, то не о чем тут говорить. Но я могу сказать тебе, что никогда преднамеренно не причинил вреда невиновному, включая драгейриан, которых я тоже считаю людьми. Говорю это совершенно искренне.

Она пристально посмотрела мне в глаза:

– Я в этом не сомневалась. И даже не собираюсь обсуждать, кого ты считаешь невиновными. Но если ты действительно веришь в то, что сейчас сказал, никакие мои слова не изменят твоих взглядов, так что я не вижу никакого смысла в этой дискуссии.

Я расслабился, не до конца осознав, в каком напряжении пребывал. Возможно, я ожидал, что она набросится на меня с кулаками или еще что-нибудь. Подумав, я решил, что Наталия

показалась мне наиболее рассудительной из этих людей, и мне захотелось, чтобы мне нравился хоть кто-то из них, а я нравился ему. Это было глупо. Я оставил попытки «нравиться» людям в двенадцатилетнем возрасте, и результаты подобной точки зрения были вбиты в меня так, что я никогда этого не забуду.

Я почувствовал некоторую злость, а вместе со злостью некоторую силу. Я ничем этого не показывал, но она нахлынула на меня холодной, освежающей волной. Я начал свой путь много-много лет назад, и сделал первые шаги вследствие того, что ненавидел драгейриан. Это было причиной тогда, это было причиной сейчас. И этого было достаточно.

Люди Келли руководствовались идеалами, которых я никогда не мог понять. Для них люди являлись «массами», отдельные личности имели значение лишь постольку, поскольку делали что-либо полезное для их движения. Такие люди никогда не были способны любить – чисто, бескорыстно, без мыслей о том, почему, как и что это даст. Точно так же они не способны были ненавидеть: их слишком занимал вопрос, почему кто-то что-то сделал, для того чтобы ненавидеть его за это.

Но я ненавидел. Я ощущал ненависть внутри себя, словно ледяной шар. Больше всего я сейчас ненавидел Херта. Нет, я вовсе не хотел нанять кого-либо, чтобы отправить его в долгий путь, я желал сделать это сам. Я хотел ощутить судороги тела, которое дергается и брыкается, пока я держу рукоятку рапиры и жизнь извергается из него, словно вода из холодных источников Восточных гор. Вот чего я хотел, а твои желания делают тебя тем, кто ты есть.

Я положил на стол несколько монет в уплату за кляву и чай. Не знаю, насколько Наталия поняла, что происходит в моей голове, но она поняла, что разговор окончен. Она поблагодарила меня, и мы одновременно встали. Я слегка поклонился и поблагодарил ее за компанию.

Когда я направился к выходу, она переглянулась со своими спутниками, и они вышли на улицу передо мной, повернулись и подождали ее у двери. Когда я вышел, выходец с Востока посмотрел на мой серый плащ со стилизованным изображением джарега и насмешливо улыбнулся. Будь он теклой, я бы его убил. Но он был с Востока, и потому я просто пошел дальше.

13

«… УДАЛИТЬ КОШАЧЬИ ВОЛОСЫ…»

Когда я вошел в лавку, послышался легкий мелодичный звон колокольчиков. Мой дед что-то писал в толстой книге старомодным карандашом. Он поднял голову и улыбнулся:

– Владимир?

– Привет, Нойш-па.

Я обнял его. Мы сели, и он поздоровался с Лойошем. Амбруш прыгнул мне на колени, и я соответствующим образом приветствовал его. Амбруш никогда не мурлыкал, когда его гладили, но каким-то образом давал знать, что ему это нравится. Дед как-то сказал мне, что Амбруш мурлыкал только тогда, когда они вместе занимались колдовством; мурлыканье было знаком, что все идет как надо.

Я внимательно посмотрел на деда. Выглядел ли он несколько старше, несколько более усталым, чем обычно? Не уверен. Трудно смотреть на родное лицо, словно это лицо постороннего. Почему-то мой взгляд притягивали его лодыжки, и я заметил, какими худыми и хрупкими они выглядели, даже для его роста. Однако, опять же для его роста, грудь деда казалась широкой и мускулистой под складками красно-зеленой накидки. Его голова, лысая, за исключением тончайшей бахромы седых волос, блестела в пламени свечи.

– Итак? – наконец спросил он.

– Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, Владимир. А ты?

– Примерно так же, Нойш-па.

– Ладно. У тебя какие-то проблемы?

Я вздохнул:

– Ты был здесь в двести двадцать первом?

Он приподнял брови.

– Во время мятежей? Да. Это было нехорошее время. – Он покачал головой, и углы его рта опустились. Однако, казалось, в то же время его глаза слегка вспыхнули.

– Ты имел к этому отношение? – спросил я.

– Отношение? Как я мог не иметь к этому отношения? Мы все были либо участниками этих событий, либо прятались от них, но все мы имели к ним отношение.

– А мой отец?

Он посмотрел на меня взглядом, которого я не мог понять. Потом сказал:

– Да, твой отец был там. Он, и я, и твоя бабушка тоже, и мой

брат Яни. Мы были здесь, когда Империя пыталась подавить нас. – Его голос стал чуть тверже. – Твой отец тоже убил одного стражника. Кухонным ножом.

– Убил?

Он кивнул.

Какое-то время я молчал, пытаясь разобраться в своих ощущениях. Это казалось странным, и я пожалел, что не знал об этом, когда отец был жив. Я ощутил внезапную боль от осознания того, что никогда больше его не увижу.

– А ты? – наконец спросил я.

– О, мне после этого сражения дали должность, так что я тоже был там.

– Должность?

– Я был делегатом от квартала. Когда мы собирались, я должен был обойти всех соседей и сообщить о наших планах.

– Я об этом не знал. Папа никогда мне не рассказывал.

– Он был тогда очень несчастен. Как раз в то время я потерял твою бабушку – когда они снова вернулись.

– Империя?

– Да. Они вернулись с новыми войсками – драконами, которые сражались на Востоке.

– Ты бы не мог мне об этом рассказать?

Он вздохнул и какое-то время смотрел в сторону. Вероятно, он думал о моей бабушке, которой я никогда не видел.

– Давай в другой раз, Владимир.

– Ладно. Я заметил, что Келли посмотрел на тебя так, словно он тебя узнал. Это правда?

– Да, я его знал. Тогда он был очень молод. Когда мы говорили о нем в прошлый раз, я не знал, что это тот самый Келли.

– Он хороший человек, Нойш-па?

Дед быстро взглянул на меня.

– Почему ты спрашиваешь?

– Полагаю, из-за Коти.

– Хм-м. Что ж, наверное, хороший, если то, чем он занимается, ты считаешь хорошим делом.

Я попытался расшифровать эту мысль, потом зашел с другой стороны.

– Похоже, тебе не слишком нравится, что Коти связалась с этими людьми. Почему, ведь ты сам был связан с ними?

Он развел руками:

– Владимир, когда люди восстают против землевладельцев, естественно, возникает желание им помочь. Тут делать нечего. Но сейчас другое дело. Она, похоже, ищет неприятностей там, где их

нет. И ничего подобного никогда не было между Ибронкой – твоей бабушкой – и мной.

– Не было?

– Конечно нет. Мы все оказались участниками того, что произошло. Не выступать же нам на стороне графов и банкиров. Но это не являлось причиной, по которой я мог бы бросить свою семью.

– Понятно. Именно это ты хочешь сказать Коти, если она к тебе придет?

– Если она спросит, я ей скажу.

Я кивнул. Я подумал о том, какова будет реакция Коти, и решил, что знаю ее недостаточно хорошо, чтобы догадаться. Я сменил тему, но дед продолжал время от времени бросать на меня странные взгляды. Что ж, вряд ли я мог упрекать его.

Одни и те же мысли постоянно занимали меня. Являлся мне призрак Франца или не являлся, я от души желал, чтобы Келли вместе со всей его бандой провалился сквозь землю. Но мне не приходило в голову ни одного подходящего способа это устроить.

Разделаться с Хертом мне больше всего мешало то, что он был совершенно не ограничен во времени. У него были наемники, готовые вступить вдело и расправиться со мной, когда наступит благоприятный момент. И он был драгейрианином: он мог прожить еще тысячу лет – куда ж ему было торопиться?

Если бы я мог заставить его действовать, я бы выманил его на открытое пространство и повторил свою попытку. К тому же… Хммм. Дед молчал, глядя на меня, словно зная, как быстро сейчас работает мой мозг. Я начал составлять новый план. Лойош никак его не комментировал. Я рассмотрел свой план с разных сторон, потягивая чай, настоянный на травах. Я попытался взглянуть на него под углом возможных проблем, и все получалось как надо. Настало время действовать.

– У тебя появилась идея, Владимир?

– Да, Нойш-па.

– Что ж, тогда тебе пора.

Я встал.

– Ты прав.

Он кивнул и ничего больше не сказал. Я попрощался с ним, и Лойош вылетел в дверь передо мной. Лойош сказал, что все было спокойно. Меня все еще беспокоили мысли о Квэйше. Если меня убьют, мой план будет значительно труднее осуществить.

Я миновал лишь несколько кварталов, когда ко мне подошла девушка. Я проходил мимо рынка, а она стояла, прислонившись к стене и заложив руки за спину. Ей было на вид лет пятнадцать, под желто-голубой крестьянской юбкой с разрезом были видны

выбритые ноги, что говорило о многом.

Она отошла от стены, когда я оказался рядом, и сказала: «Привет!»Я остановился и поздоровался. Внезапно мне пришло в голову, что это ловушка; я провел рукой по волосам и поправил одежду. Она, похоже, подумала, что я пытаюсь произвести на нее впечатление, и продемонстрировала мне пару ямочек на щеках. Интересно, подумал я, какова дополнительная плата за ямочки?

– Что, Лойош?

– Слишком много народу, чтобы судить с уверенностью, босс, но я не вижу Квэйша.

Я решил, что опасаться пока нечего.

Она спросила, не мог бы я пойти с ней чего-нибудь выпить. Я сказал, что не против. Она спросила, не хочу ли я потрахаться. Я, в свою очередь, спросил, сколько это будет стоить. Она назвала сумму, примерно соответствовавшую одному империалу, что составляло треть от того, что мне обычно приходилось платить.

– Конечно, – сказал я.

Она кивнула, уже не заботясь о ямочках на щеках, и повела меня за угол. Нож скользнул мне в ладонь на всякий случай. Мы вошли в какую-то забегаловку, на вывеске которой были изображены несколько пчел, круживших над ульем. Она заговорила с хозяином, и я убрал нож. Я протянул ему семь серебряных монет. Он кивнул в сторону лестницы и сказал: «Комната номер три». В заведении было необычно много народу для этого времени суток. Воздух был несвежим и спертым. Казалось, что все посетители пьяны.

Она провела меня в комнату номер три. Я настоял, чтобы она шла первой, но не заметил никаких признаков, что там был кто-то еще. Когда она повернулась ко мне, в комнату влетел Лойош.

– Все в порядке, босс. Здесь безопасно.

– Этим ты тоже хочешь заняться здесь? – спросила она.

– Да, – сказал я.

Она пожала плечами и сказала:

– Ладно.

Я вошел в комнату. Занавеска упала позади меня, закрывая вход. На полу лежал матрас, рядом с ним стоял стол. Я дал ей империал.

– Держи, – сказал я.

– Спасибо.

Она сняла блузу. Тело ее было молодым. Я не пошевелился. Она посмотрела на меня и спросила:

– Ну?

Когда я подошел, она изобразила мечтательную улыбку, подняла ко мне лицо и протянула руки. Я дал ей пощечину. Она

отступила назад и сказала:

– Эй, ты чего?

Я подошел и снова дал ей пощечину.

– Не надо! – сказала она.

Я вытащил из-под плаща нож. Она закричала.

Пока ее крик эхом отдавался в комнате, я схватил ее за руку, оттащил в угол рядом со входом и прижал к стене. Теперь в ее глазах был страх.

– Хватит, – сказал я. – Еще раз раскроешь рот – убью.

Она кивнула, глядя мне в лицо. Я услышал снаружи шаги и отпустил ее. Занавеска отодвинулась, и появилась громадная дубина, а за ней рослый выходец с Востока с черной бородой.

Он ворвался внутрь, остановился, увидев пустую комнату, и начал оглядываться по сторонам. Не успел он осмотреться, как я схватил его за волосы и приставил нож сзади к его шее.

– Брось дубинку, – сказал я.

Он напрягся, словно намереваясь прыгнуть, и я сильнее прижал нож к его шее. Он расслабился, дубина упала на пол. Я повернулся к девице. Один взгляд на ее лицо сказал мне, что это ее сутенер, а отнюдь не налетчик.

– Ладно, – сказал я ей. – Убирайся отсюда.

Она обежала вокруг нас, чтобы подобрать свою блузу, и выскочила за дверь, не взглянув ни на кого и не задержавшись, чтобы одеться.

– Ты кто? – спросил сутенер. – Птичка? Я заморгал:

– Птичка? Феникс. Стражник Дома Феникса. Мне это нравится. Лорду Хааврену тоже бы понравилось. Нет, я не птичка. Не будь дураком. На кого ты работаешь?

– А? – спросил он.

Я пнул его под колено, и он сел. Я прижал ему грудь коленом и приставил острие ножа к его левому глазу, затем повторил вопрос.

– Я ни на кого не работаю, – ответил он. – Я сам по себе.

– Значит, – сказал я, – я могу с тобой сделать все, что угодно, и никто не станет тебя защищать, так?

После этого ситуация предстала перед ним в несколько ином свете.

– Нет, – сказал он, – меня есть кому защитить.

– Хорошо, – сказал я. – Кому?

Его взгляд упал на изображение джарега на моем плаще. Он облизнул губы и сказал:

– Я не хочу в это ввязываться.

Я не смог сдержать улыбку.

– Ты что, еще недостаточно ввязался?

– Нет, но…

Я сделал ему больно. Он вскрикнул.

– Кто тебя защищает? – спросил я.

Он назвал мне незнакомое имя выходца с Востока. Я слегка отодвинул нож от его лица, немного ослабил захват и сказал:

– Ладно. Я работаю на Келли. Знаешь, о ком речь? Он кивнул.

– Хорошо, – сказал я. – Не смей больше появляться на улицах. По-хорошему. Ты теперь не у дел, понял?

Он снова кивнул. Я схватил его за волосы, обрезал их ножом, показал ему и спрятал под плащ. Его глаза расширились.

– Теперь я могу найти тебя в любой момент, когда захочу. Понял? – Он понял. – Ладно. Я вернусь сюда через несколько дней и хотел бы увидеть прекрасную юную даму, с которой только что беседовал. И я хочу, чтобы ей не причинили никакого вреда. В противном случае я заберу с собой кусочки твоего тела. Если я ее не найду, не останется даже кусочков. Понял? – Похоже, мы все еще понимали друг друга; он кивнул. – Хорошо, – сказал я и оставил его. Девицы не было и в помине.

Я вышел из забегаловки, прошел около полумили на запад и спустился в небольшой подвал. Я спросил хозяина, уродливого косоглазого типа, не знает ли он, где можно сыграть.

– Сыграть?

– Сыграть. Ну знаешь, шереба или что-нибудь в этом роде.

Он тупо смотрел на меня, пока я не протянул ему империал, после чего он назвал мне адрес. Я последовал его указаниям, и действительно там оказались три стола для шеребы. Какой-то парень дремал на стуле.

– Привет, – сказал я. – Извини, что побеспокоил. Он приоткрыл один глаз:

– Да?

– Знаешь такого – Келли? – спросил я.

– А?

– Келли. Ну знаешь, который загородил все проходы…

– Да, да. Так что?

– Я на него работаю.

– А?

– Твой бизнес завершен. Игра окончена. Закрыто. Чтоб здесь никого больше не было.

Комната была небольшая, а я не прилагал никаких усилий к тому, чтобы мой голос звучал тихо. Игра в карты остановилась, и все смотрели на меня. Как и сутенер, этот тип заметил стилизованного джарега на моем плаще. Похоже, он был озадачен.

– Послушай, – сказал он. – Я не знаю, кто ты и какую игру ты

ведешь…

Я позаимствовал трюк у стражников Дома Феникса: ударил его сбоку по голове рукояткой кинжала, затем замахнулся еще раз.

– Так тебе понятнее? – спросил я.

Позади меня послышалось какое-то движение.

– Что там, Лойош?

– Ничего, босс. Они уходят.

– Хорошо.

Когда комната опустела, я отпустил парня и сказал:

– Я буду за тобой следить. Если здесь снова что-то начнется, я доберусь до твоей задницы. Теперь катись.

Он поспешно выполнил мое требование. Я же не торопился. Я позволил себе злорадно усмехнуться, просто потому, что это соответствовало моему настроению. К тому времени, когда я закончил дела, уже наступил вечер, а я успел терроризировать трех проституток, столько же сутенеров, двух владельцев игорных заведений и одного букмекера.

Хорошая работа для одного дня, решил я. И направился обратно в контору, чтобы поговорить с Крейгаром и привести в действие вторую часть плана.

Крейгар решил, что я сошел с ума.

– Ты сошел с ума, Влад.

– Возможно.

– Они же тебя просто уничтожат.

– Я собираюсь продолжать им платить.

– Как?

– Я ведь богат, помнишь?

– И как долго это может продолжаться?

– Несколько недель, из которых мне нужна только одна.

– Одна?

– Да. Я потратил сегодня весь день на то, чтобы раззадорить Херта и Келли и натравить их друг на друга. – Я коротко изложил ему, чем сегодня занимался. – Возможно, им потребуется день на то, чтобы сообразить, кто на самом деле этому виной. Херт будет преследовать меня всеми имеющимися у него средствами, а Келли…

– Да?

– Подожди – и увидишь.

Он вздохнул:

– Ладно. Ты хочешь, чтобы весь принадлежащий тебе бизнес был прекращен с завтрашнего утра. Прекрасно. Все должны на неделю уйти в подполье. Прекрасно. Ты говоришь, что можешь себе это позволить – ладно. Но то, что должно происходить в

Южной Адриланке, я просто не понимаю.

– Что тут понимать? Мы просто продолжаем то, что я начал сегодня.

– Но пожары? Взрывы? Это никак не…

– У нас есть люди, которые умеют делать подобные вещи как следует, Крейгар. Мы ведь учились у Лариса, помнишь?

– Да, но Империя…

– Вот именно.

– Не понимаю.

– И не надо. Лишние подробности.

– Ладно, Влад. Это твои дела. Как насчет твоих собственных заведений? Вроде этого, к примеру.

– Да. Свяжись с Сучьим патрулем, пусть они обеспечат защиту. Полную магическую защиту, включая блокировку телепортации. Я могу…

– …себе это позволить. Да, я знаю. Я все-таки думаю, что ты сошел с ума.

– Херт тоже.

– Он станет тебя преследовать – если это то, чего ты хочешь.

– Именно.

Крейгар вздохнул, покачал головой и вышел. Я откинулся на спинку кресла, положил ноги на стол и еще раз мысленно проверил, что ничего не забыл.

Когда я пришел домой, Коти уже вернулась. Мы поздоровались и обменялись парой незначащих фраз. Мы устроились в гостиной рядом друг с другом на диване, так что можно было чувствовать себя так, будто ничего не изменилось, но при этом нас разделяло расстояние около фута. Я встал первым, потягиваясь, и заявил, что иду спать. Она пожелала мне приятных снов. Я предположил, что ей, вероятно, тоже неплохо было бы поспать, и она сказала, что скоро придет. Я ушел. Лойош и Ротса выглядели слегка подавленными, не знаю отчего. Я заснул быстро, как обычно, когда у меня разработан план. Это одна из вещей, позволяющих мне сохранить душевное здоровье.

На следующее утро я телепортировался в контору и стал ждать докладов. Херт, как я и думал, оказался скор на подъем. Я услышал, что предпринимались попытки преодолеть защиту вокруг здания моей конторы.

– Я рад, что ты предложил поставить защиту, Крейгар, – сказал я.

Он что-то пробормотал.

– Тебя что-то беспокоит, Крейгар?

– Хм, – сказал он, – надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Я хотел было сказать: «Я всегда знаю, что делаю», но это прозвучало бы несколько высокопарно, так что я просто сказал:

– Думаю, да.

Похоже, это его удовлетворило.

– Ладно, что дальше?

Я упомянул о некоей важной персоне в организации и о своем следующем шаге. Крейгар сначала удивился, потом кивнул.

– Ясно, – сказал он. – Он тебе кое-чем обязан, верно?

– И не одним. Организуй это сегодня, если можно.

– Хорошо.

Он вернулся через час.

– «Голубое пламя», – сказал он. Мы улыбнулись общим воспоминаниям. – Восемь часов. Он сказал, что обеспечит охрану, – похоже, он кое-что знает о том, что происходит.

– Вероятно, – кивнул я.

– Ты ему доверяешь?

– Да, – сказал я. – Я все равно вынужден ему доверять, так что могу довериться и в этом.

Крейгар кивнул.

Позднее мне сообщили, что мы подожгли несколько домов в Южной Адриланке. Сейчас Херт должен был грызть ногти, мечтая о том, чтобы добраться до меня. Я усмехнулся. «Скоро, – мысленно сказал я ему, – скоро».

Я ощутил странное мысленное покалывание и знал, что это означает.

– Кто это?

– Чимов. Я возле дома Келли.

– Что там происходит?

– Они выходят из дома.

– Ага. Выясни, куда они направляются.

– Будет сделано. Их целая толпа. Похоже, они ждут каких-то неприятностей. Кроме того, они раздают всем листовки.

– Ты читал?

– Да. Там говорится о массовом митинге завтра в Неймат-парке. Наверху большими буквами написано: «К оружию!»– Что ж, – сказал я, – прекрасно. Оставайся там и держись подальше от неприятностей.

– Хорошо, босс.

– Крейгар!

– Да?

– Пошли кого-нибудь к дому Келли. Человека четыре-пять. Как только дом опустеет, пусть войдут и перевернут все вверх дном. Разломают всю оставшуюся мебель, разобьют стены, разнесут кухню и тому подобное.

– Ладно.

Оставшуюся часть дня я провел примерно так же. Поступали сообщения о завершении тех или иных разрушительных действий или о неудавшемся нападении Херта, а я сидел и коротко отвечал. Я снова действовал достаточно эффективно и чувствовал себя настолько хорошо, что засиделся до позднего вечера, наблюдая за происходящим и подталкивая Келли или Херта к активным действиям. Конечно, контора была для меня почти самым безопасным местом, что служило еще одной причиной для того, чтобы работать допоздна.

К вечеру я обменялся информацией со связным организации в Императорском дворце и узнал, что власти обратили внимание на то, что происходит в Южной Адриланке. Всплыло имя Херта, но мое пока нет. Отлично.

К восьми часам вечера я собрал Палку, Сверкающего Психа, Весельчака и Чимова, и мы отправились в «Голубое пламя». Я оставил их возле двери, поскольку мой гость уже прибыл и обещал обеспечить охрану. Действительно, я заметил пару посетителей и троих официантов, похожих на телохранителей. Я кивнул и подошел к столику.

– Добрый вечер, Влад, – сказал он.

– Добрый вечер, Дьявол, – ответил я. – Спасибо, что пришел. – Он кивнул, и я сел. Дьявол, если вы не знаете, был крупной шишкой в Совете джарегов – группе, которая принимает решения, касающиеся всех дел Дома. Он считался вторым человеком в организации. Однако, как уже отметил Крейгар, он был мне обязан за «работу», которую я недавно для него сделал.

Какое-то время мы обменивались любезностями, затем, когда принесли еду, он сказал:

– Итак, как я слышал, у тебя неприятности.

– Некоторые, – ответил я. – Но ничего такого, с чем бы я сам не мог справиться.

– В самом деле? Что ж, приятно слышать. – Он озадаченно посмотрел на меня.

– Тогда почему же ты хотел со мной встретиться?

– Я бы хотел сделать так, чтобы ничего неприятного не случилось. Он моргнул.

– Продолжай, – сказал он.

– Империя может заметить игру, которую ведут Херт и я, а когда это замечает Империя, замечает и Совет.

– Понятно. Ты хочешь, чтобы мы не вмешивались.

– Именно. Ты не мог бы дать мне неделю?

– Ты можешь удержать все неприятности в границах Южной Адриланки?

– Вполне, – сказал я. – Я обеспечил защитой все, что мне принадлежит, так что ему будет трудно меня достать. Может быть, появятся один или два трупа, но ничего такого, что вызвало бы большой шум.

– Империя не слишком любит, когда появляются трупы, Влад.

– Их не должно быть слишком много. Собственно, ни одного, если мои люди будут осторожны. И, как я уже сказал, все должно решиться за неделю.

Он внимательно посмотрел на меня: – У тебя есть какой-то план, верно?

– Да, – сказал я.

Он улыбнулся и покачал головой:

– Тебе не откажешь в находчивости, Влад. Ладно, у тебя есть неделя. Я об этом позабочусь.

– Спасибо, – сказал я.

Он предложил заплатить за угощение, но я настоял на своем. Мне хотелось доставить себе удовольствие.

14

«… СНЯТЬ ЩЕТКОЙ БЕЛЫЕ ЧАСТИЦЫ…»

Домой меня сопровождал целый эскорт телохранителей. Они оставили меня только у самых дверей, и, перешагнув порог, я ощутил, как уходит напряжение, которого я до этого даже не замечал. Дело в том, что, в то время как моя контора очень хорошо защищена, жилище, по обычаям джарегов, является неприкосновенным. Почему? Не знаю. Возможно, по той же причине, что и храмы; должно существовать какое-то место, где человек может чувствовать себя в безопасности, что бы ему ни угрожало. Возможно, есть и какая-то другая причина. Не знаю. Но я никогда не слышал о том, чтобы этот обычай был нарушен.

Конечно, я никогда не слышал и о том, чтобы кто-то что-то украл у джарега, пока это не случилось, но нужно же на что-то полагаться.

Не так ли?

Я был дома, в безопасности, и Коти сидела в гостиной, читая свою газету. Сердце мое подпрыгнуло, но я заставил себя улыбнуться.

– Сегодня ты рано, – заметил я. Она посмотрела на меня без улыбки.

– Ублюдок, – сказала она, и в словах ее прозвучала подлинная ненависть. Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо, и в желудке возникло неприятное ощущение, распространившееся затем по всему телу. Конечно, я знал, что она догадается, чем я занимаюсь, и предвидел ее реакцию, но почему же для меня оказалось таким потрясением, когда она всего лишь сделала то, чего я от нее и ожидал?

Я сглотнул и сказал:

– Коти…

– Ты думал, что мне не станет известно, как ты натравливаешь людей Херта на нас?

– Нет, не думал.

– Так что же?

– Я разрабатываю план.

– План, – презрительно повторила она.

– Я делаю то, что нужно.

Она ухитрилась изобразить на лице одновременно насмешливое и хмурое выражение.

– То, что нужно, – повторила она, словно обсуждая брачные ритуалы текл.

– Да, – сказал я.

– Ты делаешь все возможное, чтобы уничтожить единственных людей, которые…

– Единственных, которые готовы пожертвовать своей жизнью? Да. А ради чего?

– Ради лучшей жизни для…

– Перестань. Они настолько полны великих идеалов, что не в состоянии понять: в мире есть люди, личности, в жизнь которых не следует вмешиваться без особых на то причин. Личности. Начиная с тебя и меня. Мы оказались на грани… не знаю чего – по вине этих великих спасителей человечества, и тебя тревожит лишь их судьба. Ты не видишь того, что происходит с нами. Или тебя это просто больше не интересует. И тебе до сих пор не ясно, что здесь что-то не так?

Она рассмеялась, и в ее смехе прозвучала ненависть.

– Что-то не так? Таков твой вывод? Что-то не так с нашим движением?

– Да, – сказал я. – Таков мой вывод.

– Ты думаешь, я это куплю? – скривив губы в усмешке, спросила она.

– Что значит – куплю?

– Я имею в виду – этот товар тебе не продать.

– Что я, по-твоему, продаю?

– Можешь продавать все, что хочешь, насколько это касается меня.

– Коти, в твоих словах нет смысла. Что…

– Просто заткнись, – сказала она. – Ублюдок.

Она никогда меня так раньше не называла. Все-таки забавно, как больно мне было это слышать.

Впервые за долгое время я по-настоящему разозлился на нее. Мне казалось, будто мои ноги приросли к полу, а лицо окаменело. Она стояла, глядя на меня с яростью (я даже не заметил, как она встала), и это только добавляло мне злости. В ушах у меня зазвенело, и я почувствовал, что снова теряю контроль над собой.

Я шагнул к ней; глаза ее расширились, и она отступила назад. Не знаю, что бы произошло, не сделай она этого, но я заставил себя повернуться и выйти из дома.

– Босс, нет! Не выходи!, Я не ответил. Собственно, его слова даже не дошли до меня, пока холодный вечерний ветер не ударил мне в лицо. Только тогда я осознал, что мне может угрожать опасность. Я подумал о том, чтобы телепортироваться в Черный замок, но я понимал, что сейчас не в состоянии телепортироваться. С другой стороны, если бы сейчас я подвергся нападению, это вполне соответствовало бы моему настроению.

Я пошел по улице, изо всех сил стараясь сохранять контроль над собой, что не вполне мне удавалось. Потом я вспомнил последний раз, когда я мотался по городу, не обращая внимания на то, что кто-то мог меня увидеть, и это меня несколько охладило. Я стал более осторожен.

Чуть более осторожен.

Но, видимо, Вирра хранила меня той ночью. Херт, вероятно, отправил на мои поиски Квэйша и прочих, однако никто на меня не напал. Я быстро обошел свою территорию, глядя на закрытые лавки, на свою контору, где еще светилось несколько окон, на неработающий фонтан у Круга Малак, но мне даже никто не угрожал. Я остановился, присев на краю полурассыпавшегося фонтана. Лойош беспокойно смотрел по сторонам, ожидая нападения, однако казалось, что его поведение не имеет никакого отношения ко мне.

Пока я сидел, перед моим мысленным взором начали появляться лица. Коти смотрела на меня с жалостью, словно я был смертельно болен. Взгляд деда был суровым, но любящим. Спокойно смотрел на меня мой старый друг Нилар. Как ни странно, появился Франц, в глазах которого застыла укоризна. Забавно. Какое мне, собственно, до него дело? Я не был с ним даже знаком, а то немногое, что я узнал о нем после его смерти, говорило мне, что у нас нет ничего общего. За исключением уникальных обстоятельств нашей встречи, мы не имели никакого отношения друг к другу.

Почему он вдруг возник в моем подсознании?

Я знал многих драгейриан, считавших, что теклы являются теклами потому, что таков естественный ход вещей, и все, что с ними происходит, – хорошо, а если они хотят сделать свою жизнь лучше, то и пусть. Это были хозяева земли, и они наслаждались этим своим положением и заслуживали такой жизни. Ладно. Я мог понять подобное отношение. Это не имело ничего общего с тем, как реально склады вались обстоятельства для текл, но это делало вполне осмысленным образ жизни драконов.

Я знал нескольких драгейриан, которые во весь голос кричали об истинном положении текл и людей с Востока и давали деньги на помощь больным и бездомным. Большинство из них были вполне состоятельными, и иногда я сам удивлялся своему презрительному отношению к ним. Но у меня всегда было ощущение, что они втайне презирали тех, кому помогали, и лишь ощущение собственной вины убеждало их в том, что они делают некое доброе дело.

А потом появились Келли и его люди, столь поглощенные мыслью о спасении мира, что их не интересовало ничто и никто,

за исключением мелких идей, блуждавших в их мелких мозгах. Они были абсолютно безжалостны – но во имя высшей гуманности.

Таковы были три группы, окружавшие меня. И когда я представил себе Франца, глядевшего на меня с выражением, которое прямо-таки сочилось искренностью, словно открытая рана гноем, мне стало ясно: я должен решить, к какой из этих групп я отношу себя.

Что ж, я, безусловно, не относился к третьей группе. Я мог убивать л ишь отдельных людей, не целые сообщества. Я был высокого мнения о собственных возможностях, но не настолько, чтобы у меня возникло желание отправить на смерть тысячи людей. Когда кто-то вмешивался в мою жизнь – это происходило прежде и наверняка будет повторяться, – я разбирался с ним персонально. Я не был, готов взвалить вину на нечто столь аморфное, как общество, и пытаться поднять народные массы, чтобы они разрушили его для меня. Если кто-то мне мешал, я решал эту проблему с помощью обычного кинжала. Нет, у меня не было намерения оказаться среди людей Келли.

Вторая группа? Нет. Я честно заработал то, что имел, и никто не мог заставить меня испытывать чувство вины, даже Франц, постоянно возникавший в моем подсознании и безуспешно пытавшийся изводить меня. Те, кто незаслуженно обвинял себя, вряд ли были достойны иного.

Когда-то я был частью первой группы и, возможно, оставался ею до сих пор, но сейчас мне это не нравилось. Именно их я так долго ненавидел. Не драгейриан, но тех, кто правил остальными и демонстрировал свое богатство, культуру и образование, словно дубину, которой они могли побить нас всех. Именно они были моими врагами, несмотря на то что я прожил большую часть жизни, не осознавая этого. Именно им я хотел показать, что могу появиться из ниоткуда и сделать кое-что сам. И как же они были удивлены, когда я это сделал!

Однако даже сейчас я не мог считать себя одним из них. Может быть, я и был им, но не мог заставить себя в это поверить. Л ишь однажды в жизни я искренне ненавидел самого себя – когда Херт сломал меня и поставил перед фактом, что в жизни есть нечто большее, чем желание достичь цели, что иногда внешние обстоятельства сильнее тебя. Это был единственный раз, когда я ненавидел себя. Отнести себя к первой группе – означало снова возненавидеть себя, а я не мог этого сделать.

Итак, что же мне оставалось? И все, и ничего. Оставаться сторонним наблюдателем, не в состоянии помочь, не в состоянии помешать – комментатором в театре жизни.

Действительно ли я в это верил? Ответ не приходил. С другой стороны, я определенно оказывал влияние на Келли. На Херта, впрочем, тоже. Этого могло быть достаточно. Я заметил, что стало холоднее, и понял, что уже несколько успокоился. Следовало бы пойти куда-нибудь в безопасное место.

Поскольку я уже был у Круга Малак, я зашел в контору и поздоровался с теми, кто еще работал, включая Мелестава.

– Ты вообще собираешься домой? – спросил я.

– Да слишком много дел накопилось за последнее время, и, если я не приведу их в порядок, эти придурки могут все испортить.

– Херт все еще пытается до нас добраться?

– То тут, то там. Есть большая новость: имперские стражники вошли в Южную Адриланку.

– Что ты сказал?

– Примерно час назад вся рота стражников Дома Феникса заняла весь район, словно это восточный город.

Я уставился на него.

– Кто-нибудь пострадал?

– Думаю, несколько десятков выходцев с Востока убиты или ранены.

– Келли?

– Нет, никто из его людей не пострадал. Они ушли, ты же помнишь.

– Действительно. Какую причину назвали власти?

– Беспорядки или что-то в этом роде. Разве ты не этого ожидал?

– Не столь быстро и не такими силами. И без жертв.

– Что ж, ты знаешь стражников Дома Феникса. Во всяком случае, они не любят иметь дело с выходцами с Востока.

– Да. У тебя есть новый адрес Келли?

Он кивнул и написал адрес на листке бумаги. Я взглянул на него и увидел, что найти его будет нетрудно: от старого места его отделяло лишь несколько кварталов.

– Да, кстати, – сказал Мелестав, – Палка хотел тебя видеть. Рассчитывал на завтра, но он все еще здесь. Позвать его?

– Ладно, давай.

Я прошел в свой кабинет и сел. Несколько минут спустя появился Палка.

– Могу я с тобой поговорить? – спросил он.

– Конечно, – сказал я.

– Ты знаешь Баджинока? – спросил он.

– Да, – сказал я.

– Он предложил мне убрать тебя. Ты говорил, что хотел бы

знать о подобных вещах. Я кивнул:

– Хотел бы. Что ж, в долгу не останусь.

– Спасибо.

– Когда он с тобой разговаривал?

– Примерно час назад.

– Где?

– В «Пламени».

– Кто с вами еще был?

– Никого.

– Ладно. Будь осторожен.

Палка что-то пробормотал и вышел. Я моргнул. Не то чтобы я вовсе не был испуган. Или я зашел слишком далеко, чтобы меня это беспокоило? Нет, беспокоило. Я надеялся, что с ним ничего не случится. Он также был одним из тех, кто знал Квэйша, так что сейчас он мог стать воистину великолепной мишенью.

Собственно, это было неизбежно.

Чего они ждали? Он сказал – час назад? Это была не слишком сложная работа, и в штате у Херта были люди, для которых перерезать кому-нибудь горло – плевое дело.

Я встал.

– Мелестав!

– Да, босс?

– Палка ушел?

– Думаю, да.

Я выругался и бросился за ним. Внутренний голос подсказал мне: «Это ловушка!»– и я слегка удивился. Я открыл дверь, и Лойош вылетел наружу. Я вышел на улицу и огляделся по сторонам.

Что ж – и да, и нет.

Это действительно была ловушка, но не для меня. Я увидел Палку и фигуру, быстро приближавшуюся к нему сзади. Я крикнул: «Палка!»– и он обернулся и отступил в сторону, в то время как призрачная фигура метнулась к нему и споткнулась. Послышался глухой удар, когда Палка стукнул убийцу своей дубиной по голове, и тот рухнул на землю. Лишь тогда я осознал, что метнул нож. Я подошел к ним.

Палка извлек мой нож из спины лежавшего перед нами на земле типа, вытер о плащ своей жертвы и протянул мне. Я спрятал нож.

– Ты его прикончил?

Палка покачал головой:

– Думаю, он очухается, если придет в себя до того, как истечет кровью. Убрать его с улицы?

– Нет. Оставь его здесь. С помощью Мелестава я сделаю так,

чтобы об этом узнал Баджинок, и они сами наведут здесь порядок.

– Ладно. Спасибо.

– Не за что. Будь осторожен, хорошо?

– Хорошо. – Он покачал головой. – Иногда я спрашиваю себя, почему я вообще этим занимаюсь.

– Да, – сказал я. – Мне это знакомо.

Я вернулся в контору и дал Мелеставу необходимые указания. Он не удивился, но, впрочем, он ничему не удивлялся с тех пор, как я привел в контору Кайру Воровку.

Я снова сел за стол и постарался отбросить все мысли о том, что делают стражники Дома Феникса в Южной Адриланке, и о том, насколько в этом виноват я. Не то чтобы это меня не волновало, но сейчас я оказался втянут в войну, и, позволив себе отвлекаться, я мог совершить ошибку, после чего оказался бы не в состоянии спасти Коти, Палку, себя или кого-то еще.

Я должен был выиграть эту войну.

Когда-то я оказался вовлеченным в войну, где я был одним из главных соперников, а не простым участником. Я научился тому, насколько важно обладать информацией, успеть нанести первый удар, уметь вывести противника из равновесия и защитить собственную территорию и людей.

У Херта была более мощная организация, чем у меня, но с начала полномасштабной войны я уже успел нанести ему несколько хороших ударов. Кроме того, я лишил его возможности повредить моей организации. Конечно, это весьма дорого мне стоило, но в тот момент я мог себе это позволить, и я не думал, что это продлится долго. Собственно, я не намеревался и не надеялся выиграть эту войну обычным путем, я лишь хотел выманить Херта на открытое пространство, чтобы иметь возможность убить его. Для этого я предполагал настолько взбудоражить его территорию, чтобы ему самому пришлось заняться наведением порядка.

Так или иначе, это была лишь половина плана. Половина, касавшаяся Келли, была сложнее, но я возлагал на нее надежды. «К черту стражников, – подумал я. – К черту императрицу. К черту лорда Хааврена». Келли по-прежнему оставался в гуще заварушки. У него нет выбора, пока все идет как предполагалось. И он, вероятно, это понял, судя по реакции Коти…

Я подумал о Коти, и мои планы и схемы тут же рассыпались. Какое-то мгновение я видел только ее – и выругался про себя.

– Так поговори с ней, босс.

– Я только что пытался, помнишь?

– Нет, ты с ней спорил. Может быть, ты расскажешь ей о всех

своих планах?

– Ей это не понравится.

– Но она изменит к тебе отношение.

– Сомневаюсь, что это имеет значение.

– Босс, ты помнишь, что возмутило тебя в первую очередь? То, что она скрыла от тебя свою связь с Келли и его людьми.

– Да, пожалуй.

Я посидел еще немного, потом подошел к входной двери, жестом отослав телохранителей. Глубоко вздохнул, убедился, что разум мой ясен, сосредоточился на Державе, сформировал силовые нити, обернул их вокруг себя и крепко стянул. Последовал жуткий рывок, и я оказался перед дверью своей квартиры. Я прислонился к стене, ожидая, пока не пройдет тошнота.

Входя в квартиру, я уже знал – что-то не так. Знал это и Лойош. Я встал в дверях, не закрывая их. Нож скользнул в правую руку. Я внимательно окинул взглядом гостиную, пытаясь определить, что не в порядке. И, знаете, мы этого так и не поняли! Десять минут спустя мы просто сдались и вошли внутрь, сохраняя бдительность, Лойош впереди меня.

Нет, никто не ждал меня, чтобы убить.

Никто меня вообще не ждал. Я прошел в спальню – одежды Коти в шкафу нет. Вернулся в гостиную и увидел, что отсутствовал лант. Этого мы с Лойошем не заметили, когда только что вошли. Забавно.

Я попытался установить с Коти псионическую связь, но не смог. Или она не была заинтересована в том, чтобы получить мое сообщение, или же я не слишком сильно сосредоточился. Да, видимо, сейчас я мыслю недостаточно четко для того, чтобы устанавливать псионический контакт.

– Крейгар?

– Да, Влад?

– Есть что-нибудь от Иштвана?

– Пока нет.

– Ладно. Это все.

Да, похоже, какие-то проблемы.

Я вошел в спальню и закрыл дверь, прежде чем Лойош успел влететь за мной. Я лег на кровать – на сторону Коти – и попытался заплакать, но не смог. В конце концов, как был в одежде, я заснул.

15

«… УДАЛИТЬ МАСЛЯНЫЕ ПЯТНА…»

Я проснулся очень рано, чувствуя себя усталым и грязным. Разделся, принял ванну, снова забрался в постель и еще немного поспал.

Лишь проснувшись во второй раз, незадолго до полудня, я вспомнил о том, что Коти ушла. Минуты две я бесцельно смотрел в потолок, затем заставил себя встать. Бреясь, я пытался найти какие-либо внешние изменения в лице, смотревшем на меня из зеркала, но ничего не заметил.

– Ну так что, босс?

– Рад, что ты здесь, приятель.

– Ты знаешь, что собираешься делать?

– Имеешь в виду Коти?

– Да.

– Не совсем. Я не знал, что она может уйти. Или просто в это не верил. Или не знал, насколько сильным ударом это для меня окажется. Я чувствую себя так, словно внутри У меня все умерло.

– Понимаю, босс. Потому я и спросил.

– Не знаю, готов ли я к тому, что должно произойти.

– Тебе нужно разобраться с Коти.

– Знаю. Возможно, я должен попытаться найти ее.

– Тебе следует быть осторожным. Херт…

– Да.

Я собрался, проверил оружие и телепортировался в Южную Адриланку. Какое-то время я приходил в себя в небольшом парке, где был хороший обзор – слишком неподходящем месте для Квэйша, – потом направился куда-нибудь поесть. По пути я заметил две группы стражников Дома Феникса и постарался избежать с ними встречи. Я нашел свободный столик и заказал кляву. Когда официант уже отошел, я сказал:

– Прошу прощения.

– Да, господин?

– Не мог бы ты принести мне ее в чашке?

Он, похоже, даже не удивился.

– Да, господин, – сказал он.

Только и всего. Он так и сделал. На этот раз решение проблемы оказалось столь же простым, как и просьба. Разве не глубокая мысль?

– Сомневаюсь, босс.

– Я тоже, Лойош. Но день начинается неплохо. И, кстати, не мог бы ты найти Ротсу?

Мгновение спустя Лойош обиженно сказал:

– Нет. Она меня блокирует.

– Я не знал, что она может это делать.

– Я тоже. Почему она это делает?

– Коти сообразила, что я могу выследить ее таким образом. Проклятье. Что ж, ладно, тогда пойдем к Келли и либо подождем ее, либо заставим их сказать нам, где она. Есть другие идеи?

– По-моему, неплохо, босс. Доберусь я, однако, до этой хитрой рептилии…

Наслаждаясь клявой с медом и подогретыми сливками, я заставил себя не думать ни о чем существенном. Я оставил на столе несколько лишних монет, чтобы показать, как высоко я оценил чашку. Лойош вылетел за дверь впереди меня. Он сказал, что все в порядке, и я вышел следом, направляясь в сторону новой штаб-квартиры Келли. По дороге я избежал встречи еще с одной компанией стражников. Похоже, район просто кишел ими. Никого из местных жителей это не радовало, и чувство это было взаимным.

Первое, что бросилось мне в глаза, когда я увидел новый дом Келли, – это то, что он выглядел почти так же, как старый. Коричневый цвет имел несколько иной оттенок, квартира находилась с правой стороны, а не с левой, дом был расположен чуть дальше от дороги, и расстояние между зданиями было чуть больше – но он явно был построен по тому же образцу.

Я вошел внутрь. На этот раз входная дверь в квартиру была настоящей. Тяжелая дверь с замком. Я присмотрелся внимательнее, просто из любопытства. Хороший замок, и очень тяжелая дверь. Потребовалось бы немало усилий, чтобы вломиться в эту квартиру, и почти невозможно было сделать это бесшумно. Я подумал об окнах и других дверях. Во всяком случае, это произвело на меня впечатление. Коти, вероятно, дала им ряд ценных советов. Я хлопнул было в ладоши, потом вспомнил о двери и, поколебавшись, стукнул в дверь кулаком.

Открыл мой дорогой друг Грегори. Глаза его расширились, когда он увидел меня, но я не дал ему даже раскрыть рта, а просто отодвинул его в сторону. Я знаю, что поступил грубо, и это до сих пор меня беспокоит, но придется к этому просто привыкнуть.

Один лишь взгляд сказал мне, что расположение комнат в этой квартире такое же, как в прежней; я был почти уверен, что, войдя в следующую комнату, окажусь в библиотеке, через которую можно пройти в кабинет Келли, а через него в кухню. Но в этой комнате было чище; койки были застелены и отодвинуты к стене. Я заметил, что окна были закрыты тяжелыми ставнями.

В комнате сидел Келли, разговаривая с Наталией и каким-то незнакомым мне теклой. Коти не было. Когда я вошел, разговор прекратился и все уставились на меня. Я широко улыбнулся и спросил:

– Коти здесь?

Все посмотрели на Келли, кроме Наталии, которая продолжала смотреть на меня.

– Сейчас нет, – ответила она.

– Тогда я подожду, – сказал я, продолжая смотреть на них. Наталия все также смотрела на меня, остальные смотрели на Келли, который искоса наблюдал за мной, слегка надув губы. Внезапно он встал и сказал:

– Хорошо. Пойдем поговорим.

Он повернулся и направился в заднюю часть квартиры, предполагая, что я покорно последую за ним. Я выругался себе под нос, улыбнулся и пошел за Келли.

В кабинете царил такой же порядок, как и в прежнем. Я сел по другую сторону письменного стола. Келли сложил руки на животе и посмотрел на меня; его глаза, как всегда, косили.

– Итак, – сказал он, – ты решил призвать на помощь силы Империи и вынудить нас отвечать.

– Собственно, – сказал я, – я просто пришел за Коти. Где она?

Выражение его лица не изменилось, он продолжал смотреть на меня.

– У тебя есть План, – наконец сказал он, подчеркивая заглавную букву, – а все остальное может как иметь, так и не иметь к нему отношение. Что касается нас, то мы – лишь удобный инструмент.

Это прозвучало не как вопрос, из-за чего я частично почувствовал себя уязвленным; он обвинял меня в том, что, по моему мнению, было его собственным недостатком.

– Собственно, – сказал я, – сейчас меня больше всего интересует, как спасти жизнь Коти.

– А не свою собственную? – бросил он в ответ, кося еще больше.

– Слишком поздно, – сказался. Это его несколько озадачило; он явно выглядел удивленным, что вызвало у меня чувство глубокого удовлетворения.

– Итак, я хотел бы видеть Коти. Она будет здесь?

Он не ответил. Он просто продолжал смотреть на меня, откинув голову назад и сложив руки на животе. Я начал злиться.

– Послушай, – сказал я, – можешь играть в любые игры, но не втягивай в них меня. Я не знаю, чего ты на самом деле добиваешься, и меня это не слишком волнует, понял? Но рано

или поздно ты будешь просто зажат между Империей и джарегами, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы то же не произошло с моей женой. Так что можешь оставить свой самодовольный вид. На меня это не производит никакого впечатления.

Я был готов к тому, что он взорвется, но его глаза даже не сузились еще больше. Он просто продолжал изучающе смотреть на меня.

– Ты не знаешь, чего мы добиваемся? – наконец сказал он. – После всего случившегося ты не знаешь, чего мы добиваемся?

– Я слышал только слова, – сказал я.

– Ты внимательно слушал?

Я фыркнул:

– Если то, что каждый здесь повторяет, словно попугай, исходит от тебя, то я слышал то, что ты хотел сказать. Но я пришел сюда не за этим.

Он чуть сильнее откинулся в кресле.

– И это все, что ты слышал? Бездумное повторение фраз?

– Да. Но, как я уже сказал, я не…

– Ты внимательно слушал эти фразы?

– Я уже сказал…

– Ты что, никогда не мог понять больше, чем заключено в словах? Многие реагируют лишь на лозунги – но они реагируют потому, что лозунги эти истинны и зажигают искру в их сердцах, в их жизни. А тех, кто не хочет думать сам, мы этому учим.

Учим? Внезапно я вспомнил, что подслушал, как они ругали Коти. Не это ли они называли учебой? Но Келли продолжал:

– Ты говорил с Парешем? Или с Наталией? Ты когда-нибудь вникал в то, что они говорят?

– Послушай… – Он наклонился вперед. – Впрочем, это не важно. Мы здесь не для того, чтобы оправдываться перед тобой. Мы – теклы и выходцы с Востока. В частности, мы именно та часть этой группы, которая понимает, что делает.

– Да? И что же именно вы делаете?

– Мы защищаемся единственным возможным способом – объединяясь и пользуясь властью, которой мы обладаем благодаря нашей собственной роли в обществе. Таким образом мы можем защитить себя от Империи, от джарегов и от тебя.

Так-так.

– В самом деле? – спросил я.

– Да, – ответил он.

– Что может помешать мне убить тебя, скажем, сейчас?

Он даже не моргнул, что я назвал бы бравадой, что тсер счел бы смелостью, а джарег – глупостью.

– Что ж, давай, – сказал он.

– Ты знаешь, я мог бы это сделать.

– Так сделай.

Я выругался. Конечно, я его не убил. Я знал, Коти мне этого никогда не простит. И это все равно ничего бы не решило. Мне нужен был Келли, чтобы толкнуть его организацию прямо в лапы Херта и стражников Дома Феникса, что позволило бы избавиться от них раз и навсегда. Но сначала мне нужно было обезопасить Коти.

Я заметил, что Келли все еще смотрит на меня.

– Итак, – сказал я, – цель вашего существования лишь в том, чтобы защитить самих себя и выходцев с Востока?

– Да, и текл. И защитить их можно только… Но я забыл, тебе это неинтересно. Ты настолько занят погоней за фортуной по горам трупов, что у тебя нет времени выслушивать кого бы то ни было, не так ли?

– Поэтично, да? – сказал я. – Ты когда-нибудь читал Тортури?

– Да, – ответил Келли. – Хотя предпочитаю Уинта. Тортури умен, но поверхностен.

– Гм… да.

– Подобно Лартолу.

– Да.

– Они относятся к одной и той же поэтической школе и к той же исторической эпохе. Это было после реконструкции в конце девятого правления Баллисты, и аристократия испытывала неприязнь к…

– Ладно-ладно. Ты весьма неплохо начитан для… кем бы ты ни был.

– Я революционер.

– Да. Возможно, ты сам Баллиста. Созидание и разрушение в одном лице. Только пользы от твоей деятельности что-то не видно.

– Нет, – сказал он. – Если бы я принадлежал к одному из драгейрианских Домов, это был бы Дом Теклы.

Я фыркнул:

– Это ты сказал, не я.

– Да. И это еще одно, чего ты не понимаешь.

– Не сомневаюсь.

– Текл считают трусами. Разве Пареш трус?

Я облизнул губы.

– Нет.

– Вот именно. Он знает, за что сражается. Кроме того, их считают глупыми и ленивыми. Это соответствует твоим впечатлениям?

Я хотел было сказать «да», но потом решил, что, пожалуй, ленивыми я их не считаю. Глупыми? Что ж, джареги обманывали текл в течение многих лет, но это лишь означало, что мы умнее. И, кроме того, текл так много, что я просто мог сталкиваться с самыми глупыми. Трудно себе представить общую численность текл даже в пределах Адриланки. Большинство из них не были клиентами джарегов.

– Нет, – сказал я. – Думаю, не вполне.

– Дом Теклы, – сказал Келли, – воплощает в себе черты всех драгейрианских Домов. Так же, кстати, как и Дом Джарега, и по той же самой причине: эти Дома допускают других в свои ряды, не задавая никаких вопросов. Аристократия – тсеры, драконы, лиорны, некоторые другие – считают это проявлением слабости. Лиорны не принимают никого; некоторые Дома требуют пройти испытание. Они считают, что это усиливает их Дом, поскольку укрепляет то, чего они желают, – как правило, силу, сообразительность и ловкость. Они считают это величайшими достоинствами господствующей культуры – культуры аристократов. Добавление крови, не несущей этих черт, воспринимается как слабость. Поскольку они считают это слабостью, ты тоже считаешь это слабостью. Но это не слабость, а напротив – сила. Все эти черты в той или иной мере присущи и теклам, и джарегам, и некоторым выходцам с Востока – наряду с прочими чертами, которые мы даже не осознаем, но которые делают нас людьми. Подумай, что значит – быть человеком. Это намного важнее, чем быть членом Дома. – Он замолчал и снова посмотрел на меня.

– Понятно, – сказал я. – Что ж, теперь я узнал кое-что из биологии, истории и политики текл – все за один присест. И еще о том, что требуется, чтобы стать революционером. Спасибо, это было весьма поучительно. Только меня не интересует биология, я не верю вашей истории и уже знаю, что нужно, чтобы стать революционером. В данный же момент я хочу знать, что требуется, чтобы найти Коти.

– И что же, по-твоему, требуется, – чтобы быть революционером? – спросил он.

Я понимал, что он пытается сменить тему, но не мог удержаться.

– Нужно настолько отдаться идеям, чтобы утратить всякую жалость к людям – и к друзьям, и к врагам, и к прочим.

– Отдаться идеям? – переспросил он. – Так ты это понимаешь?

– Да.

– А откуда, по-твоему, берутся эти идеи?

– Не думаю, что это имеет большое значение.

– Они исходят от людей.

– Полагаю, в основном от мертвых.

Он медленно покачал головой, но глаза его сверкнули.

– Значит, – сказал он, – у тебя нет никаких этических представлений?

– Не надо надо мной издеваться.

– Значит, есть?

– Да.

– Но ты готов от них отказаться ради любого, кто имеет для тебя значение?

– Я сказал – не надо надо мной издеваться. Повторять не буду.

– Но что такое профессиональная этика, как не идеи более важные, чем люди?

– Профессиональная этика гарантирует, что я всегда буду относиться к людям так, как они этого заслуживают.

– Она гарантирует, что ты действуешь правильно, даже если это причиняет неудобства, так?

– Да.

– Вот именно.

– Самодовольный ублюдок, – сказал я.

– Но я могу сказать, что ты несешь чушь. Ты говоришь о наших идеях так, словно они свалились с неба. Но это неверно. Они выросли из наших нужд, из наших мыслей и нашей борьбы. Идеи не возникают за один день, и люди не просто собираются и решают их принять. Идеи – в такой же степени продукт своего времени, как конкретный набор заклинаний является результатом конкретного правления Атиры. Идеи всегда выражают нечто реальное, даже когда они ошибочны. Люди умирали за идеи – иногда ошибочные идеи – в течение всей истории. Могло ли такое случиться, не будь идеи продуктом всей их жизни, окружающего их мира?

Что касается нас – нет, мы не самодовольные ублюдки. Наша сила в том, что мы рассматриваем себя как часть истории, часть общества, а не как индивидуумов, столкнувшихся с общей проблемой. Это означает, что мы, по крайней мере, можем искать верные ответы, даже если мы не всегда полностью правы. Это определенно ставит нас на шаг впереди индивидуалистов. Хорошо осознавать, что у тебя есть проблемы, и пытаться решить их, но проблемы выходцев с Востока и текл в этом мире отдельная личность не может решить в одиночку.

Видимо, когда произнесение речей входит в привычку, остановиться бывает нелегко. Когда он наконец иссяк, я сказал:

– Я отдельная личность. И я решил эти проблемы. Выбрался из этого дерьма и совершил кое-что сам.

– И через сколько трупов тебе пришлось для этого перешагнуть?

– Сорок три.

– Ну и?

– Что?

– Это я тебя спрашиваю – что?

Я уставился на него. Он снова сильно косил. Кое-что из сказанного им было неприятно близко к тому, что я Думал о себе сам. Но я не занимался изощренными политическими построениями и не подстрекал людей к мятежу – я не считал, что лучше всех знаю, как следует поступать.

– Если я такое ничтожество, – сказал я, – зачем ты вообще тратишь время на беседу со мной?

– Потому что Коти нам нужна. Она все еще новый человек в нашей организации, но со временем может стать прекрасной революционеркой. У нее проблемы с тобой, и это мешает ее работе. Я хочу решить этот вопрос.

Я еле сдержался.

– Прекрасно, – сказал я. – Я позволяю вам манипулировать мной, чтобы я помог тебе манипулировать Коти, чтобы она помогла вам манипулировать всем населением Южной Адриланки. Так надо понимать? Что ж, я готов. Скажи мне, где она.

– Нет, это надо понимать не так. Я не собираюсь иметь с тобой никаких дел. Ты позвал на помощь стражников Дома Феникса, чтобы заставить нас открыто выступить и таким образом уничтожить. Какие бы у тебя ни были к этому причины, это не удалось. Мы сейчас не ввязываемся ни в какие заварушки. Вчера у нас был большой митинг, на котором мы призвали всех сохранять спокойствие и не позволять стражникам спровоцировать какой-либо инцидент. Мы готовы защищаться от любых нападений, но не позволим…

– Перестань. Так или иначе, ты обречен. Ты что, в самом деле думаешь, что сможешь противостоять Херту? На него работает больше наемных убийц, чем у Вирры волос на голове. Если бы я не вынудил его действовать, он бы все равно вас уничтожил, поняв, что ты не намерен отступать.

– У него больше наемных убийц, чем людей с Востока и текл в Адриланке? – спросил Келли.

– Гм. Я не знаю ни одного профессионала теклы, и, вероятно, я почти единственный профессионал среди выходцев с Востока, который мне известен.

– Профессиональные убийцы? Нет. Но профессиональные революционеры – да. Джарег убил Франца, и мы мобилизовали половину Южной Адриланки. Он убил Шерил, и мы мобилизовали другую половину. Ты привел с собой стражников, вероятно полагая, что у тебя есть некий большой план, как разрешить все ваши проблемы. А в действительности ты сделал в точности то, чего хотела от тебя Империя, – ты дал им повод ввести войска. Что ж, они здесь, и они ничего не могут сделать. Как только они попытаются, мы захватим весь город.

– Если вы так к этому близки, почему вы этого не сделаете?

– Еще не пришло время. Да, мы можем какое-то время удерживать город, но остальная страна еще к этому не готова, и мы не сможем противостоять всей стране. Но если придется, мы будем сражаться, поскольку это послужит примером и наши ряды умножатся. Империя не в состоянии раздавить нас, так как поднимется вся страна.

– Значит, они просто дадут вам все, что вы хотите?

Он покачал головой:

– Они не могут полностью расследовать убийства – ведь тогда откроется, насколько тесно Дом Джарега связан с Империей, и джареги сами будут вынуждены сражаться, что приведет к полному хаосу. Они знают, что мы можем сделать, но им неизвестно, что мы собираемся сделать. Поэтому им остается только ввести войска и ждать, когда мы совершим ошибку и утратим доверие масс, после чего они смогут нас уничтожить – как наше движение, так и людей.

Я уставился на него.

– Ты действительно во все это веришь? Ты так и не сказал мне, что может заставить Херта отказаться от очень простого дела: прислать сюда шесть или семь наемных убийц и просто убрать тебя.

– А ты сам разве не пытался стравить Херта с Империей?

– Да.

– Что ж, тебе незачем это было делать. Мы почти завладели городом в последний раз, когда джареги убили одного из наших людей, и джареги очень хорошо знают, что, если это повторится, Империя будет вынуждена выступить против них. Как это может подействовать на Херта?

– Трудно сказать. Похоже, он готов на все.

Келли снова покачал головой и откинулся на спинку кресла. Я внимательно посмотрел на него. Кого он мне напоминал? Возможно, Алиру – своим самоуверенным поведением. Может быть, Маролана – своей готовностью уничтожить каждого, кто окажется у него на пути. Не знаю. Несомненно, это была

блестящая личность.

Я пытался обдумать мой следующий словесный выпад, когда Келли резко поднял голову, и в то же мгновение Лойош закружился по комнате.

– Привет, Коти, – сказал Келли.

Я не обернулся. Лойош зашипел, и я услышал ответное шипение Ротсы. Лойош вылетел из комнаты, и я услышал хлопанье крыльев и новое шипение.

– Привет, Влад, – сказала Коти. – Эти двое тебе ничего не напоминают?

Тогда я все-таки обернулся и увидел круги у нее под глазами. Она выглядела осунувшейся и усталой. Я хотел сказать ей, что все в порядке, но не осмелился, поскольку все было далеко не в порядке. Келли встал и вышел. Вероятно, он полагал, что я буду ему благодарен.

Когда он ушел, я сказал:

– Коти, я хочу, чтобы ты бросала это дело. Эта группка неминуемо будет уничтожена, и я хочу, чтобы ты была в безопасном месте.

– Да, – сказала она, – я поняла это прошлой ночью, после того как ушла.

Голос ее звучал спокойно, и в нем не было ни жесткости, ни ненависти.

– Это что-то меняет? – спросил я.

– Я не уверена. Ты просишь меня выбрать между моими убеждениями и моей любовью.

Я сглотнул.

– Да, именно так.

– Ты уверен, что тебе это нужно?

– Мне нужно быть уверенным, что ты в безопасности.

– А ты?

– Это другой вопрос. К делу это не относится.

– Единственная причина, по которой ты все это сделал, была…

– Спасти твою жизнь, проклятье!

– Перестань, Влад. Пожалуйста.

– Извини.

– Ты настолько веришь в могущество Херта, что не видишь, насколько он слаб по сравнению с мощью вооруженных масс.

Я хотел было сказать ей, чтобы она прекратила нести чушь о «мощи вооруженных масс», но не стал. С минуту я размышлял. Что ж, если массы вооружены, доверяют своим лидерам и прочее – да, они могут обладать силой. Если, если, если.

– Что, если ты ошибаешься? – спросил я. Она замолчала и, к

моему удивлению, какое-то время думала. Потом сказала:

– Помнишь, когда стражники Дома Феникса появились возле старого дома? Херт просто стоял, когда женщина-дракон резала ему лицо. Херт ее ненавидел и хотел убить, но он просто стоял и принял случившееся как должное. Кто из них был могущественнее?

– Что ж – дракон. Продолжай.

– Она просто стояла вместе со своими войсками, пока Келли излагал наши требования. Ты можешь себе представить, что Келли могущественнее дракона?

– Нет.

– И я не могу. Сила в мощи вооруженных масс. Ты это видел. Ты думаешь, что ты сам сильнее ее?

– Не знаю.

– Ты согласен, что можешь быть не прав? Я вздохнул:

– Да.

– Тогда почему ты не оставляешь попыток меня защитить? Это оскорбительно вдобавок ко всему прочему.

– Я не могу, Коти, – сказал я. – Разве ты не понимаешь? Просто не могу. У тебя нет права отказываться от собственной жизни. Ни у кого нет такого права.

– Ты уверен, что я отказываюсь от собственной жизни?

Я закрыл глаза и почувствовал, как к ним подступают слезы, которые я так и не смог пролить прошлой ночью. Я сдержал слезы и сказал:

– Дай мне подумать, ладно?

– Ладно.

– Ты возвращаешься домой?

– Подождем, пока все кончится, потом посмотрим.

– Кончится? Когда все должно кончиться?

– Когда Империя отведет свои войска.

– О!

Вернулся Лойош и опустился мне на плечо.

– Все в порядке, приятель? – спросил я.

– Более или менее, босс. Несколько дней я буду не слишком хорошо летать. Она основательно отделала мое правое крыло.

– Понятно.

– Ничего страшного.

– Хорошо.

Я встал и прошел мимо Коти, не касаясь ее. Келли был в другой комнате, занятый разговором с Грегори и другими. Никто из них не посмотрел мне вслед. Я осторожно вышел наружу, но не заметил ничего подозрительного. Я телепортировался домой, решив, что Крейгар разберется с делами в конторе лучше, чем я.

Лестница, ведущая наверх к моей квартире, казалась длинной и крутой, а мои ноги налились свинцом. Я снова рухнул на диван и какое-то время смотрел в пространство. Я подумал о том, чтобы сделать уборку, но в этом не было необходимости, а у меня не было сил.

Лойош спросил, не хотел бы я сходить посмотреть представление, но я отказался.

Я провел несколько часов, затачивая рапиру, поскольку мне казалось, что скоро она мне понадобится. Потом какое-то время смотрел в пространство, но никакие идеи с неба не падали.

В конце концов я встал и выбрал книгу стихов Уинта. Открыл книгу наугад – это оказалось стихотворение под названием «Умирающий».

Я ради тебя проливал свою кровь, Сражаясь с безмерною силой, И вот, побежденный тобой, средь цветов Обрел я, несчастный, могилу…

Я дочитал до конца и задумался. Может быть, я ошибался. Теперь это вовсе не казалось мне странным.

16

«… И ЗАШИТЬ РАЗРЕЗ С ЛЕВ. СТОРОНЫ»

Я проснулся в кресле, с книгой на коленях. Все мое тело одеревенело, и мне было слегка не по себе, что вполне естественно после ночи, проведенной в кресле. Я потянулся, расслабляя мышцы, потом пошел и принял ванну. Было еще довольно рано. Я подбросил дров в печь и перемешал их с помощью магии, потом сварил несколько яиц и подогрел себе хлебцы, которые приготовила Коти перед тем, как уйти. Они были особенно хороши с чесночным маслом. Чашечка клявы помогла мне прийти в себя, помыть посуду и убрать в квартире. К тому времени, когда я все закончил, я чувствовал себя почти готовым к новому дню.

Я написал несколько писем с распоряжениями на случай моей смерти, стараясь быть кратким, потом сел и немного подумал. Я ненавижу, именно ненавижу менять планы в последнюю минуту, но другого пути не было. Коти угрожала опасность. Кроме того, существовала вероятность, что Келли прав. Нет, никакого способа заставить всех моих врагов аккуратно уничтожить друг друга уже не было; нужно делать что-то другое. Я восстановил в памяти события последних нескольких дней, рассматривая различные варианты действий в той ситуации, которую я сам создал, и в конце концов мне пришла в голову идея привлечь на помощь деда.

Да, это могло помочь. Идея окончательно оформилась у меня в голове, и я добавил к ней последние штрихи.

Я сосредоточился, пытаясь установить контакт с Крейгаром, и вскоре он спросил:

– Кто это?

– Это я.

– В чем дело?

– Ты можешь связаться с Иштваном?

– Да.

– Дай ему новый адрес Келли в Южной Адриланке, и пусть ждет там, не показываясь на глаза, сегодня днем.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Да.

Я дал ему остальные распоряжения.

– Ты действительно думаешь, что он на это пойдет, Влад?

– Не знаю. В данный момент это лучший вариант.

– Ладно.

Я вытащил рапиру и сделал несколько выпадов, расслабляя

запястье. Как всегда говорил дед, моя рука была гибкой, но твердой.

Я проверил все свое оружие настолько тщательно, насколько это было возможно, потом сосредоточился и телепортировался. Если только я не очень сильно ошибался, сегодня дело должно завершиться.

Вдоль улиц Южной Адриланки дул отвратительный ветер, поднимая пыль. Ветер отчаянно рвал полы моего плаща, когда я прислонился к стене неподалеку от дома Келли Я нашел безветренное место, которое к тому же обеспечивало лучшее укрытие, хотя и не столь хороший обзор. Я наблюдал за стражниками Дома Феникса, маршировавшими группами по четыре. Они пытались поддерживать порядок там, где не было никакого беспорядка, и некоторые из них, большей частью драконы, либо скучали, либо просто были не в духе. Теклам, похоже, доставляло удовольствие ходить с важным видом по улице и ощущать себя важными персонами. Они то и дело хватались за рукоятки своего оружия.

Интересным оказалось то, как легко было определить политические пристрастия прохожих. Они не носили повязок на голове, но в них не было необходимости. Некоторые поспешно шагали по улице, торопясь к месту назначения, словно боялись находиться на улице. Другие, казалось, смаковали повисшее в воздухе напряжение: они шли с высоко поднятой головой, оглядываясь по сторонам, словно в любой момент могло случиться нечто, чего они не хотели пропустить.

Иштван, вероятно, был где-то неподалеку, хотя я его не видел. Судя по всему, и Квэйш был здесь. Квэйш знал, что я знаю, что он здесь, но я надеялся, что Квэйш не знает о том, что здесь Иштван.

Я снова связался с Крейгаром.

– Что-нибудь интересное произошло?

– Нет. Иштван уже там.

– Хорошо. Я тоже. Ладно, посылай сообщение.

– Ты уверен?

– Да. Сейчас или никогда. Еще раз мне просто не хватит смелости.

– Ладно. И волшебнице?

– Да. Пошли ее в аптеку напротив Келли. И пусть ждет. Она знает меня в лицо?

– Сомневаюсь. Но тебя очень легко описать. Я уверен, что она тебя узнает.

– Ладно. Договорились.

– Пока, Влад.

С этого мгновения пути назад уже не было.

Сообщение, которое должен был получить Херт, было достаточно простым. В нем говорилось: «Я готов к компромиссу, если ты распорядишься убрать стражников Дома Феникса. Из-за них я не могу покинуть свою квартиру. Можешь прийти, когда тебе будет удобно. Келли».

Было совершенно ясно, что сообщение фальшивое. Но Келли и Херт не могли знать друг друга достаточно хорошо, чтобы вступать в психонический контакт, а это оправдывало появление письма. Херт был к тому же крайне низкого мнения о Келли, что облегчало дело. Чтобы все сработало как надо, Херт должен поверить, что Келли испугался стражников, и подумать, что Келли не знает, какую угрозу эти стражники представляют для джарега. Мне-то было известно, что на самом деле Келли об этом знает, но, предположительно, Херт был в неведении.

Возникал ряд вопросов. Придет ли Херт собственной персоной? Сколько телохранителей он приведет с собой? И какие еще меры предосторожности он предпримет?

Волшебница появилась до того, как произошло что-либо еще. Я ее не узнал. Это была высокая женщина-джарег с черными кудрявыми волосами и плотно сжатыми губами. В ее внешности чувствовались некоторые наследственные признаки Дома Атиры. Она вошла в лавку. Я осторожно последовал за ней. Она увидела меня и спросила:

– Лорд Талтос?

Я кивнул. Она показала на дом Келли:

– Тебе нужно, чтобы никто не смог телепортироваться оттуда. Это все?

– Да.

– Когда?

Я достал монету, некоторое время изучал ее взглядом и на ощупь, потом протянул ей:

– Когда эта монетка нагреется.

– Хорошо, – сказала она.

Я вышел из лавки все так же осторожно – не хотел, чтобы на меня напали прямо сейчас. Занял свою прежнюю позицию и стал ждать. Несколько минут спустя появился драгейрианин в одежде цветов Дома Джарега.

– Все в порядке, Лойош, – сказал я. – Лети.

– Ты уверен?

– Да.

– Ладно, босс. Успехов!

Он улетел. С этого момента начался отсчет времени.

Кровавая часть дня должна была начаться, вероятно, где-то через полчаса. Я вытащил кинжал и подвинулся глубже в тень высокого старого дома, возле которого я стоял. Потом убрал кинжал и нащупал рапиру, но не стал ее вытаскивать. Я дотронулся до Разрушителя Чар, но оставил его обернутым вокруг запястья. Потом сжал и разжал кулаки.

О том, что происходило внутри жилища Келли, я мог только догадываться. Но я не сомневался, что джарег был посланником Херта. Он должен был войти и сказать, что Херт уже идет сюда. Ни Келлм, ни, посланник, очевидно, не знали, с какой целью, так что…

Из дома вышли Наталия и Пареш и разошлись в разные стороны.

… Келли, скорее всего, обратится за помощью. К кому? К «народу», естественно. Мой прежний план требовал именно этого, после чего я сообщил бы об этом стражам Дома Феникса и инициировал взаимное уничтожение. Однако сейчас я не собирался этого делать, поскольку Коти все еще была с ними.

Появилось четверо джарегов. Телохранители – наемные горы мускулов. Двое из них вошли внутрь, оставшиеся внимательно смотрели по сторонам в поисках людей вроде меня. Я оставался в укрытии. Если Иштван был здесь, он тоже не показывался. Так же как и Квэйш. Я получил еще один урок того, насколько просто спрятаться на городской улице и как сложно найти кого-то, кто прячется.

Примерно через семь минут появился Херт, вместе с Баджиноком и еще тремя телохранителями. Они вошли в дом. Я на мгновение сосредоточился и совершил очень простое заклинание. Монетка нагрелась. Вокруг дома Келли возник блок от телепортации.

Примерно в это же время на улице начали собираться выходцы с Востока и отдельные теклы. Один из телохранителей, стоявших снаружи, вошел внутрь, видимо, чтобы сообщить о происходящем, потом снова вышел. Затем на противоположной стороне улицы начали собираться стражи Дома Феникса. Это то, что тебе надо, Келли. Немедленная конфронтация благодаря любезности баронета Талтоса.

Проблема в том, что мне больше не нужна была конфронтация. Мой план предполагал сначала убрать в безопасное место Коти, после чего я мог убить Херта, Иштван – Квэйша, а стражники перебили бы Келли и его банду. Но я не посылал никаких сообщений стражникам Дома Феникса о том, что происходило сейчас: они узнали об этом сами.

Что ж, на данном этапе пути назад уже не было. Сейчас Херт

уже в доме, он должен понять, что сообщение исходило не от Келли и что вокруг дома возведена защита от телепортации. Он неминуемо должен прийти к выводу, что я нахожусь где-то неподалеку и намереваюсь его убить. Что он станет делать? Он может просто попытаться выйти, надеясь, что я не стану предпринимать никаких попыток на глазах у имперских стражников. Или вызвать еще телохранителей, полностью окружить себя и уйти достаточно далеко, чтобы оттуда телепортироваться. Вряд ли сейчас он уютно себя чувствовал.

Женщины-лейтенанта, которая командовала стражниками в прошлый раз, не было видно. Ее место занимал старый драгейрианин в бело-голубой одежде Дома Тиассы под золотым плащом Дома Феникса. У него была своеобразная, слегка напряженная и вместе с тем расслабленная поза старого солдата. Будь он выходцем с Востока, то наверняка носил бы длинные усы, за которые то и дело тянул бы пальцами. Вместо этого он время от времени почесывал кончик носа. За исключением этого, он практически не двигался. Я заметил, что его клинок был очень длинным, но легким, и решил, что мне не хочется с ним драться. Потом я сообразил, что этот старый тиасса наверняка сам лорд Хааврен, бригадир стражников Дома Феникса. Это произвело на меня впечатление.

Выходцы с Востока и стражники продолжали собираться. Наконец Келли выглянул наружу и огляделся по сторонам, вместе с Наталией и несколькими другими. Вскоре они снова ушли в дом. По виду Келли я ничего не мог сказать. Чуть позже из дома вышли Грегори и Пареш и начали тихо разговаривать со стоявшими поблизости людьми с Востока. Я предположил, что они просят их сохранять спокойствие.

Я размял пальцы, закрыл глаза и сосредоточился на доме напротив. Вспомнил коридор. Увидел осколки фарфора на полу рядом с моей правой ногой, но проигнорировал их; осколки вполне могли уже убрать. Вызвал в памяти красноватое пятно, вероятно от вина, на полу и у стены. Потом вспомнил лестницу посреди прихожей, по-видимому ведущую в подвал, с занавеской наверху. Потолок над ней был покрыт осыпавшейся краской, сквозь которую проступала деревянная дранка. С потолка свисала изношенная веревка. Вероятно, когда-то на ней висел канделябр. Я вспомнил толщину веревки и форму ее растрепанного конца. Вспомнил слой пыли за – занавеской. И саму занавеску, вышитую коричневыми и грязно-голубыми зигзагами по некогда зеленому фону. И запах коридора, спертый, пыльный и затхлый, настолько густой, что я мог почти ощущать его на вкус; я действительно ощутил вкус пыли у себя во рту.

Я решил, что пора. Я зафиксировал картину у себя в сознании, призвал на помощь Державу, и магическая сила увлекла меня к образам, которые я создал в своих мыслях, пока необъяснимым путем они не совпали с реальными образами, запахом и вкусом.

Я крепко зажмурился, уже зная, что перемещение произошло, поскольку в моих внутренностях началось тошнотворное шевеление. Я последний раз содрогнулся и открыл глаза. Вид и запах были не совсем те, которые я помнил, но достаточно близкие. Во всяком случае, мне было где спрятаться.

Я предполагал, что в коридоре могут оказаться телохранители, и потому постарался не издавать ни звука. Вам когда-нибудь приходилось чувствовать, что вас вот-вот вырвет, и при этом не издавать ни звука? Но не будем об этом распространяться: достаточно сказать, что мне это удалось. Вскоре я рискнул заглянуть за занавеску и увидел стоявшего в холле телохранителя. Я быстро убрал голову, и он меня не заметил. Я посмотрел в другую сторону, в направлении задней двери, но никого не увидел. Возможно, один или двое находились за задней дверью или у самого заднего входа в квартиру, но сейчас я мог не обращать на них внимания.

Прислушавшись, я различил властный голос Херта. Значит, он был здесь. Конечно, он находился под надежной охраной. Мой выбор был довольно ограничен. Я мог попытаться снять его охрану по одному, то есть найти способ успокоить этих двоих, не встревожив находящихся внутри, убрать тела и подождать, пока кто-нибудь не решит выяснить, в чем дело, при необходимости повторяя эту процедуру. Выглядело это довольно привлекательно, однако я сомневался в своей способности убрать столько народу без шума. Херт мог появиться в любой момент, если бы решил, что это самый подходящий для него шанс.

С другой стороны, существовал лишь один другой вариант, причем довольно глупый. Подобную глупость можно было совершить лишь в минуту сильного душевного волнения, когда ты не в состоянии отчетливо мыслить, когда ты, так или иначе, готов умереть, когда после крушения всех надежд ты оказываешься на грани срыва и думаешь о том, что, может быть, тебе удастся прихватить нескольких из них с собой, и вообще тебя больше ничего не интересует.

Я решил, что сейчас самый подходящий момент.

Я проверил все мое оружие, потом достал два тонких и крайне острых метательных ножа. Держа руки по сторонам, чтобы ножи не сразу бросались в глаза, я шагнул в холл.

Он сразу же увидел меня и застыл. Я шел к нему и, кажется,

улыбался. Да, собственно, я в этом уверен. Может быть, именно это его остановило, но он просто стоял и смотрел на меня. Мой пульс участился. Я продолжал идти, ожидая, когда окажусь достаточно близко или он сделает какое-либо движение. Вспоминая эти десять шагов, могу предположить, что я был бы убит на месте, если бы попытался броситься на него, но, спокойно шагая к нему с улыбкой на губах, я нарушил все его расчеты. Он смотрел на меня, словно загипнотизированный, не шевелясь, пока я не оказался рядом с ним.

Тогда я воткнул нож ему в живот – не смертельное, но лучше всего выводящее из строя ранение. Он рухнул на пол прямо у моих ног.

Двое телохранителей смотрели в сторону двери, хватаясь за оружие. Посланник сидел на диване, закрыв глаза, с утомленным видом. Баджинок стоял рядом с Хертом, который разговаривал с Келли. Я мог видеть лицо Келли, но не лицо Херта. Келли казался явно недовольным. Коти стояла рядом с Келли и сразу же меня заметила. Кроме того, в комнате были Пареш и Грегори, а также трое выходцев с Востока и незнакомый мне текла.

Рядом с Хертом стоял телохранитель, смотревший прямо на меня. Глаза его расширились. В руке у него сверкнул нож, который он был готов метнуть в меня. Он упал, когда мой нож вонзился в правую сторону его груди.

Падая, он сумел-таки бросить свое оружие, но я скользнул в сторону, и нож лишь оцарапал мне запястье. Я повернулся, чтобы убить Херта, но Бйджинок заслонил его. Я выругался про себя и двинулся дальше в комнату в поисках новых врагов.

Два других телохранителя вытащили свое оружие, но я оказался быстрее, чем сам думал. Я метнул в каждого из них маленькую стрелку, покрытую ядом, вызывавшим сокращение мускулов, и воткнул в их тела пару других штучек. Они упали, попытались было подняться, и упали снова.

Тем временем в правой руке у меня оказалась рапира, а в левой – кинжал. Баджинок вытащил откуда-то тяжелый меч, что было нехорошо, поскольку он мог разбить мой клинок. Херт уставился на меня из-за плеча Баджинока; он еще не вытащил свое оружие. Возможно, у него и не было оружия. Я уклонился от удара Баджинока и ответным выпадом ударил его в грудь. Он дернулся и упал. Я посмотрел на типа, исполнявшего роль посланника. Он начал подниматься с кинжалом в руке. Я проткнул ему руку, он выронил оружие и сел.

Прошло меньше десяти секунд с тех пор, как я вошел в комнату. Трое телохранителей лежали на полу в разных позах, Баджинок был, вероятно, при смерти, а оставшийся джарег был

уже ни на что не способен.

Я не мог поверить, что мой план удался.

Херт тоже.

– Кто ты все-таки такой? – спросил он.

Я убрал рапиру в ножны и достал висевший у меня на поясе кинжал. Я не ответил на его вопрос, поскольку не разговариваю со своими жертвами; это ставит наши отношения совершенно не на ту основу. Я услышал позади какой-то звук и увидел, как расширились глаза Коти. Я бросился в сторону, перекатился и встал на колени.

На полу лежало тело – не из тех, кого уложил я. Я заметил, что Коти держит в руке кинжал. Херт все еще не шевелился. Я проверил тело, убеждаясь, что это не более чем тело. Это был Квэйш. Из его спины торчало короткое железное острие. Спасибо тебе, Иштван, где бы ты ни был.

Я снова встал и повернулся к посланнику.

– Убирайся, – сказал я. – Если те двое телохранителей снаружи попытаются войти сюда, мои люди на улице убьют тебя.

Он мог, конечно, поинтересоваться, почему мои люди на улице не убили телохранителей. Но он ничего не сказал – просто ушел.

Я шагнул к Херту и поднял кинжал. В это мгновение меня не интересовало, видит ли меня кто-нибудь и что будет со мной потом. Я хотел лишь закончить дело.

– Подожди, – сказал Келли.

Я остановился, не веря своим ушам, и сказал:

– Что?

– Не убивай его.

– Ты спятил? – Я сделал еще шаг. На лице Херта не было абсолютно никакого выражения.

– Я сказал то, что хотел сказать.

– Очень рад.

– Не убивай его…

Я остановился и отступил на шаг.

– Ладно, – сказал я. – Почему?

– Он наш враг. – Келли сделал ударение на слове «наш». – Мы сражались с ним много лет. Нам не требуется твое вмешательство, и нам не нужно, чтобы Империя или даже Дом Джарега занимались расследованием его смерти.

– Может быть, тебе трудно будет в это поверить, – сказал я, – но то, что требуется вам, меня волнует не более чем писк теклы. Если я не убью его сейчас, я мертвец. Я думал, что я и так мертвец, но обстоятельства, похоже, складываются так, что я могу остаться в живых. Я не намерен…

– Думаю, ты можешь сделать так, чтобы он не преследовал тебя, не убивая его сам. Я моргнул, потом спросил:

– Интересно – как?

– Не знаю, – сказал Келли. – Но посмотри на его положение: ты практически уничтожил его организацию. Чтобы снова ее собрать, ему потребуются огромные усилия. Сейчас он крайне ослаблен. Ты мог бы что-то придумать.

Я посмотрел на Херта. Его лицо все так же ничего не выражало.

– В лучшем случае, – сказал я, – это означает, что он будет просто ждать.

– Может быть, – сказал Келли.

Я снова повернулся к Келли:

– Откуда ты столько знаешь о том, как мы действуем и в какой ситуации он сейчас находится?

– Это наша работа – знать все, что может иметь значение для нас и тех, чьи интересы мы представляем. Мы сражались с ним много лет. Естественно, мы знаем его и то, как он действует.

– Ладно. Может быть. Но ты все еще не сказал мне, почему я должен оставить его в живых. Келли покосился на меня.

– Ты знаешь, – сказал он, – что ты – ходячее противоречие? Твои корни в Южной Адриланке, ты выходец с Востока, но посвятил всю свою жизнь отрицанию этого, перенимая привычки драгейриан, почти превратившись в драгейрианина, и более того – в аристократа…

– Это совершенная…

– Иногда ты даже изъясняешься, как аристократ. Ты стремишься – нет, не к богатству, но к власти, поскольку именно это аристократия ценит превыше всего. И в то же самое время ты носишь усы, подчеркивая свое происхождение, и ты настолько отождествляешь себя с выходцами с Востока, что, как мне говорили, ни один из них никогда не становился твоей жертвой. Ведь ты отклонил предложение убить Франца.

– Какое отношение это имеет…

– Теперь тебе приходится выбирать. Я не требую от тебя отказаться от своей профессии, сколь бы презренной она ни была. Собственно, я от тебя вообще ничего не требую. Я лишь говорю тебе, что в интересах нашего народа не убивать Херта. Делай что хочешь. – Он отвернулся.

Я пожевал губу, сначала несколько удивившись тому, что вообще об этом думаю. Покачал головой. Подумал о Франце, который был воистину счастлив, что его имя используется для пропаганды после его смерти, и Шерил, которая, вероятно, считала бы так же, и обо всем, что наговорил мне Келли во время

наших встреч, и о Наталии. Вспомнил разговор с Парешем, который, казалось, был очень давно, и взгляд, которым он удостоил меня в конце. Теперь я его понял.

У большинства людей нет возможности выбирать, на чьей они стороне, но у меня такая возможность была. Именно об этом говорили мне Пареш, Шерил и Наталия. Франц думал, что я сделал свой выбор. Коти и я имели возможность выбирать, на чьей мы стороне. Коти выбрала, и теперь очередь за мной. Интересно, подумал я, смог бы я остаться посередине?

Внезапно меня перестало волновать, что я стою посреди толпы чужих мне людей. Я повернулся к Коти и сказал:

– Я должен присоединиться к тебе. Я знаю это. Но я не могу. Или не хочу. Вот в чем дело.

Она ничего не ответила. Все остальные тоже молчали. В жуткой тишине мрачной комнатки продолжал говорить один я:

– Да, я бы хотел совершить нечто ради блага человечества, если тебе хочется это так назвать. Но не могу, и нам обоим придется с этим смириться. Я могу кричать и вопить сколько угодно, но это не изменит ни меня, ни тебя.

Все продолжали молчать. Я повернулся к Келли и сказал:

– Ты, вероятно, никогда не узнаешь, как я тебя ненавижу. Я с уважением отношусь к тебе и к тому, что ты делаешь, но ты унизил меня в моих собственных глазах и в глазах Коти. Я не могу тебе этого простить.

На какое-то мгновение в нем промелькнуло нечто человеческое.

– При чем здесь я? Мы делаем то, что должны делать. Любое решение, которое мы принимаем, основано на необходимости. Чем я унизил тебя?

Я пожал плечами и повернулся к Херту. Пора было заканчивать.

– Больше всего я ненавижу тебя, – сказал я. – Намного больше, чем его. Но это к делу не относится. Я хочу убить тебя, Херт. И я с удовольствием сделал бы твою смерть медленной. Я мучил бы тебя так, как ты мучил меня. Вот чего я хочу.

Проклятье, на его лице до сих пор отсутствовало какое-либо выражение. Я хотел, чтобы он по крайней мере попросил о снисхождении, но он не стал этого делать. Не знаю, помогли бы ему эти просьбы й*ли нет. Но, глядя на него, я чуть не потерял самообладание. В руке у меня был стилет, мое любимое оружие для простого убийства; я страстно желал, чтобы он ощутил его прикосновение, но его взгляда я просто не мог выдержать. Я схватил его за горло и отшвырнул к стене, держа острие клинка у его левого глаза. Не помню, что я прохрипел ему в ухо, видимо,

обычное ругательство. Потом я сказал:

– Они хотят, чтобы я оставил тебя в живых. Что ж, ублюдок, живи. Какое-то время. Но я буду за тобой следить, понял? Только попробуй подослать кого-нибудь ко мне – и получишь свое. Понял?

– Никого я не буду к тебе подсылать, – сказал он. Я покачал головой. Я ему не верил, но понял, что по крайней мере выиграл какое-то время.

– Я иду домой, – сказал я Коти. – Идешь со мной?

Она посмотрела на меня, наморщив лоб и с грустью в глазах. Я отвернулся.

Когда Херт направился к двери, я услышал позади звук удара стали о сталь, и в комнату влетел тяжелый меч. Затем, пятясь, появился джарег. У его горла был конец рапиры, а рукоять рапиры была в руке моего деда. На плече у деда сидел Амбруш. В комнату влетел Лойош.

– Нойш-па!

– Да, Владимир. Ты хотел меня видеть?

– В некотором роде, – произнес я. Моя злость еще не прошла, и я решил, что мне надо уйти отсюда, пока я не сорвался.

– Привет, Талтос, – сказал Келли деду.

Они кивнули друг другу.

– Подождите здесь, – сказал я, ни к кому конкретно не обращаясь. Я вышел в холл. Телохранитель, которого я ранил, все еще стонал и держался за живот, хотя нож он вытащил. Другой рядом с ним держался за правую ногу. Я заметил раны на обеих ногах, обеих руках и на плече. Раны были небольшие, но, вероятно, глубокие. Хорошо, что мой дед сохранил форму. Я осторожно прошел мимо них и вышел на улицу. Теперь там выстроилась сплошная линия вооруженных выходцев с Востока и такая же сплошная линия стражников Дома Феникса. Однако телохранителей-джарегов больше не было.

Я прошел вдоль линии стражников, пока не отыскал их командира.

– Лорд Хааврен? – спросил я.

Он посмотрел на меня, и его лицо напряглось. Он коротко кивнул.

– Никаких проблем не будет, – пояснил я. – Это ошибка. Выходцы с Востока сейчас разойдутся. Я просто хотел вам об этом сказать.

Он мгновение смотрел на меня, потом отвернулся, словно я был куском падали. Я вошел в аптеку. Найдя там волшебницу, я сказал:

– Все, можешь снять защиту. А если хочешь еще заработать,

скоро на улицу выйдет Херт, и, думаю, он будет рад, если его телепортируют домой.

– Спасибо, – сказала она. – Мне было очень приятно.

Я кивнул и направился обратно к дому Келли. В это время появился Херт с несколькими ранеными телохранителями, включая одного, который не мог идти без посторонней помощи. Херт даже не взглянул на меня. Я прошел мимо него и увидел, как волшебница подошла и заговорила с ним.

Когда я снова вошел в дом, нигде не было видно ни деда, ни Коти.

– Они ушли в кабинет Келли, – сказал Лойош.

– Хорошо.

– Почему ты послал меня, вместо того чтобы установить с ним псионический контакт?

– Мой дед этого не одобряет, за исключением неотложных случаев.

– Разве этот случай не был неотложным?

– Пожалуй, был. Что ж, я еще хотел, чтобы ты не путался под ногами и я мог бы совершить какую-нибудь глупость.

– Понятно. И как, совершил?

– Да. У меня даже все получилось.

– Значит ли это, что теперь все в порядке?

Я посмотрел в сторону кабинета, где дед разговаривал с Коти.

– Вероятно, нет, – произнес я. – Но это не в моей власти. Я думал, что после всего случившегося буду мертв, и хотел, чтобы здесь был кто-нибудь, кто мог бы позаботиться о Коти.

– Но что насчет Херта?

– Он обещал оставить меня в покое, при свидетелях. Так или иначе, честности на несколько недель ему хватит.

– А потом?

– Увидим.

17

«1 НОСОВОЙ ПЛАТОК: ПОСТИРАТЬ И ВЫГЛАДИТЬ»

На следующий день мне стало известно, что войска из Южной Адриланки выведены. Коти не появилась. Но я этого, собственно, и не ожидал.

Чтобы отвлечься, я отправился прогуляться по окрестностям. Я начинал потихоньку радоваться тому, что теперь мне угрожает не большая опасность, чем когда начался весь этот бред. Это могло быть ненадолго, но я решил наслаждаться ощущением безопасности, пока возможно. Я даже слегка вышел за пределы своей территории, просто потому, что так хорошо себя чувствовал. Я заглянул в пару заведений, которые обычно не посещаю, и это доставило мне удовольствие. Я старался не напиться, хотя, вероятно, это вряд ли имело значение.

Я прошел мимо жилища прорицателя, где был так давно, но заходить не стал. Однако это заставило меня задуматься о том, что я буду делать с такой кучей денег. Ясно было, что я не стану строить замок для Коти. Даже если она вернется, ей вряд ли захочется иметь замок. А идея купить себе более высокий титул в Доме Джарега казалась нелепой. Оставалось лишь…

И тут мне пришла в голову мысль.

Первой моей реакцией было рассмеяться, но сейчас я не мог позволить себе смеяться над какими бы то ни было идеями, а кроме того, я выглядел бы глупо, стоя посреди улицы и смеясь. Однако чем больше я думал, тем больший эта идея приобретала смысл. Я вспомнил о Херте. Как сказал Келли, это был уже практически конченый человек; моя идея позволяла ему остаться в живых, и при этом у него отпадала необходимость убивать меня.

Для меня это все упрощало. Конечно, пришлось бы решать некоторые организационные проблемы… Гм-м. Я завершил прогулку без происшествий.

Два дня спустя я сидел у себя в конторе, когда вошел Мелестав.

– Да?

– Только что пришел посланник от Херта, босс.

– Вот как? Что он сказал?

– Он передал, что Херт согласен. Сказал, что ты знаешь, о чем речь. Он ждет ответа.

– Будь я проклят, – сказал я. – Да. Я знаю, о чем речь.

– Будут какие-нибудь распоряжения?

– Да. Сходи в хранилище и возьми пятьдесят тысяч империалов.

– Пятьдесят тысяч?

– Совершенно верно.

– Но… хорошо. Потом что?

– Отдай их посланнику. Обеспечь ему сопровождение. Убедись, что деньги дойдут до Херта.

– Хорошо, босс. Как скажешь.

– Потом возвращайся сюда: у нас будет много работы. И пришли Крейгара.

– Ладно.

– Я уже здесь.

– А? О…

– Что произошло?

– То, чего мы хотели. У нас есть проституция, которую мы должны ликвидировать, бандитизм, с которым мы должны покончить, и игорный бизнес, мелкие воришки и прочая мелочь, которых мы можем оставить в покое.

– Ты имеешь в виду, что все получилось?

– Да. Мы только что купили Южную Адриланку.

Этим вечером я пришел домой поздно и обнаружил там Коти, спавшую на диване. Я посмотрел на нее. Темные волосы были разбросаны по ее тонкому, горделивому лицу. Скулы четко выделялись в свете единственной лампы, а прекрасные брови были сдвинуты во сне, словно она была озадачена чем-то в своих сновидениях.

Она казалась все такой же прекрасной, внутри и снаружи. Мне было больно смотреть на нее. Я мягко потряс ее за плечо. Она открыла глаза, слабо улыбнулась и села.

– Привет, Влад.

Я сел рядом, но не слишком близко.

– Привет, – сказал я.

Она заморгала, прогоняя сон, потом сказала:

– У меня был долгий разговор с Нойш-па. Полагаю, это то, чего ты хотел, верно?

– Я знал, что не смогу с тобой разговаривать. Я надеялся, что он сумеет сказать то, чего не мог сказать я.

Она кивнула.

– Не хочешь мне рассказать? – спросил я.

– Не уверена. Ты помнишь, я говорила тебе – теперь уже давно – о том, как ты несчастлив и почему. Так вот, я думаю, все это правда.

– Да.

– И то, что я делаю вместе с Келли, мне кажется правильным, и я намерена это продолжать.

– Да.

– Но это не дает ответа на все вопросы. Я думала, моя работа с Келли распутает все проблемы, и отнеслась к тебе несправедливо. Прости меня. Ведь остальная жизнь не прекращается. Я работаю с Келли, потому что это мой долг, но этим он не ограничивается. У меня есть долг и по отношению к тебе.

Я опустил взгляд. Не дождавшись от нее продолжения, я сказал:

– Я не хочу, чтобы ты возвращалась ко мне лишь потому, что считаешь это своим долгом.

Она вздохнула:

– Нет, я имела в виду не это. Ты был прав, я должна была с тобой обо всем поговорить. Но я не могла рисковать – ты меня понимаешь?

Я уставился на нее. Подобное никогда не приходило мне в голову. Порой я испытывал страх и неуверенность, но я никогда не думал, что и Коти может чувствовать себя точно так же.

– Я люблю тебя, – сказал я.

Она слегка шевельнула рукой. Я придвинулся и обнял ее.

– Ты возвращаешься домой? – спросил я.

– У нас еще так много работы.

Я подумал о своем последнем приобретении и усмехнулся:

– Ты не знаешь и половины всего.

– Гм? – сказала она.

– Я только что купил Южную Адриланку.

Она уставилась на меня.

– Ты купил Южную Адриланку? У Херта?

– Да.

Она покачала головой:

– Да, полагаю, нам с тобой есть о чем поговорить.

– Коти, это спасло мне жизнь. Разве это…

– Не сейчас.

Я ничего не сказал. Помолчав, она добавила:

– Я теперь в долгу перед всеми: перед Келли, перед людьми с Востока, перед теклами. Я все еще не знаю, что ты по этому поводу думаешь.

– Я тоже, – произнес я. – Я не знаю, проще или сложнее будет решить все проблемы, если ты снова будешь жить здесь. Но я знаю, что мне тебя недостает, что мне тяжело ложиться спать без тебя.

Она кивнула, потом сказала:

– Я вернусь, если ты этого хочешь, и мы попробуем уладить все вместе.

– Да, я хочу, – сказал я.

Мы никак не стали праздновать это событие – просто обнялись, и для меня это был праздник, и мои слезы, пролитые на ее плечо, казались мне столь же чистыми и светлыми, как слезы осужденного на смерть, неожиданно отпущенного на свободу.

Что в каком-то смысле вполне можно было отнести ко мне.

Талтос

1

Цикл: дракон, тсер и креота; атира, ястреб и феникс; текла и джарег.

Все они танцевали перед моим взором. Драгейрианская Империя, разделенная на семнадцать Великих Домов, каждый со своим представителем в животном мире, казалось, разворачивалась прямо у меня в руках. Вот она – Империя драгейриан, и вот он я – выходец с Востока, чужак.

И не стоит надеяться, что будет легче.

Невидимый для взгляда богов, я приступил к делу.

Милях в двухстах к северо-востоку от Адриланки находится гора, которая выглядит так, словно рука страдающего гигантоманией скульптора придала ей форму присевшего на задние лапы серого тсера.

Вы наверняка видели ее на тысячах картин и псиографий, изображенную с сотен точек зрения, так что не хуже меня знаете, что иллюзия гигантского кота настолько совершенна, насколько могла бы создать ее природа. Самое интересное – левое ухо. Оно столь же похоже на кошачье, как и правое, однако известно, что оно искусственное. У нас есть свои подозрения по поводу всей горы, но сейчас это не важно; насчет же левого уха мы уверены.

Именно здесь, как утверждают легенды, Сетра Лавоуд, Чародейка, Темная Повелительница горы Тсер, сидит, словно гигантский паук в центре дьявольской паутины, надеясь заманить в нее ничего не подозревающего героя. О том, зачем ей это нужно, легенды не говорят ничего конкретного. Впрочем, это, естественно, их право.

Я уселся в центре своей собственной дьявольской паутины, потянул за одну из нитей и извлек на свет дополнительные подробности о горе, башне и ее хозяйке. Похоже было, что мне придется нанести туда визит, при том что паутина, как известно, вещь хрупкая.

О таких вот делах и слагаются легенды.

Я просмотрел несколько полученных мной писем. Одно было от девушки по имени Санди, в котором она благодарила меня за чудесный вечер. Подумав, я решил, что это очень мило с ее

стороны и что следовало бы написать ответ и спросить, не найдется ли у нее свободного времени на следующей неделе. Другое письмо было от одного из моих работников, в котором он спрашивал, не мог бы некий клиент продлить кредит, полученный на покрытие потерь игорного заведения. Я размышлял над этим вопросом, постукивая пальцами по столу, когда послышался кашель Крейгара. Лойош, мой самый близкий друг, слетел со своей вешалки и опустился мне на плечо, шипя на Крейгара.

– *Мне бы хотелось, чтобы он перестал так делать, босс,* – мысленно сказал Лойош.

– *Мне тоже, Лойош.*

– И давно ты здесь сидишь? – спросил я Крейгара.

– Недавно.

Его худая семифутовая драгейрианская фигура ссутулилась в кресле напротив меня. На этот раз на лице его не было самодовольного выражения. Интересно, подумал я, что его беспокоит, но спрашивать не стал. Если бы это как-то меня касалось, он бы сказал сам.

– Помнишь креоту по имени Фигнов? – спросил я. – Он хочет продлить кредит, полученный от Махана, и я не знаю…

– Есть проблема, Влад.

Я моргнул.

– Рассказывай.

– Ты послал Квиона получить деньги с Найлара, Махана, Тора…

– Да. Что случилось?

– Он собрал их и сбежал.

Какое-то время я сидел молча, думая о том, что это означает. Я вел дела в этом районе лишь несколько месяцев, после неожиданной смерти моего прежнего босса, и проблема подобного рода встала передо мной впервые.

Квион был из тех, кого я называю “мальчик на побегушках” – несколько двусмысленный термин, который в данном случае означает, что он делал то, что требовалось мне в данный конкретный день. Он был стар даже по драгейрианским меркам – полагаю, около трех тысяч лет – и обещал, когда я нанимал его на работу, что оставит игорный бизнес. Он был тих и вежлив настолько, насколько драгейриане когда-либо бывают вежливы с людьми, и обладал большим опытом в тех делах, которыми я занимался, – подпольный игорный бизнес, бордели без лицензии, кредиты под незаконные проценты, торговля краденым… и тому подобное. Когда я его нанимал, он казался мне вполне искренним.

Проклятие! Вы можете подумать, что спустя все эти годы я мог бы с большей осторожностью относиться к драгейрианам, но тем не менее я продолжаю им доверять.

– Что случилось? – спросил я.

– Мы с Темеком его охраняли. Когда шли мимо магазина, он попросил нас подождать минуту, подошел к окну, словно хотел на что-то взглянуть, и телепортировался.

– Его ведь не могли похитить, верно?

– Я не знаю ни одного способа телепортировать кого-либо, кто не хочет этого сам. А ты?

– Нет. Думаю, нет. Подожди. Темек ведь волшебник. Он проследил, куда Квион телепортировался?

– Да, – ответил Крейгар.

– Почему же вы не последовали за ним?

– Видишь ли, Влад, ни у кого из нас нет особого желания отправляться туда, куда отправился он.

– Да? И куда же?

– Он телепортировался прямо на гору Тсер.

– Гора Тсер, – помолчав, повторил я. – Что ж, чтоб мне стать пищей для дракона… Откуда он мог знать координаты? Откуда он мог знать, что ему ничего не угрожает со стороны… как ее там? Откуда…

– Ее зовут Сетра Лавоуд, и я не знаю откуда.

– Придется послать кого-нибудь за ним.

– Безнадежно, Влад. Ты никого не уговоришь.

– Почему бы и нет? У нас есть деньги.

– Влад, это гора Тсер. Забудь.

– Что такого особенного в этой горе Тсер?

– Сетра Лавоуд, – сказал Крейгар.

– Хорошо, что такого особенного в…

– Она – вампир, оборотень, владеет Великим Оружием, вероятно, одна из самых опасных ныне живущих чародеев и имеет привычку убивать тех, кто оказался с ней рядом, если только она не решит превратить их в норсков или джарегов.

– *Стать джарегом – еще не самое плохое, босс.*

– *Заткнись, Лойош.*

– Сколько во всем этом истины и сколько слухов? – спросил я.

– Какая разница, если все верят слухам? Я знаю, что я туда не пойду.

Я пожал плечами. Возможно, будь я драгейрианином, то понял бы его.

– Тогда мне придется идти самому, – сказал я.

– Тебе хочется умереть?

– Я не хочу, чтобы он смылся с… Сколько он получил?

– Две тысячи с лишним империалов.

– Проклятие. Он мне нужен. Попробуй выяснить все возможное о горе Тсер, что можно воспринимать всерьез, ладно?

– А? Да, конечно. Сколько лет ты мне на это даешь?

– Три дня. И заодно попытайся выяснить что-нибудь о Квионе.

– Влад…

– Иди.

Он вышел.

Откинувшись на спинку кресла, я начал было размышлять о легендах, но решил, что это бессмысленно, и стал составлять письмо Санди. Лойош вернулся на свою жердочку на вешалке и начал давать мне полезные советы относительно письма. Если бы я думал, что Санди любит дохлых текл, я бы, возможно, некоторыми из них даже воспользовался.

Иногда мне почти кажется, что я помню свою мать.

Отец постоянно рассказывал о своей жизни по-разному, так что я не знаю, умерла ли она или ушла от него, и не знаю, сколько мне тогда было лет – два, четыре или пять. Но время от времени передо мной возникает ее образ – или образ кого-то, кого я принимаю за нее. Эти образы недостаточно отчетливы, чтобы их можно было описать, но они доставляют мне определенную радость.

Это вовсе не обязательно мои самые ранние воспоминания. Нет, углубляясь в прошлое, я вспоминаю бесконечные груды грязных тарелок и мысли о том, что мне придется мыть их всю свою жизнь. Вероятно, это связано с тем, что мы жили над рестораном. Не поймите меня превратно, мне вовсе не приходилось столь тяжко трудиться, просто эти горы посуды произвели на меня неизгладимое впечатление. Иногда я думаю: не является ли целью всей моей жизни любой ценой избежать грязной посуды?

Полагаю, у кого-то цель жизни может быть и похуже.

Моя контора находится позади лавки, где торгуют психоделическими травами. Между лавкой и конторой есть комната, где идет почти непрерывная игра в шаребу, которая была бы легальной, если бы мы платили налоги, и которую бы прикрыли, если бы мы не платили взятки Стражам Феникса. Взятки меньше, чем могли бы быть налоги, и нашим клиентам не приходится платить налогов со своих выигрышей. Контора состоит из двух маленьких комнат, одна из которых моя, а другая – Крейгара. В моей комнате есть окно, из которого открывался бы

чудесный вид на аллею, если бы я когда-либо решил открыть ставни.

Три дня спустя, около часа пополудни, Крейгар вошел ко мне, и еще через несколько минут я заметил его присутствие.

– Что ты выяснил о горе Тсер? – спросил я.

– Она большая, – ответил он

– Спасибо, – сказал я. – Так что ты выяснил?

Он достал блокнот, перелистал его и спросил:

– Что именно ты хотел бы знать?

– Многое. Для начала – почему Квион решил, что на горе Тсер ему ничто не угрожает? Или он в отчаянии подумал – будь что будет?

– Я восстановил все его действия за последний год или около того, так что… – сказал Крейгар.

– За три дня?

– Да.

– Хорошая работа – для драгейрианина.

– Большое спасибо, босс.

Лойош, сидя на своей вешалке, мысленно хихикнул.

– Так что ты говорил о его действиях?

– Единственное интересное из всего, что я выяснил, – это то, что примерно за месяц до того, как он начал работать на тебя, он был послан с поручением к некоему Маролану.

– Я слышал о Маролане, – подумав, сказал я, – но сейчас не помню где.

– Это очень влиятельный волшебник из Дома Дракона, друг Императрицы. Он живет примерно в полутора сотнях миль от побережья, в летучем замке.

– Летучий замок, – повторил я. – Понятно. Единственный со времен Междуцарствия. Так сказать, пускает пыль в глаза.

– Мало того, – фыркнул Крейгар. – Он называет его “Черный Замок”.

Я покачал головой. Для драгейриан черный – колдовской цвет.

– Ладно. Какое отношение имеет Маролан к…

– Фактически гора Тсер – часть его владений. Она находится примерно в пятидесяти милях от того места, где обычно пребывает его замок.

– Интересно, – сказал я.

– *Интересно, как он собирает налоги?* – заметил Лойош.

– Это единственное место, которое как-то выделяется, – сказал Крейгар.

– Горам это свойственно, – кивнул я. – Ладно, Крейгар. Так или иначе, какая-то связь есть. Что ты еще узнал о Маролане?

– Не слишком много. Он провел большую часть Междуцарствия на Востоке, так что, вероятно, терпимо относится к восточникам.

Восточник – это значит человек вроде меня. Но драгейриане тоже именуют себя людьми, что звучит достаточно нелепо, но иногда может привести в замешательство.

– Что ж, – сказал я, – я мог бы начать с визита к Маролану, если он согласится на встречу. Что ты выяснил насчет горы Тсер?

– Всего понемногу. Что ты хотел бы узнать?

– В основном действительно ли существует Сетра Лавоуд?

– Она определенно существовала до Междуцарствия. Есть свидетельства тех времен, когда она была выдающимся военачальником, и не один раз.

– Когда?

– Примерно пятнадцать тысяч лет назад.

– Пятнадцать тысяч лет. Понятно. И ты думаешь, она может быть до сих пор жива? Это, кажется, в пять или шесть раз больше нормальной продолжительности жизни?

– Что ж, если верить слухам, юные герои из Дома Тсера время от времени поднимаются на гору, чтобы сразиться со злой колдуньей, и ни о ком из них никто больше никогда не слышал.

– Да, – сказал я. – Но вопрос в том, стоит ли верить слухам?

Он моргнул.

– Не знаю, как ты, Влад, но я верю.

Я начал размышлять о покрытых плесенью легендах, колдуньях, нечестных исполнителях и горах.

– *Ты просто не можешь никому больше доверять,* – сказал Лойош, опускаясь на мое правое плечо.

– *Я знаю. Просто не повезло.* – Лойош мысленно фыркнул. – *Нет, в самом деле,* – сказал я. – *Доверился сукину сыну.*

Я вынул кинжал и начал им размахивать. Потом отложил его в сторону и сказал:

– Ладно, Крейгар. Пошли письмо лорду Маролану с вопросом, не соизволит ли он принять меня. Конечно, когда он сочтет возможным. Я не… кстати! Как туда попасть? Я имею в виду, если это летучий замок…

– Телепортироваться, – сказал Крейгар.

Я застонал.

– Ладно. Постарайся все организовать, хорошо? И сообщи координаты Нарвейну. У меня нет желания тратить деньги на Сучий Патруль, так что постараюсь пережить не слишком комфортабельное путешествие.

– Тогда почему ты не можешь сам это сделать?

– Это будет уже слишком.

– Стареешь, босс?
– Что значит “старею”?
– Будет сделано, Влад.
Крейгар вышел.

Сейчас, с расстояния в несколько лет, я должен сказать, что не считаю, будто отец был ко мне жесток. Мы были одни, что создавало множество трудностей, но он справлялся с ними как только мог. А мы действительно были одни. Мы жили среди драгейриан, а не в гетто выходцев с Востока, так что соседи с нами не общались. Единственным родственником был отец моего отца, который не перебрался в нашу часть города, и отец не любил брать меня с собой к Нойш-па, когда я был малышом.

Вы можете подумать, что я привык быть один, но это не так. Я всегда ненавидел одиночество и ненавижу его до сих пор. Может быть, у выходцев с Востока это некий инстинкт. Вероятно, лучшими временами для меня были медленно тянувшиеся дни в ресторане, когда официанты находили время поиграть со мной. Я помню одного из них, большого толстого типа с усами и почти без зубов. Я тянул его за усы, а он грозил зажарить меня и подать к столу с апельсином во рту. Не знаю почему, но мне это казалось забавным. К сожалению, я не помню его имени.

Если подумать, то отец, вероятно, считал меня в большей степени обузой, чем источником радости. Если у него когда-то и были женщины, он тщательно это скрывал, и я не могу себе представить зачем. Это не моя вина, но, полагаю, и не его.

Однако я никогда по-настоящему его не любил.

Кажется, мне было года четыре, когда отец начал регулярно брать меня с собой в гости к деду. Это стало первой большой переменой в моей жизни, которую я помню, и я был этому очень рад.

Только теперь я начинаю понимать, как много сделал для меня дед. Мне было лет пять или шесть, когда я понял, что отец не одобряет то, что показывал мне Нойш-па: например, как заставить листок бумаги отклоняться словно от дуновения ветра, силой одного желания. И более того: те игры, в которые мы играли, как я теперь понимаю, были первым введением в восточный стиль фехтования.

Меня озадачивало неудовольствие отца, но дух противоречия заставлял меня уделять все больше внимания Нойш-па. Возможно, в этом был корень возникавших между отцом и мной проблем, хотя я в этом сомневаюсь. Может быть, я похож на свою мать, не знаю. Я спрашивал Нойш-па, на кого я похож, но он всегда отвечает: “Ты похож на самого себя, Владимир”.

Я знаю только об одном происшествии, которое могло обидеть моего отца. Однажды, когда мне было лет пять, меня впервые по-настоящему поколотили, кажется, четыре или пять хулиганов из Дома Орки. Я помню, что был на рынке, выполняя какое-то поручение, и они окружили меня, называя именами, которых я не помню, и издеваясь над моими башмаками в восточном стиле. Они несколько раз стукнули меня, а один из них ударил меня в живот, отчего у меня перехватило дыхание, потом дали мне пару пинков и отобрали деньги, которые отец дал на покупки. Они были примерно моего роста, что, видимо, означает, что им было лет по восемнадцать, но их было несколько, и я страшно боялся того, что придется все рассказать отцу.

Когда они закончили меня бить, я поднялся и с плачем побежал через всю Южную Адриланку к деду. Он смазал какими-то снадобьями мои синяки, отчего я сразу почувствовал себя лучше, напоил чаем (в который он, подозреваю, добавил бренди), отвел меня домой и поговорил с отцом, так что мне не пришлось объяснять, куда девались деньги.

Лишь много лет спустя я начал задумываться о том, почему я побежал к Нойш-па, вместо того чтобы идти домой, что было значительно ближе. И только тогда я стал догадываться, насколько болезненно мог отнестись к этому отец.

Примерно через двадцать два часа после ухода Крейгара я сидел, откинувшись на спинку кресла, снабженного странным механизмом, позволяющим наклоняться, раскачиваться и прочее. Ноги я положил на стол. Носки ботинок были направлены в противоположные углы комнаты, а в промежутке между ними виднелось худое лицо Крейгара. Его подбородок можно было бы назвать безвольным, но это не так – это лишь одна из врожденных иллюзий Крейгара. Он весь состоит из иллюзий. Одни из них природные, другие, полагаю, выработанные. Например, когда любой другой разозлился бы, он никогда не производил подобного впечатления. Кажется, что он лишь испытывает отвращение.

На лице, видневшемся между моих ботинок, было написано отвращение.

– Ты прав, – сказал он. – Тебе незачем брать кого-то с собой. Какой интерес могущественному дракону причинять вред бедному, невинному джарегу лишь потому, что он с Востока? Или, скажем так, бедному, невинному восточнику лишь потому, что он джарег? Давай, Влад, просыпайся. Тебе нужна охрана. А я – тот, кто лучше всего поможет тебе избежать неприятностей.

На мое правое плечо опустился Лойош и сказал:

– Имей в виду, что я буду с тобой, босс. Это должно избавить его от лишнего беспокойства.

– Ты так думаешь? А если нет?

– Я ему нос откушу.

– Крейгар, – сказал я вслух, – я могу взять с собой любого из телохранителей, и не будет никакой разницы, если Маролан решит со мной расправиться. Кроме того, если я появлюсь там с охраной…

– Вот почему я думаю, что должен пойти с тобой. Он меня просто не заметит.

– Нет, – сказал я. – Он разрешил мне нанести ему визит, но ничего не сказал о сопровождающих. Если он тебя заметит…

– Он должен понимать, что так принято у джарегов. Он должен кое-что знать о том, как мы поступаем.

– Я сказал – нет.

– Но…

– Вопрос закрыт, Крейгар.

Он закрыл глаза и издал вздох, который повис в воздухе, словно призывный крик атиры, потом снова открыл глаза.

– Ладно. Ты хочешь, чтобы телепортацию произвел Нарвейн, верно?

– Да. Он знает координаты?

– Маролан сказал, что один из его людей введет их непосредственно в мозг того, кто будет выполнять заклинание.

Я удивленно моргнул.

– Как он может это сделать? Как может кто-то из его людей достичь столь тесного пси-контакта с кем-то, кого он не знает?

– Магия, – зевнув, сказал Крейгар.

– Какого рода магия, Крейгар?

Он пожал плечами.

– Откуда я знаю?

– Похоже на колдовство, босс.

– Именно так я и думаю, Лойош.

– Думаешь, он пользуется услугами колдуна?

– Помнишь, он провел много времени на Востоке, во время Междуцарствия?

– Да, верно.

Я щелкнул пальцами.

– Так или иначе, – сказал я, – я хочу, чтобы телепортацию выполнил Нарвейн. Я хочу, чтобы завтра он был здесь за час до назначенного времени.

Крейгар кивнул с усталым видом, что означало, что он очень несчастен. Лойошу очень скоро тоже должно стать не слишком

весело.

Но сейчас следовало отдохнуть.

2

Я начал располагать в нужном порядке все необходимое для заклинания. Сосредоточился лишь на своей цели, стараясь не думать о том, насколько это глупо – пытаться как-то разложить различные орудия, предметы и артефакты, прежде чем появится хоть какая-то идея, как, собственно, их использовать. Мои руки сами доставали их из мешка и раскладывали.

Я не мог знать, что мне нужно, поскольку заклинание, которое я намеревался исполнить, никогда прежде до того не исполнялось; оно даже не существовало – за исключением того, что сейчас я должен был его совершить.

На следующий день я пришел в контору слишком рано. Я могу терпеливо ждать, если это необходимо, но не люблю этого. До того, как мне предстояло появиться в Черном Замке, оставалось еще несколько часов, а в конторе не было ничего, что требовало бы моего внимания. Некоторое время я пытался создавать видимость бурной деятельности, потом сказал: “К дьяволу” – и вышел.

Оранжево-красное небо сегодня висело низко над головой, закрытое серыми тяжелыми тучами, и ветер дул с моря. Я отправился на прогулку по своей территории. Эти несколько кварталов Адриланки были моими, и осознание этого факта доставляло мне определенное удовлетворение. По дороге я заглянул к одному типу по имени Найлар, моему первому боссу, а потом одному из моих первых сотрудников.

– Что нового? – спросил я.

Он лучезарно улыбнулся и ответил:

– Как обычно, Влад.

Никогда не знаешь, как относиться к Найлару. Он мог бы занять то положение, которое сейчас занимаю я, если бы у него было желание хоть немного побороться, но он решил не высовываться. Полагаю, я бы относился к нему с большим уважением, если бы он решил воспользоваться своим шансом. Проклятие! Кто может понять этих драгейриан?

– Что слышно? – спросил я.

– О чем?

– Только не прикидывайся.

Еще немного, и я бы решил, что Найлар и в самом деле ничего не знает, но он сказал:

– Говорят, тебя подставил один из твоих порученцев. Кто?

– Это не так уж и важно, Найлар. А скоро будет совсем не важно.

– Ладно.

– Пока.

Я вышел от Найлара и направился в сторону Южной Адриланки.

Лойош, сидящий на моем левом плече, сказал:

– Слухи распространяются быстро, босс.

– Знаю. Надо с этим что-то делать. Если все будут думать, что меня можно надуть, когда-нибудь это действительно произойдет.

Я продолжал идти, размышляя на ходу. Что бы там ни было, Маролан в состоянии вывести меня на след Квиона. Захочет ли он? Неизвестно.

– Идешь в гости к деду, босс?

– Нет, не собираюсь. Не сегодня.

– Тогда куда? Нет, не говори. В бордель или в трактир.

– Угадал. В трактир.

– Кто понесет тебя домой?

– Я выпью-то всего один или два стаканчика.

– Ну-ну.

– Заткнись, Лойош.

– Босс, ты ведь собирался в Черный Замок, верно?

– Если мне хватит мужества. А теперь дай мне подумать.

Начался мелкий дождик. Я установил связь с Имперской Державой и создал невидимый экран, подняв его над головой. Это заклинание было легким. Я заметил, что многие прохожие сделали то же самое. Лишь некоторые, большинство из Дома Теклы, двинулись в сторону подворотен переждать дождь. На улице стало очень грязно, и я отметил про себя, что нужно оставить время на то, чтобы почистить ботинки. Кажется, для этого есть какое-то волшебство. Надо будет научиться.

К тому времени, когда я пересек улицу Две Лозы и вошел в Южную Адриланку, дождь кончился, что было совсем неплохо. Мало кто из выходцев с Востока владеет волшебством, а я не хотел привлекать излишнее внимание к своей персоне. Конечно, на мне была серо-черная одежда Дома Джарега, и сидящего на моем плече Лойоша было достаточно, чтобы провозгласить: “Это колдун!”, но дополнительно ухудшать ситуацию незачем.

В этот момент Лойош уловил кое-какие мои мысли и сказал:

– Погоди-ка, босс. Кого это ты решил оставить дома?

– Тебя, приятель. Извини.

– Дерьмо. Ты не можешь…

– Могу. Когда наносят визит драконлорду, не берут с собой джарега. По крайней мере в первый раз.

– Но…

– Ты незаменим и неглуп, и ты не пойдешь.

Мы начали препираться и препирались, пока я не дошел до места, которое искал, что помогло мне отвлечься. Мне и в самом деле было страшно. Не хотелось никуда идти, но не было иного выхода. Я попытался представить себе, как появляюсь там, и не смог. Да, если я не последую за Квионом, пострадает моя репутация, а для Джарегов репутация означает деньги и безопасность.

Я нашел трактир Ференка, который находился именно там, где мне сказали, и вошел, остановившись на пороге, чтобы дать глазам привыкнуть к относительной темноте. Я никогда раньше здесь не был, но дед рекомендовал мне его как то самое место, где можно найти хороший фенарианский бренди.

В свое время мне стал значительно доступнее образ мыслей драгейриан, когда я понял, что у них нет названия для бренди, хотя напиток такой имеется. Они называли его вином, но, по-моему, бренди и вино не имеют между собой ничего общего – возможно, для драгейриан тоже. По сути, драгейриан не волнует, что вкус этих напитков совершенно различен, или что процесс изготовления одного не имеет почти ничего общего с процессом изготовления другого. Для них это просто плодовые алкогольные напитки, то есть одно и то же. Интересно, правда?

Для людей с Востока этой проблемы не существует. В особенности для Ференка. Целая стена за длинной темной деревянной стойкой была заставлена бутылками разнообразных фенарианских бренди, почти половина – персиковые. Весьма впечатляюще. Я даже не знал, что их существует так много, и был очень рад, что Империя в данный момент не находится в состоянии войны с Фенарио.

В трактире было почти пусто. Я облизнул губы и сел на высокий табурет прямо у стойки. Хозяин бросил взгляд на Лойоша, потом протер прилавок и вопросительно посмотрел на меня.

Я окинул взглядом бутылки с персиковым бренди и сказал:

– Стакан “Оригигерета”.

Он кивнул.

– Мертвецы с водорослями?

– Это у вас так называется? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Что ж, я бы не назвал это благородным напитком.

– Что посоветуешь? – спросил я.

Он бросил взгляд на стену, достал небольшую круглую бутылку и показал ее мне. Этикетка потемнела, но можно было разобрать название: “Баракараньбол”.

– Ладно, – сказал я. – Попробую стаканчик этого.

Он достал стакан, протянул руку под стойку и положил в стакан немного льда. Первой моей реакцией было восхищение, что он может позволить себе покупать лед, не говоря уже о заклинаниях, позволяющих сохранить его холодным. Потом я сообразил, что он делает, и сказал:

– Нет, нет. Льда я не хочу.

На лице его появилось недовольное выражение. Он достал кувшин, наполнил стакан водой и поставил его передо мной. Потом налил немного бренди в другой стакан и поставил рядом с водой.

– Это вода для того, чтобы сполоснуть рот, прежде чем пить бренди. Ты знаешь, как его пить, а я знаю, как его наливать, вот и все.

– Ладно, – сказал я хозяину и сделал глоток бренди.

Послышался смешок Лойоша.

– *Заткнись,* – сказал я ему.

Я поставил стакан с бренди, глотнул воды, потом снова бренди. Бренди был очень хорош.

– Мне того же самого, – послышался голос за моей спиной. Голос был низким, бархатистым и очень знакомым. Я обернулся и почувствовал, как на моем лице возникает улыбка.

– Кайра!

– Привет, Влад.

Кайра Воровка села рядом со мной.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я.

– Пробую фенарианские бренди.

Хозяин смотрел на нее с враждебностью и страхом. Я был джарегом, но по крайней мере человеком. Кайра – драгейрианка. Я посмотрел по сторонам и увидел, что трое других посетителей смотрят на Кайру со страхом и ненавистью. Снова повернулся к хозяину и сказал:

– Леди просила чего-нибудь выпить.

Он посмотрел туда, где сидели те трое, потом на Кайру, потом снова на меня. Я выжидающе взглянул на него. Он облизнул губы, поколебался, потом сказал: “Хорошо” – и налил ей то же, что и мне. Потом отошел к другому концу стойки. Я пожал плечами, и мы с Кайрой пересели за столик.

– Ты часто здесь бываешь? – спросил я.

Она улыбнулась.

– Я слышала, у тебя неприятности.

Я покачал головой.

– Как-нибудь я выясню, как ты об этом узнаёшь.

– Может быть. Тебе нужна помощь, Влад?

– Думаю, лишь немного отваги.

– Вот как?

– Тебе, вероятно, известно, что один из моих порученцев стянул яички.

– Да. И мама-курочка очень расстроена.

– Скорее уж папа-петушок.

– И что ты собираешься делать?

– Для начала – отправиться кое-куда, куда мне совсем не хочется.

– Куда?

– Ты когда-нибудь слышала о Черном Замке?

Ее глаза расширились.

– Как я понимаю, лорд Маролан?

– Именно.

Она наклонила голову.

– Вот что я тебе скажу, Влад. Отправляйся к нему. Если Маролан тебя убьет, он не проживет и месяца.

Я почувствовал, как комок подступает к горлу.

– Сменила работу, Кайра? – спросил я.

– У всех нас есть друзья, – улыбнулась она.

– Что ж, спасибо, – сказал я. – Я снова твой должник.

Она кивнула, продолжая улыбаться. Потом встала и вышла со словами: “Хорошее вино”.

Забавно. Мстить, пожалуй, глупо. Если я буду мертв, какое мне дело? Однако в определенном смысле то, что она сказала, мне и требовалось для поддержки. До сих пор не могу понять почему.

После ее ухода я выпил еще стакан и лишь для того, чтобы доказать Лойошу, что он не прав, остановился на этом, Я снова установил связь с Державой и обнаружил, что у меня есть пара. Я заплатил хозяину, сказав ему, что как-нибудь загляну еще раз, и отправился домой.

У моего деда есть белый кот по имени Амбруш, самый умный из всех котов, которых я когда-либо встречал, и самый старый. Я никогда по-настоящему не играл с ним, как люди обычно играют с кошками, но иногда, когда я был маленьким, сидел и разговаривал с ним, пока отец и дед беседовали в другой комнате. Я обычно делал вид, что уверен, будто он меня понимает, и либо он и в самом деле меня понимал, либо моя память меня обманывает. Нормальный кот не мог бы реагировать так, как Амбруш, – мяукать точно в ответ на вопрос, мурлыкать, когда я говорил, что люблю его, выпускать когти и замахиваться лапой, когда я говорил: “Смотри, дракон!”

Зная то, что я знаю сейчас, не думаю, что меня подводит память.

Так или иначе, однажды, когда мне было лет семь, отец увидел, как я разговариваю с котом, и нахмурился.

– Ты не любишь котов, папа? – спросил я.

– Не в этом дело, – сказал он. – Не важно.

Кажется, я помню, что позади него стоял Нойш-па, глядя на нас и чуть улыбаясь.

Люди занимаются колдовством, драгейриане – волшебством. Я занимаюсь и тем, и другим, что не вполне обычно, а потому у меня есть хорошая возможность сравнить. Одно из различий, которое меня до сих пор озадачивает, – это то, что колдовство выглядит более забавно. Если бы колдун мог телепортироваться (это кажется невозможным, но я могу и ошибаться), это потребовало бы многочасовых приготовлений, ритуалов, песнопений и максимального сосредоточения на желаемом результате, пока заклинание не сработало бы, завершившись ослепительной эмоциональной вспышкой.

Нарвейн, один из моих помощников и великолепный волшебник, просто спросил:

– Готов?

– Да, – сказал я.

Он небрежным жестом поднял руку, контора вокруг меня исчезла, и я почувствовал, как переворачиваются мои внутренности.

Однажды я что-то натворил, не помню, что именно, и отец меня отшлепал. Вероятно, я этого заслуживал. Это был не первый случай, когда я получил от него подзатыльник, но запомнился он мне особенно. Думаю, тогда мне было лет семь или восемь.

Я помню, как удивленно посмотрел на него и покачал головой. Глаза его расширились, и, возможно, в них отразился легкий испуг. Мгновение он стоял, уставившись на меня, а потом повернулся и вышел в другую комнату. Вероятно, он хотел что-то спросить о выражении моего лица, но не спросил, а я ничего не сказал. Как вы понимаете, я был тогда еще очень мал, и многое воспроизвожу по памяти, однако у меня осталось впечатление, что моя реакция слегка испугала или озадачила его. Но мысль моя была тогда примерно такая: “И ты называешь это наказанием? Мне даже почти не больно. Меня бьют значительно больнее каждый раз, когда ты посылаешь меня на рынок за лавровым листом”.

Сначала я не заметил, где оказался, поскольку был слишком занят ощущениями в моем желудке. Драгейриане не испытывают подобной реакции на телепортацию в отличие от меня и всех других известных мне людей.

Я не открывал глаз, изо всех сил борясь с тошнотой. Может быть, я совершил ошибку насчет того бренди. Я рискнул чуть приподнять веки и увидел, что нахожусь в открытом пространстве. Потом понял, что под ногами у меня ничего нет, и снова зажмурился. Какова бы ни была опора подо мной, она казалась твердой. Я сделал глубокий вздох и снова открыл глаза.

Примерно в пятидесяти ярдах передо мной были большие двойные ворота замка. Меня окружали очень высокие стены. Зачем Маролану стены вокруг замка, висящего в воздухе? Я рискнул посмотреть вниз и увидел оранжево-красные облака. Над головой было примерно то же самое. Я ощущал на лице дуновение прохладного ветерка, доносившего до меня легкий запах дыма. Больше во дворе замка никого не было.

Я окинул взглядом стены и увидел расположенные по углам башни. Башни, стены и сам замок были сложены из одного и того же черного камня – видимо, обсидиана. Большая их часть была украшена фигурами, которые сражались, охотились или просто сидели, развалясь, на стенах.

Самодовольный ублюдок.

На одной из башен я заметил двух стражников. На обоих черная с серебром одежда Дома Дракона. Один держал в руках копье, другой – посох.

Волшебники в роли стражей.

Что ж, по крайней мере он определенно убедил меня в том, что богат. Стражник с копьем увидел, что я смотрю на него, и отдал честь. Я кивнул в ответ, жалея, что со мной нет Лойоша, и направился к большим двойным воротам Черного Замка.

Оглядываясь на прожитую жизнь как бы со стороны, я должен сказать, что рос среди насилия. Это звучит несколько своеобразно, поскольку я никогда об этом не думал, но с тех пор как себя помню, я всегда испытывал страх перед драгейрианами. Мы жили над рестораном отца в районе, где восточники – люди – не жили. Большую часть времени я проводил в ресторане, еще до того как начал помогать отцу! И до сих пор помню страх, охватывавший меня каждый раз, когда я выходил на улицу, и долгие погони по аллеям, и побои драгейриан, которые не любили людей, или других людей, считавших, что мы задираем нос. Последнее – когда меня били выходцы с Востока – случалось нечасто. Первый раз это произошло, думаю, когда мне было лет

восемь. Отец подарил мне костюм цветов Дома Джарега. Я помню тот день, потому что это один из тех немногих дней, когда я видел отца счастливым. Его настроение перешло ко мне, я отправился на прогулку в своем новом одеянии и натолкнулся на компанию мальчишек примерно моего возраста, которые… ну, вы сами понимаете. Подробности я опущу.

Забавно, что мне, помню, было их даже жалко, поскольку до этого меня уже били драгейриане, а эти несчастные тщедушные мальчишки не могли меня даже поколотить столь же основательно…

Мои каблуки простучали по невидимой поверхности, отчего стало несколько не по себе. Мне стало еще более не по себе, когда я подошел ближе к воротам и опознал в изображенных на них знаках колдовские символы. Я облизнул губы.

До ворот оставалось футов десять, когда их створки величественно и беззвучно распахнулись. Они даже не скрипнули. От этого мне стало совсем не по себе. Я немедленно провел одной рукой по волосам, другой поправил застежку плаща. Это позволило проверить различные штучки, укрытые на мне, поскольку всегда лучше быть готовым к любым неожиданностям.

Но я не слишком долго размышлял на тему ворот, поскольку в них стояла женщина, обрамленная, словно картина, высокой аркой. Чистая, светлая кожа Дома Исолы, одета в бело-зеленую одежду этого Дома, нечто среднее между мантией и сари. У нее были голубые глаза и каштановые волосы, и она казалась прекрасной даже по человеческим меркам.

Голос ее был низким и нежным.

– Приветствую тебя, благородный джарег, – сказала она (видимо, решив, что это будет менее оскорбительно, чем восточник), – в Черном Замке. Меня зовут Телдра. Мы ждали тебя и надеемся, что ты позволишь нам скрасить твое пребывание здесь. Смею полагать, телепортация не была слишком неприятна для тебя.

Закончив эту изумительную речь, она поклонилась на манер исолы.

– Гм, – сказал я, – все отлично.

Она улыбнулась, словно это действительно имело для нее значение. Собственно, полагаю, на самом деле имело.

– Входи же, – сказала она, – и я пошлю за лордом Мароланом.

Она протянула руку к моему плащу, и будь я проклят, если чуть не отдал ей его – просто машинально.

Обычно машинально я таких вещей не делаю.

– Все в порядке, – сказал я. – Пусть остается.

– Конечно, – улыбнулась она. – Следуй за мной.

В этот момент у меня промелькнула мысль, что она не назвала меня по имени, что, вероятно, означало, что она не знала, как правильно произносить мою фамилию, что, в свою очередь, означало, что Маролан вряд ли много обо мне знает. Это весьма неплохо.

Перешагнув порог Черного Замка, я оказался в просторном зале. По правую и левую сторону уходили вверх белые мраморные лестницы, передо мной был большой проход в виде арки, проходы поменьше по сторонам и несколько картин с пейзажами – не пси-отпечатков – на стенах. По крайней мере все это не было черного цвета.

Затем мое внимание привлек один из пейзажей. В правом верхнем углу – огромное желтое солнце, а по небу плывут белые облака. Я уже видел подобное раньше, глазами моего деда. Эта картина изображала Восток.

Телдра провела меня через высокую арку в центре, по широкому, никак не украшенному, но хорошо освещенному коридору в комнату, которая явно была гостиной. В ней преобладал бледно-желтый цвет, и комната оказалась заполнена чрезмерно мягкими креслами, буфетами, шкафчиками для напитков и столами. Уже в первые десять секунд я отказался от поиска возможных ловушек, сожалея, что со мной нет Лойоша.

Телдра указала мне на кресло, которое выглядело уютным и обеспечивало обзор двери. Я сел.

– Лорд Маролан сейчас прибудет, – сказала она. – Ты позволишь мне предложить тебе вина?

– Э… да, – сказал я. – Спасибо.

Она принесла ведерко со льдом, в котором была бутылка, что сказало мне еще кое о чем – охлажденным вино подают на Востоке. Она вынула бутылку, взяла с раскаленных углей щипцы, ловко описала круг вокруг горлышка, опустила его в лед и отделила верхушку горлышка от бутылки. Все ее движения были плавными и грациозными, словно она исполняла какой-то танец. Она налила мне, и я выпил. Вино было действительно очень хорошим, что оказалось еще одним сюрпризом. Я изучил бутылку, но этикетка была мне не знакома.

– Я могу еще чем-нибудь служить тебе, милорд?

– Нет, нет, – сказал я. – Все отлично. Спасибо.

– Тогда до встречи, милорд.

Я встал, когда она вышла, хотя не уверен, что это было правильно. Подозреваю, что столь же приличным было бы, если бы я остался сидеть.

Драконы не пользуются ядом, я выпил еще вина. Наконец без

всякого предупреждения, если не считать звука шагов, в комнату вошел лорд Маролан.

Он был высок и одет в черное, с серебряной шнуровкой на груди и эполетами, выступающими из-под отброшенного назад плаща. Рука лежала на рукоятке длинного меча. В чертах лица ощущалась некоторая угловатость, присущая Дому Дракона. У него был высокий лоб и очень темные прямые волосы, достаточно длинные для того, чтобы закрывать уши. Я еще раз бросил взгляд на меч и понял, несмотря на то что он был в ножнах, что это могущественный клинок Морганти. Я едва подавил дрожь, мысленно ощутив его звон.

Лишь потом мне в голову пришла мысль: почему он приветствует гостя в собственном доме с мечом, и притом с Морганти? Он что, боится меня? Или это такой обычай драконов – ходить с оружием по собственному дому или при встрече гостей? Или он намеревается выбрать подходящий момент и убить меня?

Можете думать что угодно о существовании души или о драгейрианской вере в перевоплощение. Но даже если вы ни во что подобное не верите, нет никакого сомнения: если я буду убит оружием Морганти, со мной будет покончено. Я на мгновение застыл, потом понял, что должен отреагировать на его появление, поскольку он не собирался на меня нападать, по крайней мере пока.

Я встал и поклонился.

– Лорд Маролан, я – Владимир Талтош. Это большая честь для меня, что вы согласились со мной встретиться. – Я хорошо умею лгать.

Он холодно кивнул и жестом велел мне сесть. Вернулась Телдра и налила ему стакан вина, в то время как он сел напротив меня. Когда она направилась к выходу, он сказал:

– Спасибо, леди Телдра.

Леди? Интересно, какие у них отношения? Тем временем Маролан оценивающе разглядывал меня, как я мог бы разглядывать какую-нибудь драгоценность. Пока он пил, его взгляд ни на мгновение не отрывался от меня. Я ответил тем же. Цвет его лица был довольно темным, хотя и светлее, чем у ястреба или валлисты. Его черные волосы до плеч слегка завивались и выглядели несколько неухоженными. Поза казалась напряженной, а движения головы – быстрыми, звериными. Наконец он поставил бокал и сказал:

– Что ж, джарег, ты знаешь, зачем ты здесь?

Я облизнул губы.

– Думаю, знаю. Конечно, я могу и заблуждаться.

– Похоже на то, – сказал Маролан.

– В таком случае, – сказал я, подражая его манере речи, – не будете ли вы так любезны просветить меня?

– Именно это я и намереваюсь сделать, – ответил Маролан.

Какое-то время он изучающе разглядывал меня, и мне уже стало казаться, что он просто хочет вызвать у меня раздражение или, возможно, испытать мои нервы, что, собственно, одно и то же.

Если ты джарег или выходец с Востока, время от времени приходится терпеть оскорбления. Если хочешь жить, учись не обижаться на каждое едкое замечание или усмешку. Но мне это уже начало досаждать.

– Мне кажется, благороднейший из драконов, – сказал я, – вы хотели мне что-то сказать.

Уголок его рта дернулся.

– Да. Следы некоего твоего работника обнаружились на горе Тсер. Ты узнал, что какое-то время назад он нанес мне визит, который был частью небольшой сделки. Тебя крайне интересовало его местонахождение. Похоже, он сбежал, как говорится, с фамильным серебром.

– Как ни странно, – сказал я, – все это я уже знаю.

– Вполне. Однако теперь ты хочешь найти его, чтобы убить. Ты не смог найти никого, кто пожелал бы отправиться на гору Тсер, и потому решил посетить меня, вероятно, чтобы выяснить, что я знаю, кроме легенд, о Сетре Лавоуд.

Я начал испытывать раздражение и одновременно страх перед тем, насколько близки к истине его предположения. Что ж, он был всего лишь напыщенным, высокомерным шутом. Но он был напыщенным, высокомерным шутом с весьма могущественным клинком Морганти, и к тому же он был волшебником, а я находился в его владениях. Я решил вести себя вежливо.

– Меня определенно очень интересует гора Тсер, – сказал я, – и я буду благодарен за любую информацию, которую вы могли бы мне предоставить о самой горе и ее обитателях.

На этот раз Маролан посмотрел на меня так, что трудно было понять, усмехается он или хмурится.

– Что ж, джарег, – сказал он, – мой вопрос: ты хочешь найти этого своего работника, сбившегося с пути истинного?

Какое-то мгновение я пытался обнаружить в вопросе подвох, наконец сдался и сказал:

– Да.

– Очень хорошо, – ответил он. – Идем.

Он встал. Я тоже. Он шагнул ко мне и, казалось, на миг

сосредоточился. Почти в то же мгновение я понял, что он делает. Я попытался было сопротивляться, но в долю секунды принял решение – другого шанса могло больше не быть. В любом деле приходится порой идти на риск. Я позволил телепортации совершиться. Желудок вывернулся наизнанку, и стены вокруг меня исчезли.

3

Нож оказался под моей правой рукой, всевозможные травки и штучки – под левой. Я еще даже не знал в точности, что именно извлек из своих запасов и не очень этого хотел, но заметил веревку с девятью узлами, ветку ясеня в форме головы быка, миниатюрный медный чайник, кость лося, кусок плетеной кожи и несколько других вещей.

Интересно, подумал я, что я должен с ними сделать?

– Добро пожаловать на гору Тсер, – сказал Маролан.

Ощущая слабость в коленях, я оперся о влажную каменную стену. Мы находились на небольшой площадке, со всех сторон окруженной камнем, и лишь единственная узкая лестница вела наверх. Высоко над головой сквозь крохотное окошко просачивался рассеянный свет. Возле лестницы горел факел, и копоть на стене над ним была очень старой. Таким образом, этим местом пользовались не слишком часто, но оно было подготовлено.

– Весьма польщен, – сказал я, изо всех сил стараясь скрыть неприятные ощущения.

Мне вовсе не хотелось, чтобы меня стошнило. Я мысленно повторил это про себя несколько раз.

Маролан поставил ногу на нижнюю ступень.

– Сюда, – сказал он.

– Сетра Лавоуд? – спросил я, чтобы выиграть время.

– Она ждет нас.

– О, – сказал я.

Несколько раз глубоко вздохнув, я следом за Мароланом направился вверх по лестнице, очень узкой и рассчитанной скорее на драгейриан, чем на людей. Ступеней было много. Лестница слегка изгибалась влево. В одном месте мы прошли мимо окна, и я воспользовался возможностью выглянуть наружу. Мы действительно находились высоко в горах. Будь у меня больше времени, возможно, я мог бы насладиться зрелищем сосен и зеленой долины. Однако там лежал снег и через окно я ощутил порыв холодного ветра. Холод преследовал нас и дальше по лестнице. Но мой желудок успокоился, так что жаловаться было не на что.

Маролан шел на две ступени впереди меня, Я решил, что он мне очень доверяет, поскольку идет ко мне спиной. С другой стороны, мой взгляд был как раз на уровне рукоятки его меча. На какое-то время это удержало меня от лишних вопросов. Однако в конце концов я рискнул сказать:

– Прошу прощения, милорд Маролан.

Он остановился и обернулся.

– Да, мой дорогой джарег?

– Не будете ли вы так добры сказать, что, ради всех демонов Терлоки, происходит?

Он загадочно улыбнулся и продолжил подъем. Я последовал за ним.

– Что ты желаешь знать, милорд? – спросил он через плечо. Думаю, в последнем слове звучала определенная ирония.

– Например, – сказал я, – почему вы согласились со мной встретиться?

Я скорее увидел, нежели услышал его смешок.

– Глупо было бы этого не сделать после всего, что случилось.

Я бы солгал, если бы сказал, что после этих слов у меня по спине не побежали мурашки. Еще через несколько ступеней я смог произнести:

– Значит, вы заранее предполагали, что я приду к вам.

– Конечно, раз мы не смогли убедить тебя прийти прямо на гору Тсер.

– О! Конечно. Какой же я глупец!

– Да.

Я стиснул зубы и ничего не сказал. Рукоятка его меча все так же была у меня перед глазами, и я почти чувствовал, как меч жаждет крови. Я содрогнулся.

– Что ж, лорд Маролан, теперь я здесь. Что дальше?

– Терпение, милорд, – ответил он через плечо. – Скоро узнаешь.

– Ладно.

На очередном повороте лестницы я ничего не сказал, думая о Сетре Лавоуд. Вероятнее всего скоро мне предстояло с ней встретиться. Зачем? У этих людей не было никаких причин убивать меня, и если бы они этого хотели, то давно бы уже это сделали. Что им нужно?

– Так как насчет Квиона? – спросил я.

– Кого?

– Моего порученца, который скрылся на горе Тсер.

– Ах да. С ним уже разобрались, конечно. Ему попала в руки некая информация, из которой следовало, что здесь он может найти убежище. Информация оказалась ложной.

– Понятно.

Еще один поворот лестницы.

– Далеко нам еще подниматься, лорд Маролан?

– Думаю, недалеко. Ты устал?

– Немного. Не обращайте внимания.

Он сказал “думаю”. Поразмыслив, я спросил:

– Значит, вы регулярно здесь бываете?

– О да, – ответил он. – Мы с Сетрой часто встречаемся.

Это таинственное утверждение заняло мои мысли еще на какое-то время – на один или два поворота этой бесконечной лестницы. Почему он не знает точной длины лестницы, если часто бывает на горе Тсер? Очевидно, потому, что обычно ею не пользуется. Мы миновали тяжелую деревянную дверь по левую сторону от нас, но не остановились. Почему сейчас он идет именно здесь? Чтобы измотать меня, или оценить мои силы, или и для того, и для другого?

Эта мысль, которая по идее должна была меня насторожить, в действительности лишь еще больше меня разозлила. Однако с некоторым трудом мне удалось сохранить спокойствие, возвращаясь к предыдущему разговору.

– Лорд Маролан, думаю, я понял, каким образом вы узнали о том, что Квион явится на гору Тсер с золотом.

– Рад за тебя.

– Но чего я не могу понять, так это того, как вы узнали, что он собирается украсть деньги.

– О, это как раз просто. Видишь ли, я немножко колдун. Полагаю, как и ты.

– Да, – сказал я.

– В таком случае тебе должно быть известно, что с помощью колдовства можно внедрить в чужую голову любую идею. Мы сделали так, чтобы он решил: совершить то, что он совершил, будет легко и безопасно, и так оно и оказалось.

– Ах ты, ублюдок! – вырвалось у меня, прежде чем я успел сдержаться.

Я тут же пожалел об этом, но было уже поздно.

Маролан остановился и повернулся ко мне. Его рука легла на рукоятку меча. Он посмотрел на меня, и выражение его лица мне очень не понравилось.

– Прошу прощения? – сказал он. Я не ответил, глядя ему в глаза. Расслабил плечи и мысленно нащупал оружие, четырехдюймовый стилет, находившийся в моем левом рукаве, так чтобы его легко было выхватить правой рукой. Надежнее всего было бы нанести ему удар в горло. Я оценил свои шансы на то, что смогу убить его, как весьма неплохие, если ударю первым.

С другой стороны, судя по тому, как он стоял – без напряжения в шее, плечах и руках, слегка балансируя, – я понял, что он вполне может меня ранить, прежде чем я его прикончу. А от клинка Морганти достаточно любого ранения, чтобы расстаться с жизнью.

– Давай так, – сказал я. – Если ты еще раз вмешаешься в мои дела и дела моих людей, я вырежу твое сердце.

Я расслабился и взглянул на него.

– В самом деле, – сказал он скорее утвердительно, нежели вопросительно.

На лице его появилась сардоническая ухмылка, и без всякого предупреждения он шагнул назад, на ступеньку выше. Проклятие, он оказался весьма проворным! Он еще не вытащил свой меч, а я уже вынужден пытаться вытащить рапиру или метнуть нож. Чтобы убить кого-нибудь брошенным ножом, даже если вы столь же опытны, как я, требуется скорее везение, нежели ловкость.

Я молчал, ожидая, когда он вытащит оружие. Он тоже ждал. Колени его были слегка согнуты, и позиция была весьма устойчивой – левая нога опиралась на более высокую ступеньку, а правая рука покоилась на рукоятке меча. Я почувствовал холод рукоятки кинжала у левого запястья и решил, что это мой единственный шанс. Моя рапира могла с тем же успехом оставаться дома, он был быстрее меня. Я ждал.

Наконец он ухмыльнулся и слегка поклонился.

– Что ж, милорд джарег, мы решим этот вопрос позже, – сказал он, повернувшись ко мне спиной и продолжив восхождение по лестнице.

Мысль об убийстве прошла так же, как и появилась. Даже если бы это мне удалось, в результате я остался бы один внутри горы Тсер, если не считать весьма разгневанной Сетры Лавоуд, которая скорее всего не позволила бы мне телепортироваться отсюда.

Кроме того, оставалась проблема Квиона и двух тысяч золотых империалов.

Я сделал вид, что мне все безразлично, и последовал за ним. Мы миновали еще несколько дверей по левую сторону, затем вышли в узкий коридор. Прошли по коридору под арку, после которой он расширялся. Стены были черными и без всяких украшений, если не считать факелов. Я не смог опознать здешний камень, но это был явно не обсидиан. Он был шероховатым и, казалось, поглощал свет. Если чернота в замке Маролана вряд ли выглядела зловещей, то на горе Тсер она была мрачной и загадочной, в ней ощущались коварная мощь и темная сила.

Да, я знаю, что для драгейриан черный цвет означает волшебство. Но для меня он выглядит мрачным. У драгейриан извращенный взгляд, я об этом уже говорил.

Проходя мимо, я отметил, что факелы расположены на расстоянии семнадцати футов друг от друга.

Маролан открыл дверь, за которой находилась узкая

металлическая винтовая лестница. Я последовал за ним наверх, в еще более просторный зал, который, казалось, уходил ввысь, с такими же факелами на стенах и украшенными орнаментом дверными проемами. Стены тоже были черными.

В какой-то момент я спросил:

– Никак иначе нельзя было меня сюда доставить?

– Мы могли тебя похитить, – ответил он, останавливаясь перед большой деревянной дверью, на которой был изображен присевший на задние лапы тсер. Маролан толкнул дверь, и она распахнулась.

За дверью оказалась комната шириной футов в тридцать, освещенная свечами и факелами. В ней стояли казавшиеся удобными кресла. Все черного цвета. Свое мнение на этот счет я уже выразил. Тени покачивались, из-за чего трудно было различать находившиеся в комнате предметы.

В одном из кресел кто-то сидел. Я попытался предположить, кто бы это мог быть. Сидящий не шевелился. Это была худая женщина с лишенным возраста орлиным лицом, обрамленным прямыми волосами, которые были черными, черными, черными. Боги, как я устал от черного!

Вероятно, по драгейрианским меркам она привлекательна, не знаю. Она была очень бледна; собственно, удивительно, что я не увидел ее сразу – столь силен был контраст между ее лицом и окружающей обстановкой. Одета она была, естественно, тоже в черное. Высокий кружевной воротник до подбородка. Ниже, на груди, большой рубин. Длинные пальцы казались еще длиннее из-за ногтей. На среднем пальце левой руки у нее было кольцо с камнем, который показался мне очень крупным изумрудом. Она пристально смотрела на меня глубокими, ясными и старыми глазами.

Она встала, и я заметил что-то голубое, блеснувшее на ее боку, – как я понял, драгоценный камень на рукоятке кинжала. Потом я мысленно ощутил этот кинжал и выяснил, что это по крайней мере столь же могущественное оружие, как меч Морганти. Когда она встала, кинжал исчез в складках ее одежды, отчего она стала полностью невидимой, за исключением смертельной белизны лица и глаз, сверкавших, словно глаза волка.

Видимо, она решила проявить гостеприимство, поскольку в комнате вдруг стало светлее. И тогда я увидел на полу передо мной лежащее лицом вверх безжизненное тело Квиона. Его горло было перерезано, и красный цвет его крови был почти невидим на черном ковре.

– Добро пожаловать, – сказала она вкрадчивым и мягким,

словно бархат, голосом. – Я Сетра.

Проклятие! Чтоб мне провалиться.

Один из своеобразных обычаев людей с Востока – празднование дня собственного рождения. Для нас это скорее праздник самого родившегося в этот день, нежели повод для почитания и благодарности тем, кто произвел его на свет.

Я провел свой десятый день рождения в обществе деда, в основном наблюдая за его работой и восхищаясь ею. Я задавал ему разные вопросы каждый раз, когда в лавке не было посетителей, и узнал о трех видах любовных снадобий, о том, какие травы колдун должен выращивать сам, а не покупать. О том, какие благовония следует использовать для различных заклинаний, почему во время магических действий нужно быть уверенным, что поблизости нет зеркал или отражающих поверхностей, как обеспечивать легкие роды, лечить судороги и головную боль, предотвращать инфекцию, где можно найти волшебные книги, а также как превращать бессмыслицу в стоящие заклинания.

– Идем в дом, Владимир, – сказал дед, закрывая лавку. – Садись.

Я прошел в комнату и сел в большое удобное кресло. Он пододвинул другое кресло и сел лицом ко мне. Кот Амбруш прыгнул ему на плечо. Я слышал его мурлыканье.

– Посмотри на меня, Владимир. – Я удивленно посмотрел на него. – Теперь откинься на спинку кресла. Представь себе, что ты становишься тяжелее, ладно? Почувствуй, что ты все тяжелее и тяжелее, что ты сливаешься с креслом. Можешь? Смотри на мое лицо, Владимир. Думай обо мне. Закрой глаза. Попробуй все равно увидеть меня, даже с закрытыми глазами. Ты можешь это сделать? А теперь можешь почувствовать тепло? Ничего не говори. Представь, будто ты плаваешь в воде, и тебе тепло. Думай о моем голосе – чувствуешь, как он наполняет твою голову? Прислушайся, как мой голос отдается в твоей голове. Ты больше ничего не слышишь. Мой голос – везде, это все, что ты знаешь. А теперь скажи; сколько тебе лет?

Это меня несколько озадачило. Он что, подумал, будто я уснул, или как? Я попытался ответить и удивился тому, каких усилий это потребовало. Наконец я сказал: “Десять”, и мои глаза открылись. Дед улыбался. Он ничего не сказал, поскольку в этом не было необходимости. Я понял, что слово “десять” было, собственно, первым, произнесенным в комнате вслух за последние несколько секунд.

Я перешагнул через тело со всей осторожностью, на какую был способен, – не хватало еще поскользнуться. Темная Леди горы Тсер указала мне на кресло. Я сел в другое, лишь частично из чувства противоречия – то, которое я выбрал, было не столь мягким, и из него легче быстро вскочить. Если вы этого еще не поняли, я был несколько напуган.

Скажу вам еще одну странную вещь: я ощутил жалость к Квиону. Да, я намеревался убить его, как только он мне попадется, но, увидев его мертвым… не знаю. Я вспомнил, как он упрашивал меня позволить ему работать, как он перестал заниматься игорным бизнесом, и все такое прочее, и мне уже не казалось столь важным, что он нанес мне удар в спину, сбежав с моими деньгами. Полагаю, тот факт, что с ним за это расправился Маролан, воспринимался несколько иначе.

Но, как бы там ни было, я был напуган и одновременно разъярен, словно тсер, угодивший в сеть креоты.

Лорд Маролан сидел лицом ко мне, двигая подбородком и челюстью. Когда так делаю я, это означает, что я нервничаю. Я был склонен думать, что у Маролана это означает нечто иное, но не мог сказать, что именно. Вошел слуга, одетый в черную ливрею с головой дракона слева на груди. Интересно, подумал я, что за человек мог быть слугой Сетры Лавоуд. Судя по его круглым глазам и полному лицу, вероятно, он был из Дома Тсалмота. Лицо его было хмурым, а глаза выглядывали из-под мохнатых бровей. Похоже, он был стар. Его язык то и дело высовывался изо рта, и я подумал, в здравом ли он уме. Его фигура была слегка согнутой, а походка – шаркающей.

Он подал нам бокалы для аперитива, заполненные до середины чем-то цвета кленовых листьев. Каким-то образом он ухитрился перешагнуть через тело, даже, казалось, не заметив этого. Он обслужил сначала меня, затем Маролана и Сетру. Руки его были покрыты белыми пятнами и тряслись от старости. Обслужив нас и все еще держа в руках поднос, он встал позади Сетры, слева от нее, безостановочно окидывая взглядом комнату. Мне стало интересно, насколько согласованы движения его глаз с движениями языка, но не стал тратить время на то, чтобы это проверить. Напиток оказался ликером, сладким на вкус и с ароматом свежей мяты.

Мне не хотелось смотреть на Сетру и Маролана, и я обнаружил, что смотрю на тело Квиона. Не знаю, как вы, но я не привык к светским вечеринкам в компании мертвеца на полу. Я не знал, как следует вести себя в данной ситуации. Однако, сделав пару глотков, я начал успокаиваться. Сетра что-то шепнула слуге и положила на поднос кошелек. Слуга прошаркал

ко мне и глядя куда угодно, только не на мое лицо, подал кошелек мне.

– У нас были некоторые основания позаимствовать часть твоих денег, – сказала Сетра Лавоуд.

Какая прелесть.

Прикусив губу, я попытался подумать о чем-нибудь отвлекающем, прежде чем полностью потеряю самообладание и буду убит. Я взвесил в руке кошелек, в то время как слуга поклонился и вернулся на свое место позади Сетры. Подумав, я решил, что плечи его становятся сгорбленными, когда он останавливается, примерно как у бегуна, готового сорваться со старта. Я жестом подозвал его. Он поколебался, бросил взгляд на свою госпожу, моргнул раз двенадцать и вернулся ко мне.

– Подставь поднос, – сказал я.

Он повиновался, все так же не глядя на меня, и я медленно отсчитал полторы тысячи золотых империалов, монетами по пятьдесят и десять.

– Отдай это госпоже, – сказал я.

Он пошевелил ртом, словно обдумывая услышанное, и я заметил, что у него не хватает зубов. Наконец он отнес ей поднос. Все это выглядело как плохо поставленная пьеса.

Сетра уставилась на меня. Я ответил ей тем же.

– Это… – сказала она.

– Стандартная плата за выполненную работу, – объяснил я, бросая взгляд на тело. – Вы хорошо с ней…

В это мгновение поднос с деньгами отлетел в сторону. Сетра Лавоуд встала и потянулась к рукоятке своего меча. Маролан тоже встал, и могу поклясться, что он зарычал. Я широко раскрыл глаза и изобразил полную невинность, хотя мое сердце отчаянно стучало в упоительном ощущении ярости, смешанной со страхом, а это обычно означает, что кому-то сейчас не поздоровится.

Однако Сетра остановилась и подняла руку, что, в свою очередь, остановило Маролана. На ее губах появилась легкая улыбка, она чуть кивнула, села и посмотрела на Маролана. Он тоже сел, и его яростный взгляд, казалось, говорил: “Еще один”. Слуга ходил по комнате, методично собирая деньги и складывая их обратно на поднос. Это заняло у него некоторое время. Я надеялся, что он сумеет прикарманить несколько монет.

– Ладно, джарег, – сказала Сетра. – Ты все сказал. Мы можем теперь перейти к делу?

К делу. Именно. Я откашлялся и сказал:

– Ты хотела поговорить о деле. Ты хочешь купить титул в Доме Джарега? Да, я могу это устроить. Или, может быть, ты хочешь…

– Хватит, – сказал Маролан.

Следует отметить, что меня вполне можно довести до состояния, когда ярость пересилит инстинкт самосохранения.

– Оставь, лорд Дракон, – сказал я. – Не знаю, о каких “делах” может идти речь, но ты помешал моей работе, убил моего сотрудника, обманул меня и еще пытаешься угрожать. После всего этого ты хочешь говорить о деле? Дерьмо. Можешь говорить сколько хочешь. – Я сел, скрестил ноги и сложил руки на груди.

Мгновение они смотрели друг на друга. Возможно, они общались телепатически, возможно, и нет. Когда прошло около минуты, я глотнул еще немного ликера. Слуга закончил собирать рассыпавшиеся монеты на поднос. Он снова было протянул его Сетре, но та яростно посмотрела на него. С недовольной гримасой он поставил поднос на ближайший стол.

Сетра повернулась ко мне и сказала:

– Не знаю, что и сказать. Мы думали, ты будешь рад, что мы убили этого человека и избавили тебя от проблем…

– Избавили меня от проблем? Кто говорит, что я собирался его убить? – Что ж, я действительно собирался это сделать, но мне незачем было сообщать им об этом, верно? – И мне не нужно было бы его искать, если бы вы не…

– Лорд Талтош, прошу тебя, – сказала Сетра. Весь ее вид выражал искреннее раскаяние, и, полагаю, осознание этого остановило меня так же, как и ее слова. – Уверяю тебя, все, что мы сделали, – помогли ему выбрать подходящее время для кражи. Так или иначе, заклинание Маролана не сработало бы, если бы Квион не собирался тебя обокрасть. – Она бросила взгляд на Маролана и пожала плечами. – Мы знали, что ты одновременно джарег и восточник, и ожидали от тебя реакции только как от джарега. Большинство представителей твоего Дома были бы рады поговорить о деле, независимо от того, как они оказались в него вовлечены. Похоже, что мы не знаем людей с Востока. Мы ошибались. Прошу нас извинить.

Я прикусил губу и задумался. Я бы чувствовал себя лучше, если бы слова извинения произнес Маролан, но, значит, я сказал что-то такое, что заставило извиняться саму Волшебницу горы Тсер? Что ж, буду честным. Я до сих пор не знаю, притворялась ли она или говорила правду, но я ей поверил, что несколько успокоило мою гордость. Во всяком случае, позволило мне продолжить разговор.

– Прежде всего, – сказал я, – не могла бы ты мне объяснить, зачем вы все это устроили?

– Что ж, – ответила Сетра, – тогда скажи мне, как еще мы могли сделать так, чтобы ты появился здесь?

– Достаточно было мне заплатить.

– Достаточно?

Я задумался. Нет, если бы они предложили мне достаточную сумму для того, чтобы убедить меня прийти сюда, это лишь вызвало бы у меня подозрения.

– Если вы хотели со мной встретиться, – сказал я, – можно было прийти ко мне. – Я ухмыльнулся. – Дверь в мою контору…

– В данный момент я не могу покинуть гору Тсер.

Я показал на Маролана.

– А он?

– Я хотела увидеть тебя сама. – Она слегка улыбнулась. – Что, впрочем, и хорошо, поскольку я не уверена, что мне удалось бы убедить его отправиться на территорию джарегов.

Маролан фыркнул.

– Ладно, – сказал я, – вы убедили меня в том, что поступили разумно.

Я замолчал, но они, казалось, ждали продолжения. Что я должен был сказать? Я почувствовал, как мои скулы напряглись от сдавленной ярости. Но, как я уже говорил, наибольшие шансы на то, чтобы выбраться отсюда живым, давало сотрудничество с ними. Если я им для чего-то нужен, они не убьют меня прямо сейчас. Я выдохнул и сказал:

– Значит, речь шла о каком-то деле. Расскажи мне о нем.

– Да. – Она бросила на Маролана взгляд, который невозможно было понять, – затем снова повернулась ко мне. – Мы бы хотели, чтобы ты кое-что сделал.

Я ждал.

– Видимо, потребуется кое-что объяснить, – сказала она.

В течение всего десятого года моей жизни меня практически невозможно было оторвать от деда. Я чувствовал, как отцу это все больше не нравится, но не обращал внимания. Нойш-па просто восхищался моим интересом к колдовству. Он учил меня рисовать то, что я мог видеть только в его мыслях, и устраивал мне путешествия по его памяти о своей родине. Я до сих пор помню свои ощущения от чистого голубого неба, белых пухлых облаков и солнца, настолько яркого, что на него невозможно было смотреть прямо, даже глазами его памяти. И я помню звезды – настолько живо, словно сам был там. И горы, и реки.

Наконец отец, пытаясь отвлечь меня, нанял волшебника, чтобы тот меня обучал. Это был надменный молодой джега-ала, которого я терпеть не мог и который меня не любил, но чему-то он меня учил и чему-то я у него учился. Я ненавижу саму мысль о том, сколько это стоило моему отцу. Мне было интересно, и чему-

то я научился, но был не настолько прилежен, как мог бы быть. Собственно, я, видимо, сам внушал себе, что мне это не нравится. Но, с другой стороны, близость к деду доставляла мне намного большее удовольствие, чем забавные вспыхивающие огоньки, которые я вызывал у себя на ладони.

Это продолжалось некоторое время, собственно, до смерти отца. Дед начал учить меня фехтованию на рапирах в восточном стиле – одной рукой, в боковой стойке. Когда отец узнал об этом, он нанял учителя-драгейрианина, чтобы тот показал мне приемы владения мечом и кинжалом. Из этого ничего не вышло, поскольку мне не хватало сил даже для учебного драгейрианского меча.

Забавно, но я подозреваю: если бы отец когда-либо сказал Нойш-па, чтобы он прекратил меня учить, тот так бы и сделал. Но отец никогда этого не говорил, он лишь сердился и иногда жаловался. Думаю, он настолько был убежден в том, что все драгейрианское лучше всего восточного, что ожидал от меня того же.

Бедный глупец.

Сетра Лавоуд внимательно разглядывала пол, и на лице у нее было выражение, какое бывает у меня, когда я пытаюсь придумать, как бы поделикатнее что-либо сказать. Потом она кивнула почти незаметно и подняла голову.

– Ты знаешь разницу между волшебником и магом?

– Думаю, да, – сказал я.

– Немногие в состоянии достичь совершенства в магии, некромантии и других дисциплинах, эффективно их комбинируя. Большинство магов принадлежат к Дому Атиры или Тсера. Лораан – атира.

– Как его зовут?

– Лораан.

– Никогда о нем не слышал.

– И не должен был. Собственно, он не совершил ничего выдающегося. Он занимается исследованиями в области магии, как и большинство магов из Дома Атиры. Если это имеет для тебя какое-то значение, он открыл средство, с помощью которого последние мысли умирающего могут быть временно сохранены в виде флюидов. Он пытался найти более надежный способ общения с умершими при помощи…

После нескольких минут блужданий в описаниях странного волшебства, которое мне никогда не потребовалось бы, я прервал ее:

– Прекрасно. Скажем так – он хорошо знает свое дело. Чего

ты хочешь от меня?

Она слегка улыбнулась. Ее губы были очень тонкими и бледными.

– У него есть некий жезл или посох. В нем содержится душа существа, которое не является ни живым, ни мертвым, которое не в состоянии достичь Долины Ожидающих Душ, не в состоянии достичь Дорог Мертвых, не в состоянии…

– Прекрасно, – сказал я. – Жезл, а внутри него душа. Продолжай.

Маролан пошевелился, и я заметил, как двигается его челюсть. Он пристально смотрел на меня, но, полагаю, сдерживал себя. Впервые я понял, что действительно зачем-то очень им нужен.

– Мы много с ним говорили, – сказала Сетра, – но он полон решимости держать эту душу в плену. Она для него – источник информации, а его работа – это все, что его интересует. Он завладел ею вскоре после конца Междуцарствия, и не в его интересах с ней расставаться. Мы пытаемся убедить его продать или обменять ее уже несколько недель, как только нам стало известно ее местонахождение. Мы ищем ее уже более двухсот лет.

Я начал представлять себе общую картину, и мне это вовсе не понравилось. Однако я сказал:

– Ладно, продолжай. При чем здесь я?

– Мы хотим, чтобы ты проник в его замок и похитил жезл.

– Я пытаюсь придумать, как повежливее сказать: “А не пошли бы вы…” – сказал я, – и никак не могу.

– Обойдемся без вежливых слов, – сказала Сетра с улыбкой, от которой у меня по спине пополз холодок! – Я умерла еще до Междуцарствия. Берешься за работу?

4

Я взял в руки нож, который носил при себе так долго и которым пользовался так редко, – с рукояткой из черного дерева, украшенной рубинами, и тонким тупым лезвием из чистого серебра. Он был не столь дорогим, как выглядел, но тогда он выглядел очень дорогим.

Я взялся за нож около острия, крепко, сжав его между большим и указательным пальцами, потом опустился на колени так медленно, что почувствовал дрожь в ногах. Столь же медленно я коснулся концом кинжала земли. На мгновение остановился, разглядывая пыль. Она была черной, сухой и мелкой, и я удивился, почему не замечал ее раньше. Я коснулся ее левой рукой и растер между пальцами. Она была очень мелкой и очень холодной.

Достаточно. Я снова сосредоточился на ноже, и очень медленно нарисовал руническое изображение глагола “получать”. Руны, естественно, волшебный язык, что в данное время и в данном месте не имело значения. Но это дало мне возможность сосредоточить на чем-то свое внимание, что и требовалось. Я очертил вокруг руны круг и отложил нож в сторону. Затем опустился на колени и стал изучать рисунок, ожидая подходящего момента для продолжения.

Я постоянно ощущал присутствие Лойоша, крепко стиснувшего когтями мое правое плечо, – в большей степени давление, чем вес. Казалось, ни одно из событий последних дней никак на нем не отразилось, что, как я знал, было не так. Он был стеной спокойствия, ледяной колонной, моей прочной опорой. Если вы думаете, что это не столь важно, вы еще больший глупец, чем я.

Проведя несколько мгновений в созерцании, я приступил к следующему шагу.

В комнате не было окон, однако, вероятно, от внешнего мира нас отделяло не слишком большое расстояние, поскольку я мог слышать отдаленные крики воронов, и время от времени – рык охотящегося тсера. Интересно, подумал я, есть ли на этой горе драконы, разумеется, если не считать присутствующую здесь компанию. Почему в комнате, стена которой выходит наружу, нет окна? Кто знает? Мне нравятся окна, но, может быть, Сетра Лавоуд придерживается иного мнения. Как известно, окна столь же хорошо позволяют видеть происходящее внутри, как и выглядывать наружу.

Огонь свечи качнулся, и на стенах заплясали тени.

– Ладно, – сказал я. – Давайте вернемся немного назад. Если вам так нужен этот жезл, почему бы вам с лордом Мароланом просто не проникнуть в замок Лораана и не забрать его?

– Нам бы этого очень хотелось, – сказал Маролан.

Сетра Лавоуд кивнула.

– В замок чародея-атиры невозможно так просто проникнуть. Возможно, если бы я могла покинуть… но это не важно.

– Что ж, прекрасно, – сказал я. – Но послушайте: я не знаю, что вам известно обо мне или кажется, что известно, но я не вор. Я ничего не знаю о том, как вламываться в чужие дома и красть чужие вещи. Я не знаю, почему вы решили, что я могу это сделать…

– Мы много о тебе знаем, – сказала Чародейка.

Я облизнул губы.

– Ладно, тогда вы знаете, что я не…

– Достаточно близко, – сказал Маролан.

– Суть заключается, – сказала Сетра Лавоуд, прежде чем я успел ответить, – в своеобразной охранной системе Лораана.

– Гм… ладно, – сказал я. – Расскажи мне о ней.

– Он наложил на весь свой замок заклятия, которые позволяют следить за каждым человеческим существом, так что любой незваный гость будет немедленно обнаружен. Ни Маролан, ни я не в силах преодолеть эту охрану.

Я коротко рассмеялся.

– И вы думаете, я смогу?

– Ты плохо слушал, – сказал Маролан. – Его заклятия обнаруживают человеческие существа, но не восточников.

– О, – сказал я, – вы уверены?

– Да, – сказала Сетра. – И мы также знаем, что он вполне уверен в своей охране, поэтому вряд ли у него есть еще что-то, что могло бы обнаружить тебя.

– Вы знаете, как его замок выглядит изнутри? – спросил я.

– Нет. Но я уверена, у тебя есть возможности…

– Да, может быть.

– Маролан будет готов помочь тебе, – продолжала Сетра, – как только ты окажешься внутри.

Мой внутренний голос отметил, что Сетра явно, предполагает, будто я намерен совершить подобное безумие, и что ей может не понравиться, когда она узнает, что я не желаю принимать в этом никакого участия. Но мне стало любопытно, может быть, лучше сказать, интересно.

– Ну? – спросил Маролан.

– Что – ну? – спросил я.

– Берешься?

Я покачал головой.

– Извини, я не вор. Как я уже сказал, я только все испорчу.

– Ты справишься, – сказал Маролан.

– Ну конечно.

– Ты с Востока.

Я окинул взглядом свое тело, ноги и руки.

– Нет, в самом деле? Вот не знал.

– Та, чья душа живет в этом жезле, – сказала Сетра Лавоуд, – наш друг.

– Прекрасно, – сказал я. – Но это не…

– Семь тысяч золотых империалов, – сказала она.

– О, – помолчав, сказал я. – Наверное, хороший друг, а?

Она ответила мне улыбкой.

– Деньги вперед, – сказал я.

Мой дед религиозен, хотя никогда этого не подчеркивал. Мой отец отрекся от восточных богов так же, как от всего восточного. Естественно, что я очень много времени тратил на расспросы деда о восточных богах.

– Но, Нойш-па, некоторые драгейриане тоже поклоняются Вирре.

– Не называй ее так, Владимир. Ее следует называть Богиня Демонов.

– Почему?

– Если произнести вслух ее имя, она может обидеться.

– Она же не сердится на драгейриан.

– Они не поклоняются ей так, как мы. Многие из них знают о ней, но думают, что это просто некто, обладающий силой и могуществом. Они не понимают сущность богини так, как мы.

– Что, если они правы, а мы ошибаемся?

– Владимир, это не “правда” и “неправда”. Это различие между нашим и их родом – и родом богов.

Я задумался, но так и не смог этого осмыслить.

– Но какая она? – спросил я.

– Ее настроение часто меняется, но на хорошее отношение она отвечает тем же. Она может защитить тебя, когда тебе угрожает опасность.

– Она как Барлан?

– Нет, Барлан – ее противоположность во всех отношениях.

– Но они же любовники.

– Кто тебе это сказал?

– Некоторые драгейриане.

– Что ж, возможно, это правда, но это не касается ни меня, ни

тебя.

– Почему ты поклоняешься Вир… Богине Демонов, а не Барлану?

– Потому что она покровитель нашей земли.

– Это правда, что она любит кровавые жертвоприношения? Мне про это сказали драгейриане.

Он ответил не сразу.

– Есть другие способы поклоняться ей и привлечь ее внимание. В нашей семье мы не совершаем кровавых жертвоприношений. Ты понял?

– Да, Нойш-па.

– Ты никогда не принесешь в жертву живую душу ни ей, ни какому-либо другому божеству.

– Ладно, Нойш-па. Обещаю.

– Ты клянешься своей силой, как колдун, и своей кровью, как мой внук?

– Да, Нойш-па. Клянусь.

– Хорошо, Владимир.

– Но почему?

Он покачал головой.

– Когда-нибудь ты поймешь.

Это был один из тех немногих случаев, когда мой дед ошибался: я так никогда этого и не понял.

Телепортация обратно в контору доставила мне не больше удовольствия, чем любая другая. День клонился к вечеру, и игра в шаребу в соседней комнате была в самом разгаре. Мелестав уже ушел, так что я подумал было, что в конторе никого нет, пока не заметил Крейгара, сидящего за столом Мелестава. Лойош слетел мне на плечо и потерся головой о мое ухо.

– Как дела, босс?

– Ну, в общем…

– Что такое?

– Это трудно объяснить, Лойош. Хочешь стать вором?

– Как дела, Влад?

– Хорошая новость состоит в том, что никто не пострадал.

– И?

– И Сетра Лавоуд существует на самом деле.

Он уставился на меня, но ничего не сказал.

– Ну, так что случилось, босс?

– Придется мне за это взяться, Лойош.

– Крейгар, – сказал я, – дело осложняется. – Я сделал паузу. – Ладно, сядь и расслабься. Я все тебе расскажу.

Было бы неплохо точно определить момент, когда я перестал бояться драгейриан и начал давать сдачи, но я не могу этого сделать. Это наверняка было до смерти отца, а он умер, когда мне исполнилось четырнадцать. Он довольно долго болел, так что его смерть не стала для меня неожиданностью и, собственно, не слишком меня расстроила. Он подхватил какую-то заразу и не позволил деду его лечить, поскольку считал это колдовством, а отец хотел быть драгейрианином. Он ведь купил себе титул Джарега, не так ли?

Дерьмо.

Так или иначе, я не могу в точности сказать, когда я начал ненавидеть драгейриан в большей степени, чем боялся их, но я помню время – думаю, тогда мне было лет двенадцать или тринадцать, – когда я ходил везде с лепипом в кармане. Лепип? Это тяжелый кусок металла, покрытый кожей. Кожа предохраняет от порезов – это на тот случай, если не хочешь оставлять шрамов, а нужно сделать кому-нибудь больно. Я хорошо умел обращаться с рапирой, но дед настоял, чтобы я не носил ее. Он сказал, что с ней человек сам напрашивается на неприятности и что, когда вытаскиваешь рапиру, это означает сигнал к смертельной схватке. Казалось, он считал, что ни у кого нельзя без необходимости отнимать жизнь, даже у животного.

Во всяком случае, я помню, что преднамеренно гулял по районам, где любили болтаться крутые ребята из Дома Орки, и, конечно же, они начали задирать меня, и, конечно же, я их хорошенько отделал. Думаю, они просто не ожидали, что парень с Востока способен дать сдачи, а тяжелая железная палка – хорошее подспорье в драке.

Но это было не впервые, так что… Впрочем, какая разница?

Я откинулся на спинку кресла и сказал:

– Крейгар, у меня есть для тебя еще одна работа.

Он поднял глаза к небу.

– Великолепно. Что на этот раз?

– Есть один чародей по имени Лораан, из Дома Атиры.

– Никогда о нем не слышал.

– Тогда займись. Мне нужно полное описание его замка, включая план, и место, где он, предположительно, может заниматься своим делом.

– План? Замка чародея-атиры? Откуда я его возьму?

– Ты никогда не посвящал меня в свои методы, Крейгар, откуда я могу знать?

– Влад, почему каждый раз, когда тебе светят деньги, я должен рисковать своей шкурой?

– Потому что в этот раз ты получишь десять процентов.

– От какой суммы?

– От очень большой.

– Это даже больше, чем “немало”, верно?

– Не будь легкомысленным.

– Кто, я? Ладно, когда тебе это нужно? И если ты скажешь “вчера”, мне…

– Вчера.

– …придется спешить. Лимит расходов?

– Никакого.

– Я так и думал.

Не знаю, когда я впервые убил драгейрианина. Когда я дрался с ними, я был достаточно небрежен в отношении того, куда и насколько сильно наношу удары, и знаю, что не однажды один или двое из них оставались лежать на земле. Учитывая, как я бил их по макушке лепипом, я бы очень удивился, если никто из них не умер. Но я никогда об этом не узнал.

Время от времени это меня беспокоит. Я имею в виду, есть нечто пугающее в том, что ты не знаешь, убил ли кого-нибудь. Я вспоминаю некоторые из своих драк и думаю о том, где сейчас эти люди, если они вообще сейчас где-нибудь. Однако мысли об этом занимают меня не слишком долгое время. Проклятие.

Впервые я узнал, что убил кого-то, когда мне было тринадцать.

Это очень интересная история – как Крейгар сумел добыть нужную мне информацию, но пусть он рассказывает об этом сам. У него есть ряд весьма своеобразных друзей. За те два дня, что на это потребовались, я прикрыл одно игорное заведение, чего давно добивался, убедил одного типа, который был должен деньги моему другу, что следовало бы заплатить хотя бы из приличия, и отказался от одного выгодного предложения, для которого требовались три недели и кинжал Морганти.

Ненавижу это оружие.

Когда Крейгар вернулся с чертежами, мы провели целый день, изучая их и выдвигая самые абсурдные идеи. Мы были просто не в состоянии что-либо придумать. Пришлось отложить эту затею на день и попробовать еще раз, с тем же результатом. Наконец Крейгар сказал:

– Послушай, босс, глупо пытаться вломиться в замок атиры силой. Естественно, любая идея насчет того, как это сделать, будет столь же глупой.

– Гм… да, – сказал я.

– Тогда закрой глаза и выбери одну из них.

– Ладно, – сказал я.

И именно так и поступил.

Мы потратили еще несколько часов, пытаясь сделать нашу идею как можно менее идиотской. Когда Крейгар вышел, чтобы отдать ряд распоряжений, я закрыл глаза и подумал о Сетре Лавоуд. Я мысленно представил себе ее лицо, попытался услышать голос и мысленно позвал ее. Сетра Лавоуд? Где ты, Сетра? Алло? Это я, Влад…

Контакт оказался удивительно легким.

– Кто это? – спросила она.

– Влад Талтош.

– Ах, это ты. Что ты хочешь?

– У меня есть план, как проникнуть в замок. Мне нужно договориться с тобой и Мароланом о времени, поддержке и тому подобном.

– Очень хорошо, – сказала она.

На это потребовалось около часа, по прошествии которого я чувствовал себя не более уверенно, чем до разговора с ней. Но приказы были отданы, распоряжения сделаны, завещание переписано. Все как положено.

5

Я чувствовал, что мы с Лойошом начинаем составлять почти единое целое. Оказалось, что я сижу, скрестив ноги, перед волшебным руническим знаком, который нарисовал, я все еще не имел понятия, почему нарисовал его, но он казался вполне на месте.

Было тихо. Почти незаметный ветерок нашептывал мне на ухо тайные мысли. Я мог отчетливо слышать шуршание ткани, когда Лойош слегка шевелился у меня на плече.

Затем я начал ощущать ритмичную пульсацию – причем именно ощущать, а не слышать, что привело меня в некоторое замешательство. Я попытался определить ее источник и смог лишь заключить, что она исходит изнутри меня.

Странно.

Я мог попытаться не обращать на это внимания, или попытаться понять, что происходит, или попробовать с ним соединиться. Я выбрал последнее и начал сосредоточиваться на странном ритме. Драгейрианина его простота вывела бы из равновесия, но на меня это действовало довольно приятно и успокаивающе. Дед рассказывал мне, что на его родине при заклинаниях часто использовались барабаны. Могу в это поверить. Я позволил себе погрузиться в ритм, пока моя кожа, казалось, не начала вибрировать с ним в унисон.

Потом я протянул правую руку медленно и осторожно к снадобьям и амулетам, которые положил с этой стороны. Рука коснулась какого-то предмета, и я взял его и поднес к глазам, не поворачивая головы. Это оказалась веточка петрушки. Я положил ее в центре руны. Повторил то же действие левой рукой, и на этот раз в ней оказался ком земли с родины моих предков.

Земля должна означать успешное прибытие на место и безопасность – я понятия не имел, что в данном контексте должна означать петрушка. Позади руны я поставил белую свечу, которую тоже взял не глядя. Осторожно зажег ее с помощью кремня и клочка бумаги. Одна свеча горит достаточно ярко, когда это единственный источник света, если не считать тусклого зарева на ночном небе.

Именно в этот момент я заметил перед собой горизонт, который начал мерцать и колебаться, словно танцуя в ритме несуществующих барабанов, и решил, что это не должно меня чрезмерно отвлекать.

Я начал обдумывать свое следующее действие.

Фургон поднимался по склону холма, приближаясь к замку – сооружению из красноватого камня, половина которого находилась под землей, а вторая половина имела форму единственной башни.

Существует распространенное заблуждение, что в домах Дома Атиры нет дверей – если не умеешь телепортироваться, туда не попасть. Это почти правда, за исключением того, что атиры не требуют от своих слуг, чтобы те владели телепортацией. Всегда есть одна или две двери для доставки разных тривиальных вещей вроде еды, напитков и наемных убийц. Все это доставляется фургонами на специальную площадку позади замка, откуда затем и забирается по назначению.

Естественно, наемных убийц, как правило, не ждут и, хочется надеяться, не замечают. Их участь тяжела – ни один слуга в замке не объявит об их прибытии. Собственно, они не могут объявить о себе и сами, будучи укрыты в бочке с надписью “Вино с Зеленых Холмов, 637”.

Определенно не объявит об их прибытии и очень богатый и столь же перепуганный текла, который доставляет их на место и, вероятнее всего, хочет жить и наслаждаться своим новоприобретенным богатством.

Вокруг не было никого, кто мог бы стать свидетелем многочисленных унижений, которые я испытал в процессе разгрузки и складирования, так что воздержусь от упоминания об этом. Достаточно сказать, что к тому времени, когда я смог наконец выбраться из проклятой бочки, я, к счастью, не был пьян.

Итак… выбрался. Расправил руки и ноги. Проверил оружие. Еще раз потянулся. Огляделся вокруг. Никаких шуршащих звуков, когда достаешь план, поскольку ты его запомнил. Ведь запомнил, верно? Теперь подумай: это либо та комната, либо та. Так или иначе, дверь выходит в коридор, который ведет… только не говори мне… о да. Хорошо. Проклятие! Что, ради всех богов твоих предков, ты здесь все-таки делаешь?

Ах да: деньги. Дерьмо.

– Все в порядке, босс?

– Я жив, Лойош. А ты?

– Думаю, жив.

– Хорошо.

Первым делом – открыть дверь. Лораан, может быть, и не в состоянии обнаружить, когда кто-то пользуется колдовством внутри его замка, но я не собираюсь, рисковать своей жизнью. По крайней мере пока это не потребуется.

Я достал из-под плаща флакон с маслом, открыл его, смазал петли и попробовал дверь. Нет, она была не заперта, и да, она

открылась бесшумно. Я убрал масло, тщательно закрыв пробку. Этому научила меня Кайра. Именно так, как вы понимаете, наемные убийцы могут незаметно куда-то пробраться – обманом.

В коридоре не было света, и там не должно быть никаких в беспорядке стоящих ящиков, судя по информации Крейгара. Дверь моей любимой разновидности (незапертая) охраняла комнату, где я решил провести оставшееся время до того раннего утреннего часа, который я выбрал. Еще немного масла, и я оказался внутри. Шансы на то, что кто-то побеспокоит меня в этой комнате, составляли примерно один из десяти. Если это все же произойдет, Лойош разбудит меня, и я убью непрошеного гостя. Без проблем. Если предположить, что все будет спокойно, Лойош проследит за временем и разбудит меня в нужный момент. Я расстелил плащ, закрыл глаза и лег. В конце концов я заснул.

Город Адриланка составляет большую часть графства Белая Вершина, которое, в свою очередь, представляет собой узкую полоску земли вдоль южного побережья. Слово “Адриланка” означает “хищная птица” на тайном языке Дома Орки, на котором больше никто не говорит. Согласно легенде, морякам, впервые увидевшим красные скалы на побережье, они показались похожими на птицу с высоко поднятыми ярко-красными крыльями и головой, опущенной к морю, там, где в него впадает Закатная Река,

В низине у реки были построены доки, и город рос вокруг них, пока большая его часть не оказалась высоко над доками и в глубине материка. Два птичьих “крыла” больше не напоминают крылья, поскольку северное крыло, названное Дозором Кайрана, рухнуло в море несколько столетий назад.

На южном крыле есть много хороших мест для того, чтобы наблюдать за разбивающимися о берег волнами, приходящими и уходящими кораблями и так далее. Помню, я сидел там, глядя на волны и не думая ни о чем особенном, когда ко мне, пошатываясь, подошел драгейрианин – орка, вероятно, моряк.

Я обернулся, окинул его взглядом и решил, что он пьян. Мне показалось, что он достаточно стар. По крайней мере его лицо напоминало сушеную сливу, чего обычно не бывает с орками, пока им не исполнится по крайней мере пара тысяч лет.

Когда он приблизился, его взгляд упал на меня, и я отступил на несколько шагов от края скалы, из инстинктивного недоверия к драгейрианам. Он заметил это и рассмеялся.

– Что, приятель, не хочешь сегодня искупаться?

Когда я ничего не ответил, он сказал:

– Отвечай. Хочешь искупаться или нет?

Я не мог придумать ничего подходящего в ответ и продолжал молча смотреть на него.

– Может быть, тебе лучше уйти отсюда, приятель, прежде чем я отправлю тебя искупаться, хочешь ты этого или нет.

Не знаю в точности, почему я не ушел. Я был определенно испуган – этот тип выглядел намного старше тех оболтусов, с которыми мне обычно приходилось иметь дело, и выглядел серьезнее. Но я просто стоял и, смотрел на него. Он шагнул ко мне, может быть, просто, чтобы напугать. Я вытащил из кармана свой лепип и взял его в руку. Он уставился на него, потом рассмеялся.

– Ты думаешь, что сможешь меня этим стукнуть? Смотри, сейчас я покажу тебе, как пользуются такими вещами. – Он подошел ко мне, протянув руку, чтобы отобрать его.

Что я помню наиболее четко – это ощущение холода в желудке, когда я понял, что не намерен позволить ему отобрать у меня оружие. Это не была кучка юных хулиганов, решивших позабавиться, – это взрослый мужчина. Я знал, что сейчас совершу нечто, что будет иметь далеко идущие последствия, хотя в тот момент об этом и не думал.

Так или иначе, как только он оказался в пределах досягаемости, я ударил его по голове. Он пошатнулся и упал на колени, потом посмотрел на меня, и я увидел по его глазам, что речь идет уже не об обычной драке, что он убьет меня, если только у него будет такая возможность. Он начал вставать, и я снова попытался нанести удар. На этот раз я промахнулся, но он упал на спину, перекатился и снова поднялся на колени.

Обрыв был в двух шагах за его спиной. Когда он в очередной раз попытался встать, я шагнул вперед и очень аккуратно ткнул его лепипом.

Падая, он все время кричал, и я не смог расслышать всплеска сквозь шум разбивавшихся об утес волн.

Я снова убрал лепип в карман и отправился прямиком домой, думая о том, должен ли я испытывать хоть какие-то чувства по поводу случившегося.

– …Давай, босс, пора вставать. Шесть воинов-драконов хотят с тобой сразиться. Вставай же! Герой-тсер стучит в дверь и спрашивает о своей дочери. Вставай! Ну же, босс, просыпайся! Великое Море Хаоса только что вторглось в соседнюю спальню и уже рвется сюда. Ну, ну, просыпайся…

Пробуждение посреди ночи, в сырой кладовой, между копчеными ребрами кетны и бочкой сала, под мудрые замечания нахального джарега – честно говоря, в этом мало приятного.

– Ладно, кончай, Лойош.

Я встал и потянулся, несколько обеспокоенный звуком, который издали мои суставы, хотя это и глупо. Я кое-что застегнул, кое-что проверил. Подойдя к двери, несколько минут прислушивался, удостоверяясь, что снаружи никого нет. Открыл дверь, которая все еще была смазана, затем прошел восемнадцать шагов по коридору, смазал еще одну дверь и открыл ее.

Я находился в задней части кухни. До того, как начнут готовить завтрак, оставался еще час-другой, и никакой охраны не было видно. Я пересек кухню и нашел нужную мне дверь. Смазал, открыл, вошел. Если бы этот ублюдок был хоть чуть-чуть беднее, у него на дверях были бы кожаные петли, с которыми легче управляться. Или даже пустые дверные проемы с занавесками. Смазал, открыл, вошел. Первый контрольный пункт.

Эта дверь вела на нижний уровень, и за ней находились двое стражей-драгейриан в дополнение к волшебной охранной системе. Волшебство было простым и откровенным, а в моем распоряжении имелось то, что Левая Рука Джарега называет “устройством”, а восточный колдун назвал бы “заклятием”, позволявшим с ним справиться. Со стражниками несколько сложнее. Они стояли более или менее лицом ко мне и, к несчастью, не спали.

Я убиваю людей за деньги. И не люблю этого делать, когда не испытываю в том необходимости. Но иногда просто не оказывается иного выхода. Я внимательно посмотрел на стражников и попытался подумать, каким образом можно было бы избежать убийства.

Мне это не удалось.

Некоторое время тому назад я убил одного ростовщика, который, как оказалось, забирал себе больше, чем причитавшаяся ему доля прибыли. Его работодатель был очень этим расстроен и хотел, чтобы я “проучил этого сукина сына, чтоб другим неповадно было”. Босс назначил этому типу встречу в трактире в самое оживленное время. Босс не появился, вместо него появился я. Когда мой объект сел за столик, я подошел прямо к нему, воткнул кинжал в его левый глаз и вышел.

Я помню, что, когда хозяева заведения заметили кровь, труп, все происшедшее, никто из них впоследствии был не в состоянии меня описать, хотя многие меня видели.

К чему я веду – это преимущество неожиданности, нападения, которого никто не ждет. Мгновение назад все было спокойно, в следующее мгновение перед тобой некто, виртуозно владеющий оружием.

Я затащил трупы стражников в кухню, чтобы их не сразу

заметили, затем поднял ключи и направился в подземелье.

Вероятно, именно дед по-настоящему поддерживал меня после смерти отца. Забавно, как он это делал. Я имею в виду, что всегда ненавидел одиночество, но дед считал, что в свои четырнадцать лет я не должен ни от кого зависеть, так что он никогда не отвечал на мои намеки по поводу того, что я не прочь перебраться к нему. Вместо этого он тратил еще больше времени на обучение меня колдовству и фехтованию, чтобы чем-то занять мое свободное время.

В результате я стал вполне сносным колдуном, научился отменно владеть мечом в восточном стиле, а также научился жить один.

За это время я научился еще многому другому, но, чтобы все это понять, потребовалось много лет. Точно так же я узнал – чтобы не быть одному, нужны деньги. У меня их не было, так же как и никаких возможностей их заработать. Ресторан, который я получил в наследство от отца, позволял мне прожить, но не более того. Но урок прочно засел у меня в голове, на будущее.

Большая часть времени у меня уходила тогда на занятия колдовством. Я мог делать разные вещи и видеть результаты. Иногда, в состоянии своеобразного транса, в которое впадают колдуны во время своих ритуалов, я воспринимал происходящее как метафору собственной жизни и думал о том, смогу ли я когда-нибудь управлять собственным миром и просто заставить его быть таким, как я хочу.

После, придя в себя после попытки извлечь соль из морской воды или совершить что-то еще столь же полезное, я брал свой лепип и отправлялся поколотить нескольких орков.

Еще одно, на чем настаивал дед – так же, как и отец, – чтобы я хорошо знал драгейрианскую историю. Отец нашел для меня учителя с Востока (и заставил меня же за это платить), который достаточно хорошо разбирался в подобных вещах, но также знал кое-что из истории Фенарио, восточного королевства моих предков. Кроме того, я немного выучил и язык.

Иногда я думаю о том, какая мне от всего этого польза, но затем начинаю размышлять об остальной своей жизни, а мне просто не хочется об этом думать.

Ну ладно.

Итак, я начал спускаться. Теперь все было по-настоящему спокойно. Глаза мои уже привыкли к темноте, и внизу виднелся тусклый свет, так что я мог двигаться достаточно быстро. Ступени были узкими и высокими, но из прочного камня. Перила

отсутствовали. Я сосредоточился на окружавшей меня тишине.

Я вновь восстановил в памяти свой план: спуститься на уровень, где – как я надеялся – Лораан хранит такие вещи, как помещенные в жезлы души, отпереть дверь (разрушив все необходимые чары, не побеспокоив при этом Лораана) и дать Маролану возможность неожиданно (как мы надеялись) напасть на охрану замка, что позволило бы нам обоим отсюда телепортироваться.

Мне снова пришло в голову, что никогда прежде я не зависел ни от какой формы магии, чтобы выбраться из заварушки. Мне это не понравилось. Я подумал о различных способах обойтись без нее, что не потребовало много времени.

Ага! Я уже внизу!

Там был лишь один стражник. В отличие от двоих наверху он спал, что спасло ему жизнь. Я убедился в том, что в ближайшее время он не проснется, и пошел дальше. Двадцать пять шагов влево – и вот она, дверь. Она оказалась большой и прочной, и замок на ней, как мне сказали, должен был быть достаточно серьезным. Я изучил замок, так оно и оказалось. Но и у меня был немалый опыт.

Мои пальцы судорожно дернулись, когда я внимательно осмотрел засов и петли. Честно говоря, меня больше беспокоили запиравшие дверь заклятия, а также те из них, которые могли вызвать тревогу. Я оценил вес двери примерно фунтов в сорок. Она состояла из толстых досок, обитых железными полосами. Однако заперта она была неплотно, поскольку с другой стороны пробивался свет. Я не знал, что это значит. На этом информация, которой я располагал, заканчивалась. Облизнул губы и приступил к работе.

Кайра Воровка не только нашла для меня набор воровских инструментов, но и научила ими пользоваться. Я не вор, но способный ученик. Я надеялся, что “устройства” будет достаточно, чтобы справиться с системой тревоги, поскольку сам я сделать этого не мог. Самое большее, на что можно рассчитывать, – это на победу над замком.

Хороший замок соединяет в себе точный механизм и тяжелый засов. У этого замка был действительно очень точный механизм и три отдельных засова. Так что отмычка должна быть достаточно прочной, чтобы сдвинуть с места засовы, и в то же время достаточно легкой для того, чтобы войти в замок. Оказалось, что механизм содержит в себе три рычага, и нужно было иметь пружинную отмычку и три стержня, которые следовало прижать к каждому из рычагов, причем каждый в своем направлении, после чего повернуть их все в четвертом направлении. Если бы мои

пальцы были поменьше и если бы у меня была еще одна пара рук, это было бы намного проще. Так или иначе, потребовалось двадцать минут, но я справился со своей задачей, и никакая тревога не сработала, по крайней мере насколько я мог судить.

Я чуть не забыл смазать петли, но Лойош мне напомнил. По другую сторону двери была площадка, освещенная несколькими лампами, и лестница, ведущая к трем дверям, каждая из которых выглядела отсюда, сверху, довольно непрочной.

Я потратил еще минут пятнадцать на то, чтобы снова запереть тяжелую дверь. Возможно, это было лишь бесполезной тратой времени – не знаю. Затем пару раз глубоко вздохнул, закрыл глаза и…

– Как дела, Влад?

При пси-общении мы всегда обращаемся друг к другу по имени, поскольку магия превыше любой вежливости.

– Я прошел большую дверь.

– Хорошо. Я сообщу Маролану. Будем держать связь. Как только жезл окажется у тебя в руках, мы снимем блокировку телепортации, но ненадолго.

– Понял.

– И, повторяю, будь осторожен.

– Ладно.

Когда я оказался внизу, мне пришлось выбирать дверь. Все они не были ни заперты, ни заколдованы, так что я выбрал среднюю. Смазал петли и приоткрыл дверь. Сорок пять минут спустя я снова стоял перед тремя дверями, имея значительно лучшее представление о том, какие разновидности морских раковин любит коллекционировать Лораан, и очень хорошее представление о его художественных вкусах, но никакого представления о том, где находится жезл.

Я подумал о том, сколько пройдет времени, прежде чем кто-нибудь обнаружит трупы в кухне или заметит отсутствие стражников на посту.

Мысль об этом очень мне не понравилась. Я попробовал левую дверь.

Комната оказалась освещенной, хотя источника света не было видно. Она была шириной шагов в сорок, и напротив я увидел другую дверь. Большой стол длиной футов в десять занимал центр комнаты. С потолка свисали шары, испускавшие узкие лучи света, собиравшиеся в одной точке у стены, и возле этой точки лежала стопка толстых, тяжелых томов. На столе лежал еще один том, открытый, рядом – гусиное перо, и полстраницы было исписано. По столу разбросаны мелкие блестящие камешки. У стены слева стояли три посоха, ни один из которых не подходил

под описание того, что я искал, а над подставкой на краю стола висело в воздухе нечто, напоминающее золотую цепочку, касаясь подставки лишь одним концом. К столу прислонен широкий меч, выглядевший здесь неуместным, если не считать того, что с того места, где я стоял, я мог видеть покрывавшие его руны и символы. У другой стены находился большой сосуд, вероятно, содержавший в себе нечто сверхъестественное.

Если вы этого еще не поняли – это был рабочий кабинет Лораана.

Я некоторое время изучал пол перед собой, проверяя путь к двери напротив. Он казался чистым. Я передал свои наблюдения Сетре. Она подтвердила их получение, но никак не прокомментировала. Я очень осторожно пересек комнату, не издав ни звука, и оказался у двери.

Я внимательно рассмотрел дверь. Никаких заклятий, засовов, тревожных сигналов. Я смазал петли просто для безопасности и открыл дверь. Она вела в комнату поменьше, не столь загроможденную. Единственным заслуживающим внимания предметом было нечто, напоминающее куб, состоящий из оранжевого света, шириной футов в шесть. В центре светящегося куба – белый пятифутовый жезл. На одном его конце я почти смог разглядеть ржавую звезду, про которую мне говорили.

Однако это был не единственный предмет в комнате.

Рядом со светящимся кубом, лицом к нему, стоял драгейрианин. Он уставился на меня, а я на него. Его образ четко отпечатался у меня в памяти: семь с половиной футов роста, большие густые брови на цветущем лице, длинные, спутанные рыжеватые волосы, торчащие под невероятными углами. Вероятно, он был стар, но определенно не немощен. Он стоял прямо, и его поза напомнила мне Маролана за мгновение до того, как тот чуть не напал на меня. Я видел очертания мускулов под обтягивающей белой рубашкой, а его кроваво-красный плащ был откинут назад, удерживаемый рубиновой застежкой, напомнившей мне о Сетре. Карие глаза были ясными и немигающими, однако выражение его лица казалось слегка удивленным, но не испуганным и не разгневанным.

Лишь его руки казались старыми – длинные, искривленные пальцы, покрытые мелкими шрамами. Я понятия не имел что могло быть тому причиной. В руках он держал тонкую темную трубку длиной фута в четыре, направленную на жезл внутри светящегося куба.

Этот ублюдок работал допоздна.

Я бы почти наверняка с ним справился, если бы он не заметил моего появления. Он сделал неопределенный жест в мою

сторону, и я обнаружил, что не могу пошевелиться. Перед моими глазами поплыл черный туман.

– Прости, Сетра, – сказал я, – в другой раз.

И ничто больше не удерживало меня от падения в пустоту.

6

Я смотрел на мерцающий замысловатый танец линии горизонта и пытался решить, нравится ли мне это и имеет ли это вообще какое-либо значение. Потом пришла мысль о том, что я теряю рассудок, и я тут же отбросил ее. В подобных обстоятельствах такие опасения вполне оправданны, поскольку иногда это в действительности происходит. Но тогда у меня просто не было на это времени.

Я перевел взгляд с колышущегося ландшафта на волшебную руну, которую с какой-то целью нарисовал на земле перед собой. Я моргнул, но она не исчезла. Я облизнул губы.

Руна светилась. Я не просил ее об этом, но, вероятно, не просил ее и не делать этого.

Я сложил ладони перед собой, вытянув пальцы, и изобразил в воздухе другую руну, на этот раз соответствовавшую глаголу “призывать”. Я подумал о том, какие существительные можно от него произвести, вздрогнул и почти потерял контроль над заклинанием. Лойош вытащил меня, и я снова уронил руки на колени.

Ритм все так же был внутри меня, и пейзаж все так же колыхался, и руна на земле все так же светилась.

Думаю, еще одним звуком был скрежет моих зубов.

Я был без сознания секунд двадцать, насколько я могу оценить. Моя щека все еще болела от удара об пол, так же как и правая рука.

Я медленно пришел в себя, и черные клубы вокруг рассеялись. Я потряс головой, и мой взгляд приобрел четкость.

Лораан стоял, прислонившись к дальней стене, глядя мимо меня и подняв обе руки. Я повернул голову и увидел Маролана, который, казалось, сражается с кем-то невидимым. В воздухе между ними вспыхивали искры – прямо у меня над головой.

Меня спасали. Какая радость!

Я собирался попытаться убедить свое тело нормально функционировать – по крайней мере в степени, достаточной для того, чтобы выбраться из пространства между ними, – когда Лораан вскрикнул, ударился о стену позади себя, отлетел от нее и начал падать на меня. Скорее всего я воткнул бы в него нож, но он свалился на меня, прежде чем я успел что-либо сделать.

Это называется “быть не в лучшей форме”.

Лораан, однако, оказался достаточно проворным, особенно для волшебника. Приземлившись на меня, он продолжал

катиться, пока не оказался в комнате с Мароланом, а также столом, мечом, жезлом и прочим. Он мягко вскочил на ноги и оказался лицом к лицу с Мароланом.

Последовало некоторое замешательство, продолжавшееся секунд десять и сопровождавшееся дымом, искрами, вспышками и громкими звуками, а когда все закончилось, Маролан стоял ко мне спиной, а Лораан был слишком далеко для того, чтобы какая-либо из моих штучек оказалась полезной.

Лойош, который все это время молчал, так что я чуть про него не забыл, сказал:

– *Заберем жезл сейчас?*

Ах да. Верно. Жезл. За чем, собственно, и пришли.

Я поднялся на ноги, слегка удивленный тем, что они меня держат, и направился в сторону оранжевого куба. Изучив создавшее его заклятие, мысленно выругался. Я не знал, что это такое или каким образом это было совершено, но мог определенно сказать, что совать туда руку небезопасно. Я мог также сказать, что разрушить его мне не по силам. Интересно, подумал я, возьмется ли за это Маролан? Я повернулся туда, где происходило сражение, чтобы спросить его об этом.

Мне было почти шестнадцать, когда я решил, что уже достаточно взрослый, чтобы не обращать внимания на советы деда, и начал носить при себе рапиру. Это была не слишком хорошая рапира, но у нее имелось острие, лезвие и гарда.

Я носил ее меньше недели, прежде чем убедился, что дед был прав. В тот день я возвращался с рынка в ресторан. Если подумать, восточник с клинком на боку и с корзиной, полной рыбы, мяса и овощей, должен выглядеть несколько абсурдно, но тогда я об этом не думал.

Уже возле самой двери я услышал смех и увидел двух мальчишек примерно моего возраста (учитывая различную скорость взросления), одетых в камзолы Дома Ястреба. Они явно смеялись надо мной. Я хмуро взглянул на них.

Один из них рассмеялся еще сильнее и сказал:

– Думаешь, ты слишком опасен, а?

Я заметил, что у него на боку тоже клинок.

– Возможно, – ответил я.

– Не хочешь мне продемонстрировать? – спросил он.

Я поставил корзину на землю, отошел в глубь аллеи, повернулся и вытащил рапиру, с отчаянно бьющимся сердцем. Парочка подошла ко мне, и тот, который был с оружием, с притворным сожалением покачал головой. Он был выше меня ростом и, вероятно, чувствовал себя вполне уверенно.

Он взял свой меч в правую руку, а в левую – длинный боевой нож. Я отметил, что он, вероятно, не собирался прибегать к помощи волшебства, иначе оружие в его левой руке было бы другим. Я вспомнил слова деда и мысленно подчеркнул слово “вероятно”.

Он стоял лицом ко мне, наклонившись вперед, вытянув обе руки, чуть выставив вперед правую ногу. Я встал в защитную стойку, подставляя только свой бок, и на его лице появилось озадаченное выражение.

– Ну, давай же, – сказал я.

Он шагнул ко мне и начал атаку. В тот момент я понятия не имел, насколько большое преимущество в скорости и технике дает восточный стиль фехтования. Собственно, я удивился, почему он столь активно нападает, и это помешало мне поразить его в незащищенное предплечье. Однако у меня все еще было время на то, чтобы отступить назад, что я и сделал, и его выпад прошел мимо цели.

Он снова начал наступать, столь же медленным и глупым образом, и на этот раз я поразил его в руку, прежде чем уклониться от его выпада. Он издал своеобразный звук и выронил нож.

Его грудь была широко открыта, абсолютно без какой-либо защиты. Как я мог удержаться? Я проткнул его. Он испустил вопль, выронил оружие, опрокинулся на спину и начал кататься по земле. Прежде чем он коснулся земли, я уже направил свое оружие на его компаньона, который смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

Я подошел к нему и вытер клинок о его одежду, продолжая смотреть ему в глаза. Потом я убрал рапиру в ножны, вышел из аллеи, забрал корзину и продолжил свой путь домой.

По дороге я решил, что дед наверняка знал, что говорил: носить оружие – значит напрашиваться на неприятности.

Я продолжал его носить.

Каждый должен хотя бы один раз в жизни увидеть сражение двух чародеев. Однако то, которое происходило в данный момент, я предпочитал наблюдать с некоторого расстояния. Казалось, само пространство между ними исполняет некий танец, и я с трудом мог сфокусировать свой взгляд. Лораан держал в правой руке жезл, прямо перед собой. Из конца жезла исходило золотистое сияние, а за этим сиянием возникали неясные, размытые изображения. Другая его рука постоянно совершала в воздухе движения, и время от времени в моих ушах раздавался хлопок – не могу с точностью сказать отчего.

Я видел, что Маролану приходится туго. Он потерял все свое преимущество и опирался о стену. Перед ним клубилось облако черного тумана, отталкивавшее нечто невидимое, пытающееся добраться до него. С расстояния в тридцать футов я мог различить капли пота у него на лбу.

Лораан сделал шаг вперед. Маролан поднял руки. Черный туман перед ним стал плотнее. Я вспомнил старый принцип: никогда не нападай на чародея в его собственном замке. Черный туман полностью рассеялся, и Маролан, казалось, сжался в комок у стены. Лораан сделал еще шаг и тоже поднял руки. Я вспомнил еще один старый принцип, на этот раз насчет магов и ножей. Лораан теперь стоял ко мне спиной.

Мой кинжал вонзился ему в спину рядом с позвоночником, хотя и не попал в точности в хребет. Он споткнулся. Маролан выпрямился, шагнул вперед и повернулся к Лораану. Лораан тут же исчез: это была одна из самых быстрых телепортаций, что мне приходилось видеть. Маролан сделал жест рукой ему вслед, после чего последовала яркая вспышка, но я не думаю, что она на что-либо повлияла. Я вошел в комнату и подошел к Маролану.

Он повернулся ко мне.

– Благодарю тебя, лорд Талтош.

Я пожал плечами.

– Не могу придумать, как достать жезл оттуда.

– Ладно. Давай…

Раздался грохот. Дверь распахнулась, и в комнату повалили драгейриане. Казалось, их миллионы. У большинства острые подбородки и высокие лбы Дома Дракона, хотя мне показалось, что среди них были один или два тсера. Все они были в красно-белых одеждах Атиры. Я бросил взгляд на их мечи, вытаскивая свою любимую рапиру, и вздохнул.

– Нет, Влад, – сказал Маролан. – Добудь жезл. Я их задержу.

– Но…

Маролан вытащил меч, поразивший меня одним своим видом, и в комнате, казалось, потемнело. Я знал, что это меч Морганти, как только впервые его увидел, но раньше он никогда не доставал его в моем присутствии. Теперь же…

Теперь же я внезапно понял, что это Великое Оружие, одно из Семнадцати. Клинок, который может разрушать королевства. Его металл был таким же черным, как и эфес, а сердцевина его была серой. Он выглядел небольшим для меча и, казалось, поглощал свет в комнате. Явились тысячелетние демоны и уселись у меня на плече, крича: “Беги, если тебе дорога твоя душа”.

Наши глаза на мгновение встретились.

– Я задержу их, – повторил он.

Я стоял, глядя на происходящее, около секунды, потом огрызнулся в ответ:

– Я не могу достать его из…

– Верно, – ответил он и обвел взглядом комнату.

Если вас интересует, что все это время делали стражники, то они остановились в дверях, уставившись на меч Маролана и, вероятно, пытаясь набраться смелости для атаки. Маролан перевел взгляд на пьедестал, на котором покоился один конец золотой цепочки, в то время как другой, свернувшись в кольцо, висел в воздухе.

– Попробуй это, – сказал Маролан.

Верно. Именно с этим мне и хотелось поиграть.

Я подскочил к пьедесталу и, изо всех сил стараясь ни о чем не думать, схватился за конец цепочки около того места, где она касалась основания. Она не была к нему прикреплена и легко подалась, все так же свернувшись в воздухе, словно готовая броситься змея. Я пересек комнату и остановился, глядя на стражников и Маролана. Взгляды всех были прикованы к клинку.

Возможно, смелость покинула их, и они не стали бы нападать – не знаю. Но пока они думали, Маролан перешел в наступление. Взмах меча, и один из них упал, почти разрезанный пополам от правого плеча до левого бедра. Маролан сделал выпад и поразил еще одного в сердце – тот завопил и рухнул. Из левой руки Маролана вырвалось нечто, что я мог бы описать лишь как поток черного пламени, и раздались новые крики.

Я отвернулся, не сомневаясь в том, что он сможет задержать их – пока снова не появится Лораан.

Я поспешил к светящемуся кубу.

Цепочка внешне выглядела как золотая, состоящая из звеньев длиной примерно в полдюйма каждое, но, когда я взял ее в руки, она показалась мне намного тяжелее золота. Я пожалел о том, что нет времени внимательнее рассмотреть ее, хотя бы немного, и провел по ней левой рукой поглаживающим движением. Она не держалась в воздухе твердо, и я отпустил ее. Последовало мгновенное сопротивление, затем она повисла свободно, как и подобает цепочке. Я почувствовал себя намного лучше. Я потратил мгновение на то, чтобы позволить собственной жизни пронестись перед моим мысленным взором, если она того пожелает (а она не пожелала), а затем, в отсутствие каких-либо иных идей, ударил цепочкой по оранжевому сиянию, внутренне приготовившись к ответной реакции. Легкая дрожь пробежала по моей руке. Сияние вспыхнуло и исчезло.

Белый жезл с ржавой звездой на конце лежал на полу. Я сглотнул и поднял его. Он казался слегка холодным и был,

вероятно, тяжелее, чем должен, но когда я его коснулся, со мной ничего не случилось. Держа в руках свои трофеи, я повернулся туда, где шумела заварушка.

Когда я снова вошел в комнату, меня почти ослепила яркая вспышка. Моргая и тряся головой, я кое-как восстановил зрение и увидел около двух дюжин лежащих на полу тел. Маролан стоял, расставив ноги, и его меч играл роль щита, отражавшего поток белого света, исходившего от…

Лораан!

Я тихо выругался про себя. Теперь у него в руках были и красный жезл, и маленькая палочка. Свет исходил из жезла, и, когда я вошел, он посмотрел на меня и на жезл в моей руке. Глаза его расширились. Потом он увидел цепочку, и глаза его стали еще шире, и я даже заметил, как он произносит себе под нос ругательство, которое я разобрал, но повторять не буду. Он направил свою палочку на меня. Я опрокинулся на спину, когда на меня накатилась голубая волна… чего-то. Возможно, я закричал. Я закрыл лицо руками.

Золотая цепочка была все еще в моей правой руке. Когда я поднял руку, она покачнулась передо мной и коснулась голубой пелены, которая тут же испарилась. Все, что я почувствовал – легкий зуд в руке.

К тому моменту я уже лежал на спине. Я поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как Маролан шагнул к Лораану, остановился, громко выругался и начал жестикулировать левой рукой. Лораан все еще смотрел на меня, что мне совсем не понравилось. Потом он повернул свой жезл так, что тот оказался направлен на меня, что не понравилось мне еще больше.

Я почувствовал, будто меня ударили ногой по голове и по животу одновременно, лежа на спине и ожидая, что он еще сделает. Каким-то образом он удерживал Маролана, который убил бы его, если бы это было возможно, так что, вероятно, Лораан владел какой-то магической защитой от физического нападения.

– Есть предложения, Лойош?

– Бьюсь об заклад, что у него нет никакой защиты против колдовства, босс.

– Наверняка. Теперь дай мне только час-другой, чтобы составить заклинание, и… нет, погоди. Может быть, это и не такая плохая идея. Колдовство – это управляемая психическая энергия. Может быть, я мог бы…

Я сел, расположив цепочку так, чтобы она раскачивалась передо мной, и надеясь, что это защитит меня от любых действий Лораана. Он заскрежетал зубами, повернулся и направил палочку

на Маролана, который вскрикнул и упал у дальней стены.

Я позволил своей психической энергии перетечь в кинжал, который вытащил, и, кажется, я еще произнес какие-то заклинания. Потом я отпустил цепочку и метнул кинжал. Лораан взмахнул руками, что-то ударило меня, и я упал на спину, ударившись головой об пол. Интересно, подумал я, кому из нас сейчас хуже. Может быть, обоим.

Я услышал вопль, исходящий, похоже, из нужного направления, а потом Маролан подхватил меня с пола. Я испуганно уклонился от его меча, но он продолжал держать меня. Моя левая рука продолжала сжимать цепочку.

– Давай, будь ты проклят! Вставай. Он позвал на помощь, и я задерживал их до последней минуты. Нужно убираться отсюда.

Я кое-как сумел подняться на ноги и увидел Лораана. Мой кинжал торчал из его живота, а на груди, прямо над сердцем, зияла большая рана, словно от меча. Похоже, он был мертв. Маролан держал в руке белый жезл. В этот момент вокруг нас начали появляться фигуры. Маролан махнул свободной рукой, и стены исчезли.

Мы лежали на твердом камне. Я узнал то место, где впервые появился на горе Тсер. Маролан рухнул на пол. Жезл откатился в сторону. Меня стошнило.

7

Я начал ощущать легкое головокружение, чего и следовало ожидать, так что можно не обращать на него внимания, если только не станет хуже. Отвел взгляд от пустого места перед собой и посмотрел на светящуюся руну. Если руна здесь, то и предмет моих желаний тоже здесь.

Я коснулся земли, сделав маленькую вмятину указательным пальцем, затем поднял один из ножей, которые разложил перед собой – маленький и острый, – и сделал надрез на ладони левой руки. Стало больно. Я подержал левую руку над правой, пока на нее не упало несколько капель крови, затем позволил крови стечь в углубление в земле. Она тут же впиталась, но так и должно быть.

Я взял стилет в правую руку, потом обхватил его и левой. На рукоятке могла оказаться кровь, но это не должно ничему повредить, а могло даже и помочь. Я поднял стилет над головой и сосредоточился на своей цели. Столь же важно нанести ей смертельный удар, как и смертельно поразить одну из своих жертв. Однако это проще, поскольку я не ограничен во времени.

Момент был самым подходящим; я погрузил оружие в землю, в углубление, в кровь.

В то же мгновение я увидел белую пелену перед глазами, уши заполнил непереносимый рев, и я ощутил запах свежей петрушки. Потом все исчезло, и я остался наедине с ритмом, со светящейся руной и странным ландшафтом. И, кроме того, с чувством определенного удовлетворения.

Связь была установлена.

Я начал мысленно готовиться к следующему шагу.

Мы вернулись в библиотеку и сели в кресла. Я закрыл глаза и откинулся на спинку. Лойош все время шипел на Маролана и вообще вел себя довольно нервно. Я чувствовал некоторую слабость в коленях, но все оказалось вовсе не так плохо, как можно было ожидать. Маролан продолжал поглядывать на Лойоша, словно не зная в точности, что с ним делать. Его беспокойство доставляло мне какое-то странное удовольствие.

К нам присоединилась Сетра Лавоуд. Она кивнула обоим, взглянула на Лойоша, никак не комментируя его присутствие, и села. Вошел ее слуга, которого, как выяснилось, звали Чаз, и его послали за закуской. Пока его не было, Лойош пристально смотрел на Темную Леди горы Тсер.

– Это она, босс? Сетра Лавоуд?

– Ага. Что ты о ней думаешь?

– Босс, она – вампир.

– Я об этом думал. Но она добрый вампир, или?..

– Мы встречались с ней когда-нибудь раньше?

– Гм… Лойош, я думаю, мы бы об этом помнили.

– Думаю, да.

Пока продолжался наш обмен репликами, та, кого он касался, протянула руку к Маролану. Он подал ей жезл. Сетра мгновение рассматривала его, потом сказала:

– Внутри действительно кто-то есть.

Вернулся Чаз. Он быстро взглянул на жезл и начал нас обслуживать. Что ж, полагаю, если он мог перешагивать через трупы, то мог не обращать внимания и на живые существа внутри волшебных жезлов.

– Это она? – спросил Маролан.

– Скоро скажу.

Какое-то время Сетра сидела с закрытыми глазами. Чаз подошел к ней с полотенцем и вытер лоб, на котором незаметно для меня выступил пот. Он ни разу не поднял взгляда.

– Проверка закончена, – наконец объявила Сетра. – Это она.

– Хорошо, – сказал Маролан.

– Я сразу же этим займусь. Чаз, открой западную башню.

Когда слуга вышел, не сказав ни слова в ответ, Маролан спросил:

– Мне попросить прийти Некромантку?

Не знаю, кого имел в виду Маролан, но я отчетливо услышал заглавную букву.

– Нет, – ответила Чародейка. – Может быть, позже, если возникнут проблемы.

Маролан кивнул и спросил:

– Как тут идут дела?

– Сложно.

Я заметил, что она выглядит несколько опустошенной и усталой, словно только что пережила тяжкие испытания. Впрочем, меня это не касается.

Ее взгляд упал на цепочку, которую я все еще держал в левой руке.

– Это твое?

– Да.

– Где ты это нашел?

– Мне дал ее чародей-атира.

Возможно, она чуть улыбнулась.

– Как мило с его стороны. – Она снова посмотрела на цепочку, потом спросила: – Ты дал ей имя?

– А? Нет. Это нужно?
– Вероятно.
– Можешь рассказать поподробнее?
– Нет.
– Ладно.

Она взяла жезл и вышла из комнаты. Я обернул цепочку вокруг левого запястья и спросил Маролана, не мог бы он телепортировать меня домой. Он сказал, что сделает это, и сделал.

Впервые я познакомился с Кайрой, когда мне было одиннадцать, во время очередной ссоры в ресторане моего отца, и она оказалась необычайно добра ко мне – первая из всех драгейриан, которых я знал. С тех пор мы время от времени встречались. Однажды я спросил ее, почему я ей понравился, в то время как остальные драгейриане меня ненавидят. Она лишь улыбнулась и взъерошила мои волосы. Второй раз я не стал об этом спрашивать, но мне тем не менее было интересно.

Она носила серо-черную одежду Дома, титул которого купил мой отец, но со временем я узнал, что в действительности она работала на Организацию – она была воровкой. Что меня никоим образом не обеспокоило, я всегда находил в этом нечто захватывающее. Кайра научила и меня кое-чему, например, открывать замки, лишать силы волшебную охрану и проходить сквозь толпу оставаясь незамеченным. Она предлагала научить меня большему, но я был не в состоянии вообразить себя вором.

Мне не хочется говорить об утомительных делах, связанных с владением рестораном, но как-то раз – тогда мне было, кажется, пятнадцать – ситуация сложилась так, что, похоже, мне пришлось бы продать заведение из-за каких-то таинственных налогов. Пока я пытался решить, как мне поступить, меня вдруг оставили в покое, и сборщик налогов перестал появляться.

Меня никогда просто так не оставляли в покое, и я начал искать его, чтобы выяснить, что происходит. В конце концов я встретил его, когда он разбирался с другим торговцем в нашем районе, и спросил, в чем дело.

– Вопрос закрыт, – сказал он.
– Каким образом?
– Все уплачено.
– Кто заплатил?
– Не ты?
– Может быть.
– Что значит “может быть”?

Я быстро подумал и сказал:

– Мне не хватает сейчас денег, и кое-кто должен был заплатить за меня, так что я просто хочу быть уверен, что все в порядке.

– Заплатила женщина. Джарег.

– В сером плаще с большим капюшоном? С длинными ладонями, с низким голосом?

– Она самая.

– Ладно, спасибо.

Примерно неделю спустя я заметил на аллее Кайру, стоящую возле стены. Я подошел к ней и сказал:

– Спасибо.

– За что? – спросила она из-под капюшона.

– За то, что заплатила мои налоги.

– Ах это, – сказала она. – Всегда рада помочь. Я хочу попросить тебя об одной услуге.

– Я уже должен тебе около сотни, – ответил я, – но, если я что-то могу для тебя сделать, буду рад.

Она поколебалась, потом сказала:

– Есть одно дело.

– Какое?

Она откинула капюшон и пристально посмотрела на меня, прикусив губу – внезапно меня поразило, что и драгейрианам присущ этот жест.

Меня всегда удивляет, насколько молодо Кайра выглядит, если не смотреть ей в глаза. Она медленно и осторожно обвела взглядом аллею. Когда снова повернулась ко мне, в руке у нее был некий предмет, который я взял. Маленький прозрачный флакон с темной жидкостью внутри, около унции.

– Ты мог бы сохранить это для меня? – спросила Кайра. – Не думаю, чтобы для тебя это было опасно. Мне же сейчас опасно держать его у себя.

Я рассмотрел флакончик, пытаясь понять, насколько он хрупок. Он казался достаточно прочным.

– Конечно, – сказал я. – Как долго я должен хранить его?

– Недолго. Лет двадцать, может быть, тридцать…

– Что? Кайра…

– Ах да. Догадываюсь, что для тебя это немалое время. Что ж, возможно, это будет не столь долго. И, как я сказала, для тебя это не должно быть опасно.

Она протянула мне маленький мешочек на шнурке. Я опустил в него флакон и повесил его себе на шею.

– Что во флаконе? – спросил я.

Она задумчиво помолчала, потом снова накинула капюшон.

– Кровь богини, – ответила она.

– О, – сказал я. И добавил: – Больше вопросов нет.

Я проснулся на следующую ночь после моей схватки с Лорааном, ощущая странную, полубессознательную мысль, возникшую у меня в голове, и понял, что кто-то пытается установить со мной пси-связь. Я проснулся окончательно, увидел, что уже почти рассвет, и позволил контакту состояться.

– Кто это?

– Сетра Лавоуд.

– О. Да?

– Нам нужна твоя помощь,

Мне в голову пришли сразу несколько комментариев, но я не стал их высказывать.

– Продолжай, – сказал я.

– Мы бы хотели доставить тебя сюда.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– Не возражаешь, если я сначала позавтракаю?

– Прекрасно. Нам приготовить ведро, когда тебя стошнит?

Сука. Я вздохнул.

– Ладно. Дай мне десять минут, чтобы проснуться и стать похожим на человека.

– Что?

– Ну, значит, стать похожим на восточника. Не важно. Просто дай мне десять минут.

– Хорошо.

Я повернулся на бок и поцеловал Санди в шею. Она пробормотала нечто неразборчивое.

– Мне надо бежать, – сказал я. – Позавтракай сама, а я вернусь позже, ладно?

Она снова что-то пробормотала. Я встал и позаботился обо всем необходимом, в том числе обмотал золотую цепочку вокруг левого запястья и разложил всевозможное оружие по своим местам. Когда я заканчивал, мне на плечо опустился Лойош.

– Что такое, босс?

– Обратно на гору Тсер, приятель. Не знаю зачем.

Я вышел на улицу, свернул за угол и подождал. Сетра снова связалась со мной ровно в назначенное время, а затем я оказался на горе Тсер.

Мне было очень интересно, что же находится во флаконе, который дала мне Кайра, – по ее словам, кровь богини.

Вернувшись домой, я достал его из мешочка и внимательно рассмотрел. Жидкость была темной и, полагаю, могла быть как

кровью, так и чем-либо еще. Я встряхнул флакон, что, наверное, было глупо, но ничего страшного не произошло. Да, возможно, это кровь. А может быть, и нет. Я положил флакон обратно в мешочек, решив его не открывать. Интересно, подумал я, узнаю ли я когда-нибудь, почему Кайра не хотела держать его у себя, не могла продать его и так далее. Я понял, что должен буду рано или поздно оказать ей ответную услугу.

Я положил мешочек с флаконом в шкатулку, где хранил свои немногочисленные ценности, и на какое-то время забыл о нем. Я был занят другими вещами. Дед решил, что, как часть моего продолжающегося обучения колдовству, я должен обзавестись другом.

Через десять минут после прибытия на место я решил, что Сетра, в конце концов, начинает мне нравиться. На этот раз меня доставили прямо в библиотеку, и по истечении десяти минут, предоставленных на то, чтобы прийти в себя после телепортации, появился Чаз с горячей клявой (клява – это странный драгейрианский напиток, который варят из драгейрианских кофейных зерен. По вкусу напоминает восточный кофе, но без горечи). К кляве подали густые сливки и мед, а также горячие бисквиты с маслом и медом. Какое-то время мы с Мароланом сидели, ели и пили. Чаз стоял позади Сетры, время от времени бросая крошки с подноса в рот и быстрые взгляды по сторонам.

Я разглядывал Маролана, который не переставал меня удивлять. Казалось, на его лице отсутствовало какое-либо выражение, что, вероятно, означало, что он чем-то очень озабочен. Не придя ни к каким разумным мыслям по этому поводу, я сосредоточился на еде и питье.

Должен сказать, что еда меня приятно удивила, а еще в большей степени я был приятно удивлен, когда слуга принес Лойошу убитую теклу. Он протянул ее мне и кивком головы указал на Лойоша, словно думал, что я могу не знать, кому она предназначена. Он поставил поднос, и Лойош принялся за еду прямо на нем, демонстрируя свои лучшие застольные манеры. Ни Сетру, ни Маролана его присутствие, похоже, не смущало.

– Они неплохие люди, босс.

– Я только что так и подумал.

Однако еще больше потряс меня вид лорда Маролана, чародея и колдуна, герцога Дома Дракона, слизывающего мед с пальцев. Это позор, что у драгейриан не бывает растительности на лице, поскольку Маролану очень не хватало черной козлиной бородки, в которую мог бы впитываться мед.

Если все происходящее имело целью улучшить мое

настроение, чтобы я с большей охотой согласился им помочь, – то должен сказать, что их план сработал. А когда появились чаши с горячей водой и дымящиеся полотенца, я готов был выслушать любую, даже самую безумную идею.

Она оказалась более чем безумной.

Заклинание для приобретения друга столь же старо, как и само искусство колдовства, и у него столь же много разновидностей, как и видов друзей или семейств колдунов. По тем стандартам, к которым я привык, это простое заклинание, но оно связано с определенным риском сверх свойственного любому ритуалу, при котором приходится отдавать часть своей мысленной энергии. В частности, это означало необходимость отправиться в одиночку в джунгли. Я спросил деда, почему я не могу просто найти себе одного из джарегов, что летают над городом, а он спросил меня в ответ, видел ли я когда-либо хоть одного из них вблизи.

Дед дал мне заплечный мешок и строгие наставления относительно того, что в него положить, и лишь общие замечания на тему опасностей, которых следовало избегать. Я спросил, почему он не может говорить более конкретно, и он ответил, что не знает. Это меня несколько испугало.

– Ты уверен, что это безопасно, Нойш-па? – спросил я.

– Конечно, нет, Владимир, – ответил он. – Я даже сказал бы, что это очень опасно. Может быть, ты не хочешь идти?

– Гм… нет. Думаю, я справлюсь.

Затем я провел много часов, изучая дикую жизнь в джунглях к западу от Адриланки. Думаю, дед знал, что я справлюсь с задачей, и, собственно, именно поэтому выражал свои мысли именно таким образом. В результате я узнал очень многое. Самым главным было тщательно изучить все, что могло представлять опасность.

Этот урок впоследствии оказался мне очень полезен.

– Погоди, – сказал я. – Давай сначала. Собственно, почему я должен вдруг собраться и отправиться в путь по Дорогам Мертвых?

Помните, как вы впервые пристегнули к поясу меч и отправились гордо разгуливать по городу? Помните ножны, звенящие у вашей ноги? Помните, как вы то и дело касались рукоятки, просто чтобы быть уверенным, что оружие при вас? Если вам никогда не приходилось испытывать подобных чувств, попробуйте себе их вообразить. Ничто иное не может сравниться

с тихим внутренним голосом, который повторяет: “Теперь я опасен. Меня нужно уважать”.

Если вы это помните или можете себе вообразить, подумайте о том чувстве, которое испытывали, впервые спрятав кинжал в рукаве, а другой в сапоге и несколько метательных звездочек в складках плаща. Внезапно вы начинаете ощущать себя силой, с которой следует считаться. Разве это не имеет смысла?

Сейчас, естественно, вы не хотите этого показывать. Мне никогда не нужно было об этом говорить – это очевидно. Вы никоим образом не хотите, чтобы от вас исходило хоть малейшее ощущение опасности, вы скорее предпочтете просто исчезнуть. Но так или иначе, когда вы гуляете со смертоносными сюрпризами при себе, резко меняются ваши взгляды на жизнь, особенно если вы – шестнадцатилетний парень с Востока в драгейрианском городе. Ощущение непередаваемое.

Почему я ходил со спрятанным на себе оружием? Потому что мне посоветовал так кое-кто, кто знал лучше меня. “Если ты собираешься работать на Организацию, Влад, – сказал она, – и не обманывай себя, именно этим ты и занимаешься, – лучше всего всегда иметь при себе несколько сюрпризов”.

Именно этим я и занимался: работал на Организацию. Я получил работу. Было не вполне понятно, в чем она заключалась, за исключением того, что время от времени могла быть связана с применением силы, начиная с сегодняшнего дня. Я был человеком, соответственно, меньше и слабее, чем драгейриане, среди которых я жил. Однако я не боялся насилия с их стороны, поскольку знал, что могу ответить тем же. Я уже так делал – и не один раз.

Теперь мне впервые должны были за это платить, и я определенно об этом не жалел. Что бы со мной ни происходило, я всегда храню в памяти воспоминания о том, как вышел из своей крошечной квартирки и отправился в сапожную мастерскую, где должен был в первый раз встретиться со своим партнером. На моей груди устроился только что вылупившийся джарег, которого я намеревался сделать своим другом, положив змеиную головку мне на шею, сложив крылья и вцепившись когтями в ткань моей куртки. Время от времени я мысленно “слышал” его голос: “Мама!” Я посылал ему в ответ успокаивающие мысли, каким-то образом не входившие в противоречие с довольно воинственным настроением, в котором я пребывал.

Это был один из тех дней, которые, как выясняется впоследствии, оказываются поворотными пунктами в твоей жизни. Собственно, я знал это уже тогда. Это был день, когда происходили волшебные вещи. Каждый раз, взмахивая левой

рукой, я ощущал рукоятку кинжала, прижимающуюся к запястью. При каждом шаге рапира ударялась о левую ногу. Воздух был прохладным и пахнул морем. Мои сапоги были достаточно новыми для того, чтобы прилично выглядеть, но достаточно старыми для того, чтобы быть удобными. Плащ был старым и поношенным, однако он был серого цвета – цвета Джарегов, и я чувствовал, как он пляшет на ветру у меня за спиной. Ветер отбрасывал волосы с моих глаз. Улицы были по-полуденному пусты. Дома большей частью закрыты и…

Из-за высокого многоквартирного дома слева от меня появилась тень. Я остановился и увидел, что тень делает мне знаки.

Я подошел и сказал:

– Привет, Кайра.

На лице Маролана было написано отвращение: это он умел делать хорошо.

– Сетра, попробуй ты, – сказал он. Она быстро, по-деловому кивнула.

– У Маролана есть двоюродная сестра. Ее зовут…

– Алира. Я понял.

– Алира оказалась в самом центре событий в Драгейре, которые разрушили Империю.

– Да. Пока мне все понятно.

– Мне удалось спасти ее.

– Вот тут я чего-то не понимаю. Разве Маролан не сказал, что она мертва?

– Что ж… да.

– Тогда что же?

Она побарабанила пальцами по подлокотнику кресла.

– Ты что-нибудь понимаешь, Лойош?

– Да, босс. Я уже понял, что ты связался с парой придурков.

– Спасибо большое.

Наконец Сетра сказала:

– Смерть – не столь простая и прямолинейная вещь, как ты, возможно, думаешь. Она мертва, но душа ее сохранена. Она была потеряна во времена Междуцарствия, но мы нашли ее с твоей помощью, а также с помощью… скажем так, кое-кого еще. Вчера она наконец оказалась у нас.

– Что ж, прекрасно. Тогда зачем это путешествие к Водопаду у Врат Смерти? – При этих словах я едва подавил дрожь,

– Нам нужна живая душа, если не живое тело. Тело было бы лучше, но Некромантка может снабдить нас… впрочем, не важно. – Голос ее затих, и по лицу пробежала тень.

– Ну вот, опять, – сказал я. – Сначала ты говоришь, что ее душа у вас, потом…

– Душа, – сказала Сетра Лавоуд, – не столь простая и прямолинейная вещь, как ты, возможно, думаешь.

– Великолепно, – сказал я. Не вполне уверен, но мне показалось, что Чаз слегка улыбнулся. – Что ж, ладно. Каким образом она оказалась в жезле?

– Это не так просто. Так или иначе, ее поместил туда Лораан. Он нашел ее сразу после Междуцарствия, где-то в поле. Теперь же…

– Откуда ты знала, как выглядит жезл?

Она бросила на меня презрительный взгляд.

– Элементарными вещами я владею, спасибо.

– Что ж, извини, ладно?

– Возможно.

– Так в каком же состоянии находится ее душа в данный момент?

Она помолчала, потом сказала:

– Тебе когда-нибудь приходилось пользоваться оружием Морганти?

– Возможно, – ответил я безо всякого выражения на лице.

– Во всяком случае, ты с ним знаком?

– Да.

– Тебе известно, что оружие Морганти не в состоянии уничтожить душу кого-то, кто уже мертв?

– Гм… собственно, я никогда об этом не думал. Мне никогда не приходилось пронзать оружием Морганти трупы. Хотя, полагаю, определенный смысл в этом есть.

– Это действительно так. И душа продолжает оставаться рядом, иначе оживление будет невозможно.

– Ладно. Принимаю на веру.

– Известно ли тебе, что тела тех, кто пользовался уважением в своем Доме, иногда посылают к Водопаду у Врат Смерти, откуда они отправляются по Дорогам Мертвых?

– Об этом я тоже слышал.

– Тогда ты должен понять…

– Я понимаю, что выходцам с Востока не позволено вступать на Дороги Мертвых и что, во всяком случае, никто, кроме Императрицы Зарики, не восстал из мертвых.

– И то, и другое верно, – сказала Сетра. – Но оба этих факта вместе могут означать, что выходцу с Востока может быть позволено…

– Может?

Она поколебалась.

– Думаю, это весьма вероятно.

– Великолепно. И что я получу за это?

– Мы можем заплатить…

– Я не хочу об этом слышать. Определенные суммы денег столь велики, что становятся бессмысленными. На меньшее я не согласен.

Они обменялись взглядами.

– Мы бы очень хотели тебя убедить, – сказал Маролан. – Это очень многое значит для нас, и никто другой не может этого сделать.

– Эти разговоры мне знакомы, – сказал я. – У вас обоих было это на уме с самого начала, верно?

– Мы рассматривали подобную возможность, – сказала Темная Леди горы Тсер.

– А теперь вы говорите, что убьете меня, если я этого не сделаю.

– Нет, – ответил Маролан. – Только то, что мы были бы тебе очень благодарны.

Они, кажется, научились вести себя со мной. Это могло быть и хорошо, и плохо.

– Ваша благодарность будет мне очень приятна, – сказал я, – но, если я уже буду мертв…

– Думаю, ты сможешь остаться в живых, – сказала Сетра.

– Каким образом?

– Я была там. Я могу рассказать тебе, по каким путям идти, а каких избегать, и предупредить тебя об опасностях, которые ты можешь встретить, а также о том, как защитить себя. Тогда останется лишь одна опасность, и я думаю, что того факта, что ты чужой для тех мест, будет достаточно, чтобы…

– Какая это опасность?

– Исходящая от тех, кто правит в тех краях. От Повелителей Судеб.

Мне это совсем не понравилось. Послышался тяжелый вздох Чаза, стоящего в своей обычной позе во время всего разговора.

– Повелителей Судеб? – спросил я.

– Да, – ответила Сетра. – Богов.

8

Я заметил, что стилет, который я воткнул в землю, вибрирует, и мне стало интересно, что это означает. Мгновение спустя я услышал низкое гудение. Я сосредоточился на нем, пока не смог почувствовать ритм.

Ритм…

Наконец я понял.

Сконцентрировав свое внимание на ритме, я вытянул левую руку ладонью вверх. Сосредоточился и вытянул правую руку, тоже ладонью вверх. Свел руки вместе, повернув их так, что ладони сомкнулись. Я почувствовал, как у меня за спиной Лойош раскрывает и складывает крылья. Мои глаза сами собой закрылись. Я понял, что начинаю ощущать усталость, и это меня испугало, поскольку предстояло еще очень многое сделать.

Не знаю, что именно изменилось, но теперь ритм совпадал с тем, который установил я сам.

Интересно, подумал я, каким образом я впишу все это в книгу заклинаний, если когда-либо решу это сделать.

– Прекрасно, – сказал я. – Никаких проблем. Ты имеешь в виду, что мне не о чем беспокоиться, за исключением нескольких богов? Что ж, в таком случае я не вижу никаких причин для неудачи. Естественно, я за это берусь.

Мой голос звучал саркастически, если вы этого еще не поняли. Я бросил взгляд на Чаза, пытаясь понять, оценил ли он мои слова, но по его виду ничего нельзя было сказать.

– Не думаю, что все это столь мрачно, как кажется, – сказала Сетра.

– О!

– Покажи ему жезл, – сказал Маролан.

– Я и отсюда его вижу, – сказал я, глядя на жезл, лежащий рядом с рукой Сетры.

Сетра проигнорировала мое замечание и протянула его мне.

– Душа этой женщины находится там? – спросил я.

– Да, – ответила Сетра. – Возьми его.

– Зачем?

– Чтобы выяснить, почувствуешь ли ты что-нибудь.

– Что я должен почувствовать?

– Возможно, что ничего. Ты этого не узнаешь, пока его не возьмешь.

Я вздохнул и взял жезл. Поскольку она сказала, что я могу что-то почувствовать, я очень четко отдал себе отчет в том, что

его конец очень гладкий, а сам он – слегка холодный. Я уже держал его прежде в руках, но тогда я был слишком занят. Жезл был сделан из светлого дерева, возможно, из алмазной ивы.

– *Что-нибудь чувствуешь, Лойош?*

– *Не уверен, босс. Может быть. Думаю, да.*

Потом я тоже почувствовал. Да, я ощущал чье-то присутствие, казалось, самыми кончиками пальцев. Странно. У меня даже возникло некоторое представление об этой личности: яростная, вспыльчивая. Явно Дракон.

Кроме того, к моему удивлению, я ощутил внезапную симпатию, до сих пор не могу с уверенностью сказать почему. Я отдал жезл Сетре и сказал:

– Да, я почувствовал кое-что.

– Ну? – сказала она.

– Что “ну”?

– Сделаешь то, о чем я прошу?

– Ты с ума сошла? Ты сама сказала, что никто, кроме Зарики…

– Я также объяснила, почему считаю, что ты останешься в живых.

Я фыркнул.

– Ну конечно. Ладно. Я это сделаю – если ты пойдешь со мной и будешь меня защищать.

– Не говори глупости, – огрызнулась Сетра. – Если бы я сама могла пойти, в твоей помощи не было бы необходимости.

– Прекрасно, – сказал я. – Тогда я возьму с собой Маролана.

Я ухмыльнулся – чего, как я начинаю понимать, не следует делать, когда имеешь дело с драконлордами. Кажется, я заметил, как ухмыльнулся Чаз, но не уверен.

Сетра и Маролан обменялись взглядами.

– Очень хорошо, – сказал Маролан. – Я согласен.

– Погоди минуту… – сказал я.

– Маролан, – сказала Сетра, – Повелители Судеб не отпустят тебя.

– Значит, так тому и быть.

– Но… – начала Сетра.

– Но… – начал я.

– Отправляемся завтра, – сказал мне Маролан. – Сейчас же самое лучшее будет – доставить тебя домой, чтобы ты подготовился к путешествию.

Удлиненное лицо Кайры Воровки было почти скрыто капюшоном, и голос ее звучал тихо, почти шепотом.

– Привет, Влад.

– Спасибо тебе.

– Значит, ты знаешь.

– Я знаю, что это ты говорила насчет меня с Найларом. Спасибо.

– Надеюсь, что оказала тебе полезную услугу.

– Я тоже. Почему ты думаешь, что это может быть не так?

– Работа на джарегов может быть опасной.

– Так или иначе, я при любой возможности готов задать взбучку драгейрианам. Почему бы мне не делать этого за деньги?

Она внимательно посмотрела на меня.

– Ты так нас ненавидишь?

– Их, не тебя.

– Я драгейрианка.

– И все же ты не одна из них.

– Возможно.

– Так или иначе, мне нужны деньги, если я хочу оставаться за пределами Восточного гетто.

– Я знаю; – Я увидел, как блеснули ее зубы. – Тебе не подобает жить там. В конце концов, ты титулованная особа.

Я улыбнулся в ответ.

– Я могу научить тебя кое-чему, что может помочь, – сказала она.

– Спасибо, – сказал я. – Ты очень добра ко мне.

– Ты мне нравишься.

Она уже говорила это раньше – мне всегда было интересно почему. Кроме того, мне также было интересно, сколько ей лет. Но это вопросы, которых я не стал задавать.

– Что ж, пожелай мне счастья, – сказал я.

– Да. Однако кое-что я должна сказать тебе прямо сейчас.

Я уже собирался уходить, но я не дурак. Кайра Воровка не бросается зря словами.

– Ладно, – сказал я.

– Самое главное, Влад: не позволяй своему гневу овладеть тобой. Мертвецы не могут платить, а ты ничего не заработаешь, если ничего не принесешь. А если ты сможешь получить требуемое, не причинив никому вреда, твой работодатель это оценит. Может быть, ты этого не понимаешь, но каждый раз, когда джарег вынужден прибегнуть к насилию, он идет на риск. Они этого не любят. Ясно?

– Ясно. – Пока она говорила, я вспомнил, что менее чем через час я должен встретиться и, возможно, сразиться с кем-то, кого ни разу до сих пор не видел. Что ж, ничего не поделаешь…

– Что еще? – спросил я.

– Ты знаешь что-нибудь о Левой Руке Джарегов?

– Гм… о чем?

– Значит, не знаешь. Ладно. Организация, как тебе известно, зарабатывает тем, что поставляет товары и услуги, которые либо незаконны, либо облагаются высокими налогами, так?

– Полагаю, что так, Я никогда об этом не думал, но скорее всего.

– Так подумай. Единственное исключение – волшебство. Как ты знаешь, некоторые волшебные действия являются незаконными. Применение волшебства для совершения другого незаконного действия, подчинение чьей-либо воли и так далее. – Она развела руками. – Как говорит Дьявол: “Каждый раз, когда возникает новый закон, возникает и новый бизнес”.

– Кто это сказал?

– Дьявол.

– Кто он такой?

– Не важно. Так или иначе, Левая Рука Джарегов состоит в основном из женщин – не знаю почему. Они занимаются незаконной магией.

– Понятно.

– Держись от них подальше. Ты не сможешь с ними сражаться, и ты не обладаешь достаточными знаниями, чтобы защититься от их махинаций.

– Ладно, – сказал я. – Я запомню. Спасибо, Кайра.

Она кивнула, глядя на меня из-под капюшона, потом сказала:

– Желаю счастья, Влад.

Она слилась с тенью здания и исчезла.

Каким образом готовиться к путешествию в Страну Мертвых?

Нет, я знаю, как готовиться к выходу в город, я знаю, как готовиться к тому, чтобы кого-то убить, и даже в некоторой степени представляю, как готовиться к ночи, которую предстоит провести в джунглях. Но если ты собираешься отправиться в гости к теням когда-то живших на этом свете, к служителям мертвых и к богам, что с собой брать? Как одеваться?

Я надел свою одежду цветов Дома Джарега, со стилизованным джарегом на спине серого плаща, который я надеваю, когда хочу что-то на себе спрятать, и черные восточные сапоги для верховой езды, которые достаточно удобны, даже если вовсе не собираешься ездить верхом. Мне уже приходилось садиться на лошадь, и если даже мне никогда не придется этого делать в дальнейшем, ничего страшного. Только не говорите про это моему деду. Он считает, что фенарианцы по определению должны быть великолепными наездниками.

Меня несколько удивило, что Маролан согласился составить

мне компанию. Из того, что я понял, у него было еще меньше шансов остаться в живых, чем у меня, а мои шансы выглядели не слишком большими. Ведь Сетра ни разу не сказала, что боги не представляют для меня опасности.

Боги. Это глупо. Я иногда участвовал вместе с дедом в наших семейных ритуалах, прося защиты у Вирры – Богини Демонов, но никогда более чем наполовину не верил в ее существование. Многие восточники, которых я знал, верили в одного или нескольких богов, а некоторые даже понижали голос, упоминая их имена. Но, похоже, в них верили все драгейриане, причем говорили о них столь по-деловому, что меня всегда интересовало, значит ли вообще что-либо для драгейрианина слово “бог”. Когда-нибудь, решил я, надо будет с этим разобраться.

Возможно, что мне удастся это выяснить во время предстоящего путешествия. Мысль об этом напомнила о необходимости подготовиться. Маролан сказал, что путешествие займет лишь несколько дней, поскольку мы телепортируемся прямо в точку неподалеку от Водопада у Врат Смерти. Вода и пища будут всегда под рукой. Погода непредсказуема, но мой плащ достаточно теплый, если в него закутаться, достаточно прохладный, если отбросить его за спину, и водонепроницаемый.

– Есть какие-нибудь мысли насчет того, что взять с собой?

– Заколдованный кинжал, босс. Просто на всякий случай.

– Он всегда при мне. Что еще?

– Ту цепочку.

– Гм… да. Неплохая идея.

– Еще что-нибудь?

– Не знаю. Потому и спрашиваю тебя.

– Колдовские принадлежности?

– Думаю, да.

Я собрал все необходимое, добавил немного ягод эдди на случай, если потребуется заснуть, немного листьев кельша на случай, если потребуется не спать, затем связался с Мароланом. Это потребовало некоторого времени, поскольку я знал его не слишком хорошо, но наконец мы вошли в контакт.

– Я буду готов через час, – сказал я ему.

– Прекрасно, – ответил он. *– Где мы встретимся?*

Я подумал и сказал:

– В таверне Ференка, в Южной Адриланке.

Каждый раз, когда я прихожу в сапожную мастерскую, всегда удивляюсь, каким образом обувь может получаться вполне приличной. Я еще ни разу не видел сапожной мастерской, в которой не было бы темно, как у Вирры в преисподней, и

сапожника, который бы не косил, словно полуслепой.

Судя по остаткам одежды данного конкретного сапожника, он принадлежал к Дому Креоты, о чем говорило также его удлиненное лицо и короткие пальцы. Количества земли под его ногтями хватило бы, вероятно, на небольшой сад. Волосы на голове были редкими и седыми, брови же – густыми и темными. В помещении стоял тяжелый запах кожи и различных масел, и я не могу ничего сказать о том, как оно выглядело, кроме того, что было темным и мрачным.

Креота что-то молча проворчал (я не могу найти для этого других слов) и показал на темное пятно, которое оказалось стулом, сделанным из кусков кожи, натянутых на деревянный каркас. Я осторожно сел, но стул, похоже, не собирался разваливаться, так что я позволил себе расслабиться. Стул был несколько маловат для драгейрианина, что приятно, поскольку драгейриане выше людей, а сидеть на стуле, рассчитанном на кого-то крупнее тебя, очень неудобно.

Сапожник, шаркая, вышел из комнаты, видимо, чтобы сообщить Найлару, что я здесь. Найлар меня нанял после неприятной предыстории, связанной с игрой в шаребу, которая происходила в задней части его дома. Как я впоследствии понял, Кайра действовала от моего имени, так что мне предстояло теперь на него работать. Мне также предстояло встретиться со своим напарником.

– Ты, видимо, Влад Талтош, – сказал он.

Я подскочил и чуть не выхватил кинжал из рукава.

– *Мама?*

– *Все в порядке, Лойош.*

Он сидел прямо напротив меня, а я каким-то образом не заметил его в тусклом свете. На лице его играла легкая ухмылка, вероятно, при виде моей реакции, но я решил, что не стоит ненавидеть его с самого начала.

– Да, – сказал я. – Как я понимаю, ты Крейгар?

– Я тоже так понимаю. Поскольку мы оба это понимаем, то можем также предположить, что это действительно так.

– Гм… ладно.

Он наблюдал за мной все с той же сардонической усмешкой. Интересно, подумал я, не пытается ли он меня специально разозлить, чтобы проверить, могу ли я себя контролировать. Если так, то я прошел испытание. Если нет – он просто болван.

– Есть один тип, – сказал он, – который должен Найлару деньги. Не так чтобы очень много – сорок империалов. Но он слишком упрям. Если мы сумеем получить с него эти деньги, поделим четыре империала.

Я никак не реагировал, удивляясь тому, что мой напарник не считает сорок империалов большими деньгами. Это, решил я, может предвещать для меня неплохое будущее.

– Пошли? – продолжал он, протягивая мне гладкую круглую палку, примерно полтора дюйма в диаметре и фута в два длиной. Я взял ее в руку. Достаточно тяжелая, чтобы кого-нибудь покалечить. – Найлар сказал, что ты уже умеешь пользоваться этой штукой.

– Думаю, да, – сказал я, взвешивая дубинку в руке. – Она очень похожа на ножку от стула.

– Что?

– Не важно. – Я ухмыльнулся в ответ, внезапно ощутив некоторое нахальство со своей стороны. – Пошли.

– Пошли.

Когда мы направились к двери, я сказал:

– Ты будешь говорить, ладно?

– Нет, – ответил он, – Говорить будешь ты.

– Как долго тебя не будет, Влад?

– Не знаю, Крейгар. Просто позаботься обо всех делах, как только сможешь. Если повезет, вернусь дня через три-четыре. Если нет, то вообще не вернусь.

Он пожевал губу – жест, который он, вероятно, перенял у меня.

– Надеюсь, ты за это кое-что получишь.

– Да, – сказал я. – Я тоже.

– Что ж, желаю счастья.

– Спасибо.

Мы с Лойошом отправились к Ференку. Хозяин сразу же меня узнал и сумел убрать хмурое выражение со своего лица. Однако когда пришел Маролан, я заметил, что он поджал губы и почти зашипел. Я улыбнулся и сказал:

– Два, пожалуйста. Нам бы хотелось мертвецов с водорослями. Надеюсь, ты помнишь, что это.

Он помнил, и я был доволен, что Маролану понравился фенарианский персиковый бренди, но меня слегка разочаровало, что он о нем уже знал и даже знал его фенарианское название. Однако он не знал о существовании таверны Ференка. Думаю, ему доставляла удовольствие мысль о том, что он здесь единственный драгейрианин. Я вспомнил, как встретил здесь Кайру (случайно? Как же!), и подумал о том, как постоянные посетители отнесутся к заходящим сюда драгейрианам и какую репутацию может из-за меня приобрести это заведение. Так или иначе, Маролан испытывал значительно большее удовольствие,

чем Ференк.

Что поделаешь.

После пары стаканов на каждого мы вышли на улицу, и Маролан остановился. Я встал рядом с ним. Он закрыл глаза и замер, потом кивнул мне. Я сосредоточился, и Южная Адриланка исчезла. Я предполагал, что меня сейчас стошнит, и так оно и произошло. Терпеть этого не могу.

Наш объект жил примерно в полумиле отсюда. Чтобы как-то убить время, пока мы шли, я попросил Крейгара рассказать мне о нем.

– Я мало что знаю, Влад. Он из Дома Орки и задолжал Найлару некоторую сумму денег.

– Орка? Приятно слышать.

– Почему?

– Не важно, – сказал я. Он бросил на меня быстрый взгляд, но ничего не сказал. – Он здоровый?

Крейгар пожал плечами.

– Какая разница? Стукни его как следует, и он свалится.

– Разве это нам нужно? – спросил я, помня совет Кайры. – Устраивать рукопашную?

Я почувствовал, что начинаю нервничать. Когда приходилось драться с драгейрианами, которые намеревались меня поколотить, это всегда происходило неожиданно. Я никогда специально не ставил это своей целью. Это совсем другое дело.

– Тебе решать, – сказал Крейгар.

Я остановился.

– Что такое? Ты этим раньше уже занимался, а я нет. Почему я должен сам все решать?

– Таково было мое условие, когда я согласился работать на Найлара, – что мне никогда не придется никому приказывать.

– Вот как? Почему?

– Не твое дело.

Я уставился на него. Потом заметил на лице его столь четкий отпечаток Дома Дракона, что не мог понять, как не обратил на это внимания раньше. За этим почти наверняка стоит какая-то история.

Мы пошли дальше, и я стал разглядывать Крейгара. В нем почти ровно семь футов роста, у него прямые каштановые волосы, карие глаза и, собственно, никаких отличительных черт. В моей голове было тесно от вопросов, на которые не находилось ответов. Откуда он появился? Каким образом оказался среди джарегов?

Он коснулся моего плеча и показал на здание. На нем висела

табличка с изображением воющего волка, и снаружи оно казалось вполне приличным. Внутри тоже было вполне прилично. Мы прошли через главный зал, сопровождаемые косыми взглядами клиентов, которым не нравились восточники, джареги или и те, и другие вместе. Мы поднялись по лестнице. К тому моменту, когда мы оказались на третьем этаже и свернули налево, я все еще думал о Крейгаре и продолжал думать, пока мы не толкнули дверь и она открылась.

Орка, моргая, посмотрел на меня.

– Чего надо, приятель? – спросил он.

Ну вот. Я настолько отвлекся, думая о Крейгаре, что даже не сообразил, как подойти к этому парню. Что ж, поскольку я не знал, что сказать, то ткнул его дубинкой в живот. Он произнес что-то вроде “уф” и осел на пол. Возможно, я сломал ему несколько ребер – я не слишком хорошо целился. Интересно, подумал я, а тот ли это тип.

Во всяком случае, его макушка находилась прямо подо мной. Я почти уже опустил на нее свою дубинку, но вспомнил слова Кайры и не стал этого делать. Вместо этого приставил к нему ногу и толкнул. Он перевернулся на спину, и я понял, как легко справиться с тем, кто не ожидает нападения.

Он снова перекатился на живот, кашляя. Я стукнул его достаточно сильно, но орки – народ крепкий. Я поставил ногу ему на спину. Крейгар подошел ко мне и поставил ногу ему на шею. Я убрал ногу и обошел вокруг, затем присел перед ним на корточки. Он удивленно крутил головой, озираясь по сторонам. Похоже, он еще не понял, что нас двое. Потом уставился на меня.

Повинуясь некоему импульсу, я полез под плащ, достал своего джарега и поднес его к лицу этого типа.

– Есть хочешь, Лойош? – спросил я.

– Мама?

– Все в порядке.

Лойош стрельнул языком в направлении орки, глаза которого расширились от страха.

– Ты должен кое-кому деньги, – сказал я.

– Отпустите меня, – проквакал он. – Я все тебе отдам.

– Нет. Мне они не нужны. Я хочу, чтобы ты расплатился сам. Если ты этого не сделаешь, мы придем снова. У тебя есть двадцать четыре часа. Ты понял?

Он с трудом кивнул.

– Хорошо.

Я встал, убрал Лойоша и направился к лестнице, Крейгар за мной.

Когда мы вышли на улицу, Крейгар спросил:

– Почему ты не взял деньги?

– А? Не знаю. Думаю, это могло бы выглядеть как ограбление.

Крейгар рассмеялся. Что ж, полагаю, после некоторого размышления это действительно могло показаться забавным. Меня била легкая дрожь. Если бы Крейгар позволил себе какое-либо замечание по этому поводу, я бы ударил его, но он промолчал.

Когда мы вернулись туда, откуда пришли, я уже успокоился. Сапожника нигде не было, зато нас ждал Найлар. Он внимательно посмотрел на меня, не обращая внимания на Крейгара, и спросил:

– Ну?

– Не знаю, – ответил я.

– Не знаешь?

– У этого типа темные волосы, зачесанные назад, круглое лицо, широкие плечи, короткая шея и маленький белый шрам на носу?

– Я никогда не обращал внимания на шрам, но, похоже, это он.

– Тогда мы говорили с тем, с кем нужно.

– Это хорошо. И о чем же вы говорили?

– Мы спросили его, не будет ли он так любезен заплатить долг.

– И что он сказал?

– Похоже, он намерен как следует подумать.

Найлар медленно кивнул.

– Ладно. Где Крейгар?

– Я здесь, – с притворным удивлением сказал Крейгар.

– О! Что ты об этом думаешь?

– Он заплатит. Мы дали ему сутки. – Он сделал паузу, потом добавил: – Влад неплохо поработал.

Найлар посмотрел на меня.

– Ладно, – сказал он. – Буду поддерживать с вами связь, ребята.

Я кивнул и вышел из мастерской. Хотел поблагодарить Крейгара, но не мог нигде его найти. Пожав плечами, я отправился домой кормить Лойоша и ждать дальнейших событий.

Я пришел домой усталый, но довольный. Перемена в жизни меня радовала. Я дал Лойошу молока и лег спать вместе с ним на моем животе. Возможно, во сне я улыбался.

Первое, что я заметил, это небо. Все та же уродливая красновато-оранжевая пелена, что висит над Империей, но здесь оно было выше и несколько чище. Нас окружала трава, достигавшая мне до пояса. Вокруг ни деревьев, ни гор, ни

строений.

Мы постояли так несколько минут. Маролан вежливо молчал, пока я делал несколько глубоких вдохов, пытаясь прийти в себя от последствий телепортации. Я огляделся вокруг, и у меня вдруг возникла странная мысль. Я попытался понять, что это значит, и наконец сказал:

– Ладно, сдаюсь. Каким образом ты сумел телепортироваться в место, лишенное каких бы то ни было отличительных черт?

Он улыбнулся.

– Я просто сосредоточился на мысли о том, куда я хочу попасть, представил себе это место и понадеялся на то, что здесь ничего не окажется.

Я уставился на него. Он снова улыбнулся в ответ.

– Что ж, – сказал я, помолчав, – похоже, сработало.

– Я тоже так полагаю. Идем?

– В какую сторону?

– Да. Верно.

Он закрыл глаза и медленно повел головой из стороны в сторону. Наконец указал в направлении, ничем не отличавшемся от других.

– Туда, – сказал он.

Лойош летел у нас над головами. Дул прохладный, но не пронизывающий ветерок, Маролан шагал не слишком размашисто, так что не опережал меня.

Я старался не думать о том, куда и зачем мы направляемся, но жезл в левой руке Маролана постоянно мне об этом напоминал.

9

Предмет моих желаний находился там, а нужен он был мне здесь. Я уже установил большинство необходимых связей: “там” было представлено в виде вибрирующего ножа, “здесь” – в виде светящейся руны. Но, сверх того, я должен был преодолеть пространственный барьер и вызвать к существованию нечто, до этого не существовавшее, одновременно уничтожив нечто существующее, что, в конечном счете, должно изменить структуру пространства.

Если это звучит для вас слишком запутанно, постарайтесь все-таки понять.

Я превратился в ритм и волну, в свет и звук, в мерцающий ландшафт и гудящий нож, в светящуюся руну и ритмичную пульсацию.

Все это объединилось в моей воле и в символах передо мной. Вообразите себе это как некий мысленный фокус космических масштабов, и вы получите некоторое представление о том, что происходило.

Я приступил к самому трудному.

Эту ночь мы провели под открытым небом, что звучит романтично, но в действительности таковым не являлось, и если бы не Маролан, нам было бы к тому же и холодно. Я не люблю спать на голой земле, но могло быть и хуже. Маролан не храпел, а если храпел я, то он этого не заметил.

У нас не было с собой никакой утвари, но с Мароланом мы в ней и не нуждались. Я выпил чаю из невидимого стакана и поел хлеба, которого у нас накануне не было, и ягод, которые росли всюду вокруг, вкусные и спелые.

Я посмотрел на медленно уменьшавшийся цилиндр жидкости в моей руке и сказал:

– Хотел бы я научиться подобного рода магии.

Маролан не удостоил меня ответом. Хорошие дела всегда нелегко делать. Мы двинулись дальше. Был приятный теплый день, и вдали виднелись вершины гор.

– Это наша цель? – спросил я.

Маролан кивнул.

– Как далеко нам идти? – спросил я.

– Это не имеет значения. Когда мы подойдем достаточно близко для того, чтобы различить некоторые детали, то снова телепортируемся.

– О…

Должен сказать, что мне нелегко было сохранять враждебность к шагавшему рядом со мной, хотя бы лишь потому, что день был хороший, а шагать приятно. Пели птицы, дул легкий ветерок, и все такое прочее.

Лойош летел надо мной, время от времени ненадолго исчезая, когда находил чем поживиться. Я чувствовал, как он наслаждается свободой. Иногда высоко над нами пролетали дикие джареги, но ни Лойош, ни я не обращали на них внимания.

Около полудня мы сделали привал, и Маролан наколдовал нам еще еды. Не знаю, создавал ли он ее прямо из воздуха или откуда-то телепортировал. Подозреваю, что скорее первое, поскольку еда оказалась довольно безвкусной. Пока мы ели, Маролан разглядывал горы. Когда мы встали, он объявил:

– Еще рано. Нужно подойти ближе.

Меня это вполне устраивало. Мы снова двинулись в путь, и все вокруг было прекрасно.

Интересно, буду ли я жив в это же время завтра?

На следующий день мне передали, что я должен встретиться с Найларом. На этот раз он назначил мне встречу у себя в конторе, находившейся за помещением для игры в шаребу, которое, в свою очередь, находилось позади маленькой лавки с волшебными принадлежностями. Меня сразу же впустили, даже не требуя представиться (“Когда придет восточник, впусти его”), и Найлар кивком указал мне на стул.

– Подождем Крейгара, – сказал он.

– Я уже здесь, – ответил Крейгар.

Найлар откашлялся.

– Хорошо, – сказал он. – Что ж, вот вам на двоих четыре империала. И вот тебе, Влад, еще четыре в качестве платы за первую неделю. Теперь ты работаешь на меня, согласен? Я хочу, чтобы завтра вечером ты последил за игроками в шаребу.

Я взял восемь монет и отдал две Крейгару. За один день я только что заработал больше, чем получил бы в ресторане за несколько недель.

– Хорошо, босс, – сказал я.

Маролан внезапно остановился и застыл, глядя куда-то вперед и чуть влево. Я посмотрел в ту сторону и ничего не увидел, кроме необъятной равнины и гор вдалеке.

– Проверь, что там, Лойош.

– Хорошо, босс,

Мы простояли так около минуты: Маролан продолжал смотреть в одну точку, Лойош полетел в указанном направлении.

Затем Лойош сказал:

– Босс, ты должен это видеть.

– Очень хорошо. Покажи.

Я закрыл глаза и позволил Лойошу заполнить мой мозг мысленными образами.

Да, это было зрелище.

Странные существа, около двух дюжин, и я никогда не видел, чтобы кто-либо или что-либо бегало столь быстро. У них было по четыре ноги, и ниже пояса они напоминали кошек, поменьше, чем тсер, примерно размером с тиассу, но без крыльев. Выше пояса они выглядели как люди. В руках копья.

– Котавры, Лойош?

– Полагаю, да, босс. Я не знал, что они на самом деле существуют.

– Я тоже. Интересно.

– Думаю, они направляются к нам.

– Да.

Я разорвал связь и теперь мог увидеть их своими собственными глазами, как постепенно приобретающее очертания пятно на горизонте. Вирра, однако, и быстро же они двигались. Я заметил, что Маролан не прикасается к своему мечу, и меня это несколько успокоило. Потом их стало слышно – очень низкий гул, который, как мне показалось, я уже когда-то слышал. Они производили удивительно мало шума для своего размера.

Внезапно котавры остановились перед нами. Уперев тупые концы своих копий в землю, они смотрели на нас с выражением спокойного любопытства на человеческих лицах. Наконечники копий были металлическими, что показалось мне существенным. Возникло впечатление, что они бежали лишь потому, что им этого хотелось. Никто из них не дышал тяжело. Они смотрели на нас не мигая, словно кошки. На них не было одежды, но на многих были пояса, с которых свисали мешочки. Мускулы на задних ногах выглядели весьма впечатляюще.

– Ну, – спросил я, – как вы еще развлекаетесь?

Маролан повернулся и уставился на меня. Котавр-предводитель, явно женского пола, посмотрела на меня и слегка улыбнулась.

– Охотимся, – сказала она. Она говорила по-драгейриански без малейшего акцента.

Лойош опустился на мое плечо, и глаза предводительницы расширились.

– Меня зовут Влад Талтош, – сказал я.

– Я Маролан, – сказал Маролан.

– А меня зовут Туман, – сказала она.

– Это потому, что, когда она бросает копье… – начал котавр с красными глазами.

– Заткнись, Бренди. – Послышался смех, в том числе и Лойоша, хотя только я это заметил.

– Джарег на твоем плече – твой друг? – спросила Туман.

– Да, – ответил я.

– Джареги питаются мертвыми котаврами.

– Мертвыми людьми тоже, – сказал я, что, похоже, ее удовлетворило.

– Что привело вас на Бескрайнюю Равнину? – спросила она.

– Мы путешествуем к Водопаду у Врат Смерти, – сказал Маролан, и вся компания котавров отступила на шаг назад. Я наклонился, сорвал ягоду и съел, ожидая их реакции.

Наконец Туман сказала:

– Надо полагать, у вас есть на это серьезные причины.

Маролан начал было отвечать, но другой котавр сказал:

– Нет, они просто развлекаются.

– Помолчи, Бирч, – сказала Туман.

– Послушай, – спросил я, – эти копья настоящие?

– Заткнись, Влад, – сказал Маролан.

Лойош, похоже, был на грани истерики. Некоторые из котавров, кажется, пребывали в подобном же состоянии. Я тоже. Маролан и Туман обменялись взглядами и грустно покачали головами.

– Если вы подождете здесь, – сказала Туман, – мы сейчас преследуем очень большую дикую кетну. Когда мы ее поймаем, то с вами поделимся.

– Надо развести огонь, – сказал Маролан. – Э… вы ведь жарите мясо, не так ли?

– Нет, – ответил Бренди, – мы предпочитаем, когда свежая, теплая кровь добычи стекает по нашим…

– Заткнись, Бренди, – оборвала его Туман. – Да, костер развести было бы неплохо.

– Тогда до скорой встречи, – сказал Маролан.

– Полагаю, до очень скорой, – ответила Туман, и они скрылись в той же стороне, откуда пришли.

Неподалеку от моего дома жил хороший портной. На следующий день я отправился к нему и заказал себе серый плащ. Кроме того, заказал новую куртку со стоячим воротником. Мне очень хотелось шляпу с пером, но у меня ее не было.

– Разжился деньжатами, а? – спросил портной.

Я не знал, что сказать, и лишь коротко кивнул. Не знаю, что он понял из этого жеста, но глаза его чуть расширились,

возможно, от страха. С легким трепетом я повернулся к выходу и сказал:

– Я бы хотел получить их через неделю.

– Будет сделано, – ответил он. Похоже, у него перехватило дыхание.

Я прошел чуть дальше по улице и купил пару метательных ножей, решив сразу же начать упражняться в их применении.

Затем я явился к Найлару. Он кивнул мне и послал меня в комнату, где шла игра в шаребу. Два дня назад я сам играл здесь, и здоровенный джарег вышвырнул меня после того, как я ввязался в драку с другим посетителем. Теперь я сидел там, где раньше сидел этот джарег. Я пытался выглядеть столь же расслабленным и беззаботным, как и он. Полагаю, частично мне это удалось.

Проклятие, мне это понравилось.

Мы провели большую часть дня за едой и приятной беседой с котаврами, что доставило нам немалое удовольствие, хотя и нисколько не приблизило к цели. Обычно я не играю в азартные игры, но эти несчастные нецивилизованные существа даже не умели играть в кости сианг, так что мне пришлось им показать, как это делается. В нашем распоряжении было и неплохое средство платежа, поскольку некоторые куски кетны лучше других. Котавры оказались вполне способными учениками, так что когда они начали соображать, я прекратил игру.

– Подозреваю, – сказала Туман, – что в течение ближайших нескольких недель я не стану тебя благодарить за то, что ты научил нас этой игре.

– Это всего лишь безобидная забава, – ответил я в промежутке между кусками моего свежезажаренного выигрыша. Как говорится, забавна не игра – забавно, когда выигрываешь.

Забавно было подшучивать над ними, и я научился понимать, что захожу слишком далеко, наблюдая за хвостом, что было бы очень странно, если бы я перестал об этом думать. Маролан наложил исцеляющие заклятия на троих котавров, у которых тем или иным образом были повреждены левые ноги.

– Просто напасть какая-то, – сказала Туман, поблагодарив его.

– Проклятие? – спросил Маролан.

– Думаю, просто невезение.

– Подобное часто бывает, – сказал Маролан.

– Особенно там, куда вы направляетесь.

Маролан пожал плечами.

– Сомневаюсь, что ты знаешь об этих местах намного больше

нас.

– Обычно я их избегаю.

– Мы тоже, если бы могли, – ответил Маролан.

Туман уставилась в землю, помахивая хвостом.

– Зачем вы туда идете?

– Это долгая история, – сказал Маролан.

– У нас есть время на долгие истории, – сказала Туман. – Заткнись, Бренди.

У Маролана, похоже, не было особого желания разговаривать на эту тему, так что наступила тишина. Потом кто-то из котавров подошел к Туман и что-то ей подал. Она взяла это и внимательно рассмотрела. До этого я не замечал, какие длинные и ухоженные ее руки, а ее ногти заставили меня вздрогнуть, вспомнив девушку, которую я когда-то знал. То, что держала Туман, походило на кусок кости.

– Да. Это подойдет, – наконец сказала она, протягивая кость Маролану.

Он озадаченно взял ее, в то время как я обошел его сзади и взглянул через его плечо. Вероятно, это был обломок черепа кетны. Он был почти квадратной формы, дюйма два на два, и на нем можно было разглядеть какие-то тонкие следы, по поводу которых я не мог сказать ничего определенного,

– Спасибо, – сказал Маролан. – Что…

– Если тебе доведется встретить на Дорогах Мертвых Кельхор и ты покажешь ей этот знак, возможно, она защитит тебя. – Она сделала паузу. – С другой стороны, она может этого и не сделать,

– С богами всегда так, – сказал Маролан.

– Возможно, – ответила Туман.

У меня были свои сомнения насчет того, знают ли они что-либо на самом деле.

Вот что вы можете сделать, если у вас есть настроение. Найдите драгейрианина, который не намерен вас поколотить, и заведите с ним разговор о магии. Заметьте, как искривятся его губы, когда он услышит о колдовстве. Потом начните обсуждать числа, связанные с волшебным искусством. Расскажите о том, что для некоторых заклинаний нужны две черные свечи и одна белая, а для других – две белые и ни одной черной. Можете упомянуть, что, например, для одного из самых простых любовных заклинаний требуются три щепотки розмарина. Размер щепотки не имеет значения, но число три жизненно важно. Можете сказать, что при другом заклинании нужно говорить строками по девять слогов, хотя что именно при этом говорится, значения не имеет.

К этому времени он будет уже не в состоянии скрыть своего презрения и начнет говорить о том, насколько глупо придавать значение числам.

Вот теперь можете позабавиться. Наклоните голову набок, насмешливо посмотрите на него и скажите: “Почему все драгейриане делятся на семнадцать Великих Домов? Почему в драгейрианском году семнадцать месяцев? Почему семнадцать раз по семнадцать лет – минимальное время, в течение которого Дому принадлежит трон и Держава, в то время как максимум – три тысячи с чем-то, или семнадцать раз по семнадцать по семнадцать? Почему говорят, что есть семнадцать видов Великого Оружия?”

Он откроет рот и закроет его раз или два, покачает головой и скажет: “Но семнадцать – мистическое число”.

Теперь вы можете с умным видом кивнуть с озорным огоньком в глазах и сказать: “А, понятно” – и уйти.

Я говорю обо всем этом лишь потому, что у меня есть странное чувство, что драгейриане могут быть правы. По крайней мере похоже на то, что число семнадцать вылезает там, где меньше всего его ожидаешь.

Так или иначе, мне было семнадцать, когда мне впервые заплатили за то, чтобы я убил человека.

На следующее утро мы попрощались с котаврами. Туман и Маролан обменялись репликами, показавшимися мне несколько формальными и помпезными с обеих сторон. Однако мы с Бренди вдоволь над ними позабавились, да и Лойош добавил несколько своих замечаний.

Потом Туман подошла ко мне, помахивая хвостом и, похоже, с улыбкой на лице.

– Ты хороший товарищ, – сказала она.

– Спасибо, – ответил я.

Она сделала паузу, и я испугался, что она собирается произнести какую-то речь, при которой мне сложно будет сохранить серьезное выражение лица, но затем она опустила свое копье, пока его острие не оказалось в нескольких дюймах от моей груди. Лойош напрягся, готовясь прыгнуть.

– Можешь коснуться моего копья, – сказала Туман.

Превосходно. Я заставил себя удержаться от того, чтобы бросить взгляд на Бренди, который наверняка хихикнул. Но, что бы там ни было, я коснулся копья, потом вытащил свою рапиру и сказал:

– Можешь коснуться моего оружия.

Она торжественно дотронулась до него. И, знаете, без всякого

сарказма должен сказать, что меня все это несколько тронуло. Туман в последний раз кивнула нам с Мароланом и увела своих друзей, или племя, или компаньонов, или кем бы они ни были, снова на равнину. Мы с Мароланом смотрели им вслед, пока они не скрылись из виду, потом собрали вещи и двинулись в сторону гор.

После нескольких часов пути Маролан снова остановился и устремил свой взгляд прямо вперед, к подножию гор.

– Думаю, – сказал он, – что могу различить достаточно деталей для того, чтобы безопасно телепортироваться.

– Лучше быть полностью уверенным, – сказал я. – Давай пройдем еще несколько часов.

Он посмотрел на меня.

– Я уверен.

Я подавил стон и просто сказал:

– Прекрасно. Я готов.

Он уставился на горы перед нами, а я встал ближе к нему. Вокруг все застыло, кроме нашего дыхания. Он очень медленно поднял руки, громко выдохнул и опустил руки. Я ощутил болезненный спазм в желудке и зажмурился. Потом почувствовал, как почва под моими ногами изменилась, снова открыл глаза, огляделся по сторонам и чуть не упал.

Мы стояли на крутом склоне, и я смотрел вниз. Лойош взвизгнул и нырнул ко мне под плащ, пока я пытался восстановить равновесие. После нескольких взмахов руками мне это удалось.

Дул холодный и очень резкий ветер. Позади простиралось невероятное зеленое пространство. Нас окружали скалистые горы. Мне удалось сесть, не потеряв при этом равновесия. Затем, используя свой рюкзак как подушку, я лег на спину на склоне, ожидая, пока пройдет тошнота.

Спустя несколько минут Маролан сказал:

– Мы приблизились почти настолько, насколько это возможно.

– Что это значит? – спросил я.

– По мере приближения к Долине Серого Тумана колдовство становится все труднее. Когда достигнешь Врат Смерти, оно становится невозможным.

– Почему так? – спросил я.

– Не знаю.

– Ты уверен, что это правда, или это просто слухи?

– Уверен. Я был у вершины водопада с Зарикой, отбиваясь от местных бандитов, пока она спускалась вниз. Если бы я мог воспользоваться колдовством, я бы это сделал.

– Бандитов? – спросил я.

– Да.

– Очаровательно.

– Не вижу ничего очаровательного.

– Ладно. Что ж, если они вернутся, возможно, они тебя узнают и оставят нас в покое.

– Они не вернутся.

– Понятно.

– Их теперь намного меньше, чем во времена Междуцарствия, Влад. Я бы не стал беспокоиться. Тогда было куда более дикое время.

– Тебе его недостает? – спросил я.

Он пожал плечами,

– Иногда.

Оглядевшись вокруг, я заметил нескольких джарегов, описывавших круги в отдалении.

– Лойош, видел джарегов?

– Видел, – ответил он, продолжая прятаться у меня под плащом.

– В чем дело, приятель?

– Босс, а ты их видел?

Я снова посмотрел на джарегов, но не мог понять, в чем дело, пока один из них не опустился на утес высоко над нами. Только тут я осознал их размеры.

– Ради Феникса, Лойош! Эти твари больше меня!

– Я знаю.

– Не могу поверить. Ты только посмотри!

– Нет.

Я медленно поднялся, надел рюкзак и кивнул Маролану. Мы продолжали подниматься по склону еще несколько часов, затем он выровнялся. Вокруг открывался величественный вид, но Лойош не в состоянии был его оценить. Время от времени гигантский джарег оказывался достаточно близко, чтобы бросить меня в дрожь, так что я не мог его винить. Еще через час или два мы вышли к широкому быстрому ручью, спускавшемуся со склона, но не стали его преодолевать.

Маролан повернул по течению ручья, и еще через пару часов тот превратился в небольшую реку. Когда стемнело, это была уже большая река, и мы нашли место для последнего привала.

Когда мы устраивались на ночь, я спросил:

– Маролан, эта река как-нибудь называется?

– Кровавая Река, – ответил он.

– Я так и думал, – сказал я и уснул.

На следующее утро после часа с небольшим пути мы вышли

по реке к Водопаду у Врат Смерти.

10

Полагаю, я мог бы даже сложить песню, будь у меня на это время, но мне недостает умения – впрочем, сейчас на это у меня все равно не было никаких шансов. Лойош одолжил мне свою силу, которую я полностью вложил в колдовство, создавая еще большее напряжение. Ритм усилился, и свеча передо мной внезапно вспыхнула.

Мне стало жутко.

Я сосредоточился на свече, превратив пламя в сноп искр, взорвавшийся мерцающим шаром. Я снова собрал частицы пламени вместе, окружив его радужным нимбом. Мне не нужно было просить Лойоша, чтобы тот взял контроль за ним на себя; я просто пожелал, чтобы он это сделал, и он выполнил мое желание.

Мое дыхание успокоилось, я почувствовал, как сужаются мои глаза. Я чувствовал себя спокойным, расслабленным – это состояние должно пройти, но пока оно продолжалось, я мог им воспользоваться. Наступило время установить связь между исходным пунктом и конечной целью, путь, вдоль которого должна была протянуться реальность.

Нож затрепетал, словно говоря: “Начинай”, Что ж, прекрасно. Начинай – и что дальше? Я перевел взгляд с ножа на руну и обратно. Я вытянул вперед правую руку и провел линию указательным пальцем. Потом еще раз. И еще.

Я продолжал водить пальцем между ножом и руной. Через некоторое время появилась соединяющая их огненная линия.

Все правильно. Я поднял взгляд. Ландшафт передо мной все еще колыхался, словно меня окружала нереальность, готовая сомкнуться. От этого можно было бы испугаться, если бы я себе это позволил.

Водопад у Врат Смерти имеет точное географическое положение. Таким образом, должны его иметь и Дороги Мертвых, но это не так. Не просите меня объяснить, поскольку я не в состоянии этого сделать. Я знаю, что где-то в Пепельных Горах есть очень глубокая расщелина, называемая Долиной Серого Тумана. Легендарный убийца Марио Серый Туман получил свое прозвище по названию этого места, поскольку отправил туда немалое количество народу.

В эту долину приносят тела драгейриан, считающихся в достаточной степени важными (и богатыми) для того, чтобы были отданы соответствующие распоряжения. По долине течет

Кровавая Река, обрываясь водопадом, и на этом дело кончается в той мере, насколько это касается живых.

О высоте водопада сообщали те из живых, кто вернулся с Дорог. Судя по одним сообщениям, она составляет около пятидесяти футов, по другим – тысячу футов, со всевозможными промежуточными вариациями. Ваши предположения на этот счет могут оказаться столь же верными, как и мои.

Никто еще не смог добраться до подножия водопада иным путем, кроме как по краю утеса, хотя многие пытались, особенно ястребы и атиры. Фактически, подножие водопада находится не в том же самом мире, что его вершина. Написаны целые тома в споре о том, устроено ли так богами или же это природный феномен. Чтобы продемонстрировать бесполезность подобных дебатов, некоторые боги сами участвовали в них – с различных сторон.

Те немногие, кто возвращается с Дорог Мертвых (к примеру, Сетра или Императрица Зарика, получившая особое соизволение), возвращаются не с помощью водопада. Вместо этого они рассказывают, что оказались в длинной пещере, где никогда до этого не были, или очнулись у подножия Пепельных Гор, или в чаще Запретного Леса, или даже на побережье в тысяче миль отсюда.

Полагаю, все это лишено какого бы то ни было смысла.

Я стоял у вершины водопада и смотрел на оранжевый горизонт, на фоне которого вырисовывались очертания скалистых вершин. Подо мной клубился и поднимался серый туман, закрывая собой сотни футов простиравшейся внизу бездны. Шум водопада делал любой разговор невозможным. Кровавая Река становилась белой, с грохотом обрушиваясь вниз.

Я отступил на шаг от края обрыва. Стоявший рядом со мной Маролан сделал то же самое. Мы отошли подальше, шум быстро утих, и почти столь же быстро река стала шире и медленнее, а уже в пятидесяти футах от водопада казалось, что ее можно перейти вброд, а мы могли слышать собственное дыхание.

Это казалось не вполне нормальным, но я не видел никаких причин об этом спрашивать.

Маролан озирался по сторонам со странным выражением лица, я бы сказал, задумчивым, если бы мог в это поверить. Я заметил, что он смотрит на постамент, стоящий футах в двадцати от воды. Я подошел ближе, ожидая увидеть на нем имя какого-нибудь покойника и спросить Маролана, не родственник ли он ему. Вместо этого я увидел стилизованную голову тсера.

Я вопросительно взглянул на Маролана. Он показал назад, в сторону реки, где я заметил ровное место.

– Именно здесь отправляют по реке к водопаду мертвецов из Дома Тсера, – сказал он.

– Бултых, и готово, – сказал я. – Но по крайней мере они уже мертвы. Сомневаюсь, что их это каким-то образом беспокоит.

Он кивнул, продолжая смотреть на постамент.

– Ты знаешь кого-нибудь из тсеров, кто прошел этим путем? – спросил я как можно более небрежным тоном.

– Сетра, – ответил он.

Я моргнул.

– Я думал, она – дракон.

Маролан пожал плечами и отвернулся, и мы пошли дальше от водопада. Мы дошли до другого ровного места у реки, которая в этом месте сворачивала, и я увидел стилизованную креоту, потом ястреба, потом дракона. Маролан на несколько мгновений останавливался, а я отходил в сторону, давая ему возможность остаться наедине со своими чувствами, каковы бы они ни были. Рука его побелела, сжимая жезл, содержащий в себе душу его двоюродной сестры в некоей недоступной мне форме.

Лойош все еще прятался у меня под плащом, и я только сейчас заметил, что гигантские джареги по-прежнему кружат над нами и до нас время от времени доносятся их крики. Наконец Маролан подошел ко мне, глядя на темную бурлящую воду. Пели птицы, и дул свежий и очень резкий ветер. Это было тенистое, мирное место, и мне показалось, что это преднамеренно рассчитанный эффект, достигнутый неизвестным мне образом. Что ж, он определенно сработал.

– Драконы обычно пользуются лодками, – сказал Маролан.

Я кивнул и попытался представить себе маленькую рыбацкую лодку, затем шлюпку, какими пользуются на Закатной Реке выше доков, и, наконец, лодку на веслах, что было наиболее осмысленно. Я представил себе, как она плывет по течению, достигает водопада и исчезает за его краем.

– И что потом? – спросил я.

– В конце концов, – сказал Маролан, – тело выносит на берег ниже водопада. Спустя несколько дней душа пробуждается, забирает все то, что находит при теле и чем может воспользоваться, и начинает путешествие к Залам Судеб. Это путешествие может занять часы или недели. Иногда оно длится вечно. Это зависит от того, насколько владелец души изучил Дороги своего Дома, пока был жив, и от того, какие препятствия он встречает на своем пути и как их преодолевает. – Он сделал паузу. – Мы можем встретить некоторых из тех, кто блуждает по Дорогам вечно. Надеюсь, что этого не случится. Думаю, это чересчур мрачное зрелище.

– Как насчет нас? – спросил я.
– Мы спустимся вниз по скале, рядом с водопадом.
– Спустимся по скале?
– У меня есть веревка.
– О, – сказал я. – Что ж, тогда ладно.

Я был в Организации уже почти год и начал постепенно привыкать к тому, чем занимался. Я мог нагнать страх на человека, не говоря ни слова, лишь приподняв бровь или улыбнувшись, и он это чувствовал. Мы с Крейгаром хорошо сработались. Если наш объект начинал приходить в ярость, я просто стоял рядом, пока Крейгар наносил удар, обычно сзади. Потом я причинял ему легкие телесные повреждения и читал лекцию о пацифизме.

Это хорошо действовало, и все шло гладко, пока мы не услышали о типе по имени Тив, которого нашли на аллее позади таверны. Иногда есть возможность, хотя это и недешево, вернуть мертвеца к жизни. Однако в данном случае Тива ударили ножом сзади в шею, перебив позвоночник, с чем чародеи справиться не в состоянии. У него было с собой около двадцати империалов, когда его убили, и деньги остались при трупе.

Тив, как я узнал, работал на некоего Ролаана, и ходили слухи, что Тив известен как наемный убийца. Ролаан обладал определенной властью, и Крейгар сообщил, что слышал, будто бы другой влиятельный тип по имени Клинок заказал убийство Тива. Это было важно для меня, поскольку мой босс работал на Клинка или по крайней мере платил Клинку процент с любой своей прибыли.

Неделю спустя подобным же образом убили некоего Леффоро. Леффоро работал непосредственно на Клинка и, более того, я был с ним знаком, так что это касалось меня почти напрямую. В конторе моего босса начали нервничать, и босс намекнул мне, что неплохо было бы не болтаться по улице в одиночку. Я не мог себе представить, какую выгоду может получить кто-либо, убив меня, но начал больше времени проводить дома. Это меня устраивало. Я зарабатывал не так много денег, чтобы мне не терпелось пойти куда-нибудь и потратить их, а Лойош к этому времени стал уже почти взрослым, и я с удовольствием проводил время, обучая его. “Лойош, принеси красный мячик из спальни”, – говорил я, и он улетал и возвращался с мячом в когтях. Он перестал называть меня “мама”, но у него вошло в привычку именовать меня “босс” – думаю, подражая тому, как я обращался к своему начальнику.

Так или иначе, через пару недель босс захотел меня видеть. Я

пришел к нему в контору, и он сказал:

– Закрой дверь.

Я закрыл. Мы были одни, и мне стало несколько не по себе.

– Сядь, Влад, – сказал он.

Я сел и спросил:

– Да, босс?

Он облизнул губы.

– Хочешь сделать для меня одно дело? – Он слегка подчеркнул слово “дело”.

У меня пересохло во рту. За прошедший почти год я достаточно хорошо изучил его манеру выражаться, чтобы понять, что он имеет в виду. Я был удивлен, озадачен и все такое прочее. Мне никогда не приходило в голову, что кто-то может попросить меня о подобном. С другой стороны, у меня даже не возникло мысли о том, чтобы сказать “нет”.

– Конечно, – сказал я.

Казалось, он облегченно вздохнул.

– Хорошо. Вот объект. – Он протянул мне изображение драгейрианина. – Знаешь его?

Я покачал головой.

– Хорошо, – сказал он. – Его зовут Кинн. Он работает на… впрочем, это не имеет значения. Умеет постоять за себя, так что не рискуй. Он живет на улице Горшечников, недалеко от Ундаунтры. Обычно он околачивается в заведении у Груффа. Знаешь, где это?

– Да.

– В конце недели он подрабатывает вышибалой в борделе недалеко оттуда и довольно часто занимается сбором дани, но не придерживается определенного графика. Этого достаточно?

– Думаю, да, – сказал я.

– В эти дни он почти нигде не появляется в одиночку, так что тебе придется подождать удобного момента. Это не страшно. Можешь потратить столько времени, сколько тебе потребуется, и не дай себя заметить. Будь осторожен. И я не хочу, чтобы его можно было оживить. Ты сумеешь справиться?

– Да.

– Хорошо.

– У него есть дома охрана?

– Что? Держись подальше от его дома.

– Почему?

– Тебе это ни к чему.

– Почему бы и нет?

Он посмотрел на меня, потом сказал:

– Послушай, он ведь джарег, так?

– Так.

– И ты тоже джарег, так?

– Так.

– Тебе это ни к чему.

– Ладно.

– Кроме того, не приближайся к нему, когда он внутри или около храма, алтаря или чего-то подобного.

– Ладно.

– И еще – он женат. Не прикасайся к нему, пока рядом его жена.

– Ладно. Я могу пользоваться обеими руками?

– Не болтай глупости.

.Лойош, который привык путешествовать у меня на плече, уставился на рисунок и зашипел. Возможно, он понял больше, чем я думал. Босс слегка вздрогнул, но промолчал. Он протянул мне кошелек. Я взял его, и он показался мне очень тяжелым.

– Что это? – спросил я.

– Твоя плата. Двадцать пять сотен империалов.

– О, – только и смог сказать я, когда снова обрел дар речи.

Мы развели костер в значительном отдалении от реки и поджарили остатки мяса кетны. Не торопясь и молча поели, каждый был занят своими собственными мыслями. Лойош выбрался из-под моего плаща, чтобы лишь схватить кусочек, и снова нырнул под плащ.

Мы отдохнули и умылись после еды, после чего Маролан предложил еще немного отдохнуть.

– Одни говорят, что это дурная примета – спать, находясь на Дорогах. Другие говорят, что это просто невозможно. Третьи же вообще ничего по этому поводу не говорят. – Он пожал плечами. – Я не вижу причин рисковать и предпочел бы как следует выспаться, прежде чем мы двинемся в путь.

Потом я смотрел, как Маролан привязывает жезл к спине, чтобы иметь обе руки свободными для спуска по скале. Я размотал цепочку с левого запястья, взглянул на нее и несколько раз покачал. Она вела себя как любая другая цепочка – либо из-за того, где мы сейчас находились, либо сейчас ей просто нечего было делать. Я снова убрал ее, подумал было о том, чтобы попробовать, как сказал Маролан, применить колдовство, но передумал.

Я заметил, что Маролан смотрит на меня.

– Ты дал ей имя? – спросил он.

– Цепочке? Нет. А какое имя подходящее?

– Что она делает?

– Прежде она действовала как защита против всего, что чародей в меня швырял. Как насчет Разрушителя Чар?

Маролан пожал плечами и не ответил.

– *Мне нравится, босс.*

– Ладно. Пусть так и будет. Мне слишком трудно всерьез относиться к тому, чтобы дать имя куску цепочки.

– Пусть будет так, – сказал Маролан.

Я кивнул, снова обернул Разрушитель Чар вокруг запястья и встал. Мы пошли назад к водопаду, и по мере приближения его шум снова начал заглушать наши голоса. Я заметил почти у самого обрыва постамент, на котором было высечено изображение атиры. Маролан привязал один конец веревки к этому постаменту, что, возможно, кому-то могло бы показаться дурным вкусом.

Веревка казалась тонкой и была очень длинной. Он сбросил другой ее конец с обрыва. У меня пересохло во рту.

– Выдержит? – спросил я.

– Да.

– Ладно.

– Я пойду первым, – сказал Маролан.

– Ладно. Спускайся и постарайся их задержать, пока я не заряжу баллисту.

Он повернулся спиной к водопаду, схватился за веревку и начал спускаться вниз. У меня возникло мимолетное желание обрезать веревку и смыться, но вместо этого я крепко ухватился за нее и приготовился к спуску. Я повернулся и крикнул, перекрывая рев водопада:

– Что-нибудь еще, Маролан?

Его голос был едва слышен, но, кажется, он сказал:

– Будь осторожен, здесь сыро.

Я оставил полученные за работу деньги дома и отправился к Груффу. По дороге я думал о том, что буду там делать. Первой моей мыслью было найти мой объект, подождать, когда он выйдет, и убить его. Сейчас подобный план кажется мне не таким уж и плохим, поскольку вид смерти приводит свидетелей в замешательство относительно ее виновника. Но меня беспокоило, что, будучи человеком с Востока, я скорее всего буду выделяться в толпе, что означало, что он меня заметит, что, в свою очередь, нехорошо. К тому времени, когда я дошел до места, я все еще не придумал, что делать, так что остановился в тени здания на противоположной стороне улицы, продолжая размышлять.

Два часа спустя я так ничего и не придумал, когда увидел его выходящим в компании другого драгейрианина в одежде джарега.

Лишь потому, что это показалось мне вполне уместным, я установил связь с Имперской Державой и отметил время. Я подождал, когда они окажутся на квартал впереди меня, и направился следом. Я шел за ними, пока они не подошли к дому, где, судя по всему, жил друг моей жертвы.

Моей жертвы.

К этим словам трудно было привыкнуть.

Я отбросил ненужную мысль и заметил, что Кинн и его друг, похоже, прощаются. Потом друг пошел наверх, оставив Кинна одного на улице. Казалось, мне повезло, поскольку теперь Кинн должен возвращаться домой один, что позволяло мне через несколько кварталов подойти к нему сзади и убить.

Я нащупал кинжал, висящий рядом с рапирой. Кинн внезапно начал расплываться, затем стал прозрачным и исчез.

Конечно, он телепортировался. Какая невоспитанность.

Путь телепортации можно проследить, но я был не настолько силен в волшебстве, чтобы это сделать. Нанять кого-нибудь? Кого? У Левой Руки Джарегов есть неплохие волшебники, но им нужно хорошо платить, и предупреждение Кайры все еще звучало у меня в ушах. К тому же потребовалось бы дождаться другого аналогичного случая, поскольку ни один волшебник не в состоянии работать по столь старым следам.

Я решил, что самым подходящим действием в данный момент будет выругаться, что я и сделал себе под нос. Хотелось разделаться с ним сегодня, что, если подумать, глупо, но у меня было ощущение, что деньги не стали по-настоящему моими, пока я не выполню работу и лишь тогда смогу ими воспользоваться. Я мог переехать в более приличную квартиру, мог заплатить за уроки фехтования у мастера-восточника и за уроки магии у драгейрианина, что всегда было недешево, и…

Нет, не сейчас. Сейчас я должен думать о том, как заработать деньги, а не о том, как их тратить. Я вернулся домой и стал думать.

В следующий раз, когда я буду спускаться откуда-нибудь по веревке, то, вероятно, постараюсь, чтобы это место было сухим. Кроме того, я хотел бы видеть, куда спускаюсь.

Если подумать, я бы предпочел вообще этого не делать.

Не буду гадать, как далеко было до низа. Подозреваю, что для Маролана это расстояние оказалось иным, чем для меня, и не хочу этого знать. Должен отметить, мне интересно, что бы случилось, если бы мы нанесли на веревку метки, но мы этого не сделали.

В спуске вниз не было ничего забавного. Я постоянно

соскальзывал по мокрой веревке и все время боялся свалиться на Маролана, вследствие чего мы оба рухнули бы вниз. Сначала мои ладони жгло, потом они начали болеть, а потом я перестал их чувствовать, что меня испугало. Потом я почувствовал, что у меня заболели руки. Не будем говорить уже о таких мелочах, как ссадины и ушибы на ногах и теле от ударов о камни. Мне удалось не стукаться головой слишком сильно или слишком часто, что, думаю, можно было считать почти достижением.

Дерьмо. Скажем лишь, что я остался жив.

Суть в том, что невозможно было точно определить, где на самом деле дно, поскольку не однажды, когда мои ноги находили ненадежную опору, это оказывался край массивного булыжника, и я продолжал спускаться.

В конце концов дело пошло легче, и наконец я оказался в воде, а Маролан рядом со мной. Вода была очень холодной. У меня застучали зубы, и я заметил, что и у Маролана тоже, но я слишком продрог, чтобы этому радоваться. Лойош сердито взобрался мне на плечо. Шум был все столь же оглушительным, я весь промок, а мои ладони горели огнем.

Я приставил рот к уху Маролана и крикнул:

– Что теперь?

Он кивнул головой в сторону, и мы поплыли туда. После столь неразрывной связи с веревкой было очень трудно отпустить ее, но я все же бросил ее и поплыл за ним. Лойош поднялся в воздух и полетел у меня над головой. Из-за водяного тумана, поднимаемого водопадом, дальше чем на несколько футов ничего не было видно. Однако течение было сильным и каким-то образом удерживало нас с Мароланом вместе, так что я ни разу не терял его из виду.

Я был слишком занят борьбой с течением и тем, что следил за Мароланом, чтобы как следует испугаться, но наконец мои ноги ощутили дно реки, а затем мы выбрались на берег и рухнули рядом друг с другом.

11

Моя левая рука застыла в воздухе, и какая-то часть меня осознавала, что она парит над руной. Правая рука продолжала дрейфовать в неопределенном направлении, потом тоже замерла. Она находилась прямо над вибрирующим ножом.

Пришло время сделать глубокий вдох. Затем я медленно выдохнул.

Не думаю, что когда-либо еще увижу столько мертвых тел в одном месте. Впрочем, у меня нет на это особого желания. Все они находились в разнообразных и интересных стадиях разложения. Если не возражаете, я опущу детали. Мне и до этого приходилось видеть трупы, и от их количества и разнообразия зрелище не становится более приятным. Однако должен отметить одну странность: не чувствовалось никакого запаха разложения. Собственно, подумав об этом, я понял, что единственным запахом, который я ощущал, был легкий запах серы, доносившийся откуда-то со стороны реки, которая теперь текла быстро и была покрыта белой пеной. Река была также единственным источником звука, перекатываясь через серые камни и подмывая берег.

Я почувствовал, как Лойош дрожит у меня под плащом.

– *Ты в порядке?*

– *Я живой, босс.*

Я выпрямился и посмотрел на Маролана. Казалось, он вымотался еще больше, чем я. Кроме того, он промок насквозь, как и я, и весь дрожал, как и я, что доставило мне некое извращенное удовольствие.

Наконец он заметил, что я смотрю на него. Полагаю, он догадался, о чем я думаю, поскольку хмуро уставился на меня. Он выпрямился, и я заметил, как дрожат его руки.

– Здесь волшебство не действует, – заметил он. Его голос звучал несколько странно, словно он говорил сквозь очень тонкое стекло. Не очень далеко, но и не очень близко. – Хорошо бы обсушиться.

– Ветер не слишком сильный, – сказал я. – Думаю, какое-то время придется оставаться мокрыми.

Мой голос звучал точно так же, что мне понравилось еще меньше. Мне все еще было холодно, но здесь казалось теплее, чем в реке.

– Пошли дальше, – сказал Маролан.

– После тебя, – ответил я.

Мы с трудом поднялись на ноги и огляделись по сторонам. Река позади, трупы по сторонам и туман впереди.

– Странное место, босс.

– Я это заметил.

– Ты заметил, что трупы не воняют?

– Да.

– Может быть, это душа издает запах, а поскольку у этих приятелей нет души, нет и запаха.

Я не стал спрашивать Лойоша, говорит ли он серьезно, поскольку меня это не интересовало. Маролан коснулся рукоятки меча и убедился, что жезл при нем, напомнив мне, зачем мы здесь. Он кивнул направо, я собрался с силами, и мы двинулись в путь.

Я сидел у себя дома в любимом кресле и размышлял, каким образом убить Кинна. Собственно, я хотел просто подойти и заколоть его, где бы он ни находился и кто бы ни был вокруг. Как я уже говорил, это, в общем, не самый худший вариант. Проблема в том, что он знал, что за ним охотятся, и нигде не появлялся в одиночку.

Не знаю, почему я выбрал именно заведение Груффа в качестве места, чтобы его убить, и, подумав, решил, что это ошибка. Я знал, что если бы захотел, то мог бы прикончить его в любом общественном месте, поскольку в детстве я был свидетелем нескольких убийств именно в общественном месте – в ресторане моего отца. Именно так я впервые встретился с Кайрой, но сейчас это не имеет значения.

Какое-то время я сидел, погруженный в размышления, пока Лойош не сказал:

– Послушай, босс, если хочешь отвлечься, я могу помочь.

– Иди к дьяволу, – ответил я.

Мы шли сквозь клубящийся туман, который лишь раздражал меня, пока до меня не дошло, что какое-либо заметное движение воздуха, заставляющее туман клубиться, попросту отсутствует. Я сказал об этом Маролану, который в ответ посоветовал мне заткнуться.

Я улыбнулся, потом улыбнулся еще раз, когда голая ветка хлестнула его по лицу. Выражение его лица стало еще более хмурым, и мы продолжали идти, хотя и не столь быстро. Туман был единственным, что нас окружало, за исключением земли, которая оказалась мягкой и песчаной и выглядела так, словно на ней не в состоянии что-либо расти. В тот момент, когда я пришел к этому выводу, перед нами внезапно выросла тень, которая

оказалась, деревом, таким же голым, как и предыдущее.

– Босс, почему летом деревья голые?

– Ты меня спрашиваешь? Кроме того, если бы сейчас было лето, было бы не так холодно.

– Верно.

Впереди появлялось все больше и больше деревьев, и мы обходили их, стараясь придерживаться выбранного направления. Вскоре Маролан остановился и стал разглядывать тропинку, уходящую по диагонали влево. Пошевелив челюстью, он сказал:

– Не похоже. Идем дальше.

Мы пошли дальше, и я спросил:

– Откуда ты знаешь?

– Из книги.

– Какой книги?

– Мне дали книгу, которая должна провести меня по Дорогам. Сетра мне тоже помогла.

– Кто дал тебе книгу?

– Это семейная реликвия.

– Понятно. Насколько она точна?

– Мы это узнаем, не так ли?

– Может быть, тебе было бы проще без меня, поскольку тогда Сетра могла бы подсказать?

– Я драгейрианин. Мне не позволено это знать.

– Ясно. Однако кто придумал все эти законы?

Он бросил на меня презрительный взгляд и не ответил. Мы подошли к другой тропинке, ведшей под несколько иным углом.

– Попробуем по этой, – сказал Маролан.

– Ты выучил книгу наизусть? – спросил я.

– Надеюсь, – ответил он.

Туман начал рассеиваться, и я спросил Маролана, хороший ли это признак. Он пожал плечами. Чуть позже я сказал:

– Полагаю, была серьезная причина не брать книгу с собой.

– Это не разрешается, – ответил он.

– Насколько я понимаю, все наше путешествие никем не разрешено.

– Так зачем же делать еще хуже?

Я подумал и сказал:

– У тебя есть какие-нибудь мысли насчет того, что будет дальше?

– Мы предстанем перед Повелителями Судеб и попросим их освободить мою двоюродную сестру.

– Есть какая-нибудь серьезная причина для того, чтобы они послушались?

– То, что нам хватило дерзости об этом попросить.

– О!

Вскоре мы подошли к плоскому серому камню, лежащему посреди тропинки. Он был неправильной формы, около двух футов в ширину, четыре фута в длину и выступал примерно на шесть дюймов из земли. Маролан остановился и какое-то время его разглядывал, покусывая губу. Я дал ему немного подумать, потом спросил:

– Не хочешь рассказать мне, что это?

– Он означает выбор. В зависимости от того, с какой стороны мы его обойдем, мы пойдем тем или иным путем.

– Что, если мы просто перешагнем его?

Он бросил на меня уничтожающий взгляд и не ответил. Потом он вздохнул и обошел камень справа. Я последовал за ним. Тропинка вела дальше среди голых деревьев, и я не заметил какой-либо разницы.

Вскоре мы услышали волчий вой. Я посмотрел на Маролана. Он пожал плечами.

– В данный момент я скорее предпочту иметь дело с внешней угрозой, чем с внутренней.

Я решил не спрашивать, что он имеет в виду. Лойош нервно пошевелился на моем плече.

– У меня создается впечатление, – сказал я, – что все это подстроено специально, в качестве испытания или чего-то в этом роде.

– У меня тоже, – ответил он.

– Ты не знаешь?

– Нет.

Снова послышался вой.

– Лойош, можешь сказать, как далеко это было?

– Здесь, босс? Десять футов или десять миль. Все очень странно. Я бы чувствовал себя лучше, если бы чуял какой-нибудь запах. Здесь жутко.

– Не хочешь полетать и осмотреться?

– Нет. Я заблужусь.

– Ты уверен?

– Да.

– Ладно.

Я заметил какое-то движение справа от себя и понял, что Маролан вытащил меч. Я вытащил свой. Потом из тумана появились серые тени, которые накинулись на нас, после чего последовало жуткое мгновение отчаянной борьбы, и все кончилось. Я ничего не коснулся, и ничто не коснулось меня.

Маролан вздохнул и кивнул.

– Они не могли нас тронуть, – сказал он. – Надеюсь, это так.

Я убрал меч и вытер пот с ладоней.

– Если это самое худшее, чего мы должны опасаться, это прекрасно.

Лойош выбрался из-под моего плаща.

– Не беспокойся, – сказал Маролан, – ты ошибаешься.

Лойош объяснил мне, что ему уже больше года. Я не возражал. Он продолжал, что он уже почти совсем взрослый, и я должен разрешить ему помогать мне. Я поинтересовался, каким образом он мог бы мне помочь. Он предложил один вариант. Мне нечего было возразить, и я согласился.

На следующее утро я вернулся к Груффу. На этот раз я вошел внутрь и нашел свободный угол. Выпил кружку медового вина и снова вышел. Когда я выходил, Лойоша со мной не было.

Я обошел здание и нашел заднюю дверь. Она оказалась запертой. Я немного повозился с ней, после чего она открылась. Я очень осторожно вошел внутрь. Это было складское помещение, заполненное бочками и ящиками с бутылками, и выпивки здесь мне хватило бы на год. Из-за занавески проникал свет. Проник за нее и я, оказавшись в помещении, полном стаканов, тарелок и приспособлений для мытья посуды. Я решил, что оно не слишком удачно обставлено. Я бы разместил полки слева от сушилок и… впрочем, не важно.

Здесь никого не было, но из-за коричневого шерстяного занавеса доносился низкий гул из главного зала. Я помнил этот занавес с противоположной стороны. Я вернулся на склад, подвинул две бочки и большой ящик и спрятался.

После пяти томительных часов мы с Лойошом решили, что Кинн не появится. Если так будет продолжаться, решил я, он начнет мне сильно не нравиться. Я помассировал ноги, пока снова не почувствовал себя в состоянии ходить, надеясь, что никто не войдет. Потом я вышел через задний ход, даже ухитрившись запереть за собой дверь.

На нас нападали еще дважды: один раз что-то маленькое и летающее, а во второй раз – тиасса. Никто из них не мог нас коснуться, и оба исчезли так же, как и появились. Мы также миновали несколько развилок и перекрестков, где Маролан выбирал путь с уверенностью, которая, надеюсь, была оправданной.

Мы подошли еще к одному серому камню, и Маролан еще раз свернул направо, снова после некоторых размышлений.

– Ты так хорошо помнишь дорогу? – спросил я, Маролан не ответил.

Потом справа от нас появилось толстое старое узловатое дерево, ветка которого пересекала Дорогу футах в десяти над землей. Большая коричневая птица, в которой я узнал атиру, изучала нас одним глазом.

– Вы живые, – сказала птица.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

– Вы не отсюда.

– Что ж, я этого не знал. Мы, вероятно, свернули не в ту сторону с Ундаунтры. Мы сейчас уйдем.

– Вы не можете уйти.

– Подумай получше. Сначала ты говоришь…

– Идем, Влад, – сказал Маролан.

Возможно, у него состоялась своя небольшая беседа с атирой, а может быть, и нет. Мы прошли под веткой и продолжили свой путь. Я обернулся, но дерево и птица исчезли.

Чуть позже Маролан остановился перед очередным серым камнем. На этот раз он вздохнул, посмотрел на меня и пошел налево.

– Рано или поздно пришлось бы это сделать, – сказал он, – иначе мы никогда не дойдем до цели,

– Зловеще звучит.

– Да.

Чуть позже я спросил:

– Ты не мог бы хотя бы намекнуть, чего ожидать?

– Нет.

– Великолепно.

А потом я почувствовал, что падаю. Я начал было кричать, но остановился и понял, что все так же шагаю рядом с Мароланом. Я повернулся к нему, и в этот момент он споткнулся, и лицо его побелело. Он закрыл и открыл глаза, потряс головой, посмотрел на меня и пошел дальше.

– Тебе только что показалось, будто ты падаешь? – спросил я.

– Падаю? Нет.

– Тогда что с тобой случилось?

– Ничего такого, что стоило бы обсуждать.

Я не стал настаивать.

Еще чуть позже я ступил на зыбучий песок. Какое-то мгновение мне казалось, что это лишь повторение тех же ощущений, поскольку я в то же время осознавал, что продолжаю идти, но на этот раз наваждение не прекратилось. Маролан рядом со мной запнулся, потом сказал:

– Продолжай идти.

Я пошел, хотя какой-то части моего разума казалось, что с каждым шагом я погружаюсь все глубже. Я также ощущал панику,

исходящую от Лойоша, что ничем не могло помочь, поскольку я не знал, что именно он видит.

Мне пришло в голову, что Лойош может ощущать и мой собственный страх, так что я попытался сохранять спокойствие ради него, говоря себе, что зыбучий песок – лишь иллюзия. Вероятно, это помогло, поскольку я почувствовал, что он успокаивается, и помогло также и мне, поскольку наваждение исчезло так же, как и появилось.

Мы с Мароланом на мгновение остановились, несколько раз глубоко вздохнули и посмотрели друг на друга. Он снова покачал головой.

– Нет ли более надежного пути к Залам Судеб? – спросил я.

– В одних книгах говорится о лучших путях, чем в других, – ответил он.

– Когда мы вернемся, – сказал я, – я украду книгу о лучших путях и буду зарабатывать продажей копий.

– Их нельзя скопировать, – сказал Маролан. – Некоторые уже пытались.

– Как это может быть? Слова есть слова.

– Не знаю. Идем дальше.

Мы пошли дальше, и я уже почти успокоился, когда мы снова подошли к серому камню, и Маролан выбрал дорогу направо. На этот раз на пути у нас оказался дикий кабан, который не мог нас коснуться, а потом тсер.

Маролан снова выбрал дорогу, и мы подошли к очередному камню.

Он посмотрел на меня и спросил:

– Ну?

– Если надо… – ответил я.

Он кивнул, и мы свернули налево.

Когда я вернулся домой, ноги чувствовали меня лучше, но на душе было кисло. Я решил, что мне никогда больше не захочется появляться у Груффа. Кинн начал меня всерьез раздражать тем, что не давал с ним покончить. Я налил бокал бренди и откинулся на спинку любимого кресла, пытаясь думать.

– С этой идеей, похоже, все, Лойош.

– Можно попробовать еще раз завтра.

– Мои ноги этого не вынесут.

– Тогда что дальше?

– Не знаю. Дай подумать.

Я шагал по комнате, обдумывая возможные варианты. Я мог купить какое-нибудь волшебное заклинание, например, что-нибудь действующее на расстоянии. Но тогда кому-нибудь будет

об этом известно, и, более того, существует слишком много средств защиты от подобных вещей. Даже тогда у меня было кольцо, защищавшее от большинства попыток применить против меня волшебство, и оно стоило меньше моего недельного заработка. Пользоваться колдовством было слишком рискованно.

Яд? Снова ненадежно, если только ты не специалист. С тем же успехом можно попытаться сбросить камень ему на голову. Это могло, вероятно, сработать, но если нет – он будет предупрежден, и убить его будет намного труднее.

Нет, самым лучшим вариантом был удар мечом; я мог быть уверен в результате. Это означало, что мне нужно подобраться к нему сзади или неожиданно напасть на него. Я достал с пояса кинжал и стал его разглядывать. Это было боевое оружие, тяжелое, с относительно хорошим острием и лезвием, заточенным примерно на восемь градусов. Таким оружием хорошо нанести удар сзади в шею. Моя рапира могла с легкостью войти под подбородок, проникнув, таким образом, в мозг. И тот, и другой вариант вполне бы подошел.

Я снова отложил нож, сжал кулаки и еще немного походил по комнате.

– Что-нибудь придумал, босс?

– Думаю, да. Дай мне еще минуту подумать.

– Ладно.

Чуть позже я сказал:

– Ладно, Лойош, мы сделаем это до невозможности просто. Вот что я от тебя хочу…

Порой мы превращались в воющих маньяков, порой впадали в истерику от смеха.

Продолжай идти.

Мы умирали от голода или жажды, хотя пища или вода были совсем рядом, на обочине Дороги.

Продолжай идти.

Перед нами открывались бездны, и монстры из наших кошмаров терзали нас, наши друзья восставали против нас, наши враги смеялись нам в лицо. Возможно, не стоило бы говорить за Маролана, но его напряженная спина, сжатые зубы и бледность черт говорили о многом.

Продолжай идти. Если остановишься, тебе никогда не выбраться. Если сойдешь с Дороги, ты пропал. Иди против ветра, сквозь снежную бурю, сквозь оползни. Продолжай идти.

Тропинки пересекались, Маролан выбирал путь, мы скрежетали зубами и шли дальше. Часы? Минуты? Годы? Не знаю. И это несмотря на то что каждый раз, когда мы выбирали правую

дорогу, нам не угрожало чье-либо нападение. Однажды нас атаковал призрак белого медведя. Я четко помню, как его лапа прошла сквозь мою голову, и он был очень озадачен тем, что я этого не почувствовал, но я так и не знаю, было ли это результатом выбора пути налево или направо.

Честно говоря, не понимаю, как все это выдерживают мертвецы.

Наступил момент, когда нам пришлось остановиться на отдых, и мы поели и напились прямо перед очередным серым камнем. Я уже устал задавать глупые вопросы. Во-первых, я знал, что Маролан все равно не ответит, а во-вторых, у меня было такое чувство, что когда он в очередной раз пожмет плечами, я воткну нож ему в спину. Полагаю, что к этому времени он испытывал ко мне подобную же любовь.

Отдохнув, мы снова поднялись, и Маролан выбрал левую дорогу. Я заскрежетал зубами.

– Держишься, Лойош?

– Едва-едва, босс. А ты?

– Почти так же. Хотел бы я знать, как долго нам еще идти. А может быть, и хорошо, что не знаю.

– Да.

Однако вскоре тропинка перед нами внезапно стала шире. Маролан остановился, посмотрел на меня, и по его лицу пробежала легкая улыбка. Он с новой энергией устремился вперед, и вскоре деревья поглотил туман, который затем рассеялся, и перед нами открылась высокая каменная арка, украшенная массивной головой дракона. Наш путь вел прямо под арку.

Когда мы прошли под ней, Маролан сказал:

– Страна Мертвых.

– Я думал, именно там мы все это время и были, – сказал я.

– Нет. Это были лишь подступы к ней. Теперь, похоже, будет еще более странно…

12

Я сжал правую руку в кулак и медленно начал подносить ее к левой. Моя правая рука испытывала сопротивление, которое не было физическим. Как будто я, зная, что должен сделать, и хотел это сделать, но реальное движение требовало борьбы с невероятной усталостью. Я понял, что мне оказывает сопротивление вся Вселенная, но это мало чем могло помочь. Однако, хоть и медленно, какое-то движение все же происходило. Я должен свести руки вместе, и тогда произойдет прорыв, ради которого я готов на все что угодно.

Неудача сейчас была, в некотором смысле, невозможна. Единственным вариантом для меня был успех, иначе – безумие и смерть.

Мой правый кулак коснулся левой ладони.

К нам неторопливо приближался драгейрианин. Цвета его одежды, черный и серебряный, говорили о его принадлежности к Дому Дракона. За спиной у него висел чудовищных размеров меч. Пока мы ждали его, я посмотрел на небо, ожидая увидеть там типичные оранжево-красные облака Драгейрианской Империи. Нет, никакого неба не было. Сплошной монотонный серый цвет, без единого просвета. Я попытался было понять, как высоко висит эта пелена и из чего она состоит, но мне стало не по себе, и я бросил эту затею.

Когда пришелец оказался достаточно близко, чтобы можно было разглядеть его лицо, его выражение не показалось мне неприятным. Не думаю, что оно действительно могло быть дружелюбным, даже если бы он этого захотел – со столь плоским лбом и тонкими, словно бумага, губами. Он подошел ближе, и я увидел, что он дышит, после чего так и не смог решить, стоит ли этому удивляться.

Потом он остановился и наморщил лоб. Посмотрев на меня, он сказал:

– Ты восточник. – Он перевел взгляд на Маролана, и глаза его расширились. – А ты живой.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

– Заткнись, Влад, – огрызнулся Маролан. Затем он слегка поклонился дракону, сказав: – Мы здесь с поручением.

– Живые сюда не приходят.

– Зарика, – сказал Маролан.

Рот драгейрианина слегка дернулся.

– Это феникс, – сказал он. – И особый случай.

– Тем не менее мы здесь.

– Возможно, вы хотите обратиться с вашим вопросом к Повелителям Судеб?

– Именно это мы и собираемся сделать, – ответил Маролан.

– Вам потребуется пройти испытание.

– Конечно, – сказал Маролан.

– Что? – спросил я.

Он с презрительной усмешкой повернулся ко мне.

– Вам придется встретиться и победить чемпионов…

– Это, вероятно, шутка, – сказал я.

– Заткнись, Влад, – сказал Маролан.

Я покачал головой.

– Почему? Ты можешь назвать мне хотя бы одну причину, по которой мы должны с боем пробиваться к Повелителям Судеб, лишь для того чтобы они могли нас уничтожить, если им того захочется?

– Мы из Дома Дракона, – сказал чужак. – Мы сражаемся, потому что нам это нравится. – Он отвратительно ухмыльнулся, повернулся и пошел прочь.

Мы с Мароланом посмотрели друг на друга. Он пожал плечами, и я чуть его не задушил. Мы снова огляделись по сторонам и увидели, что нас окружают драконы. Я насчитал двенадцать. Одна из них шагнула вперед и сказала:

– Э'Баррит, – и вытащила свой меч.

– Э'Дриен, – сказал Маролан и вытащил свой. Они отсалютовали друг другу.

Я отступил на шаг и спросил:

– Ты уверен, что мы можем до них дотронуться, как и они до нас?

– Да, – сказал Маролан, поворачиваясь лицом к противнику. – Иначе это было бы нечестно.

– О, конечно. Какой же я дурак!

Они подошли друг к другу на расстояние в несколько шагов, противница Маролана посмотрела на его меч и нервно облизнула губы.

– Не беспокойся, – сказал Маролан. – Мой меч делает то, что я ему скажу.

Та кивнула и приняла нечто вроде защитной стойки, держа перед собой кинжал левой рукой. Маролан тоже вытащил кинжал. Он нанес первый удар мечом, и она отразила его. Она попыталась ударить его кинжалом в живот, но Маролан ускользнул от удара и, выведя ее из равновесия толчком меча, сильно ударил кинжалом в грудь.

Пошла кровь, Маролан отступил на шаг и отсалютовал

мечом.

Мгновение спустя я спросил Маролана:

– Я следующий или ты сам разберешься со всеми?

– Ты следующий, усатик, – сказал один из ожидавших драконов, делая шаг вперед, доставая меч и поворачиваясь ко мне.

– Прекрасно, – ответил я, выхватил метательный нож из-под плаща и метнул прямо в его горло.

– Влад! – крикнул Маролан.

– Он свое получил, – сказал я, глядя как мой противник корчится на земле футах в шести от жертвы Маролана.

Послышался лязг вытаскиваемых мечей. Я вытащил рапиру, и Лойош взлетел с моего плеча. Мне пришло в голову, что, возможно, я совершил ошибку.

Маролан выругался, и я услышал звук ударов стали о сталь. Потом двое оказались прямо передо мной. Я сделал ложные выпады им в глаза, развернулся, чтобы посмотреть, что происходит у меня за спиной, развернулся обратно и метнул три сюрикена в ближайший живот. Еще один дракон чуть не снес мне голову, но затем я рубанул ему по правой руке так, что он уже больше не мог держать меч. После этого он начал было угрожать мне кинжалом, но мое острие вошло ему прямо в грудь, и на этом для него все закончилось.

К этому моменту в моей левой руке был еще один метательный нож, который я на этот раз выхватил из-за воротника. Я воспользовался им, чтобы остановить ближайшего ко мне противника, затем атаковал другого, сделав ложный выпад почти в пределах досягаемости его меча. Его атака не достигла цели, после чего Лойош вцепился ему в лицо, а я распорол ему грудь и живот своей рапирой.

Я заметил рядом с собой какое-то движение и нанес удар в ту сторону, после чего подумал, не проткнул ли я случайно Маролана. Но нет, я проткнул кого-то другого, и для него все было кончено еще до того, как он коснулся земли. Я бросил взгляд на Маролана, сражавшегося, словно безумец, после чего услышал мысленный вопль Лойоша, присел и перекатился по земле как раз в тот момент, когда меч просвистел у меня над головой.

Я поднялся, повернулся лицом к врагу, дважды сделал ложный выпад и вспорол ему горло. Маролан сражался сразу с двумя, и я подумал было о том, чтобы помочь ему, но тут кто-то еще начал наступать на меня, и я не помню; как именно я с ним разделался, но не получил ни царапины.

Я огляделся вокруг в поисках новых мишеней, но их больше

не было: лишь раненые мертвецы и мертвые мертвецы, так сказать. Интересно, подумал я, что случилось с теми, кто умер здесь, уже будучи мертвым, так же как и с теми, кто умер здесь, будучи живым.

Маролан яростно смотрел на меня. Я не обращал на него внимания. Я вытер рапиру и убрал ее в ножны, пытаясь восстановить дыхание. Лойош вернулся ко мне на плечо, и я почувствовал свой собственный воинственный настрой, отраженный в его сознании. Маролан начал что-то говорить, но я оборвал его:

– Заткнись, ублюдок. Можешь считать этот поединок чем-то вроде забавы, но мне плевать на то, что это было испытание. Меня хотели убить. Им это не удалось. Вот и все.

Лицо его побелело, и он шагнул ко мне.

– Ты никогда ничему не учишься, не так ли? – Он поднял меч, направив его острие на меня.

Я вытянул руку.

– Убить человека, который даже не держит в руках оружия? Вряд ли это можно назвать благородным, не так ли?

Он мгновение продолжал смотреть на меня, потом сплюнул.

– Идем, – сказал он.

Я оставил свое оружие торчать в тех телах, в которых оно застряло, и последовал за Мароланом – дальше в Страну Мертвых.

Я надеялся, что прочие мертвецы, которых нам предстоит встретить, окажутся более миролюбивыми.

Бывают моменты, когда необходимо кому-то довериться. Я бы предпочел Кайру, но не знал, где она сейчас. Тогда я дал денег Крейгару и велел ему, соблюдая осторожность, купить стилет с семидюймовым лезвием. Он не стал задавать лишних вопросов.

Я проверил баланс клинка и решил, что он мне нравится. Я потратил час на то, чтобы заточить острие. Это могло бы занять и меньше времени, но я привык затачивать лезвия для овощей или мяса, а не острия для человеческих тел. Это требует иного искусства. Заточив нож, я решил покрыть лезвие черной краской и, после некоторого раздумья, проделал то же самое с рукояткой. Саму режущую кромку лезвия я оставил неокрашенной.

Когда я закончил, был уже вечер. Я снова отправился к Груффу и посадил Лойоша на окно. Заняв позицию за углом, я стал ждать.

– Ну, Лойош? Он там?

– Гм… да. Я его вижу, босс,

– Он со своим другом?

– Да. И с парочкой других.

– Ты уверен, что тебя не видно?

– Не беспокойся, босс.

– Ладно. Тогда подождем.

Я несколько раз снова продумал свой план, потом устроился поудобнее, готовясь всерьез ждать. Какое-то время я забавлялся тем, что сочинял неудачные стишки, что навело меня на мысль о восточной девушке по имени Шейла, с которой я провел несколько месяцев год назад. Она была из Южной Адриланки, где живет большинство людей, и, думаю, я привлек ее тем, что у меня были деньги и я казался крутым. Полагаю, я на самом деле крутой, если так подумать.

Так или иначе, она мне нравилась, хотя это и продолжалось недолго. Она хотела быть богатой и шикарно выглядеть, и постоянно спорила. Я старался молчать в ответ на оскорбления юнцов-драгейриан, и она во многом мне при этом помогала, поскольку единственным способом поладить с ней – было прикусить язык, когда она высказывала оскорбительные замечания по поводу драгейриан, джарегов и так далее. Какое-то время нам было очень весело вместе, но в конце концов она села на корабль, шедший к одному из островных герцогств, где хорошо платили молодым певичкам. Мне ее недоставало, но не слишком.

Мысли о ней и о наших многочасовых кутежах, когда у меня были деньги, оказались хорошим способом занять время. Я мысленно пробежался по перечню имен, которыми мы называли друг друга как-то раз, пытаясь узнать, кто из нас окажется достаточно остроумным для того, чтобы вывести другого из себя. Я уже начал впадать в меланхолию, когда Лойош сказал:

– Они уходят, босс.

– Хорошо. Давай сюда.

Он вернулся на мое плечо. Я высунул голову из-за угла. Было очень темно, но в падающем из окна свете я мог их видеть. Это действительно был мой объект. Он шел прямо в мою сторону. Снова спрятавшись за углом, я ощутил гулкий удар сердца, что-то сжалось у меня в желудке, и я почувствовал, что потею – на какое-то мгновение. Затем мой разум прояснился, и все чувства обострились. Я вытащил стилет из ножен.

– Давай, Лойош. Будь осторожен.

Он взлетел с моего плеча. Я перехватил оружие поудобнее, поскольку драгейриане выше нас. Уровень глаз Кинна находился чуть выше моей головы. Никаких проблем.

Потом я услышал:

– Что такое… уберите от меня эту тварь!

Одновременно послышался смех. Вероятно, Кинна позабавил

танец его друга с джарегом. Я вышел из-за угла. Не могу сказать, что именно делал Лойош с другом Кинна, поскольку мой взгляд был сосредоточен лишь на моей цели. Он стоял спиной ко мне, но быстро повернулся, когда я возник из аллеи.

Его глаза были на одном уровне с моим клинком, но нож и мой рукав были черными, и его взгляд встретился с моим в то короткое мгновение, когда мир вокруг меня застыл и все движения замедлились. Казалось, он был слегка удивлен.

Я не колебался. Движение моего ножа было механически точным и неотвратимым. У него не было времени на то, чтобы осознать угрозу, прежде чем стилет вонзился ему в левый глаз. Он дернулся и открыл рот, когда я для уверенности один раз повернул нож. Оставив нож в глазу, я шагнул назад в аллею и услышал звук падающего тела. Присел между двумя мусорными баками и стал ждать.

Из-за угла послышалось ругательство.

– Я оставил его, босс, и он обнаружил тело.

– Хорошо, Лойош. Жди.

Я увидел, как приятель Кинна выходит из-за угла с мечом в руке, оглядываясь по сторонам. К этому времени у меня в руке уже был другой нож. Однако я надеялся, что, зная, что где-то рядом убийца, он не будет заинтересован в том, чтобы слишком тщательно его искать. Я оказался прав. Он лишь быстро окинул взглядом аллею, после чего, вероятно, решил, что я телепортировался.

Он поспешно ушел, вероятно, чтобы сообщить своему боссу о том, что произошло. Как только Лойош сказал мне, что опасность миновала, я двинулся по аллее и быстрым шагом, но не бегом, направился домой. К тому времени, как мы попали домой, я уже не дрожал. Лойош присоединился ко мне еще раньше. Я сбросил всю одежду и проверил, нет ли на ней пятен крови. На моей куртке оказалась кровь, и я сжег ее в кухонной печи. Потом принял ванну, думая о том, как мне потратить деньги.

Наш друг, с которым мы познакомились у ворот – дракон с плоским лбом, – снова присоединился к нам. Он злобно посмотрел на меня, а я ухмыльнулся в ответ. Лойош зашипел, что, думаю, слегка лишило его присутствия духа. Он повернулся к Маролану, который выглядел несколько смущенным,

– Мой компаньон… – начал Маролан.

– Не будем об этом, – ответил тот.

– Очень хорошо.

– Следуйте за мной.

Маролан бросил на меня еще один яростный взгляд, и мы

двинулись следом за ним. Вокруг не было ни деревьев, ни камней, ни зданий. Время от времени вдалеке виднелись движущиеся фигуры. Глядя по сторонам и стараясь не смотреть на небо, я обнаружил, что все окружающее слегка смещается, словно наши шаги перемещают нас на большее расстояние, чем можно было ожидать, и положение деталей ландшафта изменялось непропорционально нашей скорости движения. Что ж, это меня не удивляло. Я снова сосредоточился на спине нашего приятеля.

Потом к нам подошел кто-то еще – женщина в ярко-пурпурном платье. Наш проводник остановился и тихо заговорил с ней, она повернулась и снова ушла.

– Босс, ты видел ее глаза?

– Нет, я не заметил. Что с ними такое?

– Они пустые, босс. Ничего. Как будто у нее нет мозга или чего-то такого.

– Интересно.

Ландшафт начал меняться. Не могу точно сказать, когда именно и как именно, но я старался не смотреть. Изменения не имели ничего общего со скоростью нашего движения, и мне это очень не нравилось. Это было очень похоже на близкую телепортацию, за исключением того, что я не испытывал никаких неприятных ощущений. Я увидел впереди сосновую рощу, а потом она вдруг исчезла. Прямо перед нами появился громадный темно-серый булыжник, но исчез, как только мы начали его обходить. Я уверен, что в какой-то момент невдалеке виднелись горы и что в следующее мгновение мы уже шли сквозь джунгли, а чуть позже где-то рядом был океан. Все это приводило даже в несколько большее замешательство, чем нападения, которым мы подверглись ранее.

Едва я начал просыхать после купания, с которого началось наше путешествие, как пошел дождь. Ненавижу мокнуть.

Дождь продолжался лишь ровно столько, сколько требовалось, чтобы досадить мне, затем мы уже шагали среди острых выступающих камней. Наша дорога, казалось, была прорублена в камне, и я догадался, что мы находимся внутри горы.

Затем перед нами появился дракон.

На следующий день я встретился с Крейгаром. Он откашлялся, посмотрел в сторону, как это умеет делать только он, и сказал:

– Я слышал, вчера один из подручных Ролаана отправился в долгий путь.

– Да? – сказал я.

– Никто не видел, кто это сделал, – продолжал он, – но я слышал, будто убийца воспользовался помощью джарега, чтобы отвлечь внимание его спутника.

– О, – сказал я.

– Я бы подумал, что это ты, Влад, – продолжал он, – но все настолько хорошо знают, что у тебя есть ручной джарег, что вряд ли ты мог пойти на подобную глупость.

Внезапно мне стало не по себе.

– *Ручной?* – переспросил Лойош.

– *Заткнись* , – сказал я Лойошу и: – Конечно, нет, – Крейгару.

Он кивнул и сказал:

– Интересно, однако.

Чуть позже меня вызвал босс.

– Влад, – сказал он, – тебе придется на какое-то время покинуть город. Вероятно, на месяц. Тебе есть куда уехать?

– Нет, – ответил я.

Он протянул мне еще один мешочек золота.

– Найди какое-нибудь подходящее место. Развлекайся, отдыхай и не попадайся на глаза.

– Что ж, спасибо, – сказал я.

Выйдя от босса, я нашел практикующего волшебника, не имевшего связей среди джарегов, который телепортировал меня в Кэндлтаун, город на восточном побережье, известный хорошей едой и развлечениями. Я даже не зашел домой, это было бы не слишком разумно.

Трудно даже представить, насколько велик был дракон. Можно сказать, что он мог бы сожрать меня, возможно, даже за один укус. Стоит отметить, что вокруг его головы росли своеобразные щупальца, каждое толщиной с мое бедро. Следует также добавить, что он был примерно футов в восемнадцать ростом и намного больше в длину. Но если вы никогда не видели вблизи ничего подобного, то просто не в состоянии себе этого представить.

Лойош нырнул под мой плащ. Я был готов последовать за ним. Маролан застыл рядом со мной, чего-то ожидая. Рука его не лежала на рукоятке меча, так что я не касался своей рапиры.

Так или иначе, чем может помочь рапира против дракона?

– ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, ЧУЖЕЗЕМЦЫ.

Что я могу сказать? Эти слова не прозвучали вслух, но, боги, я почувствовал грохот внутри черепной коробки. Ранее, когда с нами беседовала атира, у меня сложилось впечатление, что она ведет два одновременных, но различных разговора с Мароланом и

мной. На этот раз, похоже, мы оба слышали одно и то же. Если я когда-нибудь смогу понять сущность пси-общения, я, вероятно, свихнусь.

– Приветствую тебя, дракон, – сказал Маролан.

Один глаз дракона смотрел на меня, другой, по-видимому, на Маролана.

– ВЫ ЖИВЫЕ, – сказал он.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

– Мы здесь с поручением, – сказал Маролан.

– К КОМУ?

– К леди Алире, из Дома Дракона.

– КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭТО ИМЕЕТ ДЛЯ МЕНЯ?

– Не знаю. Имеет ли для тебя значение Дом Дракона, лорд Дракон? – Послышалось нечто вроде смешка.

– ДА, – сказал дракон.

– Алира э'Кайран – наследница трона от Дома Дракона, – сказал Маролан.

Это было для меня новостью. Я уставился на Маролана, пытаясь осознать последствия только что сказанного.

Дракон повернул голову, так что оба его глаза были теперь направлены на Маролана. Затем он спросил:

– ГДЕ СЕЙЧАС НАХОДИТСЯ ЦИКЛ?

– Сейчас правит Феникс, – ответил Маролан.

– МОЖЕТЕ ПРОЙТИ, – сказал дракон.

Он повернулся кругом (что было непростым мероприятием) и скрылся из виду. Я облегченно вздохнул. Лойош выбрался из-под плаща и занял свое место на моем правом плече.

Наш проводник продолжал вести нас, и вскоре мы снова оказались посреди более или менее нормального – ха! – пейзажа. Интересно, подумал я, сколько на самом деле прошло времени с момента нашего появления здесь. Наша одежда почти успела высохнуть до того, как начался дождь, и мы один раз поели. Четыре часа? Шесть?

Впереди появилось здание, вокруг которого, казалось, были люди, некоторые в одежде цветов Дома Дракона, другие в пурпурных одеяниях.

– Маролан, ты не знаешь, кто такие эти, одетые в пурпурное?

– Это слуги мертвых.

– О, неблагодарная работа.

– Так происходит с теми, кто приходит на Дороги Мертвых, но не преодолевает их или умирает здесь.

Я содрогнулся, думая об убитых нами драконах.

– Это навсегда?

– Не думаю. Однако это может продолжаться несколько

тысячелетий.

Я снова содрогнулся.

– От такого быстро состаришься.

– Могу себе представить. Кроме того, это также вид наказания. Возможно, то же будет и с нами, если наша миссия не удастся.

Здание все еще находилось от нас в некотором отдалении, но можно было понять, что по размерам оно сравнимо с Императорским дворцом. Это был простой массивный куб, весь серый, без каких-либо украшений или отличительных черт. Оно было попросту уродливо.

Наш проводник указал вперед и сказал:

– Зал Судеб.

13

Я держал в руках весь мир. В какое-то мгновение наступило ощущение невероятной ясности, когда горизонт прекратил колыхаться, и я перестал слышать ритмы и пульсации. Казалось, все вокруг затаило дыхание, и мой разум пробил ткань реальности. Я почувствовал, как разум Лойоша работает в унисон с моим, словно прекрасно настроенный лант, и понял, что, кроме моего деда, он – единственное существо в мире, которое я люблю.

Зачем я все это делал?

Запах сосновых игл проник в мои мысли, и все вокруг показалось чистым и свежим. В моих глазах появились слезы, а в руках – сила.

Когда мы приблизились к зданию, оно отнюдь не показалось нам меньше. Видимо, окружающее продолжало изменяться, но я этого не замечал. Мы подошли к арке с еще одной стилизованной головой дракона, и наш проводник остановился. Он поклонился Маролану, старательно игнорируя меня.

– Нам было очень приятно, – сказал я. – Всего тебе доброго.

Он бросил на меня мимолетный взгляд и ответил:

– Да будет тебе дарована пурпурная мантия.

– Что ж, спасибо, – сказал я. – Тебе тоже.

Мы прошли под аркой и оказались в подобии внутреннего дворика, перед дверью, через которую, подозреваю, наш друг дракон мог бы пройти, не нагибаясь. Я увидел другие ведшие сюда арки, штук двадцать.

Конечно же, нет. Их было ровно семнадцать. В разных местах двора стояли несколько одетых в пурпурные мантии слуг, и один из них направлялся к нам. Он ничего не сказал, лишь поклонился обоим, повернулся и повел нас к двери.

Путь через двор был долгим. У меня была возможность обдумать все варианты, мысли о которых не доставили мне удовольствия. Когда мы оказались перед дверями, они медленно и торжественно распахнулись, и грандиозность происходящего, похоже, на меня подействовала, хотя я был к этому готов.

– Позаимствовали один из твоих трюков, – сказал я Маролану.

– Эффектно, не так ли?

– Да.

В свое время, когда распахнулись двери Черного Замка, за ними меня встретила леди Телдра. Когда перед нами распахнулись двери Зала Судеб, там стоял высокий драгейрианин

в одежде цветов Дома Лиорна – коричневая юбка до колен, камзол и сандалии – с мечом за спиной.

Он увидел меня, и глаза его сузились. Потом он посмотрел на нас обоих, и глаза его расширились: – Вы живые.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

– Добрый лиорн, – сказал Маролан, – мы хотели бы предстать перед Повелителями Судеб.

Он слегка улыбнулся.

– Да, полагаю, вы этого хотите. Что ж, следуйте за мной. Я вас немедленно представлю.

– Не могу дождаться, – пробормотал я.

Никто не ответил.

После смерти Кинна я провел две недели в Кэндлтауне, обнаружив, что мне вовсе не до развлечений и я не в силах преодолеть постоянно терзающее меня беспокойство.

Однажды, когда я сидел на берегу, постепенно пьянея, ко мне подошел официант и спросил:

– Лорд Мадьяр?

Я кивнул, поскольку это звучало достаточно близко к имени, которым я здесь пользовался. Он протянул мне запечатанный пакет, за который я одарил его щедрыми чаевыми. Там было написано: “Возвращайся” и стояла подпись босса. Несколько минут я размышлял, не подделка ли это, пока Лойош не заметил, что тот, кто знал достаточно для того, чтобы подделать письмо, знал достаточно и для того, чтобы подослать ко мне убийцу прямо сюда на пляж. Меня бросило в дрожь, но вместе с тем это убедило, что письмо подлинное.

На следующее утро я телепортировался обратно, и ничто не говорило о том, что я совершил нелепую ошибку. В течение следующих нескольких месяцев мне стало ясно, что это была вовсе не ошибка. Это была обычная политика – отослать наемного убийцу из города после того, как он кого-то прикончил, особенно во время войны. Я также узнал, что в Кэндлтаун обычно отправлялись все; иногда его даже называли Киллер-таун. Я никогда больше туда не возвращался.

Но было нечто, что я заметил сразу и до сих пор до конца не могу этого понять. Мой босс знал, что Кинна убил я, а Крейгар наверняка об этом догадывался, но не думаю, что другие даже подозревали об этом. Тогда почему все вдруг стали относиться ко мне по-другому?

Нет, ничего особенного, но те, с кем я работал, стали смотреть на меня как-то странно, словно я стал другим, – некоторые с уважением, некоторые со страхом.

Я вовсе не жалуюсь, наоборот, мне было приятно. Но я до сих пор не могу понять, то ли пошли какие-то слухи, то ли мое поведение как-то изменилось. Вероятно, и то, и другое.

Но знаете, что было еще более странно? Встречаясь с другими, работавшими на тех или иных представителей странного мира джарегов, я время от времени бросал на кого-нибудь взгляд и говорил себе: “Этот выполнил свою “работу”. Понятия не имею, откуда я это знал, и, возможно, я даже не могу гарантировать, что был прав, но я это чувствовал. И довольно часто он смотрел на меня и слегка кивал, словно и ему было что-то известно обо мне.

Мне было семнадцать, я был человеком в Драгейрианской Империи, и за эти годы я повидал всякое. Теперь я больше не был восточником, но я не был и драгейрианином, и даже джарегом. Теперь я был кем-то, кто может спокойно и хладнокровно отобрать чужую жизнь, а потом пойти и потратить деньги, и я больше не собирался жить в дерьме.

Приятное все-таки ощущение.

Идя через Зал, я думал о том, приводили ли сюда когда-либо драконов, чтобы решить их судьбу. Дело в том, что не только двери были достаточно велики для того, чтобы пропустить любого из них, но под стать им оказался и сам зал. Так или иначе, из-за здешних масштабов я чувствовал себя маленьким и незначительным, что, вероятно, имело свой смысл.

Смысл?

– Лойош, кто все-таки построил это здание?

– Ты меня спрашиваешь, босс? Не знаю. Полагаю, боги.

– Если бы я только знал, что все это означает…

– Ты заметил, что здесь нет никаких украшений? Вообще ничего.

– Гм… Ты прав, Лойош. Но, с другой стороны, какой бы настрой ты выбрал, если бы украшал этот зал?

– Это вопрос.

Зал был почти пуст, если не считать нескольких пурпурных мантий, бродивших по нему с одинаково пустыми взглядами. От их вида мне стало не по себе. Я не заметил каких-либо боковых проходов или дверей, но не думаю, что в тот момент я был слишком наблюдателен. Зал был большим и впечатляющим. Что еще я могу сказать?

– Добрый день, – послышался сзади чей-то голос.

Мы повернулись и увидели драгейрианина во всем великолепии волшебника-дракона, включая сверкающее черно-серебристое одеяние и жезл, который был выше его роста. С

сардонической улыбкой он посмотрел на Маролана. Я взглянул на своего компаньона. Глаза его расширились. Сейчас я видел Маролана мокрым, смущенным и ошеломленным. Если бы я еще увидел его испуганным, цель моей жизни была бы достигнута.

– Ты уверен, что сейчас день? – спросил я.

Он с той же сардонической усмешкой повернулся и посмотрел на меня испепеляющим взглядом. Мне в голову пришло несколько замечаний, но в данный момент я на них не решился. Возможно, это спасло мне жизнь.

– Приветствую тебя, лорд Баритт, – сказал Маролан. – Я думал, ты еще жив. Мне очень грустно узнать…

Он фыркнул.

– Здесь время течет по-другому. Несомненно, когда ты ушел, я еще не… – Он нахмурился и не закончил фразу.

Маролан показал на окружающие нас стены:

– Ты живешь в этом здании, лорд?

– Нет, я просто занимаюсь здесь исследованиями.

– Исследованиями?

– Полагаю, ты вряд ли имеешь об этом представление.

К этому времени я в достаточной степени пришел в себя, чтобы по достоинству оценить тот факт, что кто-то может, оказывается, относиться к Маролану с презрением. Маролан, с другой стороны, вовсе этого не оценил. Он выпрямился и сказал:

– Милорд, если я чем-то тебя обидел…

– Я ничего не могу сказать относительно твоего выбора товарищей по путешествию.

Прежде чем Маролан успел ответить, я сказал:

– Мне это тоже не нравится, однако…

– В моем присутствии ты должен молчать, – сказал Баритт, и я обнаружил, что не могу более произнести ни слова; казалось, у меня во рту возникла целая груша, и я почувствовал, что не могу дышать.

Я не думал, что здесь возможно колдовство. Лиорн, сопровождавший нас, шагнул вперед, но в этот момент я обнаружил, что снова могу дышать. Баритт произнес: “Джарег”, словно это было ругательство, потом сплюнул на пол передо мной и удалился прочь.

Когда он ушел, я несколько раз глубоко вздохнул и сказал:

– Я уж подумал, он ненавидит меня за то, что я восточник.

Маролан не нашелся, что возразить. Наш проводник слегка наклонил голову, из чего я заключил, что мы должны следовать за ним. Что мы и сделали.

Спустя несколько минут он привел нас к большому квадратному входу, находящемуся там, где зал заканчивался. Он

остановился рядом с ним и жестом показал, что мы должны войти. Мы поклонились ему и шагнули в другой мир.

После смерти Кинна и того, что за ней последовало, я начал медленно учиться. Я упражнялся в волшебстве, надеясь, что когда-нибудь смогу овладеть искусством телепортации, но это оказалось еще труднее, чем я предполагал.

Я никогда больше не использовал Лойоша для отвлечения внимания, но он оказался полезен в других отношениях, например, наблюдая за объектом или проверяя, что поблизости нет Стражей Феникса или других помех.

Война между Ролааном и Клинком продолжалась несколько месяцев, в течение которых все соблюдали осторожность и не выходили на улицу в одиночку. Для меня это была пора обучения. За это время я еще несколько раз “поработал”, хотя лишь однажды, насколько я знаю, моя работа оказалась непосредственным участием в войне.

Тайной, однако, оставалось то, куда уходили все мои деньги. Я давно уже должен был быть богачом. За наемные убийства хорошо платят. Теперь я жил в хорошей, уютной квартире (она была действительно хороша – с большим бело-голубым ковром и огромной кухней с встроенной дровяной печью), но она вовсе не так дорого мне обходилась. Я хорошо питался и платил кое-что за уроки магии, так же как и учителю фехтования, но все эти затраты и близко не подходили к моим общим расходам. Я не играл в азартные игры, что было любимым средством траты денег для многих джарегов. Я просто не мог понять, куда уходили деньги.

Конечно, кое-что я могу проследить. Например, я познакомился с восточной девушкой по имени Жанин, и мы провели вместе большую часть года. В самом деле удивительно, сколько можно потратить на развлечения, если только захотеть. Было также время, когда мне приходилось много платить за телепортацию – два или три раза в день в течение нескольких недель. Тогда я одновременно встречался с Жанин и Констанцией и не хотел, чтобы они узнали друг о друге. Всему этому пришел конец, поскольку после каждой телепортации мне становилось слишком плохо, и в конце концов мне было уже ни до кого из них. Надо полагать, на все это ушло немало денег, не так ли? Телепортация – удовольствие не из дешевых.

И тем не менее не могу понять, куда девались деньги. Впрочем, полагаю, на самом деле это не имеет значения.

Первым моим ощущением было то, что мы вышли наружу, и

некоторым образом это действительно так, но подобного я никогда еще не видел. На небе были звезды – такие, как показывал мне дед, и весь небосклон был усыпан ими, и их было так много…

Наконец я осознал, что у меня заболела шея и что мне холодно. Стоявший рядом Маролан все еще таращился на звезды.

– Маролан, – сказал я.

– Я забыл, как они выглядят, – ответил он.

Потом он потряс головой и огляделся по сторонам. Я сделал то же самое, и мы увидели восседавших на тронах Повелителей Судеб.

Двое из них находились прямо перед нами, другие по сторонам, образуя нечто вроде огромного круга тронов, кресел и тому подобного. Некоторые сидели группами, по двое или трое, в то время как другие, казалось, были сами по себе. Прямо передо мной, футах в пятидесяти, возвышалось громадное зеленое существо. Маролан направился к нему. Когда мы подошли ближе, я увидел, что оно покрыто чешуйчатой кожей и что у него огромные, глубоко посаженные глаза. Я понял, что это Барлан, и меня охватило неудержимое желание пасть перед ним ниц – до сих пор не могу понять почему. Я с трудом удержался.

Рядом с ним была женщина, похожая на драгейрианку, одетая в переливающуюся разными цветами мантию, с надменным лицом и волосами, напоминавшими туманную дымку. Я взглянул на ее руки – да, на каждом из ее пальцев был дополнительный сустав. Это была Богиня Демонов моих предков Вирра. Я посмотрел направо, ожидая увидеть ее сестер, которые у нее были, если верить легендам. Кажется, я их тоже увидел – одна из них невысокого роста и постоянно в тени, а у той, что рядом, волосы и кожа перетекали, словно вода. Стараясь не смотреть ни на кого из них, я подавил дрожь и заставил себя следовать за Мароланом.

Там были и другие, но я вряд ли могу их сейчас вспомнить, за исключением одного, казалось, одетого в пламя, и еще одного, который постоянно то появлялся, то исчезал. Сколько их было? Не могу сказать. Я помню нескольких, которых уже упомянул, и знаю, что были и другие. Мне до сих пор кажется, что их были тысячи, может быть, миллионы, но я не уверен, что могу полностью доверять своим ощущениям.

Маролан, похоже, направлялся куда-то между Виррой и Барланом. Когда мы к ним приблизились, мне показалось, что их гигантские размеры – лишь иллюзия. Мы остановились от них футах в пятнадцати, и они выглядели с этого расстояния большими, но вряд ли не по-человечески. По крайней мере что

касается размеров. Барлан покрыт зеленой чешуей, и у него наводящие страх огромные бледно-зеленые глаза. Волосы Вирры продолжали мерцать, а ее одежда все так же меняла цвет, форму и материал. Тем не менее они в большей степени напоминали существа, с которыми можно разговаривать, чем некоторые другие поблизости.

В этот момент они обратили на нас внимание.

Маролан поклонился, но не столь низко, как до этого Баритту. Я не пытался делать каких-либо выводов, а просто тоже поклонился, и притом почти до самой земли. Вирра перевела взгляд с одного из нас на другого, потом снова посмотрела на Барлана. Казалось, она улыбается. Относительно него сказать что-либо было трудно.

Потом она снова взглянула на нас. Когда она заговорила, ее низкий вибрирующий голос звучал очень странно. Казалось, ее слова отзываются эхом в моем мозгу, но между теми моментами, когда я слышал их ушами и когда я слышал их мысленно, не было никакого временного промежутка. В результате все, что она говорила, приобретало сверхъестественную ясность. Это было столь странное явление, что мне пришлось остановиться и запомнить ее слова:

– Это неожиданность для нас.

Барлан ничего не сказал.

Вирра повернулась к нему, потом снова к нам.

– Как вас зовут?

– Я Маролан э'Дриен, – сказал Маролан, – герцог из Дома Дракона.

Я сглотнул и сказал:

– Владимир Талтош, баронет из Дома Джарега.

– Ну-ну, – сказала Вирра. Ее странная улыбка была полна иронии. – Похоже, вы оба живые.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

Улыбка ее стала шире.

– Когда поживешь с мое… – сказала она.

– Назовите вашу миссию, – произнес Барлан.

– Мы пришли просить о жизни.

Брови Вирры взлетели вверх.

– В самом деле? Для кого?

– Для моей двоюродной сестры, – сказал Маролан, показывая на жезл.

Барлан протянул руку. Маролан шагнул вперед, подал ему жезл и отступил назад.

– Вероятно, ты очень ее любишь, – сказала Вирра, – поскольку, придя сюда, ты лишился права вернуться.

Я снова сглотнул. Думаю, Вирра это заметила, поскольку она посмотрела на меня и сказала:

– С тобой менее ясно, ибо восточникам вообще нечего здесь делать.

Я облизнул губы и воздержался от комментариев.

– Ну? – спросила Вирра, снова поворачиваясь к Маролану.

– Да?

– Стоит она твоей жизни?

– Это необходимо, – сказал Маролан. – Ее имя – Алира э'Кайран, и она наследница трона.

Вирра резко подняла голову и уставилась прямо в лицо Маролану. Есть нечто жуткое в зрелище потрясенной богини.

Помолчав, Вирра сказала:

– Значит, ее нашли.

Маролан кивнул. Вирра показала на меня.

– Это из-за нее оказался здесь этот восточник?

– Он участвовал в ее поисках.

– Понятно.

– Теперь, когда ее нашли, мы просим позволить ей возобновить жизнь с момента, когда…

– Подробности мне ни к чему, – сказала Вирра.

Маролан замолчал.

– То, о чем вы просите, невозможно, – сказал Барлан.

– В самом деле? – спросила Вирра.

– Это к тому же запрещено, – сказал Барлан.

– Еще не легче, – сказала Вирра.

– Положение, которое мы занимаем, – сказал Барлан, – налагает на нас определенные обязанности. Одна из них – поддерживать…

– Лекции мне ни к чему, – сказала Вирра. – Ты знаешь, кто такая Алира.

– Если она действительно столь важная персона, мы можем попросить созвать…

– К тому времени восточник пробудет здесь слишком долго для того, чтобы вернуться. И его маленький джарег тоже. – Я даже не среагировал на ее слова, поскольку был захвачен зрелищем пререкающихся божеств. Но я отметил, что Вирра знает о Лойоше, хотя мой друг сидел у меня под плащом,

– Это нас не касается, – сказал Барлан.

– Собрание к тому же наверняка будет скучным, – сказала Вирра.

– Ты нарушишь наши обязательства ради того, чтобы избежать скуки?

– Чтоб тебе провалиться, куриные мозги.

Барлан встал. Вирра тоже встала. Они яростно уставились друг на друга и исчезли в облаке золотистых искр.

Мало сказать, что драгейриане никогда не умели готовить, еще более удивительно, что большинство из них это признают. Вот почему восточные рестораны столь популярны, и лучший из них – заведение Валабара.

Ресторан “Валабар и сыновья” существовал уже невероятно давно. Он был здесь, в Адриланке, еще до того, как во времена Междуцарствия город стал столицей Империи. В течение столетий им владеет одна и та же семья. Та же семья людей. Судя по всем хроникам, это первый настоящий ресторан в Империи. Первое заведение, основным назначением которого было кормить посетителей, в отличие от таверн, где в числе прочего подавали и еду, или гостиниц с пансионом за отдельную плату.

Вероятно, существует некий неписаный закон, известный властям, нечто вроде: “Что бы мы с восточниками ни делали, Валабара не трогать”. Такие дела.

Внутри заведение выглядит очень просто, с белыми льняными скатертями и простой обстановкой, но без всяких украшений, которые обычны в других местах. Официанты вежливы, обходительны и очень исполнительны, и их почти так же трудно заметить, как Крейгара, когда они неслышно приближаются, чтобы вновь наполнить ваш бокал вином.

Меню здесь нет. Вместо этого официант зачитывает список того, что шеф, которого всегда называют “господин Валабар”, независимо от того, сколько Валабаров работают здесь в данный момент, намерен сегодня приготовить.

Девушка, которой я назначил вечером свидание, Мара, была самой пышной блондинкой из всех, кого я когда-либо встречал, с несколько извращенным чувством юмора, которое мне нравилось до тех пор, пока не касалось меня лично. Крейгар назначил свидание драгейрианке, имени которой я не помню, но из Дома Джарега. Она была одной из достопримечательностей местного борделя и обладала заразительным смехом.

На закуску сегодня были кубики виннеоцероса в анисовом желе, потом очень острый картофельный суп с восточным красным перцем, затем лимонный шербет, паштет из гусиной печенки, куриной печенки и печени кетны с травами и несоленым маслом, поданный с поджаренным хлебом и ломтиками малосольных огурцов. Салат был полит невероятно мягким уксусом, почти сладким, но в меру.

Крейгар взял себе свежие эскалопы с лимоном и чесночным соусом, его девица – самую крупную фаршированную капусту в

мире, Мара – утку в сливовом соусе, а я – кетну в восточном соусе с красным перцем. На десерт были пирожные, у меня – с мелко размолотыми орехами, шоколадным кремом и ломтиками апельсина. Мы взяли также бутылку “Пьярранского Тумана”, фенарианского десертного вина. Я заплатил за все, поскольку только что кое-кого убил.

Нам всем было очень весело, потом мы с Марой пошли ко мне, и я обнаружил, что ужин у Валабара возбуждает как ничто другое. Интересно, подумал я, какие бы выводы сделал из этого мой дед?

Мара устала от меня, и примерно через неделю мы расстались, но какая, собственно, разница?

– Куриные мозги? – переспросил я.

– *Тс-с,* – сказал Лойош.

– Думаю, – рассудительно произнес Маролан, – что мы умудрились создать кое-кому проблемы.

– Да.

Маролан огляделся по сторонам, я тоже. Похоже, никто из остальных не обращал на происходящее никакого внимания. Прошло несколько минут, прежде чем Вирра снова появилась в новом облаке искр. Глаза ее сверкали. За ней появился Барлан, и, как и прежде, по выражению его лица ничего нельзя было сказать. Я заметил, что Вирра держит в руке жезл.

– Идем со мной, – сказала Вирра.

Она сошла со своего трона и повела нас вокруг него, куда-то в темноту. Она молчала, и Маролан тоже молчал. Я определенно не намеревался что-либо говорить. Лойош снова спрятался под мой плащ.

Мы подошли к очень высокой стене. Какое-то время шли вдоль нее, миновав по пути еще одну или две пурпурные мантии, пока не оказались у высокой арки. Прошли под ней, и перед нами открылись уходившие в разные стороны два коридора. Вирра свернула направо, и мы последовали за ней. Вскоре коридор привел нас к большому кирпичному колодцу, в котором шумела вода.

Вирра зачерпнула рукой воду и сделала глоток. Затем, без всякого предупреждения, со всей силой ударила жезлом о край колодца.

Послышался треск, после чего меня ослепила ярко-белая вспышка и показалось, будто земля вздрогнула. Когда я снова открыл глаза, все вокруг выглядело искаженным, словно изогнутым под невероятным углом, и лишь Вирру было видно отчетливо.

Потом все пришло в норму, и я увидел фигуру драгейрианки в черно-серебряном платье Дома Дракона, вытянувшуюся на земле рядом с колодцем. Я сразу же заметил, что у нее светлые волосы, что встречается у драконов еще реже, чем у людей. Тонкие брови и привлекательные чуть раскосые глаза, которые сейчас были закрыты. Думаю, что драгейрианин счел бы ее очень привлекательной. Вирра снова опустила руку в колодец и влила немного воды в рот лежащей, как я понял, Алиры.

Потом Вирра улыбнулась нам и ушла.

Алира начала дышать.

14

Мой дед, когда учил меня фехтовать, обычно заставлял меня стоять по нескольку минут, ожидая движения его клинка, которое дало бы мне возможность атаковать. Подозреваю, он прекрасно осознавал, что учит меня не только фехтованию.

Когда наступил соответствующий момент, я был к этому готов.

Глаза Алиры распахнулись, но взгляд ее блуждал. Я решил, что живая она выглядит еще лучше, чем мертвая.

– Алира? – мягко спросил Маролан.

Ее взгляд сосредоточился на нем. Последовала пауза, прежде чем на ее лице появилось какое-то выражение; когда это произошло, она выглядела несколько озадаченной. Она начала было говорить, замолчала, откашлялась и проквакала:

– Кто ты?

– Я твой двоюродный брат, – ответил он. – Меня зовут Маролан э'Дриен. Я старший сын младшей сестры твоего отца.

– Маролан, – повторила она. – Да. Должно быть, то самое имя.

Она кивнула, словно он прошел некое испытание. Я посмотрел на лицо Маролана, но на нем, казалось, отсутствовали какие-либо чувства. Алира попыталась сесть, что ей не удалось, и ее взгляд упал на меня. Глаза ее сузились. Она повернулась к Маролану и попросила:

– Помоги мне.

Он помог ей сесть. Она огляделась по сторонам.

– Где я?

– Это Зал Судеб, – сказал Маролан.

На лице ее отразилось удивление.

– Я мертва?

– Уже нет.

– Но…

– Я объясню, – сказал Маролан.

– Объясни, – согласилась Алира.

– *Эти двое явно родственники,* – сказал я Лойошу. Он хихикнул.

– Что ты помнишь последним?

Она пожала плечами, тем же своеобразным движением, что и Маролан.

– Трудно сказать. – Она закрыла глаза. Мы молчали. Мгновение спустя она сказала: – Какой-то странный

пронзительный звук, почти на пределе слышимости. Потом пол затрясся, и потолок и стены начали прогибаться. И стало очень жарко. Я хотела телепортироваться и, помню, подумала, что не смогу это сделать достаточно быстро, а потом я увидела лицо Сетры. – Она посмотрела на Маролана. – Сетра Лавоуд. Ты ее знаешь?

– Более или менее, – ответил Маролан.

Алира кивнула.

– Я увидела ее лицо, потом мне показалось, будто я бегу по туннелю, думаю, это был сон. Впрочем, так продолжалось очень долго. Наконец я перестала бежать, и оказалось, что я лежу на белом мозаичном полу, и не могу пошевелиться, и не хочу. Не знаю, как долго я там пробыла. Потом кто-то выкрикнул мое имя – я подумала тогда, что это моя мать. Потом я почувствовала, что просыпаюсь, и услышала странный голос, зовущий меня по имени. Думаю, это был ты, Маролан, потому что потом я открыла глаза и увидела тебя.

Маролан кивнул.

– Ты спала – собственно, была мертва, – скажем так, несколько сотен лет.

Алира кивнула в ответ, и я увидел в ее глазах слезы.

– Сейчас правит возродившийся Феникс, верно? – тихо спросила она.

Маролан кивнул, видимо, поняв.

– Я говорила ему, что так и будет, – сказала она. – Великий Цикл – семнадцать Циклов. Это должен был быть возродившийся Феникс. Он не стал меня слушать. Он думал, что это конец Цикла, что может возникнуть новый. Он…

– Он создал море хаоса, Алира.

– Что?

Я решил, что “он” – имеется в виду Адрон. Я сомневался в том, что его можно найти в этих краях.

– Возможно, не столь большое, как вначале, но оно до сих пор там, где когда-то был город Драгейра.

– Когда-то был, – повторила она.

– Столица Империи теперь – Адриланка.

– Адриланка. Город на побережье, верно? Это там, где Башня Кайрана?

– Да. Когда-то она была там. Она упала в море во время Междуцарствия.

– Между… Да. Конечно. Чем все закончилось?

– Зарика из Дома Феникса вернула себе Державу, которая каким-то образом оказалась здесь, на Дорогах Мертвых. Ей было позволено вернуться. Я ей помогал, – добавил он.

– Понятно, – сказала она.

Маролан сел рядом с ней. Я сел рядом с Мароланом.

– Я не знаю, кто такая Зарика, – сказала Алира.

– Тогда она еще не родилась. Она единственная дочь Верной, и… гм… как там звали ее мужа?

– Лудин.

– Верно. Они оба погибли во время Катастрофы.

Она кивнула, потом сказала:

– Подожди. Если они оба погибли при взрыве и Зарика еще не родилась, когда это случилось, то каким образом…

Маролан пожал плечами.

– Сетра как-то с этим разобралась. Я просил ее, чтобы она объяснила, но она лишь самодовольно молчит. – Он моргнул. – У меня такое впечатление, что твое спасение было для нее вторым по важности делом, после того чтобы гарантировать появление Императора. Зарика – последний Феникс.

– Последний Феникс? И не может быть другого? Тогда Цикл прервется. Если не сейчас, то в будущем,

– Возможно, – сказал Маролан.

– Может появиться другой Феникс?

– Откуда я знаю? У нас впереди целый Цикл. Спроси снова через пару сотен лет, когда это будет иметь значение.

Судя по выражению лица Алиры, ответ ей не понравился, но она не стала возражать. Последовала тишина, потом она спросила:

– Что случилось со мной?

– Я до конца не понял, – ответил Маролан. – Сетре удалось сохранить твою душу в каком-то виде, хотя впоследствии она пропала. В конце концов – вероятно, вскоре после того, как Зарика овладела Державой – чародей-атира нашел тебя. Он изучал некромантию. Не думаю, что он понял, что попало ему в руки. Мы вышли на твой след и…

– Кто вышел на мой след?

– Сетра и я, – ответил он, глядя на ее лицо. Он быстро посмотрел на меня, потом добавил: – Другие нам тоже помогали.

Алира закрыла глаза и кивнула. Ненавижу, когда разговаривают через мою голову.

– Вам трудно было меня спасать?

Мы с Мароланом посмотрели друг на друга.

– Не о чем говорить, – сказал я.

Алира посмотрела на меня, потом еще раз, сузив глаза. Взгляд ее был жестким, словно она видела меня насквозь.

– Кто ты? – спросила она.

– Владимир Талтош, баронет из Дома Джарега.

Она покачала головой и перевела взгляд на Маролана.

– Что такое? – спросил он.

– Не важно. – Она внезапно встала, или, вернее, попыталась встать, затем снова села.

– Я хочу выбраться отсюда, – нахмурившись, сказала она.

– Думаю, они отпустят Влада. Если так, то он тебе поможет.

Алира посмотрела на меня, потом снова на Маролана.

– А ты?

– Я живой, и потому мне не позволено вернуться с Дорог Мертвых. Я должен буду остаться здесь. Алира уставилась на него.

– Попробуй только. Я первая увижу тебя мертвым.

Мне трудно в точности определить момент, когда я перестал считать себя чьим-то подручным, который иногда выполняет “работу”, и начал считать себя вольным убийцей. В частности, я работал на нескольких разных людей в течение короткого периода во время и после войны, включая самого Клинка, так что это начинало несколько запутывать мою ситуацию.

Наверняка окружающие начали думать обо мне подобным образом до того, как я понял это сам, но не думаю, чтобы мое собственное мнение изменилось, прежде чем я выработал у себя профессиональные навыки и качественный подход к работе.

Опять-таки неизвестно, когда именно это произошло, но я наверняка уже был профессионалом к тому времени, когда завершил свою седьмую работу – убил маленькую сволочь по имени Райет.

Пока я раздумывал над этим заявлением, не зная, смеяться мне или нет, до меня дошло, что Вирра нас покинула. Иными словами, мы понятия не имели, куда нам идти.

Я откашлялся. Маролан прекратил играть в гляделки с Алирой и сказал:

– Да, Влад?

– Ты знаешь, как нам найти дорогу назад – туда, где были все боги?

– Гм… Думаю, да.

– Тогда пошли.

– Зачем?

– У тебя есть другие предложения?

– Думаю, нет.

У меня возникло мимолетное искушение попробовать воды из колодца. Вероятно, к счастью, оно оказалось лишь мимолетным. Мы помогли Алире встать, и оказалось, что она

довольно невысокого роста – вряд ли выше меня, собственно говоря.

Мы направились назад тем же путем, которым пришли, поддерживая Алиру за руки с обеих сторон. У нее был очень несчастный вид. Зубы крепко сжаты, возможно, от гнева, а возможно, от боли. Глаза ее, которые вначале показались мне зелеными, на самом деле были, похоже, серыми и смотрели прямо вперед.

Мы вернулись к арке и ненадолго остановились передохнуть.

Маролан предложил Алире сесть и дать отдых ногам.

– Заткнись, – ответила Алира.

Видно было, что терпение Маролана истощается. Мое, впрочем, тоже. Мы одновременно прикусили губу, посмотрели друг на друга и чуть улыбнулись.

Мы взяли ее под руки и пошли дальше, в направлении, которое Маролан считал правильным. Мы сделали несколько шагов и остановились снова, так как Алира начала задыхаться.

– Не могу… – сказала она, и мы позволили ей опуститься на землю.

Она тяжело дышала, закрыв глаза и обратив лицо к небу, На лбу у нее выступил пот, которым, казалось, были пропитаны и ее волосы. Мы с Мароланом посмотрели друг на друга, но ничего не сказали.

С минуту спустя, когда мы все еще думали, не нанесем ли мы Алире смертельное оскорбление, если предложим ей понести ее на руках, из темноты появилась фигура, которая постепенно стала видимой в свете здешних невероятных звезд.

Он был очень высок и широкоплеч. За спиной массивный меч, и, судя по чертам лица, это был чистокровный дракон, что подтверждали и цвета его одежды, хотя ее фасон – своеобразная бесформенная куртка и мешковатые штаны, заправленные в темные кожаные сапоги – выглядел несколько странно. У него были каштановые кудрявые волосы и темные глаза. Судя по всему, можно было сказать, что он среднего возраста, вернее, умер в среднем возрасте. На лбу – задумчивые складки, сердитые морщины вокруг глаз, и, судя по форме челюсти, зубы его часто бывали крепко стиснуты.

Он разглядывал нас троих, а мы смотрели на него. Мне стало интересно, что думает о нем Маролан, но я не мог отвести взгляда от лица дракона, чтобы взглянуть на выражение лица Маролана. Я почувствовал, как внезапно участился мой пульс и ослабели колени. Пришлось несколько раз быстро сглотнуть.

Наконец он заговорил, обращаясь к Алире:

– Мне сказали, что я найду тебя здесь.

Она кивнула, но ничего не сказала. Вид ее был жалок. Маролан, который, полагаю, не привык к тому, чтобы его игнорировали, сказал:

– Приветствую тебя, милорд. Я Маролан э'Дриен.

Незнакомец повернулся к Маролану и кивнул.

– Добрый день, – сказал он. – Я Кайран.

Кайран.

Кайран Завоеватель.

Отец Драгейрианской Империи, старейшина самых благородных линий Дома Дракона, герой мифов и легенд, первый драгейрианин, устроивший крупнейшую резню людей с Востока и… что ж, я могу продолжать, но какой смысл? Вот он, собственной персоной.

Маролан уставился на него и медленно опустился на одно колено. Я не знал, куда девать взгляд.

Следует быть более осмотрительными.

Я не знаю ни одного случая, когда джарег свидетельствовал бы для Империи против джарега и остался в живых, однако до сих пор находятся идиоты, которые пытаются. “Я не такой, – говорят они. – У меня есть план. Никто не сможет меня тронуть, я под надежной защитой”. Или, возможно, все даже не столь хорошо продумано, может быть, они просто не в состоянии поверить в то, что они тоже смертны. Или им кажется, что та сумма, которую платит им Империя, стоит того, чтобы рискнуть.

Впрочем, не важно, это не мои проблемы.

Меня наняли, вероятно, через четырех посредников. Я встретился с неким типом возле бакалейной лавки, и мы поговорили, прогуливаясь вокруг квартала. Лойош сидел на моем левом плече. Занималось утро, и на улице никого не было. Парня звали Фит, и я знал, кто он такой. Когда он предложил мне заказное убийство, я знал, что это должно быть нечто крупное, поскольку он занимал достаточно высокое положение в Организации. Это означало, что он исполнял поручение какого-то действительно очень важного лица.

– Я знаю кое-кого, кто занимается подобными делами, – сказал я. – Не расскажешь мне, в чем суть?

– Между двумя нашими друзьями возникла проблема, – сказал он. Это означало – между двумя джарегами. – Дело приняло серьезный оборот, и возникли определенные сложности. – Это означало, что один из них, или оба, занимали очень высокое положение в Организации. – Один из них испугался, что у него будут неприятности, и обратился за защитой к Империи.

Я свистнул.

– Он дает официальные показания?

– Он уже сделал это сполна и собирается продолжить.

– Ого. Плохо дело.

– Мы должны похоронить этот вопрос. Если это не удастся, нас всех скоро ждут большие неприятности.

– Да, могу себе представить.

– Нам требуется серьезная работа. Повторяю – серьезная. Ты понял?

Я сглотнул.

– Думаю, да, но лучше объясни подробнее.

– Морганти.

– Так я и думал.

– Твой друг когда-нибудь имел дело с подобным?

– Какая разница?

– Полагаю, никакой. Твой друг получит любую поддержку, какая только потребуется.

– Мне нужно время подумать.

– Конечно. Сколько потребуется. Плата – десять тысяч империалов.

– ПОНЯТНО.

– Сколько времени тебе нужно на размышление?

Несколько минут я молчал. Наконец я сказал:

– Как его имя?

– Райет. Знаешь его?

– Нет.

Мы прошли еще немного, пока я думал. Вокруг шла самая обычная жизнь. Это была своеобразная, очень мирная прогулка.

– Ладно, – сказал я. – Я за это возьмусь.

– Хорошо, – сказал он. – Пошли ко мне. Я заплачу тебе и дам тебе всю необходимую информацию. Скажи, если тебе будет нужно что-то еще, мы сделаем все, что в наших силах.

– Ладно, – сказал я.

Я обнаружил, что отступаю на шаг назад от отца Драгейрианской Империи, в то время как мысли и эмоции проносились у меня в голове быстрее, чем я мог это осознать. Страх и гнев боролись за контроль над моими устами, но вместо них победил разум.

На какое-то мгновение все словно застыло. Кайран продолжал смотреть на Алиру. Что-то в их взглядах говорило о том, что они уже встречались раньше. Не знаю, как это могло быть, поскольку Кайран столь же стар, как сама Империя, а Алире меньше тысячи лет, как бы ни оценивать ее возраст.

– Что ж, – сказал Кайран, – может быть, ты встанешь?

Ее глаза вспыхнули.

– Нет, – прошипела она, – я намерена лежать здесь вечно.

Да, я знаю, что в этих словах нет шипящих звуков. И тем не менее она их прошипела.

Кайран усмехнулся.

– Очень хорошо, – сказал он. – Если ты все-таки решишь встать, ты можешь прийти и поговорить со мной.

Он начал было поворачиваться, чтобы уйти, но остановился и посмотрел прямо на меня. Почему-то я не мог взглянуть ему в глаза.

– Хочешь что-нибудь сказать?

Мой язык, казалось, застрял у меня в глотке. Я не в состоянии был произнести ни слова. Кайран ушёл.

Маролан встал. Алира тихо всхлипывала на земле. Мы с Мароланом внимательно изучали свои поясные пряжки. Наконец Алира утихла, затем чуть слышно сказала:

– Помогите мне подняться.

Мы помогли ей встать, Маролан показал направление, и мы медленно и неуверенно двинулись в путь. Лойош был непривычно молчалив.

– *Тебя что-нибудь беспокоит, приятель?* – спросил я.

– *Я просто хочу поскорее отсюда убраться, босс.*

– *Да. Я тоже.*

– Похоже, ты его узнала, – сказал я Алире.

– И ты тоже, – ответила она.

– Я?

– Да.

Какое-то время я обдумывал эту новость, затем решил не продолжать. Наконец перед нами появилась пара монументов. Мы прошли между ними и снова оказались среди тронов богов. Мы продолжали идти, стараясь не смотреть на существа, мимо которых проходили.

Чуть позже Маролан спросил:

– Что теперь?

– Ты меня спрашиваешь? – ответил я. – Погоди, я только что кое о чем подумал.

– Да?

Я огляделся по сторонам и наконец заметил проходившего мимо слугу в пурпурной мантии.

– Эй, ты, – позвал я. – Иди сюда.

Он покорно повиновался.

Я поговорил с ним, и он кивнул в ответ, не говоря ни слова, с ничего не выражающим взглядом. Он повел нас за собой,

приноравливаясь к нашей походке. Путь был долгим, и нам пришлось один или два раза останавливаться, чтобы дать отдохнуть Алире.

Наконец мы подошли к трону, на котором сидела женская фигура цвета мрамора, с глазами, словно бриллианты. В руке она держала копье. Слуга в пурпурной мантии поклонился нам и ушел.

– Живые сюда не допускаются, – произнесла богиня.

Голос ее напоминал перезвон колокольчиков. От одного его звука у меня на глазах выступили слезы. Мне потребовалось какое-то время, чтобы что-то сказать.

– Я Владимир Талтош, – наконец сказал я. – Это Маролан и Алира. Ты Кельхор?

– Да.

Маролан протянул ей диск, который дали ему котавры. Она мгновение разглядывала его, затем сказала:

– Понятно. Что ж, чего вы желаете?

– Только одного – уйти, – сказал Маролан.

– Лишь мертвые уходят отсюда, – сказала Кельхор. – И то редко.

– А Зарика? – сказал Маролан.

Кельхор покачала головой.

– Я говорила им, что это опасный прецедент, Так или иначе, к вам это не имеет никакого отношения.

– Ты можешь дать нам пищу и место для отдыха, где Алира могла бы восстановить свои силы? – спросил Маролан.

– Я могу дать вам пищу и место для отдыха, – ответила она. – Но это Страна Мертвых. Здесь она не восстановит своих сил.

– Даже сон мне поможет, – сказала Алира.

– Те, кто засыпает здесь, – сказала Кельхор, – живыми уже не просыпаются. Даже восточники, – добавила она, посмотрев на меня.

– Что ж, прекрасно, – сказал я и внезапно почувствовал себя очень усталым.

– Ты можешь хоть как-нибудь помочь нам? – спросил Маролан.

Его просьба прозвучала почти умоляюще, что в других обстоятельствах доставило бы мне удовольствие.

– Дотронься, – сказала Кельхор Алире, протягивая ей свое копье, как мне в свое время Туман.

Алира, не колеблясь, коснулась его.

Я почувствовал, что мне больше не нужно ее поддерживать. Кельхор снова подняла копье, и Алира сказала:

– Благодарю тебя.

– Теперь идите, – сказала Кельхор.

– Куда? – спросил я.

Кельхор открыла было рот, чтобы ответить, но ее опередила Алира:

– Найти Кайрана.

Я хотел сказать, что он – последний из тех, кого мне хотелось бы в данный момент видеть, но взгляд на лицо Алиры меня остановил. Она освободилась от нашей поддержки и, хотя ее слегка пошатывало, пошла прочь сама. Мы с Мароланом низко поклонились Кельхор, которую это, похоже, позабавило, и последовали за Алирой.

Алира нашла пурпурную мантию и сказала громким, ясным голосом:

– Отведи нас к Кайрану.

Я надеялся, что он не в состоянии будет это сделать, но он лишь поклонился ей и молча предложил нам следовать за собой.

15

Мне показалось, будто я слышу голос Нойш-па: “Давай, Владимир”.

– Давай, Владимир.

Фраза была длиннее, чем то мгновение, которое потребовалось мне, чтобы понять, что делать, но именно ее я помню, и именно на нее я среагировал. Это был какой-то порыв.

Ничто меня больше не сдерживало, я ни о нем больше не сожалел; все сомнения превратились в абстракцию. Я полностью сосредоточился на том, чтобы вжиться в данное мгновение, и я чувствовал себя так, как никогда прежде. Бодрость, облегчение, погружение в неизвестность – все это я сейчас испытывал. И лучше всего было то, что окончательно исчезли все сомнения. Если мне предстоит погибнуть, то что-либо предпринимать уже поздно. Все, что я до сих пор сдерживал в себе, рванулось наружу. Я почувствовал, как вытекает из меня энергия, словно кто-то выдернул пробку. В какое-то мгновение у меня промелькнула мысль, правильно ли я рассчитал время. Смерть и безумие – или успех. Третьего не дано.

Мои глаза открылись, и я увидел перед собой бедлам.

Даже если бы от этого зависела моя жизнь, я не мог бы вам сказать, как мы там очутились, но слуга в пурпурной мантии каким-то образом снова привел нас в белый коридор, пройдя по которому, мы в свое время предстали перед богами. Из него вел боковой проход, которого я прежде не заметил, и мы пошли по нему, следуя его изгибам и поворотам, пока не оказались в белой комнате, которая была пуста, если не считать множества свечей – и Кайрана.

Он стоял спиной к двери, склонив голову, и что-то делал перед одной из свечей. Когда мы вошли, он повернулся и взглянул на Алиру.

– Я вижу, ты уже на ногах.

– Да, – ответила она. – И теперь я могу объяснить, как я горжусь тем, что происхожу от того, кто издевается над чужими страданиями.

– Рад, что ты этим гордишься, Алира э'Кайран.

Она выпрямилась.

– Только не надо…

– Не пытайся меня учить, – сказал он. – Ты этого не заслужила.

– Ты уверен? – спросила она. – Я знаю тебя, Кайран. И если

ты не знаешь меня, то лишь потому, что ты слеп, каким и был всегда.

Он уставился на нее, но ни один мускул на его лице не дрогнул. Потом он перевел взгляд на меня, и я почувствовал, как мой позвоночник превращается в воду. Я ничем не выдал своих ощущений.

– Ладно, Алира, – сказал он. – Как насчет него?

– Это не твое дело, – ответила Алира.

Я наклонился к Маролану и сказал:

– Обожаю, когда обо мне говорят, как…

– Заткнись, Влад.

– *Вежливые ублюдки, однако.*

– *Знаю, босс.*

– Ты уверена, что это не мое дело? – спросил Кайран.

– Да, – ответила Алира.

Хотел бы я знать, о чем, собственно, речь.

– Что ж, – сказал Кайран, – возможно, ты ошибаешься. Не соизволишь ли присесть?

– Нет, – ответила она.

– Тогда чего ты хочешь?

Походка Алиры была еще не вполне уверенной, когда она подошла к нему. Она остановилась в шести дюймах от него и сказала:

– Чтобы загладить свою грубость, ты мог бы проводить нас отсюда.

Он улыбнулся было, но передумал и сказал:

– Я не могу отсюда уйти. Я…

– Двести тысяч лет. Разве этого недостаточно?

– Здесь не место, чтобы обсуждать…

– Спокойно. Если ты твердо решил, чтобы и впредь история шла мимо тебя, дай мне свой меч. Я сама пробью себе отсюда дорогу и найду ему достойное применение. Тебе он, может быть, больше не нужен, но я не думаю, что он до конца выполнил свою задачу.

Кайран стиснул зубы, и в глазах его полыхнуло адское пламя.

– Что ж, Алира э'Кайран, – сказал он. – Если ты считаешь, что сумеешь им воспользоваться – бери.

Если весь этот разговор выглядит для вас несколько бессмысленным, могу только сказать, что таковым он выглядел и для меня. Судя по выражению лица Маролана, и он понимал не больше меня. Но я рассказываю обо всем так, как запомнил, и вам придется этим удовлетвориться.

– Сумею, – ответила Алира.

– Тогда я поручаю тебе воспользоваться им с умом и вернуть

его на то же место, вместо того чтобы отдать кому-то другому или позволить его у тебя отобрать.

– А если нет? – спросила она, вероятно, лишь из чувства противоречия.

– Тогда я приду и заберу его.

– Возможно, – сказала Алира, – это именно то, чего я хочу.

Они какое-то время смотрели друг на друга, затем Кайран отстегнул ножны с мечом от пояса и подал Алире, Меч был чуть длиннее ее роста; мне было интересно, как она вообще сможет его держать.

Однако она взяла его без каких-либо видимых затруднений, после чего, даже не поклонившись Кайрану, просто повернулась и вышла в дверь, слегка неуверенно, но не спотыкаясь. Мы последовали за ней.

– Идем, – сказала Алира. – Мы возвращаемся домой. Все вместе. Пусть кто хочет, попытается нас остановить.

Это звучало не вполне реально, но тем не менее оставалось лучшим из предложений, которые я слышал за сегодняшний день.

Информация, которую дал мне “для начала” Фит, состояла из четырнадцати страниц пергамента, исписанных плотным почерком, вероятно, профессионального писца, хотя это казалось маловероятным. Она содержала перечень друзей Райета и сведения о том, как часто он у них бывает, его любимые заведения и что он предпочитал в них заказывать, история его пребывания в Организации (что само по себе было обвинительным документом) и тому подобное. Там хватало подробностей о его любовнице и о том, где она живет (обычай не запрещает убивать кого-либо в доме его любовницы в отличие от его собственного дома). Меня никогда не интересовало такое количество деталей о ком бы то ни было. В конце было несколько замечаний типа: “Волшебством не владеет. Хорошо владеет ножом, очень ловок. Мечом владеет плохо”. Все это не имело особого значения, но могло оказаться полезным.

С другой стороны, возможно, я бы не стал пытаться выяснять подобное обо всех своих жертвах. Конечно, убийство кого-либо с помощью оружия Морганти – дело серьезное, но любое убийство – это вопрос жизни и смерти.

В дополнение к пергаменту Фит дал мне большой кошелек, в котором было больше денег чем я когда-либо видел, в основном монетами по пятьдесят империалов.

Кроме того, он дал мне шкатулку. Едва я ее коснулся, как впервые ощутил отдаленное своеобразное глухое гудящее эхо в своем мозгу. Я вздрогнул и понял, во что только что ввязался.

Отступать, естественно, было уже поздно.

Топ-топ-топ. Вы слышите наши шаги? Мы шагаем вперед и вперед, навстречу неизвестности, к неведомым ужасам смерти, с высоко поднятой головой, с оружием наготове…

Ну и дерьмо.

Мы прокладывали путь сквозь коридоры Залов Судеб, что оказалось не так просто. То, что было прежде прямым широким коридором, каким-то образом превращалось в извилистый лабиринт узких проходов, неотличимых друг от друга. Вероятно, мы блуждали по этим коридорам часа два или три, все больше запутываясь, хотя никто из нас не хотел в этом признаться. Мы пытались делать отметки на стенах остриями мечей, все время сворачивать налево, но ничто не помогало. И, что самое странное, ни один из коридоров никуда не вел, кроме как в другие коридоры – то есть не было никаких комнат, лестниц, дверей и тому подобного.

Пурпурные мантии, которых мы просили о помощи, лишь смотрели на нас пустым взглядом. Алира пристегнула громадный меч Кайрана к спине и с мрачным видом старалась не замечать его веса. На столь же мрачном лице Маролана не отражалось каких-либо чувств. Ни мне, ни Лойошу не хотелось разговаривать. Впрочем, говорить и так было не о чем. Я начал уставать.

Мы остановились отдохнуть, прислонившись к стене. Алира попыталась сесть на пол и обнаружила, что меч на спине не дает этого сделать. Ей это не понравилось. Мне показалось, что она готова заплакать. Я, впрочем, тоже.

Мы тихо разговаривали, в основном жалуясь на судьбу.

– Ладно, – сказал наконец Маролан. – Не сработало. Придется найти богов и убедить их отпустить нас.

– Нет, – сказала Алира. – Боги не дадут тебе уйти.

– Богам незачем это делать, с этим вполне успешно справляются эти коридоры.

Алира не ответила.

– Подозреваю, – сказал Маролан, – что мы так и будем вечно блуждать здесь и никогда не найдем выхода. Мы должны обратиться к кому-то за помощью, и я думаю, никто не может помочь нам лучше, чем Вирра.

– Нет, – сказала Алира.

– Вы что, заблудились? – послышался другой голос.

Мы обернулись и снова увидели Баритта. Казалось, он чем-то доволен. Я нахмурился, но ничего не сказал.

– Кто ты? – спросила Алира.

– Это Баритт, – сказал Маролан.

– А ты? – спросил Баритт.

– Я Алира.

Глаза его расширились.

– В самом деле? Что ж, это действительно забавно. И вы пытаетесь вернуться в Страну Живых, не так ли? Что ж, хотел бы попросить вас об одолжении. Если вам это удастся и я буду все еще жив, не приходите ко мне. Боюсь, я этого не вынесу.

– Милорд, – сказала Алира, – мы…

– Да, я знаю. Ничем не могу вам помочь. Отсюда нет выхода, кроме того, который вам известен. Любой слуга может вас туда проводить. Искренне сожалею.

Он и в самом деле, похоже, испытывал сожаление, но говоря это, он смотрел на Алиру.

Алира нахмурилась, ноздри ее раздулись.

– Что ж, всего доброго, – сказала она, и мы расстались с Бариттом.

Найти пурпурную мантию в этом месте оказалось столь же трудно, как найти теклу на рынке. И действительно, слуга с готовностью согласился проводить нас обратно к богам. Казалось, для него не составило никаких проблем отыскать широкий проход. У меня промелькнула мысль, что мы могли бы просто повернуться и пойти по этому проходу туда, откуда пришли. Я не стал этого предлагать, поскольку у меня было ощущение, что это не поможет.

Мы снова прошли через ворота, где слуга нас оставил, и снова подошли к трону Вирры, Богини Демонов. Она улыбалась.

Сука.

Я мог составить большую часть своего плана, даже не покидая собственной квартиры, и уже почти решил так и поступить. Однако меня все больше и больше беспокоило все связанное с Морганти, и я решил из предосторожности проверить некоторую полученную мной информацию.

Я буду краток и лишь скажу, что все подтвердилось, но я рад, что убедился в этом сам. Его охрана, назначенная Империей, состояла из трех драконов, которые всегда находились рядом и были мастерами своего дела. Никто из них меня не заметил, когда я следовал за ними, но их присутствие меня обеспокоило, и в конце концов я послал Лойоша следить за ними, в то время как сам изучал информацию, пытаясь найти слабое место.

Проблема заключалась в том, что телохранители – из Дома Дракона. В противном случае я бы, возможно, сумел подкупить их, чтобы в нужный момент они уступили мне дорогу. Интересно, подумал я, есть ли вообще у драконов какие-либо слабости?

Что ж, предположим на мгновение, что мне это удалось. Есть ли подходящее место для того, чтобы его прикончить?

Наверняка. В западной части Адриланки, за рекой, жила женщина, у которой он любил бывать. Не знаю, есть ли лучшее время и место, чтобы пришить кого-либо, кроме как у его любовницы. Лойош произвел разведку, и оказалось, что место очень удачное – почти безлюдное ранним утром, когда он от нее уходил, но с достаточным количеством укрытий неподалеку, где можно спрятаться. Итак, если я намерен прикончить его там, что я должен сделать? Занять место возницы, который его увозил? Это потребовало бы подкупа возницы, который таким образом узнал бы об убийстве, либо нужно убить его или вывести из строя, что мне не нравилось.

Нет, должен быть лучший способ.

Он действительно существовал, и я его нашел.

– Приветствую вас снова, смертные, – сказала Вирра. – Добро пожаловать, Алира. Ты можешь покинуть эти места и восточник может уйти вместе с тобой при условии, что он никогда сюда больше не вернется. Лорд Маролан останется здесь.

– Нет, – сказала Алира. – Он вернется с нами.

Богиня продолжала улыбаться.

– Хорошо, – сказала Алира. – Объясни мне, почему он должен здесь остаться.

– Такова природа здешних мест. Живые просто не в состоянии вернуться. Возможно, он сможет стать живым мертвецом и уйти таким способом. Некоторым это удалось. Например, вы наверняка знаете Сетру Лавоуд.

– Это неприемлемо, – сказала Алира.

Вирра улыбнулась, ничего не ответив.

– Пусть будет так, – сказал Маролан.

Лицо Алиры посуровело и помрачнело.

– Это чушь. Как тогда насчет Влада? Если такова природа этих мест, он тоже не смог бы отсюда уйти. Только не говори мне, что это из-за того, что он восточник, – и ты, и я знаем, что нет никакой разницы между душой восточника и душой драгейрианина.

В самом деле? Тогда почему восточники не допускаются на Дороги Мертвых, даже если предположить, что нам этого бы хотелось? Но момент был неподходящим для того, чтобы задавать вопросы.

– По той же причине не могла бы уйти и я, – продолжала Алира. – И разве не удалось это Императрице Зарике? И как в этом смысле насчет тебя? Я знаю, что значит быть

Повелительницей Судеб, и в этом нет ничего такого, что делало бы тебя невосприимчивой к подобным воздействиям. Ты лжешь.

Улыбка исчезла с лица Вирры, и ее многосуставчатые пальцы дернулись – странный, нечеловеческий жест, который напугал меня больше, чем само ее присутствие. Я ожидал, что Алира сейчас будет уничтожена на месте, но Вирра лишь сказала:

– Мне нечего тебе объяснять, маленький дракон.

– Нет, есть, – ответила Алира, и Вирра покраснела. Интересно, подумал я, что сейчас произошло между ними? Затем Вирра чуть улыбнулась и сказала:

– Да, возможно, я должна кое-что объяснить. Прежде всего ты просто ошибаешься. Ты мало знаешь о том, что значит быть божеством. Восточники испытывают перед богами благоговейный страх, отрицая в нас все человеческое. Драгейриане же считают, что божественность – это род искусства, вроде магии, и ничего больше. И то, и другое неверно. Это объединение многих искусств и многих природных сил и включает в себя изменения во всех чертах личности. Я никогда не была человеком, но если бы я и была им когда-то, то не была бы им теперь. Я – бог. Моя кровь – кровь бога. Именно поэтому Зал Судеб не может удержать меня. Что касается Зарики, ей удалось уйти, так как Имперская Держава обладает силой даже здесь. Тем не менее мы могли остановить ее, и нам это почти удалось. Это не так просто – дать живому покинуть это место, даже тем немногим, кто смог это сделать.

Твой друг-восточник никогда не смог бы оказаться здесь без живого тела, в котором он находился. Нет, душа не имеет значения, все намного сложнее. Дело в крови. Как живой человек он смог прийти сюда, и как живой человек он сможет уйти. – Она внезапно посмотрела на меня. – Только один раз. Не возвращайся сюда, фенарианец.

Я изо всех сил пытался подавить дрожь.

– Что касается тебя, Алира… – с улыбкой продолжала Вирра.

Алира покраснела и опустила глаза.

– Я поняла.

– Да. Что касается тебя, как, возможно, уже сказали тебе твои друзья, у меня были некоторые трудности с тем, чтобы убедить некоторых позволить тебе уйти. Если бы ты не была наследницей трона, мы бы потребовали, чтобы ты осталась и твой компаньон вместе с тобой. Я ответила на твой вопрос?

Алира кивнула, не поднимая взгляда.

– Как насчет меня, босс?

Проклятие. Об этом я не подумал. Я набрался смелости и сказал:

– Богиня, я хотел бы знать…

– Твой приятель, естественно, разделит твою судьбу.

– О да. Спасибо.

– Спасибо, босс. Я почувствовал себя лучше.

– Лучше?

– Итак, вы готовы идти? – спросила Вирра. – Вам нужно отправляться в путь как можно скорее, поскольку если вы заснете, то больше не оживете снова, а имперские законы запрещают живым мертвецам занимать официальные имперские посты.

– Я не уйду без своего двоюродного брата, – сказала Алира.

– Ладно, – бросила Вирра. – Тогда ты останешься. Однако на случай, если ты передумаешь, путь отсюда ведет через арку, знакомую твоим друзьям, затем налево, мимо Цикла, и дальше. Если хочешь, можешь идти. Лорд Маролан обнаружит, как по каплям уходит из него жизнь, но он тоже может попытаться. Возможно, тебе удастся вынести отсюда его тело и отказать ему в вечном покое на Дорогах, так же как и в жизни, право на которую он уже потерял. Теперь оставьте меня.

Мы посмотрели друг на друга. Я в самом деле чувствовал себя очень усталым.

Поскольку идти было больше некуда, мы прошли мимо трона, пока не нашли арку, под которой мы впервые встретили Кайрана Завоевателя. Направо вела тропа к колодцу, который все еще манил меня, но я лучше знал, что делать. Налево вел путь к выходу – для Алиры и меня.

К своему неудовольствию, я обнаружил, что мне не хочется оставлять здесь Маролана. Если бы остаться должна была Алира, возможно, я чувствовал бы себя иначе, но выбор мне не принадлежал. Мы стояли под аркой, не двигаясь с места.

Я открыл шкатулку. Ощущение, которое я испытал, дотронувшись до нее, усилилось. Внутри лежал кинжал в ножнах. Коснуться ножен оказалось очень трудно. Коснуться рукоятки – еще труднее.

– Не нравится мне эта штука, босс.

– Мне тоже.

– Стоит ли тебе вынимать его, прежде чем…

– Да. Мне нужно знать, сумею ли я им воспользоваться. Теперь замолчи, Лойош. Мне от тебя не легче.

Я вытащил кинжал, и он атаковал мой разум. Я почувствовал, что моя рука дрожит, и заставил себя ослабить захват. Я попытался внимательнее изучить кинжал, словно любое другое оружие. Лезвие было длиной тринадцать дюймов, заточенное с одной стороны. Оно было достаточно острым. Хорошая гарда и кинжал хорошо сбалансирован. Рукоятка была матово-черной и…

Морганти.

Я держал его, пока не перестал трястись. Я никогда прежде не дотрагивался ни до чего подобного. Я чуть было не поклялся, что никогда больше до него не дотронусь, но необдуманные клятвы глупы, и я сдержался.

Но это было нечто ужасное, и я никогда не смог к подобному привыкнуть. Я знал, что некоторые постоянно носят при себе подобное оружие, и мне всегда было интересно, не сумасшедшие ли они или просто сделаны из лучшего теста, чем я.

Я заставил себя сделать несколько пробных выпадов. У меня была еловая доска, на которой я тренировался в метании ножей. Продолжая держать кинжал, левой рукой я прислонил доску к стене наверху комода. Негнущуюся правую руку с ножом я держал в некотором отдалении от левой. Вероятно, я выглядел нелепо, но Лойош не смеялся. Могу сказать, что он проявил большую смелость, не вылетев из комнаты.

Что ж, я в некотором смысле тоже.

Я метнул кинжал в доску около двух дюжин раз, пока слегка не расслабился и не смог воспринимать его просто как оружие. Мне так и не удалось попасть точно в цель, но я был к ней все ближе. Когда я наконец снова убрал кинжал в ножны, с меня градом катил пот, а рука онемела и болела.

Я снова спрятал его в шкатулку.

– Спасибо, босс. Я лучше себя чувствую.

– Я тоже. Ладно. Для завтрашнего дня все готово. Давай немного отдохнем.

Пока мы стояли, я спросил Алиру:

– Объясни мне все-таки, что в тебе такого особенного что ты можешь уйти отсюда, а Маролан – нет?

– Все дело в крови, – ответила она.

– В прямом смысле или в переносном?

Она насмешливо посмотрела на меня.

– Понимай, как хочешь.

– Гм… более конкретно нельзя?

– Нет, – ответила Алира.

Я пожал плечами. По крайней мере она не сказала, что ей нечего мне объяснять. Меня уже начала утомлять эта фраза. Перед нами была стена, и пути расходились направо и налево. Я посмотрел направо.

– Маролан, – спросил я, – ты знаешь что-нибудь о той воде, которую пила Вирра и которую она дала Алире?

– Очень мало, – ответил он.

– Ты не думаешь, что она могла бы помочь нам…

– Нет, – сказали Алира и Маролан в один голос.

Думаю, они знали больше меня, что неудивительно. Они не стали ничего объяснять, а я не настаивал. Мы еще немного постояли, затем Маролан сказал:

– Думаю, выбора нет. Идите. Оставьте меня здесь.

– Нет, – сказала Алира.

Я прикусил губу, не в силах придумать, что сказать.

– Идем, – сказал наконец Маролан. – Что бы мы ни решили, я хотел бы взглянуть на Цикл.

Алира кивнула. У меня возражений не было. Мы пошли налево.

16

Горизонт подпрыгнул и изогнулся, свеча ярко вспыхнула, нож завибрировал, и гудение в один миг превратилось в оглушающий рев.

На земле передо мной ослепительно засияла руна, и я понял, что мне страшно хочется спать. Я знал, что это означает. У меня больше не осталось энергии даже на то, чтобы поддерживать себя в бодрствующем состоянии. Я был близок к потере сознания и мог никогда не очнуться, а даже если бы и мог, то неизвестно, в здравом ли уме.

Мое зрение затуманилось, а рев в ушах превратился в монотонный звук, который, как ни странно, ничем не отличался от тишины. В последнее мгновение, перед тем как лишиться чувств, я увидел на земле, в центре руны, предмет моих желаний – ради которого, собственно, я и совершил все это, – безмятежно пребывавший там, словно он находился там все время.

На мгновение я удивился, почему не радуюсь своему успеху. Потом решил, что, вероятно, потому, что не знаю, буду ли я жив, чтобы им воспользоваться. Однако я все же ощущал определенное торжество от того, что совершил нечто, чего не совершал никто до меня, и безмятежное удовлетворение от достигнутого успеха. Я решил, что будет здорово, если это меня не убьет.

Смерть, как оказалось, всегда вносит помеху в радостные чувства по поводу какого-либо события.

Хотел бы я увидеть карту Дорог Мертвых. Ха!

Мы двинулись вдоль стены налево, и она продолжала сворачивать, пока мы не должны были оказаться возле тронов, но мы все еще находились в коридоре без потолка. Звезды куда-то исчезли, оставив после себя серую облачность, однако света, который, как я думал, они давали, не стало меньше.

Стена закончилась, и мы, похоже, оказались на нависшей над морем скале. Ближе чем в тысяче миль от Водопада у Врат Смерти не было никакого моря, но, полагаю, начиная с некоторого момента, о географической логике можно было забыть.

Какое-то время мы смотрели на темное, мрачное море и слушали его рев. Оно тянулось до бесконечности, в пространстве и во времени. Я не могу смотреть на море даже на моей родине, не думая о тех, кто может жить за ним. Какую жизнь они ведут? Лучше, чем наша? Хуже? Столь похожую, что нет никакой разницы? Столь непохожую, что мне там было бы не выжить? На

что это похоже? Как они живут? Какие у них кровати? Мягкие и теплые, как у меня, безопасные и…

– Влад!

– А… что?

– Мы собираемся идти дальше, – сказал Маролан.

– О, извините. Я немного устал.

– Я понимаю.

– Ладно, пошли… Подождите.

Я протянул руку за спину, открыл рюкзак, покопался среди бесполезных колдовских принадлежностей, которые все время таскал с собой, и нашел несколько листьев кельша. Я раздал их своим спутникам.

– Пожуйте, – сказал я.

Мы пожевали, и, хотя ничего особенного не произошло, я почувствовал, что мне уже не так хочется спать. Маролан улыбнулся.

– Спасибо, Влад.

– Мне надо было подумать об этом раньше.

– Я должен был об этом подумать, босс. Это моя работа. Извини.

– Ты тоже устал. Хочешь листик? У меня есть еще.

– Нет, спасибо. Как-нибудь обойдусь.

Мы огляделись по сторонам и вдалеке справа увидели нечто вроде большого прямоугольника. Мы направились в ту сторону. Когда подошли ближе, оказалось, что это отдельно стоящая стена примерно сорока футов в высоту и шестидесяти в ширину. Подойдя еще ближе, увидели укрепленный на ней большой круглый предмет. Мой пульс участился.

Еще чуть позже мы стояли втроем, созерцая Цикл Драгейрианской Империи.

На следующий день Райет нанял повозку возле Имперского дворца и отправился прямо к своей любовнице. Вместе с ним ехал дракон, еще один ехал рядом с возницей, а третий – верхом рядом с повозкой, или перед ней, или позади нее. Над ними летел Лойош, но это не входило в их планы.

Наблюдая за ними глазами моего друга, я восхищался их точностью, сколь бы тщетной она ни была. Ехавший наверху сошел первым, проверил обстановку и поднялся прямо в квартиру, находившуюся на втором этаже трехэтажного кирпичного дома.

Если бы вы там были, вы бы увидели, как всадник ловко спешился, в то время как возница открыл дверцу для двоих, сидящих внутри, одновременно окидывая взглядом улицу и

крыши домов. Райет и двое драконов вошли в дом вместе. Первый был уже в квартире, проверяя ее. Любовница Райета по имени Треффа кивнула дракону, продолжая выставлять на стол охлажденное вино. Казалось, она слегка нервничает, но под его взглядом она начала нервничать все больше и больше.

Когда он закончил проверку квартиры, двое других драконов доставили Райета. Треффа коротко улыбнулась и понесла вино в спальню. Райет повернулся к одному из драконов и покачал головой.

– Думаю, она устала от всего этого.

Дракон, вероятно, пожал плечами: ему было приказано охранять джарега, но ему вовсе не обязательно должно это нравиться, и я полагаю, что так оно и было. Райет прошел в спальню и закрыл дверь. Треффа подошла к двери и что-то с ней сделала.

– Что такое, детка?

– Звукоизолирующее заклятие. Я его только что купила.

Он усмехнулся.

– Они тебя беспокоят?

Она кивнула.

– Полагаю, это начинает тебя утомлять.

Она снова кивнула и налила ему и себе вина.

Когда он не появился, как обычно, через несколько часов, драконы постучали в дверь. Когда никто не ответил, они выломали дверь и обнаружили на кровати его безжизненное и лишенное души тело с торчащим из груди клинком Морганти. Их удивило, почему они не слышали ни его крика, ни того, как открылось окно. Треффа лежала рядом с ним без сознания. Они не могли понять, каким образом в вино попало снотворное, и Треффа ничем не могла им помочь.

Естественно, их подозрение пало на нее, но им так и не удалось доказать, что Треффа действительно получила деньги за его убийство. Она исчезла несколько месяцев спустя и до сих пор живет вполне неплохо, и зовут ее больше не Треффа, и я не скажу вам, где она сейчас живет.

Существует поверье, что если у кого-то хватит сил взяться за громадное колесо, изображающее Цикл, и сдвинуть его с места, время нынешнего Дома завершится и ему на смену придет следующий. Принято также считать, что требуется немало сил для того, чтобы преодолеть всю тяжесть истории, традиций и воли, заставляющих Цикл вращаться. Глядя на него, мне трудно было даже представить, что кто-то в силах просто сдвинуть это проклятое колесо.

Громадное колесо укреплено посреди стены, стоящей, в свою очередь, посреди пустого места. На колесе изображены символы всех семнадцати Домов. Наверху Феникс, следующий за ним – Дракон, а время Атиры только что миновало. Каким же потрясением должна быть реальная перемена, означавшая переход в новую фазу драгейрианской истории? В этот момент должна уйти с трона Императрица – или она может не захотеть этого, и тогда в Империи прольется кровь, пока политика и мистика снова не придут к согласию. Когда это произойдет? Завтра? Через тысячу лет?

Все, кого я спрашивал, настаивают на том, что эта штука и есть Цикл, во всех смыслах, не только его физическое воплощение. Я не могу этого понять, но если вы можете, что ж, тогда, как говорится, вам и карты в руки.

Я посмотрел на Маролана и Алиру, которые тоже с благоговейным выражением смотрели на Цикл.

– *Босс, кельша надолго не хватит.*

– *Верно, Лойош. Спасибо.*

– Ладно, ребята, – сказал я. – Пора двигаться.

Они посмотрели на меня, друг на друга, на землю, потом снова на Цикл. Никто из нас не знал, что делать. Я повернулся к ним спиной и направился обратно, в сторону моря.

Я бы не сказал, что меня часто посещает видение глаз Райета в то последнее мгновение, когда в него вонзился клинок Морганти, или его крик, когда была уничтожена его душа. Он заслужил того, что с ним случилось, вот и все.

Но я так и не смог привыкнуть к этому оружию. Оно – словно идеальный хищник, ненавидящий всех и вся, и оно с не меньшей радостью уничтожило бы и меня, как и Райета. Оружие Морганти повергает меня в страх, и мне никогда не доставит радости иметь с ним дело. Но, полагаю, это часть моей работы.

Так или иначе, еще несколько дней я испытывал угрызения совести. Нет, не из-за Райета, но каким-то образом это вновь вызвало в моей памяти мысль, которой я больше года старательно избегал: мне платят деньги за то, что я убиваю людей.

Нет, мне платили деньги за то, что я убивал драгейриан. Драгейриан, которые унижали меня более семнадцати лет. Почему я не мог за счет них сделать свою жизнь приятнее?

Лойош, должен сказать, ничем тут не мог мне помочь. У него инстинкты стервятника и лишь иногда охотника.

Я действительно не знаю, пытался ли я найти какие-то оправдания. Но спустя несколько дней я сумел выбросить ненужные мысли из головы и, честно говоря, это не сильно меня

обеспокоило.

Не знаю, может быть, когда-нибудь это начнет меня беспокоить – вот тогда и разберемся.

Не знаю, как долго я простоял, может быть, целый час, прежде чем ко мне подошли Маролан и Алира. Потом мы втроем в течение нескольких минут наблюдали за тем, как разбиваются о берег волны. Позади нас, там, откуда мы пришли, находились Дороги Мертвых и Зал Судеб. Справа от нас, за Циклом, был темный лес, через который лежал путь домой – для некоторых из нас.

– Я никуда не пойду без Маролана, – наконец сказала Алира.

– Дура, – ответил Маролан.

– И ты тоже дурак, если пришел сюда, зная, что не сможешь уйти живым.

– *Есть еще один дурак, Лойош.*

– *Еще двое.*

– Может быть, – сказал Маролан. – Но нет никакого смысла делать бесполезным все наше предприятие.

– Есть. Я так решила.

– Абсурдно убивать себя лишь потому, что…

– Я так решила. Никто, никто не будет жертвовать своей жизнью ради меня. Я не хочу этого. Мы уйдем оба или оба останемся.

С правой стороны подул холодный ветер. Там был путь домой. Я покачал головой. Маролану вряд ли стоило ожидать разумных поступков от драгейрианки, тем более дракона. Но ведь он и сам один из них.

– Возвращайся, Влад, – сказала Алира. – Спасибо за помощь, но твоя задача выполнена.

Да, Маролан дракон и драгейрианин. Кроме того, он самодовольный и неуступчивый. Почему же мне так не хотелось покидать его? Но что я еще мог сделать? Не было никакой возможности уйти вместе с ним, и я по крайней мере не видел никакого толку в бессмысленных жестах.

Маролан и Алира смотрели на меня. Я отвел взгляд.

– Иди, Влад, – повторил Маролан.

Я не сдвинулся с места.

– *Ты же слышал его, босс. Давай выбираться отсюда.*

Однако я продолжал стоять. Я хотел вернуться домой, но представить себе, что я просто попрощаюсь с Мароланом и уйду… не знаю. Это казалось мне неправильным.

С тех пор я потратил много бесплодных минут на размышления о том, что бы случилось, если бы ветер как раз в

этот момент не переменился, принеся с собой привкус соли и запах водорослей.

Мертвецы и водоросли. Я усмехнулся. Да, самое подходящее место для подобной фразы. Где же я ее впервые услышал? Ах да в баре. У Ференка. Когда пил бренди с Кайрой.

Кайра. Верно. Да, это могло бы помочь. Если бы только был способ…

Колдовство?

Я посмотрел на Маролана и Алиру.

– Это безумие, босс.

– Знаю. Но тем не менее…

– Мы даже не знаем, в том же ли самом мы мире, что и…

– Возможно, это не имеет значения.

– А если имеет? И ты представляешь, босс, скольких сил это от тебя потребует?

– Им придется нести меня на себе.

– Если у тебя не выйдет, они не смогут этого сделать.

– Знаю.

Лойош замолчал, поняв, что я на самом деле его не слушаю. Я полез в рюкзак и нашел последний лист кельша.

– Что случилось, Влад? – спросила Алира.

– Есть идея, как вытащить отсюда Маролана. Вы сможете нести меня, если я буду не в состоянии идти сам?

– Что такое? – спросил Маролан.

– Колдовство, – сказал я.

– Каким образом…

– Я собираюсь изобрести заклинание. Я не уверен, что мне это удастся.

– Я колдун. Я могу помочь?

Я поколебался, потом покачал головой.

– У меня остался еще один лист кельша. Я собираюсь сам жевать его, чтобы получить необходимую для заклинания энергию. Если ты будешь мне помогать, кто вынесет нас отсюда?

– И что же это за заклинание?

Я облизнул губы, поняв, что мне не хочется ему этого говорить.

– Почему бы и нет, босс?

– Он просто скажет, что это невозможно.

– А на самом деле?

– Выясним.

– Зачем?

– Я всегда хотел проверить себя в качестве колдуна. Вот мой шанс.

– Босс, я серьезно. Если ты отдашь этому столько сил и ничего

не получится, это…

– Убьет меня. Я знаю. Заткнись.

– И, отдав столько энергии, ты не сможешь оставаться в сознании. И…

– Хватит, Лойош.

– Не важно, – сказал я Маролану. – Ждите здесь. Мне нужно найти подходящее место. Я, вероятно, буду около Цикла, так что держитесь поодаль: не хочу, чтобы что-то меня отвлекало. Когда я закончу и если все получится, я вас найду.

– А если не получится?

– Тогда вы меня найдете.

Подкуп Треффы обошелся мне в круглую сумму, так же как звукопоглощающее заклятие и бегство с места события, поскольку я имел дело непосредственно с волшебницей, работавшей на Левую Руку, вместо того чтобы воспользоваться посредничеством Фита. Почему? Не знаю. Во всяком случае, наняв меня, он не стал бы меня убивать после того, как я сделал работу. Если бы об этом стало известно, никто больше не стал бы работать на него. Но, с другой стороны, это убийство было совершено оружием Морганти. Если бы у него был шанс чисто избавиться от меня с помощью неудачной телепортации, он, вероятно, им бы не воспользовался, но зачем вводить его в искушение?

Так или иначе, к тому времени, когда все было сказано и сделано, я потратил достаточно много, но достаточно много у меня и оставалось. На этот раз я решил не бросаться деньгами, поскольку не хотел привлекать к себе внимания. По той же самой причине я не хотел и покидать город. Это убийство вызвало большую волну, что заставило меня поволноваться, но я это пережил.

Насколько мне известно, никто так и не узнал, кто это сделал. Но тем не менее кое-кто, похоже, знал. Одним из них был Клинок, весьма неприятная личность. Несколько недель спустя я начал работать непосредственно на него – собирая дань, улаживая конфликты и наблюдая за его людьми. Я аккуратно откладывал все заработанные деньги, намереваясь вложить их в нечто, приносящее постоянный доход. Может быть, даже в нечто законное.

Примерно через месяц после того, как я начал работать на Клинка, я был в гостях у своего деда в Южной Адриланке и встретил там девушку по имени Ибронка, у которой были самые длинные, самые прямые и самые черные волосы из всех, что я когда-либо видел, и глаза, в которых можно было утонуть. Я так никуда и не вложил свои деньги.

Ну ладно.

После того как дело зашло столь далеко, пути назад для меня уже не было. Мы трое должны уйти вместе или не уйти вообще, и теперь был шанс, что нам это удастся. Если бы мне захотелось в этот момент помолиться, я бы стал молиться деду, а не Вирре, поскольку его руководство было бы сейчас более полезным.

Однако я не думаю, что он когда-либо пытался изобрести заклинание. Проклятие, если бы здесь действовала магия, мы могли бы просто отсюда телепортироваться. Нечего и думать об этом.

Я выбрал место лицом к Циклу. Почему? Точно не знаю. Оно показалось мне подходящим, что весьма существенно для практикующего колдуна.

Я начал жевать лист, расслабляясь и готовясь к действу. Когда лист выполнил свою задачу, отдав мне все, что в нем было, я его выплюнул.

Я снял рюкзак и открыл его, потом сел. Интересно, подумал я, смогут ли боги остановить меня, потом решил, что, если бы они за мной наблюдали, то сделали бы что-нибудь уже тогда, когда я начал раскладывать перед собой составляющие моего заклинания. Забавно было думать, что находишься вне пределов их досягаемости, хотя, так сказать, прямо у них на задворках.

Я разглядывал Цикл, пытаясь собрать всю свою волю.

Ожидание лишь осложняло мою задачу.

Я глубоко вздохнул и начал.

17

У меня остались смутные воспоминания о том, как какая-то маленькая девочка трясет меня за плечо со словами:

– Не засыпай. Ты умрешь, если заснешь. Не спи.

Когда я открыл глаза, рядом никого не было – вероятно, это мне снилось. С другой стороны, для того чтобы видеть сон, нужно спать, а если я спал…

Не знаю.

Хлоп, хлоп, чмок, чмок.

Я знал, что это значит. Мои глаза открылись.

– Все в порядке, – громко сказал я. – Я вернулся.

Я никогда не думал, что мне придется приложить столько усилий для того, чтобы встать. Когда это наконец удалось, я понял, что должна была ощущать Алира, и я очень пожалел, что у меня нет больше листьев кельша. Мир вращался вокруг меня. Терпеть этого не могу.

Я сделал шаг и услышал вдалеке какой-то звук. Постепенно он становился все более настойчивым, и я прислушался. Это был голос Лойоша.

– *Босс! Босс! Они в другой стороне.*

Я сумел повернуться, что оказалось вовсе не так просто, как вы можете подумать, и заковылял в направлении, указанном Лойошом. После того как, казалось, прошли часы, я нашел их там, где оставил. Маролан заметил меня первым, и я увидел, как он направился ко мне. Все его действия, казалось, происходили в замедленном темпе, так же как и у Алиры, когда она поднялась и тоже пошла ко мне. Я начал падать – как мне показалось, тоже медленно – и почувствовал, как они вдвоем подхватили меня.

– Влад, с тобой все в порядке?

Я пробормотал что-то, держась за них.

– Влад? Получилось?

Получилось? Что получилось? Ах да. Мне же нужно было кое-что сделать. Погоди, флакон… нет, он был у меня в руке. Все хорошо, Влад. Я поднял его. Темная-темная жидкость в прозрачном флаконе с резиновой пробкой.

– Что это? – спросила Алира.

Сформулировать ответ оказалось для меня слишком сложно. Я собрался с силами, посмотрел на Маролана и сказал:

– Обнажи руку.

– Которую? – спросил он.

Я покачал головой, он пожал плечами и обнажил левую руку.

– Нож, – сказал я.

Маролан и Алира, пожав плечами, обменялись взглядами, и Маролан вложил мне в левую руку нож. Я жестом предложил ему подойти ближе, и он, поколебавшись, подошел.

Я заставил себя побороть дрожь в руке, надрезая его бицепс. Протянув флакон Алире, сказал:

– Открой.

Я не мог заставить себя посмотреть на нее, хотя мысленно ругал себя за то, что не попросил ее открыть флакон до того, как сделал надрез Маролану.

Понятия не имею, как ей это удалось сделать, не уронив меня, но мгновение спустя она сказала:

– Готово.

Я схватил руку Маролана и поднес флакон к надрезу.

– Ты колдун, – сказал я. – Сделай так, чтобы жидкость проникла в твою руку.

Он озадаченно посмотрел на меня и облизнул губы. Внезапно я понял, что он решает, стоит ли мне доверять, Если бы у меня были для этого силы, я бы рассмеялся. Он думает о том, стоит ли доверять мне? Но, видимо, он все-таки решил исходить из предположения, что я знаю, что делаю. Какой все же дурак, подумалось мне. Я закрыл глаза. Алира встряхнула меня, и я снова открыл их. Когда я поднял взгляд, флакон был пуст и Маролан держал его в руке, вопросительно глядя на него. Я надеялся, что он не был нужен Кайре для чего-то важного.

– Пошли домой, – сказал я.

– Влад, – спросил Маролан, – что это все-таки было?

– Домой, – единственное, что я сумел повторить.

Последовала пауза, во время которой они, вероятно, смотрели друг на друга, затем, поддерживая меня под руки, направились в сторону леса.

Не помню, как именно я пришел к решению открыть собственное дело. Я оказался в определенной ситуации и вышел из нее наилучшим для себя образом.

Ситуации?

Что ж, когда наконец закончилась война между Клинком и Ролааном, последовал ряд случаев вымогательства. Найлар, мой первый босс, избавился от большей части того, чем владел, поскольку ему пришлось бы сражаться за то, чтобы сохранить свою собственность, и он не думал, что ему это удастся. Я отношусь к нему с уважением. Смелость – хорошее качество, но ты ничего не можешь заработать, когда мертв, и требуется определенного рода сообразительность, чтобы знать, когда стоит

отступить.

В последующие месяцы у меня было много работодателей, но когда все успокоилось, я работал на типа по имени Тагихатн, или Такишат, или что-то в этом роде. Я так ни разу и не сумел правильно произнести его имя.

Так или иначе, он никогда мне не нравился, а я никогда не нравился ему. Большую часть моего заработка составляли комиссионные с собранной дани и тому подобное, и бывало это нечасто. Я выполнил несколько заказных убийств для людей, которым известна была моя репутация, что позволяло мне жить с комфортом. Однако убийства влекут за собой и немало головной боли; я предпочитаю иметь доход от не столь рискованных дел.

Я мог уйти и найти себе работу у кого-нибудь другого, но я к тому времени провел здесь всего несколько лет и мало кого знал. Так что лучшим способом выйти из положения было – убить Тагиджатина.

– Иди. Не спи.

От земли, казалось, исходило туманное сияние или оно висело в воздухе, не знаю. Было достаточно светло. Как долго мы шли через этот лес? Кто знает? Мое чувство времени меня окончательно подвело.

– Не спи. Иди.

Время от времени мы останавливались, и Алира с Мароланом приглушенно обсуждали, куда идти дальше. Думаю, они боялись, что мы ходим кругами. Тогда Лойош говорил: “Скажи им, что нужно идти туда, босс”, и я показывал в нужном направлении. Полагаю, к этому моменту они мне уже доверяли. Одним богам известно почему.

В какое-то мгновение Маролан сказал:

– У меня странное чувство.

– Что такое? – спросила Алира.

– Я не уверен. Что-то странное.

– Влад, что ты с ним сделал?

Я покачал головой. Говорить я был просто не в силах. Кроме того, что я с ним сделал? Ах да. Судя по словам Кайры, это была кровь богини. Почему я это сделал? Потому что единственной другой возможностью было позволить Маролану умереть.

И что дальше? Что он сделал для меня? Он спас мне жизнь, но лишь потому, что я на него работал. Друг? Чушь. Только не драгейрианин. Во всяком случае, не дракон.

Тогда почему? Не важно, все уже закончилось. И, так или иначе, я слишком устал, чтобы обо всем этом думать.

– Иди. Не спи.

Чуть позже Алира сказала:

– У меня тоже появляется какое-то странное ощущение. Хочешь отдохнуть?

– Если мы остановимся, – ответил Маролан, – Влад заснет, и мы его потеряем.

Ответ, похоже, удовлетворил Алиру, что меня удивило. Но, с другой стороны, почему они прилагают столько усилий, чтобы спасти меня? Они драконы, а я был джарегом; они драгейриане, а я – человек. Я не мог найти в их поступках никакого смысла.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Алира. Я не смог ответить, но оказалось, что она обращается к Маролану.

– Не знаю, как это описать, – ответил он. – Как будто я становлюсь легче и тяжелее одновременно, и воздух другой на вкус. Интересно, что он мне дал?

– Если мы отсюда выберемся, – сказала Алира, – то сможем спросить его позже.

– Не спи. Иди.

Лес казался бесконечным.

Убить Тадишата, вероятно, оказалось самым легким делом из всех, что мне приходилось совершать. Можно было подумать, что при его способностях приобретать врагов он предпримет какие-то меры предосторожности. Но он был новичком и, вероятно, из тех, кто думает: “Со мной этого случиться не может”.

У меня для тебя есть новости, простак. Может.

Он всегда работал допоздна, занимаясь собственной бухгалтерией, чтобы быть уверенным, что никто не обманул его даже на медяк, и я просто зашел к нему однажды, когда он сидел, погрузившись в свои книги, и подкрался к нему со стилетом в руке. Он не замечал меня, пока я не оказался прямо перед ним, но было уже поздно. Никаких проблем.

К тому времени, когда обнаружили труп, я уже въехал в его контору. Почему? Не знаю. Вероятно, я просто решил, что лучше я буду работать на себя, чем на кого-то другого.

Не помню, как мы вышли из леса, но помню, как меня несли через пещеру. Маролан говорит, что я сам показал к ней дорогу, так что не знаю. Следующее мое воспоминание – я лежу на спине, глядя на оранжево-красное драгейрианское небо, и слышу, как Маролан говорит:

– Теперь я знаю, где мы.

За этим, видимо, последовала телепортация, но о ней у меня не осталось никаких воспоминаний, что и к лучшему,

Крейгар присоединился ко мне почти сразу же после того, как я унаследовал контору от Тагичатина, и, к моему удивлению и удовольствию, Найлар оказался ко мне более лояльным, чем я мог бы ожидать от бывшего босса. Конечно, вначале у меня были некоторые проблемы, так же как и у нескольких членов моей организации, которые с трудом воспринимали выходца с Востока в качестве босса.

Я изменил их мнение о себе, никого из них не убив, что, полагаю, было неплохим достижением. Собственно, никаких серьезных проблем на собственной территории у меня не было, пока некий порученец по имени Квион все не разрушил.

Сетра Лавоуд, Чародейка, Темная Леди горы Тсер, разглядывала меня из-под ресниц. Мне было интересно, почему она не спрашивает меня, что я дал Маролану, и решил, что, видимо, она догадалась сама или знала, что я не отвечу. У меня было воинственное настроение, хотя и сам не знаю почему. Возможно, это как-то связано с тем, что мне помогали выбраться с Дороги Мертвых Маролан и Алира, не знаю.

Эти двое героев закончили свое повествование и теперь наблюдали за лицом Сетры. Мы сидели в библиотеке внутри горы Тсер. Чаз подавал нам вино, часто моргая и громко причмокивая губами.

– Я довольна, – наконец сказала Сетра. – Алира, Империя требует твоего присутствия.

– Я так и поняла, – ответила Алира.

– *А мы что – жаркое из кетны?*

– *Заткнись, Лойош,* – сказал я, хотя был склонен к тому, чтобы разделить его чувства.

– И, Влад, – продолжала Сетра, – я в долгу перед тобой. И я говорю это не просто так. Если ты думаешь, что это тебе ничем не поможет, ты глупец.

– Она говорит и от моего имени, – сказал Маролан.

– Что я глупец? – спросил я.

Он не ответил.

– Я тоже тебе кое-что должна, – сказала Алира. – Может быть, когда-нибудь я смогу тебе отплатить.

Я облизнул губы. Заключалась ли в этом угроза? Если да, то почему? Они все смотрели на меня, за исключением Чаза, который, казалось, искал насекомых в углу. Я не знал, что ответить, и сказал:

– Прекрасно. Теперь я могу идти домой?

Я вернул себе большую часть денег из тех, что забрал Квион,

так что, полагаю, с этим все в порядке. Не думаю, чтобы это как-то повредило моей репутации. С тех пор я несколько раз встречал Маролана, и для драгейрианина дела у него идут неплохо. Он предлагал нам с Сетрой и Алирой собраться вместе, но я пока решил воздержаться.

Я сказал Кайре, что потерял бутылочку, но, как ни странно, ее это не слишком расстроило. Я никогда не рассказывал Маролану о том, что в ней было. Когда он об этом спрашивает, я лишь самодовольно улыбаюсь. Не знаю, может быть, как-нибудь я ему и расскажу. А может быть, и нет.